N 3
ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

МАРТЪ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул., № 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

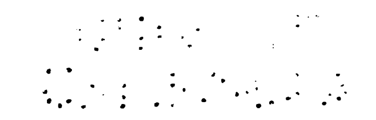
2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ.

(По архивнымъ даннымъ).

Счастливая случайность доставила въ мое распоряженіе архивное дѣло якутскаго областного управленія (по I архивной описи № 96) „О государственномъ преступникѣ Николаѣ Чернышевскомъ“, начатое 4 января 1879 года и оконченное 16 декабря 1886 года.

Этотъ промежутокъ времени обнимаетъ, собственно, лишь вторую половину пребыванія Чернышевскаго въ Вилюйскѣ, и въ дѣлѣ содержатся подлинные документы, касающіеся лишь этого промежутка; документы же, касающіеся первой половины пребыванія Чернышевскаго въ Вилюйскѣ, сгорѣли въ архивѣ якутскаго областного управленія въ ночь съ 27 на 28 декабря 1879 года; но, къ счастью, въ дѣлѣ имѣются копіи со всѣхъ важнѣйшихъ документовъ за время отъ 2 декабря 1871 года по 1879 годъ, снятыя съ подлинниковъ, хранящихся въ вилюйскомъ окружномъ полицейскомъ управленіи.

Такимъ образомъ является полная возможность возстановить всю хронологію событій со 2 дек. 1871 г. по день отъѣзда Чернышевскаго въ Астрахань.

I.

Первымъ по времени документомъ (всѣ документы этого дѣла помѣчены „секретно“ и „совершенно секретно“) является предписаніе обл. упр. отъ 2 декабря 1871 г. за № 104 вилюйскому окружному исправнику о томъ, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири распорядился о причисленіи Чернышевскаго по окончаніи имъ срока каторжныхъ работъ къ одному изъ ближайшихъ къ гор. Вилюйску селеній (наслеговъ) и о помѣщеніи его въ то зданіе (тюрьму), въ коемъ помѣщался ранѣе арестантъ № 11 (Огрызко), подъ особо строгимъ надзоромъ; распоряженіе это „послѣдовало на основаніи журнала Комитета Министровъ по настоящему

дѣлу и послѣдовавшей по оному Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи".

Неослабное и бдительное наблюденіе за Чернышевскимъ возложено было на вилюйскаго исправника, коему вмѣнялось въ обязанность „наблюдать съ особенною тщательностью и въ случаѣ проявленія какихъ-либо неблаговидныхъ и преступныхъ со стороны Чернышевскаго дѣйствій неуклонно и безотлагательно принимать къ прекращенію ихъ мѣры".

Для непосредственнаго же наблюденія за Чернышевскимъ назначены жандармскій унтеръ-офицеръ Ижевскій (прим. 1 [1]) и урядники якутскаго казачьяго полка Афанасій Поповъ и Левъ Гатиловъ.

Порядокъ наблюденія изложенъ въ слѣдующемъ документѣ:

Совершенно секретно.

ИНСТРУКЦІЯ

для наблюденія за государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ.

1.

Важность преступленій, совершенныхъ Чернышевскимъ, и значеніе, которымъ пользуется онъ въ средѣ сочувствующихъ ему поклонниковъ, вызываютъ со стороны правительства особыя мѣры для отстраненія Чернышевскому возможности побѣга и отклоненія его вреднаго вліянія на общество. Въ этихъ видахъ для поселенія Чернышевскаго по случаю окончанія опредѣленнаго ему срока каторжныхъ работъ назначается отдаленное и уединенное мѣсто Якутской области, именно г. Вилюйскъ, въ которомъ Чернышевскій долженъ помѣщаться въ томъ зданіи, гдѣ и раньше его помѣщались важные преступники.

2.

При пріемѣ Чернышевскаго отъ Нерчинскаго коменданта слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на снабженіе этого преступника вполнѣ теплою одеждою на дорогу, чтобы за недостаткомъ послѣдней не приходилось дѣлать въ пути частыхъ и продолжительныхъ остановокъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать.

3.

Чернышевскій долженъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія на почтовыхъ лошадяхъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ подъ наблюденіемъ

---

[1]) Эти примѣчанія см. въ концѣ настоящей статьи.

офицера. Одинъ изъ конвоирующихъ его жандармовъ долженъ постоянно быть бдительнымъ и въ пути сидѣть на козлахъ и во время остановокъ безотлучно находиться при преступникѣ, а другой же сидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ повозкѣ.

4.

Офицеру, назначенному для наблюденія, постоянно слѣдовать за повозкой и во время остановокъ на станціяхъ помѣщаться въ одной съ Чернышевскимъ комнатѣ.

5.

Строго наблюдать, чтобы Чернышевскій ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ не имѣлъ сообщенія и не передавалъ имъ писемъ для доставки помимо установленнаго для сего порядка.

6.

Обходиться съ Чернышевскимъ кротко и вѣжливо, но въ случаѣ явнаго со стороны его непослушанія дозволяется употреблять законныя мѣры для приведенія его въ повиновеніе.

7.

Если во время дороги Чернышевскій захвораетъ, то стараться доставить его до мѣста, гдѣ ему можетъ быть оказана медицинская помощь. Въ этомъ случаѣ помѣщать Чернышевскаго не на станціи, а на особой квартирѣ, въ которую кромѣ медика никого не допускать и при которой безотлучно находиться офицеру и, по очереди, жандармамъ.

8.

Посѣщеніе медика допускать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, предложивъ первому о ходѣ болѣзни Чернышевскаго вести скорбный листъ.

9.

Въ проѣздѣ до Иркутска въ случаѣ затрудненія испрашивать указанія по телеграфу, донося депешею о прибытіи въ Иркутскъ, Читу и Посольскъ.

10.

По прибытіи въ Иркутскъ представить преступника губернатору и, получивъ отъ него наставленіе, слѣдовать дальше.

11.

Въ Вилюйскѣ передать г. исправнику и помѣстивъ затѣмъ въ указанномъ домѣ наблюдать, чтобы Чернышевскій не выходилъ изъ своей квартиры безъ сопровожденія жандармскаго унтеръ-офицера, чтобы посторонніе лица посѣщали Чернышевскаго не иначе, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера или исправника, чтобы въ ночное время одинъ изъ конвойныхъ, по очереди, постоянно наблюдалъ Чернышевскаго, не обращая на это его вниманія, и чтобы домъ въ продолженіе ночи былъ запертъ.

12.

Вся корреспонденція Чернышевскаго, какъ подлежащая къ надзору, не можетъ быть отправляема непосредственно имъ, а должна поступать черезъ исправника на осмотръ губернатору. Изъ писемъ, адресованныхъ на имя Чернышевскаго, выдаются ему только тѣ, кои, пройдя установленную цензуру, поступятъ въ офиціальномъ порядкѣ.

13.

Въ случаѣ болѣзни пользовать Чернышевскаго на его квартирѣ черезъ мѣстнаго врача.

14.

Для содержанія Чернышевскаго имѣетъ быть назначена особая денежная сумма, размѣръ коей долженъ быть представленъ мѣстнымъ исправникомъ, сообразно съ цѣнами предметовъ продовольствія. Утвержденіе этихъ цѣнъ зависитъ отъ генералъ-губернатора.

15.

О поведеніи Чернышевскаго и его здоровьи доносить каждой почтой генералъ-губернатору и отъ него же получать разъясненія по всѣмъ случаямъ, настоящей инструкціей непредусмотрѣннымъ.

16.

Приставленный для постояннаго наблюденія за Чернышевскимъ жанд. унт.-офицеръ долженъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ и сопровождать его въ прогулкахъ и вообще при отлучкахъ изъ дому, но этотъ надзоръ онъ долженъ устроить незамѣтно, чтобы не раздражать Чернышевскаго и не придавать ему вида арестанта. Урядники даже обязаны исполнять порученія Чернышевскаго, но одинъ изъ нихъ долженъ быть всегда дома.

17.

Унтеръ-офицеръ при сопровожденіи Чернышевскаго можетъ быть въ партикулярной одеждѣ.

Подлинное подписалъ: генералъ-губернаторъ *Синельниковъ.*

Вѣрно: управляющій областью *Мацкевичъ.*

Чернышевскаго конвоировалъ адъютантъ Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія шт.-капитанъ Зейфертъ съ двумя жандармами (пр. 2). Въ Вилюйскѣ онъ оставилъ урядникамъ (за № 11 отъ 20 янв. 1872 года) слѣдующее наставленіе:

Секретно.

Урядникамъ Якутскаго казачьяго полка Льву Гатилову и Афанасію Попову.

Согласно предписанія генералъ-губернатора Восточной Сибири препровожденнаго ко мнѣ при предписаніи начальника Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія 14 ноября 1871 г. я, независимо личныхъ наставленій, предписываю Вамъ, во-первыхъ: Постоянно безотлучно одному по очереди оставаться въ домѣ при государственномъ преступникѣ Чернышевскомъ, а если не находится въ домѣ жанд. унт.-оф. Ижевскій, то вы обязаны оба быть дома и дожидаться его возвращенія и только по приходѣ его одинъ изъ васъ можетъ быть свободенъ. 2) Вести между собой очередь, кто дежурный, по днямъ, передавая жандармскому унтеръ-офицеру объ этомъ. 3) Ночью поручаю очередному дежурному заходить въ комнату, гдѣ спитъ Чернышевскій, осторожно, всегда подъ предлогомъ того—если онъ обратитъ на это вниманіе—что будто бы вы заходите убрать что-нибудь, или посмотрѣть за огнемъ, дѣлая видъ, что это случайно такъ, чтобы не подавать повода, что вы заходите для наблюденія за нимъ ночью. 4) Лицъ, съ которыми Чернышевскій будетъ вести знакомство и кто будетъ его навѣщать, конечно, только съ разрѣшенія жанд. унтеръ-офицера Ижевскаго—иначе его посѣщать никто не можетъ—записывать фамиліи этихъ знакомыхъ съ тѣмъ, чтобы жанд. унт.-оф. Ижевскій и вы всѣхъ знали, кто пожелаетъ, получивъ отъ вышеуказанныхъ лицъ на знакомство и посѣщеніе квартиры Чернышевскаго разрѣшеніе на это. 5) Вы можете исполнять порученіе Чернышевскаго, если онъ будетъ къ вамъ обращаться для закупки мелкихъ принадлежностей, съѣдобнаго, и вообще быть съ нимъ въ обращеніи предупредительными и вѣжливыми. 6) Обращать особое вниманіе на Чернышевскаго съ наступленіемъ лѣта, потому что съ наступленіемъ теплой погоды Чернышевскій, вѣроятно, захочетъ дѣлать про-

гулки по городу,—за городъ выходить для гулянья не можетъ и потому прогулки въ лѣсъ и поле въ окрестностяхъ гор. Вилюйска дѣлать воспрещается; при прогулкахъ въ городѣ съ Чернышевскимъ обязанъ ходить гулять и въ гости, если онъ будетъ заходить, исключительно унтеръ-офицеръ Ижевскій. Подлинное подписалъ: штабсъ-капитанъ *Зейфертъ*.

Денежное содержаніе Чернышевскому опредѣлено въ 12 руб. въ мѣсяцъ, причемъ оно могло быть выдаваемо лишь въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ имѣть присылокъ денегъ изъ дому или частнаго заработка.

Только успѣлъ прибыть Чернышевскій въ Вилюйскъ (день прибытія, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ; надо думать—11 января 1872 г.), какъ губернаторъ сообщаетъ [1]) исправнику, что „Чернышевскій обладаетъ способностью располагать въ свою пользу лицъ, приставленныхъ къ нему для наблюденія“, и потому исправникъ обязанъ наблюдать за жандармомъ и урядниками.

Въ апрѣлѣ 72 г. Чернышевскому, по перепискѣ исправника, увеличено содержаніе генералъ-губернаторомъ до 17 руб. 12 коп. въ мѣсяцъ.

Имѣя въ рукахъ такого „важнаго преступника“, какъ Чернышевскій, администрація страшно боялась, чтобы онъ какъ-нибудь не ускользнулъ изъ Вилюйска, и поэтому зорко слѣдила за всѣми появлявшимися въ генералъ-губернаторствѣ „подозрительными лицами“; даже о слухахъ сообщалось въ Вилюйскъ.

Такъ, 7 апрѣля 72 г. за № 14 якутское областное управленіе сообщаетъ исправнику, что, по извѣстіямъ свыше, „извѣстный революціонный дѣятель швейцарецъ Бенгаръ отправился черезъ Америку въ Сибирь для сбыта фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а, можетъ быть, и съ другими преступными цѣлями. Примѣты Бенгара: ростъ малый, совершенно лысый, этотъ Бенгаръ за участіе въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ былъ сосланъ въ каторжныя работы и помилованъ въ 1867 году. Онъ знакомъ съ государственнымъ преступникомъ Чернышевскимъ, у котораго учился русскому языку и владѣетъ имъ хорошо“. Предлагается исправнику принять мѣры къ задержанію Бенгара въ случаѣ его появленія въ округѣ.

Въ великомъ рвеніи исправникъ и охрана, очевидно, пересолили, результатомъ чего явилась крайняя нервность—„умопомѣшательство“ Чернышевскаго,—и вотъ губернаторъ отъ 4 авг. 72 г. за № 44 предписываетъ исправнику, согласно инструкціи, принять мѣры, чтобы охрана относилась къ Чернышевскому возможно „кротко и вѣжливо“ и вела себя незамѣтно, не напоминая Чернышевскому своимъ поведеніемъ, что онъ—арестантъ; урядникамъ даже ставится въ обязанность исполнять порученія Чернышев-

---

[1]) 15 дек. 71 г. № 125; губернаторомъ былъ тогда Де-Витте (пр. 3).

скаго, если они не заключаютъ ничего противузаконнаго. Но въ общемъ предписывается „строгость" и „благоразуміе".

Виновникомъ поднятія нервности Чернышевскаго явился, повидимому, жандармъ Ижевскій; съ послѣднимъ у Чернышевскаго происходили столкновенія: Чернышевскій требовалъ отъ жандарма вѣжливости („фронта"— по выраженію исправника) и того, чтобы дверь тюрьмы не запиралась ночью на замокъ; отпирали, повидимому, поздно; одинъ разъ, 14 іюля 72 г., рано утромъ (въ іюлѣ здѣсь ночи совершенно бѣлыя) Чернышевскій сталъ ломать замокъ, но не сломалъ: сторожъ проснулся; это и есть, очевидно, „умопомѣшательство". Исправникъ, впрочемъ, выгораживаетъ Ижевскаго.

Не успѣлъ исправникъ успокоиться по поводу бумаги о Бенгарѣ, какъ отъ 21 сентября 72 г. за № 59 губернаторъ пишетъ, что 7 августа въ Иркутскѣ изъ своей квартиры скрылся коллежскій секретарь Германъ Александровъ Лопатинъ (освобожденный изъ Иркутской тюрьмы въ началѣ 72 г. подъ надзоръ). Лопатинъ именовался Любовинымъ и былъ заподозрѣнъ въ намѣреніи освободить Чернышевскаго (пр. 4).

Чтобы парализовать дѣйствія Лопатина командируется въ Якутскую область адъютантъ генералъ-губернатора штабъ-ротмистръ кн. Голицынъ для провѣрки надзора за находящимися тамъ преступниками, въ томъ числѣ Чернышевскимъ и Вячеславомъ Шагановымъ [1]) (въ Сунтарскомъ улусѣ Вил. окр.). Предписывается содѣйствовать кн. Голицыну. Исправникъ доноситъ, что Лопатина въ округѣ не оказывается и бѣжать Чернышевскому нѣтъ никакой возможности.

31 іюля 73 г. за № 70 губернаторъ А. Юрьевъ опять извѣщаетъ исправника, что Лопатинъ, пойманный въ Томскѣ, вновь бѣжалъ изъ Иркутскаго окружнаго суда 13 іюля съ той же цѣлью — освобожденія Чернышевскаго. Предписывается усиленіе надзора за Чернышевскимъ. Описаны примѣты Лопатина: 26 лѣтъ, волосы русые, росту 2 арш. 6 вер., говоритъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

Исправникъ заводитъ переписку съ инородческими властями о Лопатинѣ и предписываетъ стражѣ усилить надзоръ за Чернышевскимъ.

Отъ 7 августа 73 г. за № 78 губернаторъ подтверждаетъ объ усиленіи надзора за Чернышевскимъ и принятіи мѣръ къ разысканію Лопатина. Сообщаются болѣе подробныя примѣты послѣдняго: „26 лѣтъ, лицо круглое, чистое; волосы на головѣ, бородѣ и усахъ русые, борода небольшая окладистая, волосы на головѣ зачесываетъ назадъ безъ пробора; глаза сѣрые, близорукіе,носитъ очки; ротъ и носъ небольшой, послѣдній

---

[1]) См. примѣчаніе 5.

острый; походка скорая...“ Принимаются „мѣры“ и разсылаются секретныя предписанія инородческимъ властямъ.

28 августа 73 г. за № 110 губернаторъ сообщаетъ исправнику, что въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) Чернышевскій пишетъ, что онъ „бродитъ по всѣмъ мѣстамъ доступнымъ для его ногъ только въ то время, когда нѣтъ снѣга. Пойдетъ снѣгъ — и ходить можно будетъ только вдоль по улицѣ и по двумъ-тремъ дорогамъ, по которымъ возятъ снѣгъ или дрова“. Губернаторъ, напоминая о Лопатинѣ, рекомендуетъ неослабное наблюденіе за Чернышевскимъ; осторожность подчеркивается.

Затѣмъ больше года никакой переписки нѣтъ, — только предлагается доносить съ каждой почтой о здоровьи и поведеніи Чернышевскаго.

24 декабря 74 года за № 4 особымъ секретнымъ письмомъ лично на имя исправника [2]) губернаторъ сообщаетъ, что Лопатинъ, находящійся уже за границей, при производствѣ дѣла сознался (пр. 6) въ намѣреніи освободить Чернышевскаго, а изъ переписки генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Фредерикса и начальника III Отдѣленія ген.-ад. Потапова видно, что „заграничная партія лицъ, сочувствующихъ Чернышевскому составила подробный планъ для попытокъ къ освобожденію сего преступника; злоумышленники, какъ оказывается, намѣрены прибыть въ Сибирь настоящею зимою и въ числѣ отчаянныхъ мѣръ къ достиженію своей цѣли они предполагаютъ воспользоваться бланками бумагъ отъ разныхъ присутственныхъ учрежденій и даже подписями начальствующихъ лицъ, преимущественно въ Якутской области“ (пр. 7).

Предписываются строжайшія мѣры, „неусыпный и ежечасный“ надзоръ за Чернышевскимъ съ примѣненіемъ разумныхъ и практическихъ мѣръ и съ соблюденіемъ строжайшей тайны во всѣхъ предпріятіяхъ.

12 января 75 г. за № 2 губернаторъ предписываетъ, чтобы даже на случай пожара въ городѣ охрана Чернышевскаго не отлучалась изъ острога.

20 марта 75 г. за № 1210 губернаторъ пишетъ исправнику дословно слѣдующее: „Изъ письма государственнаго преступника Чернышевскаго 8 сего марта, адресованнаго въ С.-Петербургъ Александру Николаевичу Пыпину, видно, что съ половины февраля онъ, Чернышевскій, началъ вести корреспонденцію, имѣющую денежный характеръ; Пыпину извѣстно начало ея. *Но довольно вотъ почему:* онъ не считаетъ полезнымъ, чтобы объ этой корреспонденціи зналъ кто-нибудь, кромѣ лицъ обязанныхъ знать. Здѣсь ни одного такого лица нѣтъ, здѣшніе люди не могутъ нести

---

[1]) Вся переписка Чернышевскаго шла черезъ „инстанціи“ вплоть до III Отдѣленія.

[2]) Ив. Андр. Жиркова.

на себѣ отвѣтственность за вещи, значеніе которыхъ выше ихъ привычекъ и обязанностей, приходящихся по ихъ силамъ. Въ Якутскѣ есть одно лицо, на которомъ лежитъ отвѣтственность за такіе его, Чернышевскаго, поступки, которые не относятся къ формальностямъ его, Чернышевскаго, жизни. Онъ не считаетъ полезнымъ для его денежнаго дѣла, чтобы оно было знакомо кому-либо въ Якутскѣ, кромѣ этого одного лица. Онъ не знаетъ, въ Якутскѣ ли оно, спрашивать объ этомъ не хочетъ. Онъ вообще никого ни о чемъ не спрашиваетъ, но когда услышитъ—не услышать невозможно, — что это лицо въ Якутскѣ, тогда онъ адресуетъ на имя Пыпина, что адресовалъ прежде на имя одной очень почтенной фигуры, которая едва ли въ состояніи обходиться въ подобныхъ вещахъ безъ Пыпина, хотя бы для поправленія ошибокъ въ корректурныхъ листахъ. Это будетъ приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія нынѣшняго его письма".

Поручается исправнику тщательно слѣдить за перепиской Чернышевскаго, чтобы таковая не шла мимо губернатора.

8 апрѣля 75 г. за № 1513 губернаторъ сообщаетъ исправнику, что генералъ-губернаторомъ обнаружены сношенія одного изъ государственныхъ преступниковъ съ заграницей.

Предписывается строгій надзоръ за корреспонденціей Чернышевскаго.

24 мая 75 г. за № 4 якутскій губернаторъ извѣщаетъ исправника для руководства, что, согласно Высочайшаго повелѣнія, въ видѣ временной мѣры, нельзя допускать къ политическимъ арестантамъ никого, кромѣ лицъ обязанныхъ къ посѣщеніямъ по закону.

Въ іюнѣ 75 г. за № 16 губернаторъ лично исправнику сообщаетъ, что, по ходатайству иркутскаго губернатора, разрѣшено ст. сов. Падерину уволить кол. асс. Александра Чекановскаго и Сигизмунда Венгловскаго для геологическихъ изслѣдованій по Якутской области. Предписывается слѣдить, чтобы означенныя лица не входили въ сношенія съ Чернышевскимъ, и принять надлежащія мѣры.

II.

12 іюля 75 года исправникъ доноситъ губернатору о прибытіи въ Вилюйскъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова (Мышкина).

Въ дѣлѣ якутскаго областного управленія „о государственномъ преступникѣ Николаѣ Чернышевскомъ" [1]) имѣются крайне интересныя, донынѣ, какъ кажется, еще неопубликованныя подробности о „предпріятіи" Мышкина — его покушеніи увезти Чернышевскаго изъ вилюйской тюрьмы.

---

[1]) По I архивной описи № 96.

Остановлюсь на этомъ эпизодѣ, причемъ предваряю, что замѣтка составлена точно на основаніи документовъ помянутаго дѣла.

11 іюля 1875 г. вечеромъ вилюйскій исправникъ (и. д.) сотникъ Ив. Жирковъ получилъ отъ письмоводителя Сунтарской [1]) инородной управы письмо отъ 8 іюля, въ каковомъ письмѣ сообщается, что въ Сунтаръ прибылъ изъ Олекминска на наемныхъ лошадяхъ, безъ сопровожденія казака [2]), нѣкто г. Мещериновъ; изъ словъ Мещеринова было видно, что онъ былъ въ Олекминскѣ, и его тамъ никто не видалъ. Одновременно исправникъ получилъ и письмо отъ своего помощника Поротова, сообщившаго, что онъ встрѣтилъ Мещеринова верстахъ въ 10 отъ Верхне-Вилюйской управы [3]); Мещериновъ разспрашивалъ у Поротова о времени отхода почты изъ Якутска въ Вилюйскъ и сообщилъ, что вернется изъ Вилюйска не одинъ, но не знаетъ какимъ путемъ: на Якутскъ или на Олекму.

12 іюля въ $^3/_4$ третьяго пополудни въ Вилюйскъ явился къ Жиркову самъ Мещериновъ и, предъявивъ документы, потребовалъ выдачи Чернышевскаго, переведеннаго якобы въ Благовѣщенскъ.

Документы были слѣдующіе [4]):

1) Предписаніе Ирк. Губ. Жанд. Управленія отъ 4 іюня 1875 г. за № 418 унтеръ-офицеру Агею Ѳомину [5]). Предписывается исполнить въ точности и безъ малѣйшаго замедленія всѣ приказы поручика корпуса жанд. Мещеринова, относящіеся до перевода *посаженнаго* въ г. Вилюйскѣ Николая Чернышевскаго во вновь назначенное для него мѣсто жительства. Подписано И. д. Нач. Жанд. Упр. Капит. Соколовымъ, адъютантомъ поручикомъ Буровымъ и приложена печать.

2) Отношеніе того же Управленія за № 419 Вилюйскому исправнику. Препровождается телеграмма (помѣщ. ниже) и просится содѣйствіе Мещеринову по исполненію возложеннаго на него порученія. Подписи, какъ и на № 418.

3) Телеграмма слѣдующаго вида (копія):

---

[1]) Сунтаръ—центръ густонаселеннаго якутскаго улуса въ Вил. окр. на половинѣ пути между Олекминскомъ и Вилюйскомъ, верстахъ въ 300 отъ Вилюйска.

[2]) По Як. обл. всѣ чиновники тогда разъѣзжали съ однимъ или двумя казаками; таковъ былъ обычай.

[3]) Верстахъ въ 100 отъ Вилюйска.

[4]) Всѣ они только въ копіяхъ; подлинники, вѣроятно изъ Вилюйска пересланы по инстанціямъ въ III Отдѣленіе.

[5]) Сторожившему тогда Чернышевскаго (см. пр. 8).

Телеграфъ (М. П.) въ Иркутскѣ.

4 іюня мѣсяца 1875 г.

Изъ Благовѣщенска № 317.

Разрядъ.	Счетъ словъ.	Подана.				Служебныя отмѣтки.
П.	20	3	2	15	4	

Иркутскъ. Жандармское Управленіе. Вилюйскому Исправнику. Предписываю оказать необходимое содѣйствіе поручику корпуса жандармовъ Мещеринову, командированному сопровождать Чернышевскаго въ Благовѣщенскъ. *Баронъ Фредериксъ.* Вѣрно: *Пекко.*

Исправникъ сразу сообразилъ, что дѣло неладно: прибылъ Мещериновъ безъ конвоя, безъ подорожной, въ бумагахъ не сказано „государственнаго преступника", имѣется такое чуждое офиціальному стилю слово „посаженнаго", вмѣсто „находящагося въ заключеніи", отъ губернатора изъ Якутска нѣтъ ничего (а былъ строгій приказъ въ декабрѣ 74 г. беречь Чернышевскаго, т. к. его попытаются освободить иностранные революціонеры)... Рѣшилъ исправникъ Чернышевскаго не выдавать, караулъ въ острогѣ усилилъ и Мещеринова до свиданія съ Чернышевскимъ не допустилъ, заявивъ, что безъ предписанія губернатора не пуститъ къ Чернышевскому даже ген.-губ. Фредерикса и шефа жанд. Потапова. Мещериновъ выразилъ желаніе ѣхать въ Якутскъ. Исправникъ былъ очень обрадованъ, быстро устроилъ Мещеринову все нужное къ поѣздкѣ и даже далъ двухъ казаковъ (для наблюденія, конечно, за Мещериновымъ), съ которыми отправилъ губернатору подробное донесеніе.

Мещериновъ поѣхалъ въ Якутскъ. На первомъ станкѣ отъ Вилюйска онъ переодѣлся въ частную одежду, а форменную „сдалъ на сохраненье" казаку Семену Бубякину; при этомъ казаки замѣтили, что у Мещеринова въ поясу брюкъ и двухъ кошелькахъ было много денегъ 5, 10 и 25 р. кредитками и много бумагъ; двѣ изъ нихъ онъ положилъ къ себѣ въ карманъ, а остальныя отдалъ вмѣстѣ съ форменной одеждой Бубякину.

Съ сопровождавшими его казаками Мещериновъ велъ себя странно: разспрашивалъ названіе улусовъ, наслеговъ, имена инородческихъ головъ по

дорогѣ отъ Олекминска до Вилюйска и отъ Вилюйска до Якутска; обнаружилось, что еще раньше пріѣзда въ Вилюйскъ онъ спрашивалъ у ямщиковъ, „какъ можно пріобрѣсти лодку“, „можно ли по рѣкѣ Вилюю попасть на городъ Якутскъ“.

Все это больше и больше укрѣпляло исправника въ мысли, что Мещериновъ самозванецъ и явился съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Объ этомъ исправникъ, здорово трухнувшій, доноситъ губернатору и проситъ команду 10 солдатъ при 2 унтерахъ, горько жалуясь на слабость казачьей команды и опасаясь, что если его, исправника, революціонеры убьютъ и Чернышевскаго увезутъ, то будетъ большая „безпомощность гор. Вилюйску и всему казенному интересу“.

19-го іюля утромъ исправникъ получаетъ донесеніе, что около станціи Тюгюнняхской, въ 330 верстахъ отъ Вилюйска и 290 отъ Якутска, Мещериновъ, выстрѣливъ 4 раза въ сопровождавшихъ его казаковъ и ранивъ одного изъ нихъ (Бубякина), скрылся. Немедленно были разосланы съ гонцами примѣты Мещеринова (росту выше средняго, сухощавъ, лицо смуглое, говоритъ картаво, „взлизываетъ“, волоса съ просѣдью, среднихъ зубовъ нѣтъ) и поднята на ноги вся окружная и улусная администрація предписаніемъ поймать „загадочную личность“, причемъ рекомендовалось стараться взять его живьемъ и лишь въ крайности стрѣлять „по ногамъ“. Изъ Якутска спеціально командированъ исправникъ Бубякинъ съ 2 казаками.

Одновременно съ розысками велось и слѣдствіе.

Оказалось, что еще въ февралѣ 75 г. вилюйскій городской староста получилъ письмо, подписанное енисейскимъ гор. головой Фунтусовымъ отъ 25 ноября 74 г. за № 80; въ этомъ письмѣ, между прочимъ, разспрашивалось о торговыхъ дѣлахъ и путяхъ сообщенія, особенно водяныхъ. Мнимый Мещериновъ тоже интересовался этимъ вопросомъ, а также вопросомъ о торговлѣ мамонтовой костью—и, по мнѣнію исправника, могъ бы лучше всего использовать эти пути: изъ р. Енисея пройти въ Нижнюю Тунгузку, съ пороговъ и волокомъ на верховья Чаны и въ Вилюй... Этотъ путь отличный для увоза Чернышевскаго (пр. 9), и исправникъ боится, что революціонеры (3—4 вооруж. человѣка) могутъ имъ воспользоваться... Путь этотъ, какъ видно изъ показанія одного изъ инородческихъ письмоводителей Зедгенизова, былъ извѣстенъ М., только съ тѣмъ варіантомъ, что М. предполагалъ изъ окрестностей Киренска вьюкомъ пробраться на Н. Тунгузку, спуститься по ней до подхода вершинъ Чаны, а оттуда—въ Вилюйскъ...

25 августа 75 г. губернаторъ извѣщаетъ исправника, что мнимый Мещериновъ пойманъ въ Якутскомъ округѣ; назвался онъ при поимкѣ

свящ. сыномъ Михаиломъ Петровымъ Титовымъ, но затѣмъ, при сличеніи со списками секретно-разыскиваемыхъ, оказался домашнимъ учителемъ и стенографомъ Ипполитомъ Никитинымъ Мышкинымъ...

Дѣйствовалъ ли Мышкинъ единолично или съ сообщниками — изъ дѣла не видно. Вѣроятнѣе, впрочемъ, полагать, что подготовка была при участіи организаціи: объ этомъ намекаетъ телеграмма ген.-губернатора якутскому губернатору (отъ 27 авг. 1875), гласящая, что мнимый, по свид. III Отдѣленія, Мещериновъ есть отставной подпоручикъ Николай Грибоѣдовъ (пр. 10), съ которымъ находится вдова подпоручика Зинаида Аженто̀ва и др. помощники..., которыхъ и предписывается арестовать.

Такъ окончилось покушеніе идеалиста, не сумѣвшаго побороть практическія препятствія...

Наблюденіе было доведено до абсолютнаго изолированія Чернышевскаго въ предѣлахъ тюремнаго частокола подъ присмотромъ солдатской команды (1 ефрейторъ и 6 человѣкъ солдатъ). Исправникъ просилъ даже о *переводѣ* Чернышевскаго въ Якутскъ, не надѣясь на своихъ казаковъ. Насколько строго берегли Чернышевскаго отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, ясно видно изъ слѣдующаго курьезнаго факта.

Въ 77 году ссыльный Владиміръ Кошкаревъ передалъ Чернышевскому поклонъ отъ полит. ссыльнаго Михаила Оссовскаго, находившагося тогда въ Верхоленскомъ округѣ Иркутск. губ. Какими-то путями объ этомъ узнаетъ губернаторъ—идетъ строгое разслѣдованіе, Кошкарева берутъ подъ строгій надзоръ, таскаютъ почти четыре года по разспросамъ, и лишь въ началѣ 81 года исправникъ, которому, по всѣмъ видимостямъ, надоѣло возиться съ этимъ дѣломъ, проситъ о снятіи надзора съ Кошкарева, аттестуя послѣдняго, какъ хвастуна и пустозвона, желавшаго „хвастнуть своей начитанностью и знаніемъ дѣятельности всѣхъ литераторовъ, даже и тѣхъ, которые издавали антиправительственныя статьи, а также своими либеральными выходками, не понимая даже значенія слова „либерализмъ“ [1]). Чѣмъ окончились мытарства Кошкарева—изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно.

Въ 78 году 4 января берутъ въ люстрацію и письма стражниковъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени покушенія Мышкина никакой значительной переписки о Чернышевскомъ нѣтъ. Таковая появляется съ конца 78 года. 27 ноября 78 г. за № 176 губернаторъ [2]) напоминаетъ исправнику, что, на основаніи правилъ, Чернышевскій „имѣетъ право въ письмахъ своихъ къ роднымъ лишь извѣщать о своемъ положеніи въ приличныхъ формахъ и

[1]) 15 февр. 1881 г. № 39.
[2]) Черняевъ.

выраженіяхъ, не касаясь разсказовъ о предметахъ постороннихъ". Дается предупрежденіе, что письма, содержащія что-либо лишнее, не будутъ пересылаться, и предлагается Чернышевскому адресовать свои письма лишь на имя г. Терсинскаго, „какъ уже давно установившійся адресъ". Въ письмахъ позволяется включать привѣтствія роднымъ и знакомымъ и домашнія семейныя распоряженія.

Это предписаніе и недопущеніе свиданія съ частнымъ врачемъ Капелло переполнило мѣру терпѣнія Чернышевскаго; подъ вліяніемъ минуты, онъ, повидимому, рѣшилъ порвать сношенія съ мѣстными властями и обратиться непосредственно къ верхамъ: онъ возвращаетъ въ полицію присланныя было ему изъ Якутска лѣкарства и пишетъ письмо къ шефу жандармовъ; письма этого, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ, но изъ дальнѣйшей переписки видно, что Чернышевскій предполагалъ чье-то намѣреніе отравить его...

Пошла писать губернія. Губернаторъ 23 дек. 78 г. за № 208 поручаетъ объяснить Чернышевскому, что „слухи о чьемъ-то намѣреніи отравить его суть клевета, происходящая скорѣе отъ глупости и неразвитости, нежели отъ злого умысла", успокаиваетъ Чернышевскаго, что будетъ произведено слѣдствіе о слухахъ, и рекомендуетъ писать письма къ шефу жандармовъ черезъ него, губернатора, но при условіи помѣщать „строго-провѣренную правду въ выраженіяхъ, подобающихъ высокопоставленной особы". Эта бумага, по оплошности, была предъявлена Чернышевскому полиціей въ подлинникѣ. Чернышевскій надписалъ на ней слѣдующее: „Замѣчу лишь одинъ пунктъ въ этой бумагѣ: ни разрѣшать, ни запрещать мнѣ писать къ г. шефу жандармовъ Якутскій губернаторъ не имѣетъ права. Онъ будетъ поступать хорошо, если прежде, чѣмъ подписывать относящіяся ко мнѣ бумаги, сочиняемыя въ областномъ Якутскомъ правленіи, будетъ отдавать ихъ на просмотръ людямъ болѣе свѣдущимъ въ законахъ, нежели чиновники этого управленія, очевиднымъ образомъ плохо знающіе законы. Содержаніе этой бумаги послужитъ содержаніемъ письма моего къ г. Терсинскому, которое напишу, когда найду то нужнымъ. *Н. Чернышевскій*". „P. S. Исправникъ, потрудитесь отослать эту бумагу Якутскому губернатору. Н. Чернышевскій".

Прочтя эту надпись, губернаторъ взъѣлся. Полетѣли запросы, на какомъ основаніи секретная бумага предъявлялась въ подлинникѣ преступнику, какимъ образомъ ведутся и хранятся въ полицейскомъ управленіи секретныя дѣла и т. д.

Въ результатѣ исправникъ получилъ нагоняй за „несоблюденіе тайны", а Чернышевскій—„за то, что въ писаніи своемъ допустилъ лож-

ныя и крайне неприличныя выраженія"—былъ лишенъ права выхода за ворота тюремнаго замка въ теченіе 3 дней [1]).

Не лишнимъ считаю упомянуть о слѣдующемъ характерномъ для того времени эпизодѣ. Осенью 78 года губернаторъ сообщаетъ исправнику, что въ харьковской тюрьмѣ двумя лицами, переодѣтыми въ жандармскую форму и снабженными подложными документами, была сдѣлана попытка освободить госуд. преступника Фомина,—поэтому рекомендуется бдительность и стѣсненіе свиданій Чернышевскаго съ пріѣзжими...

На этомъ кончаются документы, касающіеся первой половины времени жительства Чернышевскаго въ Вилюйскѣ.

III.

„Дѣло" о второй половинѣ, представляющее собой громадный томъ въ 770 листовъ, содержитъ, главнымъ образомъ: 1) Ежемѣсячныя, а впослѣдствіи—третныя донесенія о „поведеніи и здоровьи преступника Чернышевскаго", причемъ всѣ эти донесенія крайне шаблонны: „Чернышевскій ведетъ себя спокойно и здоровье его въ нормальномъ состояніи" или „Чернышевскій здоровъ и спокоенъ". На какую-либо болѣзнь или вспышку нѣтъ ни одного указанія.

2) Препроводительныя бумаги и корреспонденціи отъ Чернышевскаго и къ нему. Изъ нихъ видно, что всѣ письма адресовывались Чернышевскимъ исключительно къ Ив. Григ. Терсинскому; имѣется также нѣсколько десятковъ расписокъ Чернышевскаго въ полученіи писемъ, журналовъ и газетъ. По подсчету оказалось, что съ конца 79 г. до выѣзда изъ Вилюйска Чернышевскій получалъ журналы „Отечественныя Записки" и „Вѣстникъ Европы", за 81 и 82 годы—газ. „Порядокъ" и за 81—83 гг. „Сибирскую Газету"; писемъ за все время ссылки Чернышевскій получилъ до 50; отъ кого были эти письма—изъ препроводительныхъ бумагъ не видно. Корреспонденція приходила въ Вилюйскъ неправильно, вперебивку, и тогда Чернышевскій заводилъ переписку съ почтовымъ вѣдомствомъ о разысканіи и досылкѣ недостающихъ №№; почта всегда добросовѣстно исполняла требованія и досылала затерянное. Чернышевскій въ такихъ случаяхъ благодарилъ почту въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ.

Вотъ текстъ записки отъ 29 іюля 81 г.: „Принося мою искреннюю благодарность Якутскому почтовому управленію за то, что оно потрудилось разыскать и прислать недоставленный мнѣ прежде № 75 газ. „Порядокъ", прошу почтительнѣйше это уважаемое мною вѣдомство разыскать и при-

---

[1]) Предписаніе губерн. отъ 23 февр. 79 г. № 680.

слать мнѣ теперь № 131 той же газеты „Порядокъ". Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою Якутскаго почтоваго вѣдомства *Н. Чернышевскій.* 29 іюля 1881".

Вся переписка Чернышевскаго находилась, конечно, подъ строжайшимъ контролемъ, но случаевъ конфискаціи писемъ въ областномъ управленіи было лишь два. Именно, въ іюнѣ 81 года получено письмо изъ Нью-Іорка на англійскомъ языкѣ; за неимѣніемъ переводчика губернаторъ отправилъ письмо къ генералъ-губернатору. Послѣдній вернулъ его съ переводомъ для выдачи Ч.; но губернаторъ не нашелъ нужнымъ выдать и отправилъ все въ деп. полиціи. Затѣмъ, въ началѣ 82 г. получился въ Вилюйскѣ съ почтой изъ Якутска необозначенный въ описи № 748 газ. „Gaulois", со штемпелемъ Курганской почтовой конторы; № былъ задержанъ полиціей и препровожденъ въ обл. управленіе. Тамъ усмотрѣно, что передовая этого № посвящена Чернышевскому, вслѣдствіе чего № былъ отправленъ въ департаментъ полиціи на благоусмотрѣніе, и начато новое „секретное" дѣло, очевидно, о томъ, кто именно адресовалъ Чернышевскому этотъ №. Чѣмъ окончилась переписка и получилъ ли Чернышевскій американское письмо и этотъ № „Gaulois"—неизвѣстно.

3) Переписка о назначеніяхъ и перемѣнахъ жандармской и казачьей стражи. Изъ нея видно, что жандармскіе унтера—по одному—и казачьи урядники—по два въ годъ—мѣнялись ежегодно. Стражники жили при тюрьмѣ, въ оградѣ же, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; отношенія у Чернышевскаго со стражей были, повидимому, не дурныя,—такъ, напр., одного изъ унтеровъ, Якова Захарова, онъ въ началѣ 80 г. уговорилъ переслать, помимо губернатора, непосредственно къ начальнику Ирк. жанд. управленія большую корреспонденцію: a) письмо на имя Государя Императора, b) письмо на имя шефа жандармовъ съ объяснительной запиской на 8 листахъ и c) письмо отъ находящихся въ Вилюйскѣ подъ строгимъ надзоромъ ссыльныхъ Чистоплюевыхъ [1]).

Только въ концѣ 82 года вышло столкновеніе. Для надзора за Чернышевскимъ былъ командированъ пятидесятникъ (Евтропій) Бродниковъ, грубая скотина и кляузникъ. Онъ сразу замѣтилъ „безпорядки" и сталъ строчить доносы, безграмотные, жалкіе, въ которыхъ изъ-за каждаго слова сквозитъ кляуза

---

[1]) Эта корреспонденція была переслана Нач. Ирк. жанд. управленія губернатору, а послѣднимъ—вмѣстѣ со вторымъ письмомъ Чернышевскаго къ шефу корпуса жандармовъ, къ каковому письму приложена объяснительная записка на 45 листахъ—препровождена шефу жандармовъ. О чемъ, собственно, была корреспонденція—изъ препроводительной бумаги отъ 6 марта 80 г. за № 199 не видно. Губернаторъ замѣчаетъ лишь, что письма по формѣ и содержанію не соотвѣтствуютъ назначенію, и объяснительныя записки составляютъ одно цѣлое — „разсказъ, отдѣланный для печати". Это и есть та всепреданнѣйшая записка Чернышевскаго по дѣлу Чистоплюевыхъ, которая теперь напечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій Чернышевскаго", т. X, ч. 2.

и ненависть къ Чернышевскому. По этимъ доносамъ оказалось, что въ „литиратномъ мести“ (sic!) выпилено бревно съ явной цѣлью побѣга,—что сторожъ-истопникъ выбрасываетъ головешки на дворъ ради поджога тюрьмы; что исправникъ и проч. власти попустительствуютъ Ч., который ходитъ версты за 4 въ лѣсъ, такъ что услѣдить за нимъ трудно; что Чернышевскаго ночью не запираютъ, и онъ ходитъ „внужникъ“; что свѣчей „для надзору“ не выдаютъ, и онъ, Бродниковъ, свои расходуетъ — на цѣлый рубль купилъ; что онъ, Бродниковъ, требовалъ изъ полиціи „ливергеръ снорядомъ“, т. к. „пистолетъ кримневый другой расъ невыпаливаетъ зоряда“—въ выдачѣ револьвера отказано... и т. п., и т. п., о чемъ онъ, Бродниковъ, подробно доложитъ слѣдователю.

Этими доносами были сильно задѣты мѣстныя власти, особенно помощникъ исправника, Александръ Гавриловичъ Кокшарскій, самъ достаточно въ кляузѣ смыслящій. Контръ-доносомъ, въ которомъ Бродниковъ смѣшивается съ грязью, а Чернышевскій аттестуется съ лучшей стороны, Бродниковъ былъ раздавленъ: его быстро убрали изъ Вилюйска. Жандармскій унтеръ Филиппъ Волковъ тоже былъ на сторонѣ Чернышевскаго и своимъ доносомъ тоже способствовалъ удаленію Бродникова.

4) Денежная переписка, изъ коей видно, что Чернышевскій получалъ въ годъ 205 руб. 44 коп., т. е. 17 руб. 12 коп. въ мѣсяцъ, и, кромѣ того, 23 дек. 80 года $1^1/_2$ пуда свѣчей и 27 янв. 83 г.—1 пудъ изъ какихъ-то остаточныхъ кредитовъ областного управленія. Лѣтомъ 83 г., по докладу ревизовавшаго Вилюйскъ столоначальника областного управленія Преловскаго и смѣтѣ полиц. управленія, затѣялась переписка объ увеличеніи содержанія Чернышевскому до 24 руб. въ мѣсяцъ, но переписка эта ничѣмъ не кончилась, т. к. Чернышевскій въ концѣ этого года былъ увезенъ въ Астрахань.

Изъ прочихъ документовъ вообще видно, что за 79—83 годы отношеніе администраціи къ Чернышевскому наладилось въ благопріятномъ для него смыслѣ: напоминаній о непомѣщеніи въ письмахъ „постороннихъ“ вещей почти нѣтъ, прогулками его не стѣсняютъ, на ночь не запираютъ и даже оказываютъ любезности, выходящія изъ предѣловъ инструкціи. Такъ, въ іюлѣ 82 года изъ Вилюйска въ Якутскъ отправлялся на ярмарку купецъ Лаврентій Алексѣевичъ Кондаковъ, которому Чернышевскій далъ порученіе пріобрѣсти кое-что, въ томъ числѣ мѣховыя вещи. Денегъ у Чернышевскаго не хватило, и вотъ онъ черезъ пом. испр. Кокшарскаго проситъ губернатора о выдачѣ Кондакову авансомъ, за счетъ его, Чернышевскаго, содержанія сколько нужно будетъ для исполненія заказа. Губернаторъ [1])

[1]) Черняевъ.

распорядился о выдачѣ Чернышевскому ссуды въ 100 руб. изъ благотворительныхъ капиталовъ съ погашеніемъ въ годъ изъ 6%. Еще ранѣе, въ срединѣ іюня 81 г., любезность администраціи была прямо-таки рискованной. Рѣшили отремонтировать всю вилюйскую тюрьму, проконопатить снаружи, обмазать и выбѣлить внутри. На конопатку своей комнаты Чернышевскій согласился, а на обмазку и побѣлку—нѣтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что известка, когда просохнетъ, будетъ сыпаться и пылить, что вредно для его слабаго зрѣнія. По докладу исправника губернаторъ [1]) предложилъ разспросить Чернышевскаго, не найдетъ ли онъ возможнымъ оклеить свою комнату обоями и какого цвѣта обои ему желательны. Ч. съ удовольствіемъ согласился на предложеніе и самъ составилъ подробный расчетъ комнаты. Въ дѣлѣ имѣется собственноручная записка его такого вида:

Длина комнаты 9 арш. 14 вершковъ.

Ширина „ 8 „ 10 „

Итакъ, длина всѣхъ четырехъ стѣнъ (9 арш. 14 вершк. + 8 арш. 10 вершк.) $\times$ 2 = 37 арш.

Вышина комнаты 4 арш. 6 вершк.

Итакъ, вся площадь стѣны = 37 $\times$ $4\frac{6}{16}$ = $161\frac{14}{16}$ кв. арш.

Изъ того вычитается:

Печь. Вышина 4 арш., шир. $1^1/_2$ арш.; площадь = 6 кв. арш.

Дверь. Вышина 3 арш., шир. 18 вершк.; площадь = $3\frac{6}{16}$ кв. верш.

Два окна. Вышиною по 26 вершк., шириною по 18 вершк.; площадь обоихъ . . . $3\frac{21}{32}$ кв. арш.

Итакъ, вычитается 6 + $3\frac{12}{32}$ + $3\frac{21}{32}$ = $13^1/_{32}$ кв. арш.

Остатокъ = площадь стѣнъ за вычетомъ мѣстъ, не идущихъ въ счетъ для обоевъ = $148\frac{27}{32}$ кв. арш. или круглымъ счетомъ около 150 кв. арш.

О потолкѣ Чернышевскій забылъ, но любезный архитекторъ обл. управленія, составлявшій смѣту на приведеніе комнаты въ жилой видъ, назначилъ для потолка 86 арш. бязи, обои назначилъ не одноцвѣтныя, а съ панелью свѣтлосѣраго колера и бордюромъ,—словомъ, всего на сумму 35 руб. 20 коп. Въ августѣ 81 года матеріалъ былъ высланъ въ Вилюйскъ, и къ началу сентября комната была оклеена; при этомъ оказалось, что матеріи на потолокъ не хватило, и полиція израсходовала 5 руб. 68 коп. изъ собственныхъ, каковыя деньги были ей возвращены изъ казенныхъ суммъ. Т. о. „любезность“ стоила казнѣ 40 руб. 88 коп.

Любезности — любезностями, а формально берегли Чернышевскаго строго: къ надзору за нимъ допускали лишь казаковъ, снабженныхъ собственноручнымъ письмомъ губернатора (въ февралѣ 83 года каз. Павелъ

[1]) Черняевъ.

Пермяковъ допущёнъ не былъ на смѣну), а когда лѣтомъ 83 года пятидесятникъ Поповъ потерялъ инструкцію о наблюденіи за Чернышевскимъ, то поднялась цѣлая буча, прекратившаяся лишь по случаю отбытія Чернышевскаго въ Астрахань.

Переводъ Чернышевскаго въ Астрахань состоялся, какъ извѣстно, по указу сената отъ 15 іюня 1883 года. Содержаніе этого документа достаточно извѣстно, и приводить его не буду.

Когда именно выѣхалъ Чернышевскій изъ Вилюйска—изъ дѣла не видно; вывезли его, кажется, секретно, въ серединѣ августа 83 г. подъ конвоемъ жандармскихъ унтеровъ Шигорина и Мошкова, а 2 сентября подъ конвоемъ тѣхъ же лицъ—изъ Якутска въ Иркутскъ.

Невольно останавливается вниманіе на томъ, что между днемъ указа сената и днемъ вывоза Чернышевскаго изъ Вилюйска прошло не болѣе мѣсяца. Объяснить это легко: изъ Петербурга шифромъ дана была телеграмма губернатору,—телеграмма эта въ дѣлѣ сохраниться, конечно, не могла (шифры хранятся совершенно особо),—губернаторъ шифромъ же сообщилъ исправнику, а послѣдній такимъ же порядкомъ отвѣтилъ о днѣ выѣзда Ч. изъ Вилюйска. Телеграфъ тогда шелъ лишь до Витима. Расчетъ дней примѣрно такой: телеграмма изъ Петербурга въ Витимъ—дня 3, нарочный изъ Витима въ Якутскъ—дней 10, нарочный изъ Якутска въ Вилюйскъ—дней 7. Времени, слѣдовательно, хватило.

Когда прибылъ Чернышевскій въ Иркутскъ—изъ дѣла не видно. Видно только, что везли его спѣшно.

Остальные документы дѣла—отъ конца 83 года до 16 дек. 86 г.—касаются, главнымъ образомъ, досылки корреспонденціи Ч. въ Астрахань и денежной ликвидаціи дѣла: расчетовъ съ казаками за суточныя, жандармами за прогоны и т. п.

М. N.

Примѣчанія къ статьѣ „Н. Г. Чернышевскій въ Вилюйскѣ".

Пр. 1 (къ стр. 2). Это тотъ самый жандармскій унтеръ-офицеръ Ижевскій, въ дежурство котораго Г. А. Лопатинъ бѣжалъ изъ тюремной камеры при иркутской жандармской казармѣ, гдѣ онъ содержался въ 1871 г. Какъ извѣстно, жандармскіе унтеръ-офицеры, наблюдавшіе за Н. Г. Чернышевскимъ въ Вилюйскѣ, смѣнялись ежегодно, причемъ въ первые годы назначались туда только такіе, которые состояли раньше въ Иркутскѣ при Лопатинѣ и хорошо знали его въ лицо. Самымъ первымъ былъ посланъ туда именно Ижевскій, относившійся къ Лопатину съ пылкой ненавистью за учиненный имъ побѣгъ и чуть не зарубившій его при задержаніи (объ этомъ когда-нибудь послѣ). Повидимому, часть этой ненависти, выразившейся въ грубости обращенія, онъ перевелъ и на Чернышевскаго, зная духовную связь этихъ двухъ лицъ. Посылка въ Вилюйскъ бывшихъ сторожей Лопатина прекратилась только тогда, когда всѣ они, одинъ за другимъ, окончили сроки своей службы.

Пр. 2 (къ стр. 5). Адъютантъ иркутск. жанд. правленія, штабсъ-капитанъ Зейфертъ имѣлъ при себѣ двухъ жандармовъ для Чернышевскаго и одного собственно для себя, въ качествѣ деньщика или вѣстового для услугъ, какъ онъ самъ говорилъ потомъ Лопатину.

Пр. 3 (къ стр. 6). Это тотъ губернаторъ, который сошелъ съ ума, занимая свою должность, и чуть ли не два года управлялъ якутской областью въ состояніи помѣшательства, пока подчиненные отважились, наконецъ, снестись съ кѣмъ слѣдуетъ и принять нужныя мѣры.

Пр. 4 (къ стр. 7). Лопатинъ *зналъ*, что его будутъ сторожить въ Вилюйскѣ. Къ тому же онъ былъ совсѣмъ безъ денегъ и нужныхъ бумагъ и пр. Поэтому, отложивъ свои планы, онъ уплылъ въ душегубкѣ внизъ по Ангарѣ до Енисея, перебрался тайгою изъ Усть-Тунгузки на старо-ачинскій трактъ и достигъ уже до Томска, гдѣ былъ узнанъ по карточкѣ на улицѣ и задержанъ частнымъ приставомъ Лешковымъ, весьма извѣстнымъ мѣстнымъ сыщикомъ того времени, о чемъ когда-нибудь послѣ.

Пр. 5 (къ стр. 7). Одинъ изъ каракозовцевъ первой категоріи.

Пр. 6 (къ стр. 8). Формальнаго *сознанія* на слѣдствіи и судѣ *не было*, вслѣдствіе чего Лопатинъ былъ *оправданъ* судомъ отъ обвиненія въ намѣреніи освободить Чернышевскаго, не будучи даже *оставленъ въ подозрѣніи* по этому пункту, хотя въ то время царствовалъ еще въ Сибири старый, письменный „судъ по формѣ". Но, конечно, всѣ были *морально убѣждены* въ существованіи у него этого намѣренія, а съ генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ онъ говорилъ даже объ этомъ прямо „на чистоту", о чемъ, впрочемъ, тоже послѣ.

Пр. 7 (къ стр. 8). Весь этотъ матеріалъ былъ дѣйствительно доставленъ Лопатинымъ въ Петербургъ и за границу, равно какъ и разныя полезныя для дѣла свѣдѣнія и указанія. Но въ тѣ времена отсутствія прочныхъ и сильныхъ людьми и средствами организацій поиски нужной (очень скромной) суммы поглотили столько времени и потребовали столько разговоровъ, что слухи о новыхъ затѣяхъ успѣли, повидимому, достигнуть до ушей заинтересованныхъ лицъ.

Пр. 8 (къ стр. 10). Чуть ли это былъ не послѣдній изъ жандармовъ, знавшихъ лично Лопатина. По крайней мѣрѣ, помнится, что жандармъ съ этой фамиліей былъ въ числѣ тѣхъ, которые караулили его въ ирк. жанд. казармѣ.

Пр. 9 (къ стр. 12). Между прочимъ, этотъ путь рекомендовалъ Лопатину Щаповъ и даже составилъ для него подробный маршрутъ на основаніи разспросныхъ свѣдѣній у остяковъ, которые кочуютъ между Туруханскомъ и Вилюйскомъ, совершая каждый годъ одинъ походъ въ одну сторону и одинъ обратно.

Пр. 10 (къ стр. 13). Отставной артилл. подпоручикъ Н. А. Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцомъ, отправились въ Иркутскъ (ничего не зная о существованіи и планахъ Мышкина) для подновленія привезенныхъ Лопатинымъ свѣдѣній (смотри примѣчаніе 7-е) и для пріобрѣтенія подписей нѣкоторыхъ новыхъ чиновниковъ, успѣвшихъ смѣнить старыхъ. Упоминовеніе пріятельницы Грибоѣдова, даже не покидавшей Петербурга, и вообще вся редакція этого пункта показываютъ, что свѣдѣнія администраціи объ этой затѣѣ были очень отдаленны и смутны.

Изъ воспоминаній о „Рабочемъ Союзѣ" и священникѣ Гапонѣ.

(Предисловіе).

До сихъ поръ въ разныхъ кругахъ нашего общества возникаютъ разговоры и иной разъ жаркіе споры относительно личности бывшаго руководителя „Собранія Русскихъ Фабрично-Заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга", священника Георгія Гапона. Этою, какъ называютъ, „загадочною личностью" еще недавно интересовались очень многіе не только въ Россіи, но и за границей. Но какъ въ разговорахъ и спорахъ, такъ и въ томъ, что писалось о Гапонѣ, масса недосказаннаго, неопредѣленнаго, неяснаго. Самъ Гапонъ, какъ личность, какъ-то ускользнулъ отъ объективной оцѣнки.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣло въ томъ, что само появленіе Гапона на историческомъ пути, съ одной стороны, въ качествѣ священника, съ другой—руководителя рабочихъ массъ,—какъ-то не совмѣщалось въ представленіи россійскаго обывателя; затѣмъ, его дѣятельность на два фронта и нахожденіе между двумя классовыми полюсами была такъ ограничена именно сферами этой спеціальной дѣятельности, а тогдашнія цензурныя условія печати создавали такое положеніе, что на долю русскаго общества того времени выпадали лишь неясныя догадки. Наконецъ, и самъ Гапонъ, въ силу своей дѣятельности, долженъ былъ для лучшаго успѣха дѣла по возможности держаться въ тѣни.

Отсюда и получилась та дымка таинственности, которая окутала личность Гапона.

Такъ какъ, благодаря особой случайности, мнѣ пришлось быть въ курсѣ всего дѣла рабочаго движенія, приведшаго къ 9-му января 1905 года, и, такъ сказать, продѣлать съ Гапономъ всю кампанію 1903 и 1904 г. г., то у меня объ этой личности сложилось нѣсколько иное представленіе, чѣмъ обыкновенно приходится слышать. Поэтому въ оцѣнкѣ Гапона мнѣ часто

приходится занимать особую позицію и приводить такія доказательства, которыхъ у другихъ не имѣется.

Приступая къ своимъ воспоминаніямъ, я считаю необходимымъ предпослать нѣсколько замѣчаній, которыя считаю весьма важными. Во 1-хъ, я совсѣмъ не литераторъ, никакихъ претензій въ этомъ смыслѣ не имѣю, и даже, наоборотъ, считаю, что литературность моя должна находиться подъ большимъ сомнѣніемъ.

Во 2-хъ, я пишу лишь воспоминанія, основываясь отчасти на запискахъ, сдѣланныхъ мною своевременно о тѣхъ или иныхъ, производившихъ на меня впечатлѣніе, отдѣльныхъ фактахъ, но главнымъ образомъ на своемъ личномъ убѣжденіи, основанномъ на близкомъ знаніи всей организаціи, и

въ 3-хъ, я считаю, что задача моя заключается не въ хронологическомъ изложеніи извѣстныхъ фактовъ, а въ освѣщеніи той ихъ внутренней стороны, которая мнѣ могла быть болѣе извѣстна, чѣмъ другимъ.

I.

Начну свои воспоминанія съ описанія моего знакомства съ супругами К—ми. Знакомство состоялось въ 1901 или 1902 г. при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Проживъ въ провинціи на одномъ изъ крупнѣйшихъ южныхъ металлургическихъ заводовъ около 20 лѣтъ, сжившись совершенно съ рабочимъ людомъ и затѣмъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, оторвавшись отъ привычной среды, я никакъ не могъ приспособиться къ новымъ для меня условіямъ чисто буржуазной жизни и буржуазной атмосферы того общества, въ которомъ мнѣ пришлось вращаться. Скучища и тоска были страшныя.

Однажды какъ-то жена сказала мнѣ, что у нея есть хорошая знакомая, вышедшая замужъ за умнаго и развитого рабочаго, и предложила мнѣ познакомиться съ ними, какъ съ очень интересными людьми.

При первомъ удобномъ случаѣ мы съ женой отправились къ этой четѣ.

К—на была росту немного выше средняго, нѣсколько полновата, шатенка, слегка сутуловата; черты смугловатаго лица можно признать некрасивыми, но въ общемъ выраженіе лица было пріятное, а гдѣ-то въ глубинѣ глазъ таилась серьезная мысль и еще глубже, почти совсѣмъ незамѣтной, мерцала теплота чуткой души. Встрѣтивъ ее на улицѣ, можно спокойно пройти мимо, совершенно не обративъ на нее никакого вниманія, но при ближайшемъ знакомствѣ про нее можно было сказать: вотъ человѣкъ, съ которымъ можно хорошо себя чувствовать и которому можно все довѣрить. Что касается ея мужа, то онъ на первый взглядъ совсѣмъ не производилъ никакого впечатлѣнія: средняго роста, худощавый, съ клино-

образной бородкой, тоже слегка сутуловатый, съ неправильными чертами лица, жиденькими свѣтловатыми волосами, застѣнчивый—онъ дичился постороннихъ и незнакомыхъ и вслѣдствіе этого казался сѣренькимъ. Но, вовлеченный въ интересный для него разговоръ, онъ оживалъ, и его свѣтлые глаза становились выразительными и почти красивыми.

Расшевелить рабочаго временъ до 9-го января и вызвать его на откровенность для интеллигента было трудно, но такъ какъ К—ны жену мою очень любили, то и ко мнѣ отнеслись довѣрчиво, а К—на даже ласково. Я замѣтилъ, что меня разсматриваютъ очень внимательно. Очевидно, я произвелъ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ даже недовѣрчивый К—нъ къ концу вечера совсѣмъ развернулся и принималъ оживленное участіе въ разговорѣ.

Разговоръ для насъ былъ очень интересный. Я совсѣмъ изголодался и съ мѣста въ карьеръ пустился описывать бытъ рабочаго люда на южныхъ заводахъ, а также разспрашивать о томъ, какъ живутъ и что думаютъ рабочіе Петербурга. Въ то, теперь далекое по событіямъ время, рабочіе еще и не думали о грандіозныхъ выступленіяхъ. У насъ на югѣ въ политическомъ отношеніи была тишь да гладь. Послѣ извѣстныхъ холерныхъ бунтовъ, когда были дѣлаемы одни изъ первыхъ попытокъ внести въ рабочее движеніе чуть-чуть политической организаціи помощью робкой агитаціи и разбрасыванія прокламацій, на южныхъ заводахъ политическія партіи повели глухую подпольную работу. Дѣло шло медленно, туго захватывая лишь самые передовые рабочіе элементы, организуемые въ строгіе конспиративные кружки, куда попадать могли лишь избранные. Въ крупныхъ же промышленныхъ центрахъ рабочее движеніе уже начинало намѣчаться и уже обратило на себя вниманіе правительства, которое, предчувствуя для себя недоброе, дѣлало попытки превратить это недоброе въ доброе. Появилась знаменитая Зубатовщина, бурей пронесшаяся въ рабочемъ мірѣ и всколыхнувшая дотолѣ казавшуюся спокойной поверхность пролетарскаго моря.

К—нъ превосходно зналъ положеніе дѣла не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Вообще же онъ произвелъ на меня своею настоящею интеллигентностью большое и хорошее впечатлѣніе. Мнѣ и раньше приходилось встрѣчать между рабочими, въ особенности между молодежью, отдѣльные превосходные экземпляры, сильные, бодрые, способные на все и отмѣченные печатью болѣе крупной индивидуальности, чѣмъ въ другихъ слояхъ нашего общества. Но К—нъ отличался огромною начитанностью вообще, а по рабочему вопросу въ особенности, общимъ высокимъ уровнемъ развитія и способностью къ глубокому анализу совершающагося. Онъ ясно, опредѣленно зналъ, что надо рабочему классу у насъ въ Россіи,

такъ какъ отлично зналъ весь историческій ходъ вещей по рабочему вопросу во всемъ мірѣ. Вообще по рабочему вопросу онъ былъ настоящимъ спеціалистомъ.

Г-жа К—на не имѣла теоретическихъ знаній своего мужа, но въ то время, какъ онъ былъ иногда слишкомъ разсудоченъ, жена была гораздо теплѣе, чутче, сердечнѣе,—и этимъ часто приближалась къ существу дѣла ближе своего мужа.

Въ общемъ я увидѣлъ, что эти два человѣка были дѣйствительно замѣчательно интересными людьми, и я былъ очень радъ этому знакомству, которое мы съ удовольствіемъ поддерживали, водя „хлѣбъ-соль".

Въ августѣ или сентябрѣ 1903 года ко мнѣ пришелъ К—нъ и повелъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія.

„Послѣ знаменитой „зубатовщины" самые лучшіе и самые сознательные рабочіе были выброшены за бортъ не только въ Москвѣ, но и кругомъ въ провинціи. Одни изъ нихъ угодили въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, другіе сидятъ и посейчасъ по тюрьмамъ, а третьи, успѣвшіе избѣжать россійскаго правосудія, перешли или на нелегальное положеніе въ отечествѣ или даже бѣжали за границу. Изъ рядовъ рабочихъ были насильственно вырваны лучшіе ихъ представители. Повидимому, начавшееся пробужденіе въ рабочихъ массахъ должно было остановиться. Но несмотря на полный разгромъ и казавшуюся на первый взглядъ безсознательность рабочихъ, мысль рабочаго на самомъ дѣлѣ, именно благодаря этому разгрому, значительно прояснилась. Зубатовская организація такъ или иначе, но показала рабочимъ, что пути для рабочихъ организацій существуютъ и помимо подпольныхъ-конспиративныхъ дѣйствій. Съ другой стороны, и само правительство, получивъ зубатовскій опытъ, также увидѣло, что какъ тамъ ни стѣсняй рабочихъ, какъ ни прижимай, какъ ни огораживай, тѣмъ не менѣе рабочій вопросъ долженъ стать неминуемо на очередь. Наведя панику на рабочія массы, правительство понимало, что долго такой порядокъ продолжаться не можетъ и что выходъ все же придется дать. Почти одновременно съ организаціей „зубатовщины" въ Москвѣ у насъ въ Петербургѣ также стало намѣчаться аналогичное же движеніе. Уже около года и у насъ толкуютъ рабочіе объ организаціи, причемъ замѣтны различныя теченія: одни по московскому рецепту Зубатова, а другіе, не имѣя пока опыта, предлагаютъ видоизмѣненія, имѣя въ виду завѣдомую провокацію. Самъ Зубатовъ бывалъ на собраніяхъ и, конечно, онъ бывалъ тамъ не для того, чтобы дать возможность рабочимъ составить свою собственную организацію. Тѣмъ не менѣе, очевидно, Зубатову въ Петербургѣ не везетъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, у насъ „зубатовщина" не прививается, да и не можетъ привиться, такъ какъ результаты „зубатовщины" уже всѣмъ стали

извѣстны. Но вотъ съ недавняго времени попытки открытой организаціи, повидимому, вступаютъ въ новую фазу. На горизонтѣ рабочаго движенія появилось лицо, въ высшей степени интересное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ рабочее движеніе втискивается посторонній ему элементъ—съ одной стороны, противный рабочему движенію въ корнѣ, съ другой—несмотря на его положеніе противорѣчащее вообще позиціи рабочаго движенія, могущій сыграть крупную роль въ немъ,—это священникъ, а зовутъ его—Георгій Гапонъ. Держится онъ такимъ образомъ, что разгадать его нѣтъ никакой возможности. Говорятъ, что онъ въ душѣ революціонеръ и революціонеръ яростный. Но говорятъ также, что завѣдомые зубатовцы (У—въ, П—въ и др.) тоже считаютъ его своимъ. Далѣе, довольно опредѣленно утверждаютъ, что агентъ охраннаго отдѣленія, зубной врачъ Михайловъ, находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гапономъ и, наконецъ, носятся слухи, что если бы рабочіе захотѣли организоваться подъ командой Гапона, то правительство охотно разрѣшило бы такую организацію. Пока еще хорошенько неизвѣстно, во что выльется настоящее движеніе, но, пожалуй, можно предположить, что ту или иную форму въ концѣ концовъ оно приметъ, такъ какъ ужъ слишкомъ велико общее движеніе въ сторону открытой организаціи. Мы съ женой пока стоимъ нѣсколько поодаль, не принимая слишкомъ активнаго участія въ этомъ движеніи, но безусловно, какъ только оно приметъ мало-мальски опрятный видъ, мы не сумѣемъ удержаться въ сторонѣ и войдемъ въ него, а тогда милости просимъ и васъ принять участіе въ нашемъ дѣлѣ“.

Спустя нѣкоторое время, вѣроятно, около ноября-декабря, К—нъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что организація рабочихъ, о которой онъ говорилъ, подъ главенствомъ Гапона на пути къ осуществленію, что они съ женой рѣшили примкнуть къ этой организаціи и всѣми силами содѣйствовать ея развитію, и поэтому онъ пришелъ переговорить со мною и пригласить меня участвовать въ этомъ дѣлѣ.

— Но какъ же съ опасеніями за новую, уже теперь Гапоновскую, провокацію? спросилъ я.

— Мы его изслѣдовали самымъ подробнымъ образомъ и вынесли самое благопріятное впечатлѣніе. Гапонъ по своему внутреннему существу не только не провокаторъ, но, пожалуй, такой страстный революціонеръ, что, можетъ быть, его страстность въ этомъ отношеніи нѣсколько излишня. Онъ безусловно преданъ идеѣ освобожденія рабочаго класса, но такъ какъ подпольную партійную дѣятельность онъ не находитъ цѣлесообразной, то онъ считаетъ неизбѣжно необходимымъ открытую организацію рабочихъ массъ по извѣстному плану и надѣется на успѣшность своей задачи, если отдѣльныя группы сознательныхъ рабочихъ сомкнутся около него и дадутъ

ему свою поддержку. Такимъ образомъ онъ думаетъ организовать, ведя дѣло возможно осторожнѣе, рабочее общество, въ которое должно войти возможно большее число членовъ. Насчитывая въ обществѣ нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, и сотенъ тысячъ, можно организовать такую пролетарскую армію, съ которой въ концѣ концовъ правительству и капиталистамъ придется считаться въ силу необходимости... Вотъ планъ Гапона, и мы полагаемъ, что планъ этотъ имѣетъ будущность.

— Но позвольте, какъ отнесутся къ вашему рабочему обществу соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры? Вѣдь должны же вы считаться съ тѣмъ, что партіи имѣютъ глубокіе корни въ рабочемъ классѣ, несмотря на свою подпольную дѣятельность, и что самые передовые элементы рабочаго класса, самые развитые рабочіе прямо-таки состоятъ членами партій. А такъ какъ будетъ казаться, что ваша организація—наслѣдіе зубатовщины, то нѣтъ никакого сомнѣнія, вы встрѣтите самый энергичный отпоръ со стороны партійныхъ организацій и, слѣдовательно, со стороны самыхъ лучшихъ своихъ товарищей.

— Да, къ несчастію, это, вѣроятно, такъ и произойдетъ. Хотя мы и имѣемъ надежду на то, что соціалисты-революціонеры къ намъ будутъ нѣсколько снисходительнѣе, но соціалъ-демократы (а вѣдь мы считаемъ себя ихъ кровными родственниками) встрѣтятъ насъ враждебно—это мы уже знаемъ. Конечно, соціалъ-демократы настоящіе учителя рабочихъ; соціалъ-демократія есть непосредственная выразительница нуждъ рабочаго класса—мы это не только признаемъ, но въ основу своихъ дѣйствій ставимъ програму партіи. Между нами имѣются и соціалъ-демократы настоящіе, т. е. или бывшіе партійными работниками или готовые сейчасъ стать таковыми, но расходящіеся въ тактическихъ мелочахъ, имѣющихъ иногда существенное значеніе. Мы поэтому не только не будемъ мѣшать дѣятельности партій, но, наоборотъ, стараться по возможности помогать имъ. Наша дѣятельность будетъ сосредоточена, главнымъ образомъ, въ тѣхъ кругахъ рабочихъ, куда партійнымъ работникамъ доступъ будетъ затрудненъ или куда ихъ совсѣмъ не пускаютъ—именно въ самыхъ малосознательныхъ массахъ. Конечно, мы всѣми силами желаемъ, чтобы наша работа шла совмѣстно, дружно, но такъ какъ, благодаря прямолинейности и непримиримости партій, въ особенности с.-д., на такую работу разсчитывать нельзя, то—что подѣлаешь—мы приготовились повести борьбу за свое существованіе. Намъ будетъ очень трудно, мы это сознаемъ, такая борьба отниметъ у насъ, вѣрнѣе, не дастъ намъ возможности привлечь къ участію болѣе сознательныхъ рабочихъ, что должно отразиться на успѣшности нашей дѣятельности, но несмотря на это, мы разсчитываемъ, что болѣе темныя массы рабочихъ пойдутъ съ нами, а тамъ мало-по-малу и болѣе

сознательные рабочіе станутъ къ намъ примыкать и такимъ образомъ мы перекинемъ мостъ къ партійнымъ организаціямъ. Пусть насъ считаютъ вначалѣ провокаторами, пусть поносятъ, издѣваются, но дѣло само покажетъ, кто мы такіе. Впрочемъ, извѣстныя тренія должны быть неминуемо со всѣхъ сторонъ, и намъ предстоитъ не малая работа: съ одной стороны, мы должны быть самыми благонамѣренными въ глазахъ правительства и не подавать и повода къ подозрѣньямъ со стороны полиціи—это беретъ на себя Гапонъ и съ этой стороны онъ является провокаторомъ и, конечно, будетъ провоцировать, но не насъ рабочихъ..., съ другой—мы во всякомъ случаѣ должны быть тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ есть, т. е. рабочими и, какъ таковые, обязаны защищать интересы рабочаго класса безъ всякихъ натяжекъ. Задача такая, которая можетъ быть разрѣшена лишь при самыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ. Вотъ мы и считаемъ, что такія обстоятельства въ настоящее время у насъ въ наличности имѣются. Начало уже сдѣлано и остается продолжать его такимъ же образомъ. Помните, я говорилъ вамъ про завѣдомыхъ зубатовцевъ (У—ва, П—ова и К.) ихъ уже въ нашей учредительской группѣ нѣтъ, ихъ Гапонъ сумѣлъ выставить.

— А можетъ быть, этимъ Гапонъ сдѣлалъ шахматный ходъ, чтобы снискать ваше довѣріе?

— Можетъ быть и такъ. Чужая душа потемки, и въ сущности Гапонъ это такой чортъ, котораго раскусить невозможно... Но для насъ важно уже то, что между нашими въ нашей теперешней группѣ провокаторовъ нѣтъ, въ этомъ можно поручиться, за исключеніемъ, конечно, самого Гапона... И, наконецъ, мы надѣемся держать его въ рукахъ, а ему во всякомъ случаѣ въ руки не даваться... Словомъ, я вамъ скажу слѣдующее: вы вѣрите мнѣ и женѣ?

— Конечно, вѣрю.

— Ну,—а мы вѣримъ въ наше дѣло. Въ настоящее время для насъ не такъ существенно, Гапонъ или кто другой стоитъ у насъ во главѣ; для насъ необходимо выйти изъ подполья на свѣтъ, найти новые пути для организацій при современномъ положеніи вещей. Рабочій классъ задыхается, какъ и вообще весь русскій народъ, и выходъ необходимъ—тотъ или иной,—и даже само правительство дѣлаетъ попытки растворить окно, но мы обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы въ окно ворвалась свѣжая здоровая струя воздуха и съ нашей стороны было бы преступленіе не вдохнуть эту здоровую струю. Куда мы придемъ такимъ образомъ—въ настоящее время предрѣшить нельзя, но та, на первый взглядъ, зубатовская окраска съ внѣшней стороны во всякомъ случаѣ далеко не зубатовщина, такъ какъ въ основѣ у насъ заложены совсѣмъ другіе принципы, которые неминуемо

скажутся сами собою... Мы, слѣдовательно, будемъ работать главнымъ образомъ ради общенія и сплоченія массъ, медленнаго, осторожнаго развитія ихъ на основахъ с.-д. партіи. Но мы будемъ это дѣлать въ высшей степени осмотрительно, не зарываясь впередъ, но и не пятясь назадъ. Намъ нужны люди, лишь бы они могли быть полезны для насъ. И вотъ я такимъ образомъ формулирую свое предложеніе: можете ли вы найти у себя время и охоту вложить и вашу лепту въ наше дѣло?

— Но что же я долженъ дѣлать?

— Для нашего будущаго „Рабочаго Союза" мы уже подыскали помѣщеніе на Выборгской сторонѣ, по Оренбургской ул., д. № 23. Гапонъ далъ 350 р., которые ему далъ какой-то купецъ-благотворитель [1]), и мы, оплатили квартиру, сдѣлали себѣ обстановку: шкафъ для буфета, столы стулья и т. п. Мы тамъ устроили залъ, вмѣщающій человѣкъ 50—60, но если потискаться покрѣпче,—рабочій народъ не требовательный,—то можно помѣстить и 150—200. Вы устроите намъ музыкальный вечеръ, а недѣли черезъ двѣ другой,—вотъ намъ и окупится помѣщеніе, а, можетъ быть, и барышъ получится... Идетъ?

Я согласился.

— А затѣмъ, вамъ надо будетъ познакомиться съ нашимъ будущимъ руководителемъ, который уже знаетъ о васъ кое-что отъ меня и отъ жены.

Когда-то я былъ регентомъ церковныхъ и другихъ хоровъ,—еще раньше, въ дѣтствѣ, пѣвалъ въ хорахъ архіерейскихъ, живалъ въ монастырѣ,—мнѣ потому на протяженіи болѣе 20 лѣтъ приходилось имѣть дѣла съ нашимъ православнымъ духовенствомъ. Приходилось встрѣчать много священниковъ и глупыхъ, и умныхъ, и высоко нравственныхъ съ внѣшней стороны, и совершенно безнравственныхъ; случались между ними даже искренно вѣрующіе въ то, чему они служатъ, преимущественно же они были комедіанты и въ большинствѣ бездарные,—но революціонеровъ встрѣчать не приходилось. Меня поэтому Гапонъ интересовалъ въ высшей степени. Со словъ К—на я представлялъ себѣ внутреннюю сторону Гапона и мнѣ интересно было провѣрить свои соображенія личнымъ впечатлѣніемъ.

Черезъ нѣкоторое время, условившись съ К—и, я отправился въ квартиру, которая затѣмъ стала историческою, на свиданіе съ человѣкомъ, имя котораго потомъ привлекло къ себѣ вниманіе всей Россіи.

Въ квартирѣ „Рабочаго Союза", какъ предполагалось назвать будущее общество, Гапона не было. Намъ сказали, что онъ пошелъ къ У—ну, за-

[1]) Фактъ передачи денегъ купцомъ, а не поддержкой правительства, ближайшіе сотрудники Гапона подтверждаютъ и въ настоящее время.

вѣдующему квартирой и живущему здѣсь рядомъ. Придя къ У—у, въ глубинѣ комнаты, на диванѣ, за большимъ столомъ, я увидѣлъ лежащую фигуру въ черной рясѣ, поднявшуюся при нашемъ входѣ. Это и былъ Гапонъ. Росту онъ былъ средняго, худощавъ, сложенія нѣжнаго, женственнаго; смуглый брюнетъ, съ тонкими продолговатыми, довольно правильными чертами лица, обрамленнаго пушистыми волосами, съ пушистыми небольшими усами и небольшой бородкой—Гапонъ могъ считаться очень красивымъ и во всякомъ случаѣ оригинальнымъ и интереснымъ съ внѣшней стороны. Но лучше всего у него были глаза—глубокіе, казавшіеся черно-темными, какъ ночь,—они были замѣчательно выразительны, если въ нихъ всмотрѣться попристальнѣе... Мнѣ ясно было видно, что онъ хотѣлъ произвести на меня какое-то особенное впечатлѣніе: глаза его прямо загорѣлись и впились въ меня. Не ожидая такого психическаго воздѣйствія, я чуть было не смутился, но черезъ мгновеніе, овладѣвъ собою, я спокойно сталъ его разсматривать въ свою очередь. Когда нужно, я вообще хорошо выдерживаю взгляды, но тутъ былъ моментъ, когда я чувствовалъ, что, пожалуй, не выдержу; однако, вижу, что у него рябятъ, какъ будто дрожатъ вѣки, еще мгновеніе и стала показываться влага, и тотчасъ же, переведя взоръ, Гапонъ самымъ простымъ, задушевнымъ тономъ, какъ будто никакого состязанія взглядами не было, заговорилъ:

— Ну, здравствуйте, П. П., я ждалъ васъ и очень радъ познакомиться съ вами; я уже хорошо знаю васъ и хочу, чтобы и вы меня хорошенько разузнали, и надѣюсь, что мы съ вами станемъ большими друзьями, тѣмъ болѣе, что мы, пожалуй, съ вами земляки—вы вѣдь малороссъ,—з хохливъ, земляче?“

Хотя, собственно, по происхожденію я великороссъ, но родившись и выросши въ Малороссіи, я считалъ себя больше хохломъ, чѣмъ кацапомъ, и при томъ хорошо говорилъ простымъ деревенскимъ малороссійскимъ языкомъ. У Гапона былъ тоже сильно малороссійскій акцентъ, съ неуловимой примѣсью какого-то посторонняго специфическаго налета, пахнувшаго на меня чѣмъ-то давно знакомымъ, когда онъ закончилъ свои слова по-малороссійски.

— Бувайте здорові, батю... Гопонъ, Гопонъ... что-то вспоминалось мнѣ...

— Не Гопонъ, а Гапонъ,—поправилъ онъ меня.

— Эге, такъ... А вы, батю, не з цыганіевъ?

— Може и з цыганіевъ, та тильки я цёго не знаю. Мій батько вже настоящій украинець и казавъ міні, шо мій дідъ бувъ якъ будто съ Запорожья... А може и брехалы люды...

Глаза Гапона радостно, привѣтливо свѣтились... Я не помню хоро-

шенько, съ кѣмъ я тогда былъ, съ мужемъ или женой К—ми, но мнѣ помнится замѣчаніе потомъ моего спутника, что онъ никогда раньше не видалъ у Гапона такого хорошаго лица. У насъ съ Гапономъ зашелъ простой житейскій разговоръ о томъ, о семъ, о природѣ южной, о нравахъ и т. п. Повидимому, я очень понравился Гапону; онъ сейчасъ же послалъ за пивомъ, которое онъ очень любилъ (и во мнѣ также нашелъ добропорядочнаго компаньона). Гапонъ курилъ, и курилъ запоемъ, какъ рѣдко кто куритъ,—зажигая папироску о папироску. Глядя на его хотя и упругое, но далеко не крѣпкое сложеніе и узковатую грудь, я замѣтилъ, что не мѣшало бы курить поменьше.

— Э, чего тамъ стѣснять свои такія скромныя желанія, все равно придется скоро умирать...

Въ тонѣ этой фразы слышалось какое-то значеніе.

Насъ потомъ оставили вдвоемъ и за стаканомъ пива, въ клубахъ дыма мы непринужденно, весело бесѣдовали. Отъ того Гапона, вѣрнѣе отъ перваго его взгляда, которымъ онъ встрѣтилъ меня, ничего не осталось... Рѣчь его пересыпалась малороссійскимъ юморомъ; онъ, повидимому, и вообще, былъ весь нараспашку. Я тоже охотно вошелъ въ тонъ; охотно отвѣчалъ его настроенію, но у меня передъ глазами все время стоялъ его первый огненный взглядъ... И думалъ я: „а и ловокъ же ты"... Мои мысли тотчасъ же подтвердились.

— А что вы, П. П., думаете обо мнѣ?"—сказалъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно Гапонъ.

— Я думаю... думаю...—Что же въ самомъ дѣлѣ сказать ему?—раздумывалъ я усиленно, застигнутый врасплохъ и, осѣненный мыслью самому перейти въ наступленіе, я отвѣтилъ:

— Я думаю: а ловокъ же ты, батя!

Онъ, дѣйствительно, оказалось, совсѣмъ не ожидалъ такого отвѣта, нѣсколько смутился и примолкъ; наступило молчаніе. Видно было по его лицу, что онъ въ данную минуту что-то серьезно обсуждаетъ. Я въ свою очередь всѣми силами старался проникнуть въ его мысли.

— Да, вы правы,—сказалъ, наконецъ, Гапонъ,—вы именно, вѣрнѣе, именно вы должны были такъ думать...

— Почему именно я?

— Мнѣ говорили о васъ, какъ о простомъ, искреннемъ человѣкѣ. Оказалось, что мнѣ говорили мало, и я встрѣтилъ, повидимому, гораздо большее, чѣмъ предполагалъ... И... и къ тому же мнѣ кажется, что вы изъ тѣхъ, съ которыми надо считаться... да...

— Бросьте, батя, комплименты, а еще, лучше бросьте со мною...

— Дипломатію, хотите вы сказать?

— Если хотите, дипломатію... а по моему, бросьте со мною хитрить.

— Хорошо, пусть будетъ такъ. Пойдемъ на чистоту. Но вы будете мнѣ вѣрить, если я вамъ буду говорить такъ, какъ говоритъ вѣрующій человѣкъ на исповѣди, какъ говорятъ понимающіе другъ-друга отецъ съ сыномъ, возлюбленная возлюбленному и обратно?

— Не знаю, можетъ быть, повѣрю, можетъ, и нѣтъ...

— И вотъ, вся моя жизнь такъ идетъ!—съ глубокой горечью сказалъ Гапонъ,—никогда еще въ жизни у меня не было и близкаго по духу и равнаго по силѣ человѣка, съ которымъ я могъ бы по душѣ поговорить, которому я могъ бы повѣдать всѣ тѣ мысли, которыя бурно толпятся въ моей головѣ, и высказать тѣ чувства, которыя кипятъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ иногда страстно хочется высказаться передъ кѣмъ-либо другимъ, способнымъ понять меня, хотя бы для того, чтобы въ самомъ процессѣ разговора провѣрить самого себя, хотя бы для того, чтобы услышать слово критики, не той критики, отъ которой становится еще больнѣе, а разумной и сочувственной критики, въ которой находишь опору для дальнѣйшаго. Я иногда, въ безысходной тоскѣ, запираюсь, разговариваю самъ съ собою, вызывая въ своемъ воображеніи ликъ совершеннѣйшаго человѣка, повѣряя ему все накопившееся въ моей душѣ, всю чувствуемую мною скорбь человѣчества, обездоленнаго и обдѣленнаго въ своихъ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ, человѣчества, которому я считаю себя обязаннымъ служить и за нужды котораго я всѣ свои силы, всего себя готовъ отдать хоть на сожженіе. Я, матеріалистъ по всему своему существу, революціонеръ, безразлично какой по убѣжденіямъ, — говорю самъ съ собою передъ образомъ Христа—и образъ этотъ я помѣстилъ у своего письменнаго стола—и дохожу до изступленія, иногда заканчивающагося религіознымъ экстазомъ, который мнѣ потомъ приноситъ внутреннія страданія, такъ какъ я ясно потомъ вижу, что, уклоняясь отъ спокойнаго объективнаго положенія вещей, я рискую стать душевно-больнымъ. Никто никогда меня не понималъ: одни меня любили, но боялись, другіе ненавидѣли и совершенно незаслуженно обвиняли меня въ томъ, въ чемъ я не могъ быть виновенъ. Но никто не задумывался о томъ, что вѣдь и у меня обыкновенная человѣческая душа, что вѣдь и я такой же человѣкъ, какъ и другіе люди, что и у меня такія же слабости, какъ и у другихъ.

— Вся жизнь моя съ самаго ранняго дѣтства идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ критически относиться къ окружающему, я нигдѣ и ни въ комъ не находилъ себѣ отзвука: юношей меня считали опаснымъ революціонеромъ, далѣе я сталъ подозрительнымъ человѣкомъ, затѣмъ священство, какъ результатъ моихъ поисковъ истины, и, наконецъ, въ данное время я провокаторъ... Но кто вошелъ въ

мою душу, кто ласково глянулъ въ мои глаза, кто попытался поддержать, утѣшить меня въ моихъ скрытыхъ внутреннихъ страданіяхъ, кто помогъ мнѣ подняться послѣ многихъ паденій, кто раздѣлилъ бы со мною ту бурю негодованія, кипящую и клокочущую во мнѣ, при видѣ общаго страданія угнетеннаго люда? Никто не отзывался искренно, просто. Всѣ, съ которыми я мало-мальски сходился поближе, видѣли во мнѣ темнаго человѣка,—одни по однимъ причинамъ, другіе по другимъ, и никто не хотѣлъ признать во мнѣ обыкновеннаго, простого человѣка, кипящаго негодованіемъ и готоваго положить всего самого себя за други своя...

Онъ рѣзко оборвалъ. Въ глазахъ его были слезы, и весь онъ какъ-то поблекъ, сжался, потемнѣлъ въ лицѣ и, видимо, жестоко страдалъ.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ тише и спокойнѣе—я самъ виноватъ и это я сейчасъ сознаю ясно и опредѣленно. Вотъ, напр., вы—я чувствую это—изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ понимать другихъ. Вы на первый взглядъ человѣкъ мягкій, деликатный, но въ то же время чувствуется въ васъ и такое сопротивленіе, что я впервые пассую, несмотря на сильное желаніе подчинить васъ себѣ, какъ это я всегда дѣлаю со всѣми, которые мнѣ были нужны, кто бы они ни были.—Говорю вамъ это искренно...— Такъ вотъ, не ожидая васъ такого, я попалъ на ложный путь и началъ не такъ съ вами, какъ слѣдовало бы... Не знаю, удастся ли мнѣ загладить первое впечатлѣніе, но говорю вамъ, какъ передъ самимъ собою, что съ вами я хотѣлъ бы быть въ самыхъ дружескихъ, родственныхъ отношеніяхъ. Пойдемъ ли мы вмѣстѣ съ вами или нѣтъ, но вѣрьте мнѣ всегда, вѣрьте въ мое искреннее чувство полной солидарности съ угнетеннымъ классомъ и мое горячее желаніе быть ему полезнымъ во что бы то ни стало. Какъ бы дѣла ни повернулись, что бы со мною ни случилось,—эту мысль никогда, никто и ничто во мнѣ не вытравитъ. Я раскрываю передъ вами свое внутреннее „я“, вѣрите ли вы мнѣ теперь, и примете ли вы мою руку, какъ искренняго друга?

Рука его была холодна, и самъ онъ былъ блѣденъ и какъ бы омертвѣлъ.

Мнѣ въ началѣ его горячей рѣчи и затѣмъ во все продолженіе ея было тяжело, такъ тяжело, что я хотѣлъ встать и обнять его, приласкать, какъ милаго, обиженнаго ребенка—и не знаю, почему я этого не сдѣлалъ... У меня въ глазахъ также были слезы, какъ и у него. Я былъ убѣжденъ, что передо мною дѣйствительно страдающій человѣкъ, который, въ случаѣ надобности, не задумается и на костеръ пойти за идею, а идея его была безусловно та, про которую онъ только-что говорилъ — это освобожденіе угнетенныхъ.—Но связь его съ охранкой страшно смущала меня, я не могъ логически примирить абсолютную преданность идеѣ, какъ я ее понималъ,

съ этой проклятой связью. Разспрашивать про эту связь сейчасъ было не удобно: нужно было опять растравлять его больныя раны,—и на его призывъ я могъ отвѣтить только тѣмъ, что сказалъ:

— Хорошо, батя, я постараюсь вѣрить вамъ.

— Спасибо и на этомъ,—съ горечью и съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, и здѣсь вы правы,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Мои чувства вылились преждевременно: вамъ извѣстны нѣкоторые факты, которые не мирятся съ только-что сказаннымъ... Да, это сложная, длинная исторія... Всю ее разсказывать—много займетъ времени, — скажу вамъ поэтому вкратцѣ. Еще юношей я попалъ въ тюрьму, тамъ я многое узналъ и тамъ я получилъ, какъ и всѣ, попадающіе туда, практическое политическое воспитаніе. Я увидѣлъ, что обыкновенными путями, т. е. честными, ничего не подѣлаешь. По моему, путь, т. е. тактика нашихъ революціонныхъ партій слишкомъ прямолинейна, слишкомъ прозрачна, такъ прозрачна, что сквозь нее все видно, какъ на ладони. Правительство же въ достиженіи своихъ цѣлей совсѣмъ не церемонится и никакими средствами не брезгаетъ. Къ тому же и аппаратъ для борьбы въ видѣ полиціи и пр. въ распоряженіи правительства имѣется неизмѣримо лучшій, чѣмъ у всѣхъ партій вмѣстѣ взятыхъ; силы далеко не равны,—ихъ надо уравнять. Помимо организаціи массъ, необходимо еще кое-что... Созданію этого кое-что я посвятилъ всѣ свои силы, и мнѣ кажется, что въ настоящее время я располагаю такими данными, которыя неминуемо дадутъ желанный результатъ. Вѣроятно, мнѣ придется не мало выстрадать, прежде чѣмъ достигну мало-мальски положительныхъ результатовъ... быть можетъ, придется погибнуть не только безславно, но и съ позоромъ... но я надѣюсь достигнуть такихъ результатовъ, что исторія потомъ выяснитъ...

Я чувствовалъ себя нѣсколько смущенно. Мнѣ казалось, что Гапонъ уже слишкомъ забѣгаетъ впередъ, слишкомъ придаетъ большое значеніе своей будущей работѣ, даже до исторіи добирается,—это я и высказалъ.

— А что-жъ вы думаете,—разумѣется, дѣло идетъ такимъ образомъ, что приведетъ къ такимъ событіямъ, которыхъ исторія не можетъ игнорировать,—отвѣтилъ Гапонъ. — Никто и представить себѣ не можетъ, что получится изъ нашего будущаго „Рабочаго Союза". Черезъ два-три года всѣ 200000 человѣкъ петербургскихъ рабочихъ будутъ членами союза,—а провинція?—Мы разовьемъ дѣятельность во всей Россіи: всѣ промышленные центры, всѣ даже отдаленные закоулки будутъ нами втянуты въ „Союзъ", мы всю Россію покроемъ сѣтью нашихъ организацій; это будетъ колоссальная организація, какой еще свѣтъ не видѣлъ... у насъ будетъ такая сила, что все должно будетъ подчиняться рабочему и вообще трудовому люду, и тогда...

Глаза его опять заблестѣли, въ нихъ выражался восторгъ, и весь Гапонъ преобразился—онъ сталъ прекраснымъ. Нельзя было, не было возможности ему не вѣрить въ данный моментъ. Но все же меня не покидала мысль: „а и ловокъ же ты, батя“. Тѣмъ не менѣе, я уже рѣшилъ помогать Гапону, по мѣрѣ силъ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы всегда быть на-чеку. Я вѣрилъ, что у него на первомъ планѣ идея принести себя, въ случаѣ надобности, въ жертву освобожденія угнетеннаго люда, но я также и сомнѣвался въ немъ, — сумѣетъ ли онъ пойти надлежащимъ путемъ. При его сильной экзальтированности, при его политической неустойчивости, онъ въ тактическомъ отношеніи могъ надѣлать столько непоправимыхъ ошибокъ, что весь пылъ могъ принести не пользу, а вредъ тому дѣлу, которому онъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Я поэтому заявилъ ему, что, соглашаясь съ нимъ сотрудничать, я хочу всегда быть совершенно освѣдомленнымъ обо всемъ, и освѣдомленность эта должна исходить не изъ того, что могъ мнѣ передавать Гапонъ или его сотрудники, а чтобы мнѣ былъ разрѣшенъ свободный входъ на всѣ собранія и чтобы о собраніяхъ этихъ мнѣ всегда аккуратно сообщалось. Далѣе я ему кратко формулировалъ слѣдующее свое условіе: „смотрите же, батя, со мною, значитъ, никогда не хитрить“. Обмѣнявшись рукопожатіемъ, мы перешли къ чисто практическимъ разговорамъ о томъ, какъ бы начать музыкальное дѣло попрочнѣе. Мы намѣтили приблизительный планъ нашей будущей музыкальной дѣятельности. Сначала, пока дѣло не установится и пока не наберется такого числа членовъ будущаго „Рабочаго Союза“, которое потребуетъ открытія дальнѣйшихъ отдѣленій, „Союзъ“ будетъ находиться въ уже приспособленномъ помѣщеніи на Оренбургской улицѣ. Музыкальная часть должна быть въ полномъ моемъ вѣдѣніи и будетъ заключаться пока лишь въ устройствѣ музыкальныхъ вечеровъ съ приглашаемыми артистическими силами, при чемъ, если бы оказалось, что въ числѣ членовъ „Союза“, т. е. настоящихъ рабочихъ, нашлись бы мало-мальски подходящія лица для публичнаго выступленія, то привлекать ихъ къ участію въ вечерахъ самымъ усиленнымъ образомъ. Направленіе музыки должно быть серьезное, чтобы отъ нашихъ музыкальныхъ вечеровъ получалось не только развлеченіе, но, по возможности, и извѣстное музыкальное развитіе. Въ программу рѣшили включать и чтеніе, но также серьезнаго направленія: разсказы, стихотворенія, небольшія сцены изъ лучшихъ русскихъ драматическихъ и др. произведеній. Оказалось, что у Гапона для этой части еще кое-кто имѣлся въ виду: онъ указалъ на одну извѣстную въ Петербургѣ артистку, пѣвицу, его хорошую знакомую, г-жу Т., на милаго, въ высшей степени симпатичнаго полковника К., прекраснаго чтеца-декламатора, и еще на одну очень извѣстную антрепре-

нершу г-жу Н., которая, по мнѣнію Гапона, должна была живо откликнуться на рабочее дѣло, и на которую, когда дѣло разовьется, предполагалось возложить литературную часть. Въ дальнѣйшемъ предполагалось устроить хоръ и оркестръ изъ рабочихъ и затѣмъ открыть музыкальные курсы съ болѣе широкими задачами.

Гапонъ, повидимому, охотно согласился на мои условія и одобрилъ предложенный мною планъ [1]). Такимъ образомъ музыкальная сторона дѣла была устроена; кромѣ того, Гапону обѣщали содѣйствіе еще нѣкоторыя лица по устройству лекцій.

Лекціи предполагались по различнымъ отраслямъ науки, и для организація этой части нужно было потрудиться не мало. Прежде всего необходимо было привлечь такое лицо или такихъ лицъ, которыя дѣйствительно могли бы взять на себя организацію такого сложнаго дѣла. Очевидно, въ этомъ отношеніи Гапону или не повезло, т. е. онъ не могъ подыскать подходящихъ людей, или же обѣщавшіе свое содѣйствіе гг. М—въ и М—нъ не нашли возможнымъ работать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія ихъ ставилъ Гапонъ. Послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ указанныя лица, начавъ было дѣло, скоро отказались; я слыхалъ, что Гапонъ вмѣшивался въ подробности организаціи и этимъ мѣшалъ самому дѣлу. Гапонъ много разъ просилъ меня указать такихъ лицъ, которыя могли бы быть полезными этому дѣлу, и я потомъ предлагалъ ему обратиться къ нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ представителямъ науки, съ которыми я уже предварительно велъ переговоры, но Гапонъ все время собирался и такъ-таки и не собрался пригласить ихъ. Между тѣмъ, ему нужно было только побывать у нихъ, выяснить свой взглядъ на постановку дѣла, сговориться о деталяхъ и пр., а принципіальное согласіе съ ихъ стороны уже было

---

[1]) Въ развитіе этого дѣла въ началѣ 1904 г. я имѣлъ предварительные переговоры съ бывш. управляющимъ придворной капеллы г. Кленовскимъ. Онъ отнесся вполнѣ сочувственно къ моему плану о развитіи хорового пѣнія, который заключался въ слѣдующемъ.—Въ каждомъ Отдѣлѣ открывается классъ хорового пѣнія для мужчинъ, женщинъ и дѣтей; при чемъ предполагалось всѣ усилія направить къ тому, чтобы въ классъ этотъ поступало возможно большее количество учащихся; занятія ведутся строго придерживаясь общей для всѣхъ программы и по одному методу. Учащіеся разбиваются на группы, соотвѣтственно успѣхамъ, и изъ подготовленныхъ въ каждомъ Отдѣлѣ составляется свой хоръ.

Я уже имѣлъ раньше довольно обширную практику въ устройствѣ такихъ хоровъ изъ рабочихъ же, у меня имѣется свой собственный методъ веденія занятій, и по опыту я зналъ, что рабочіе идутъ въ хоръ съ величайшею охотою, прекрасно усваиваютъ хоровую дисциплину и благодаря этому въ успѣшности далеко оставляютъ за собою своихъ сотрудниковъ-интеллигентовъ. А въ данномъ случаѣ, присматриваясь къ настроенію рабочихъ, можно было ожидать выдающихся благопріятныхъ результатовъ. Вопросъ могъ быть осложненъ лишь вслѣдствіе недостатка въ преподавателяхъ, но, благодаря любезности г. Кленовскаго, все могло быть налажено самымъ желательнымъ образомъ, такъ какъ онъ обѣщалъ въ каждый Отдѣлъ для хоровыхъ занятій командировать столько учащихся въ

дано. Меня очень занимало такое уклончивое отношеніе Гапона къ данному вопросу, я пытался выяснить причины его, такъ какъ вопросъ объ устройствѣ лекцій до самаго конца не былъ урегулированъ, но уяснить себѣ этого я никакъ не могъ.

Первый музыкальный вечеръ былъ данъ въ декабрѣ 1903 г. Я не считалъ нужнымъ особенно торопиться, не устроивъ всего дѣла такимъ образомъ, чтобы оно могло итти безостановочно. Для этого я обратился къ нѣкоторымъ знакомымъ артисткамъ и артистамъ, заручился ихъ согласіемъ пѣть и читать для рабочихъ; нѣкоторые согласились взять на себя трудъ и по организаціи дѣла. Такимъ образомъ, начавъ въ декабрѣ, мы уже могли давать вечера регулярно каждую недѣлю, но такъ какъ помѣщеніе нужно было все первое время на устройство и вообще организацію самого „Рабочаго Союза", то рѣшено было давать музыкальные вечера два раза въ мѣсяцъ, чтобы сборомъ съ нихъ окупались расходы для уплаты за квартиру. Цѣль эта легко достигалась, и даже получался избытокъ, такъ какъ въ эти вечера буфетъ (чай, фрукты, конфекты) торговалъ на славу, хотя цѣны были установлены наивозможно дешевыя.

Общія собранія рабочихъ бывали по средамъ вечеромъ и по воскресеньямъ днемъ; на нихъ обыкновенно предсѣдательствовали кто-нибудь изъ рабочихъ, такъ называемыхъ, „штабныхъ", и иногда, въ случаѣ надобности, а также и для того, чтобы поучить предсѣдателя руководить собраніемъ, Гапонъ самъ присутствовалъ или предсѣдательствовалъ на нихъ. Впрочемъ, это было въ первое время, а въ дальнѣйшемъ „штабные" наладились и сами умѣли управляться. По субботамъ вечеромъ бывали, такъ называемыя, „кружковыя" собранія, входъ на которыя имѣли сравни-

---

регентскихъ классахъ при Придворной Капеллѣ, сколько бы ни понадобилось. Мое предложеніе встрѣтило сочувствіе у г. Кленовскаго главнымъ образомъ потому, что для учащихся въ регентскихъ классахъ наши Отдѣлы, давая хоровую практику, являлись находкой, тѣмъ болѣе, что примѣняющіеся обыкновенно у насъ методы хорового пѣнія крайне неудовлетворительны, а незадолго до этого г. Кленовскій былъ въ Парижѣ, гдѣ изучилъ совершенно новый методъ, по его словамъ, дающій тамъ поразительные результаты, и этотъ методъ можно было провѣрить въ Отдѣлахъ въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Мы имѣли въ виду впослѣдствіи собирать эти хоры вмѣстѣ, что при занятіяхъ по одной программѣ не представляло никакихъ затрудненій и въ такомъ случаѣ можно было создать совмѣстный и дисциплинированный хоръ не въ одну тысячу человѣкъ.

Но такъ какъ Отдѣлы открывались съ осени 1904 г. почти безпрерывно (въ теченіе 4 мѣсяцевъ—10), то начать хоровое дѣло я просто не успѣвалъ; была необходимость въ деньгахъ и нужно было ихъ добывать музыкальными вечерами; къ тому же было желательно, чтобы хоровое пѣніе было начато одновременно, по возможности, во всѣхъ отдѣлахъ. Къ концу 1904 г. почти весь Петербургъ уже былъ окруженъ отдѣлами и дальнѣйшаго открытія ихъ не предвидѣлось, поэтому начало хорового пѣнія было отложено на январь 1905 г.

Однако, въ январѣ также не удалось открыть хорового класса, — пѣніе пошло другого характера.

тельно немногіе даже изъ рабочихъ, а посторонніе „интеллигенты“ совсѣмъ не допускались. Бывали и еще болѣе интимныя собранія только однихъ „штабныхъ“; именно на послѣднихъ собраніяхъ, главнымъ образомъ, и намѣчались всѣ тѣ планы и дѣйствія, которые затѣмъ проводились на кружковыхъ собраніяхъ и уже послѣ этого сообщались въ готовомъ видѣ и безъ всякаго труда распространялись на общихъ собраніяхъ и, наконецъ, въ массахъ. Въ штабныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ у кого-либо на квартирѣ, въ видѣ „гостей“ участвовали почти все одни и тѣ же лица, новое лицо рѣдко встрѣчалось и то для какого-либо сообщенія, какъ свѣдущееe лицо, но не для рѣшенія. Это были: самъ Гапонъ, А. Е. К., В. М. К., Н. М. В—въ, Васильевъ [1]), И. М. Х—въ, В. И—въ, Хайко [2]), Я. И—въ., У—въ. Бывали тутъ иногда еще два совсѣмъ молодыхъ человѣка—Степанъ Сергѣевъ [3]) и Сережа.

Знаменитаго У—ва, П—ва и другихъ завѣдомыхъ зубатовцевъ живо выставили, не знаю ужъ какимъ образомъ, но я ихъ ни разу не встрѣчалъ. Эта выброшенная группа образовала почти одновременно съ „Рабочимъ Союзомъ“ второе общество, которое влачило довольно жалкое существованіе—и не мудрено: оно, только-что открывшись и не расчитывая на свои собственные соки для питанія, нашло себѣ помимо всего прочаго еще и теплое мѣстечко подъ крылышкомъ „Русскаго Собранія“, откуда, повидимому, нѣкоторое время черпало и матеріальную поддержку... Послѣ того, какъ дѣла этого общества совсѣмъ упали, такъ какъ рабочіе совсѣмъ не хотѣли итти въ него (за годовое существованіе было что-то около 300 членовъ), У—въ, какъ извѣстно, перенесъ свою дѣятельность въ Экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Ораторы изъ Гапоновскаго Общества бывало частенько отправлялись къ У—вцамъ на ихъ собранія для обличенія ихъ руководителей и очень успѣвали въ этомъ...

Я уже сказалъ, что главное направленіе дѣятельности шло изъ „штаба“, здѣсь же вырабатывался и уставъ „Рабочаго Союза“ и настолько успѣшно, что въ декабрѣ 1903 г. онъ былъ законченъ, а въ февралѣ 1904 т. уставъ этотъ съ значительными измѣненіями былъ утвержденъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ названіе „Рабочаго Союза“ показалось слишкомъ многозначительнымъ, и поэтому пришлось дать другое названіе: „Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга“. Съ измѣненіемъ устава, дѣятельность „Собранія“ на всю Россію, какъ предполагалъ Гапонъ и его сотрудники, сразу парализовалась, и имъ оставался только Петербургъ. Это обстоятельство вызвало

---

[1]) Убитъ въ Петербургѣ 9 января.
[2]) Убитъ въ Тулѣ.
[3]) Убитъ въ Саратовѣ въ октябрьскіе дни.

было порядочное волненіе рабочихъ, но затѣмъ, пораздумавъ, рѣшили пока примириться съ этимъ, а дѣятельность въ провинціи пока развивать нелегально... Но попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Съ утвержденіемъ устава „Собранія“ энергія руководителей все усиливалась, члены стали быстро прибывать, и членскіе взносы стали поступать довольно исправно.

У Гапона уже появилась мысль объ изданіи самостоятельной газеты.

II.

Теперь я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о настоящей роли Гапона въ „Собраніи“. Мы такъ привыкли, что Гапонъ былъ руководителемъ всего, такъ, повидимому, неожиданно вспыхнувшаго и такимъ яркимъ пламенемъ разгорѣвшагося рабочаго движенія, что по невѣдѣнію одни приписываютъ ему всякія небывалыя у него достоинства, другіе же, наоборотъ, въ его лицѣ видятъ чуть ли не антихриста... Одна очень умная и милая губернаторша, узнавъ (послѣ 9-го января), что мы съ Гапономъ были пріятели и что я до извѣстной степени былъ его сотрудникомъ, такъ перепугалась, что даже отодвинулась отъ меня; въ ихъ кругу о Гапонѣ говорили съ ужасомъ и ненавистью, и такихъ круговъ мнѣ приходилось встрѣчать очень много и не только въ провинціи, но и здѣсь въ Петербургѣ. Сюда относится весь офиціальный чиновный Петербургъ, все купечество, духовенство, служащіе разныхъ учрежденій и т. п. Болѣе правые изъ нихъ называютъ Гапона мерзавцемъ, подлецомъ, христопродавоемъ и др. не менѣе лестными эпитетами, основываясь на томъ соображеніи,—какъ, молъ, онъ могъ забыть Бога, церковь, царя и продаться жидамъ и революціонерамъ. Идя далѣе влѣво, встрѣчаешь другую оцѣнку Гапона. Здѣсь говорятъ о немъ изрѣдка сочувственно, но въ огромномъ большинствѣ считаютъ его форменнымъ провокаторомъ. [1])

---

[1]) Къ сожалѣнію, никто не далъ до сихъ поръ какъ настоящаго облика Гапона, такъ и его роли въ „Собраніи“.

Прекрасное, сдѣланное на основаніи анкеты, изслѣдованіе Л. Я. Гуревичъ (Былое, январь 1906 г.) даетъ точную и яркую картину „Народнаго движенія 1905 г.“, вѣрнѣе 9 января. Но о томъ, какимъ образомъ создалось это движеніе, какъ оно зернышкомъ было брошено въ землю, затѣмъ разросталось, произведенная анкета ничего не говоритъ, да и не могла сказать, ибо анкета была произведена въ широкихъ слояхъ, которые въ самой начальной организаціи участія не принимали и были втянуты въ движеніе позднѣе.—Къ тому же о сущности организаціи меньше всего знали на Шлиссельбургскомъ тракту, гдѣ производилась анкета. Въ этомъ районѣ рабочіе въ общемъ наиболѣе сознательны и вначалѣ на „гапоновщину“ тамъ смотрѣли съ большимъ недовѣріемъ и уже только тогда, когда „Собраніе“ стало принимать совершенно опредѣленное направленіе былъ открытъ „Невскій Отдѣлъ“—это, если не ошибаюсь, было не раньше октября 1904 г. Въ этомъ районѣ, благодаря болѣе высокому уровню развитія рабо-

Въ началѣ дѣятельности „Собранія" средній, тогда еще не дифференцировавшійся обыватель относился къ „Собранію" и къ его руководителю, Гапону, болѣе чѣмъ сочувственно; были попытки къ пожертвованіямъ, которыя отклонялись, но въ общемъ о дѣятельности „Собранія" въ широкихъ кругахъ мало знали.

Со стороны партіи с.-д. „Собраніе" встрѣтило рѣзкое противодѣйствіе. Трудно сказать, откуда именно, но на собранія по средамъ вечеромъ, по воскресеньямъ днемъ часто приходили лица, пытавшіяся выступать съ довольно рискованными по тогдашнему времени рѣчами. Очень часто видѣли въ этомъ провокацію, но иногда бывали, повидимому, и настоящіе парт. работники съ горячими головами. Направленіе „Собранія" было въ высшей степени лойяльное съ виду; было рѣшено въ политику пускаться осторожно, боялись преждевременно раскрыть карты и сорвать все дѣло... И неопытнымъ еще предсѣдателямъ бывало очень трудно руководить преніями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда провокаторскія выступленія бывали несомнѣнны, съ такими „ораторами" не церемонились и живо ихъ обрывали и выставляли, но въ случаяхъ, когда дѣло касалось ораторовъ партійныхъ, здѣсь оно принимало тяжелый оборотъ... предсѣдатель чувствовалъ себя иногда въ безвыходномъ положеніи: оборвать оратора почти все равно, что обрывать самого себя, а между тѣмъ партійные ораторы не церемонились

чихъ, созданному толковой партійной пропагандой, почва для рабочаго движенія была наиболѣе подходяща, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Что касается труда г. Симбирскаго „Правда о Гапонѣ и о 9 янв"., то его можно было бы назвать довольно обстоятельнымъ, если бы г. Симбирскій сразу не занялъ такой позиціи, съ которой можно смѣло пускаться лишь въ область сомнительной метафизики, не менѣе сомнительной психологіи, совсѣмъ сомнительнаго анализа и примитивной критики партій и ихъ дѣятельности. Онъ посадилъ даже Гапона прямо въ лидеры с.-д. партіи. Словомъ, онъ высказалъ столько примитивнаго пониманія и такой же оцѣнки Гапона и его отношеній къ партіямъ, что вся его книжка, въ частностяхъ безусловно интересная, въ цѣломъ теряетъ всякое значеніе.

Г. Феликсъ въ своей брошюрѣ „Г. А. Гапонъ и его общественно-политическая роль", подвергнувъ справедливой въ общемъ и страшно ѣдкой критикѣ Гапона, по моему мнѣнію, нѣсколько ошибается: у него Гапонъ выходитъ авантюристомъ и карьеристомъ, а я думаю—и увѣренъ въ этомъ,—что Гапонъ, благодаря своей политической неустойчивости и недостаточной опредѣленности только авантюристъ, но совсѣмъ не карьеристъ. Мнѣ приходилось видѣть Гапона въ различныхъ положеніяхъ общественной и домашней жизни, и, какъ ни хитри, а карьеристъ скажется на протяженіи 2 лѣтъ въ какой-либо мелочи въ смыслѣ личныхъ удобствъ и потребностей, а за такой промежутокъ времени я видѣлъ въ Гапонѣ строжайшій фанатическій аскетизмъ въ отношеніи къ самому себѣ и благожелательное отношеніе къ удобствамъ другихъ.

Г. Петровъ („Правда о Гапонѣ") касается дѣятельности Гапона лишь самаго послѣдняго періода и, будучи совершенно правъ съ наружной формальной стороны, въ сущности слишкомъ субъективенъ; къ тому же Гапона онъ узналъ сравнительно поздно, должно быть, около сентября-октября 1904 г., когда Гапонъ только и зналъ, что открывалъ Отдѣлы, а затѣмъ въ дѣятельности Гапона, послѣ 9 января 1905 г. наступилъ переломъ, который въ концѣ концовъ и далъ право г. Петрову усумниться въ своемъ идолѣ.

и вопросы ставили прямо, такъ прямо, что являлась опасность за существованіе „Собранія", если такія рѣчи будутъ въ немъ допускаться.

Происходили тягостные инциденты, когда ораторъ не хотѣлъ подчиняться предсѣдателю. [1]) Въ концѣ концовъ получилось враждебное отношеніе партіи къ „Собранію" и обратно. Такимъ образомъ и появилось со стороны с.-д. отношеніе къ „Собранію", какъ къ учрежденію провокаторскому. Здѣсь также Гапона называли мерзавцемъ и подлецомъ. А такъ какъ болѣе проницательные люди съ самаго начала видѣли, что дѣятельность и направленіе „Собранія" идетъ изъ какого-то опредѣленнаго источника, а идеи выбрасывались на общихъ собраніяхъ рабочихъ уже совершенно готовыми къ воспринятію, въ популяризированномъ видѣ, то, естественно, всѣмъ, не знавшимъ организаціи, на видъ бросался прежде всего Гапонъ. На самомъ же дѣлѣ Гапонъ далеко не игралъ той роли, какая ему приписывается. Душею всего дѣла были супруги К.; къ нимъ непосредственно примыкали: Х—въ, И—въ, Я. И—въ и др.—это была прямая оппозиція Гапону—вплоть до 9-го января.

Къ названнымъ лицамъ тяготѣли, какъ къ своимъ товарищамъ рабочимъ, почти всѣ замѣтные рабочіе организаціи. Кажется, только Васильевъ и вступившій гораздо позднѣе Кузинъ были приверженцами Гапона, В—въ иногда бывалъ съ Гапономъ, иногда примыкалъ къ оппозиціи. Для характеристики взаимоотношеній я попытаюсь сдѣлать такое сравненіе.

Надо представить себѣ оркестръ, но безъ дирижера. Дирижера нѣтъ, и его совсѣмъ не полагается. Въ этомъ оркестрѣ Гапонъ игралъ первую скрипку и являлся коммерческимъ представителемъ оркестра. Когда надо о чемъ условиться съ нанимателями оркестра и вообще вести переговоры, тогда первый скрипачъ шелъ и велъ переговоры, согласно съ полученными отъ оркестра условіями. Возвратившись и сѣвъ за пюпитръ, скрипачъ долженъ былъ держать тотъ темпъ, который ему давалъ весь оркестръ. К—нъ игралъ на контрабасѣ, жена его на кларнетѣ, Х—въ на тромбонѣ, У—въ на барабанѣ.—словомъ, главные инструменты были въ рукахъ своихъ музыкантовъ, и какъ только бывало Гапонъ захочетъ взять свой темпъ, не подходящій остальнымъ, тотчасъ кто-нибудь заявлялъ: „ну, товарищи, давайте свой темпъ держать". И они такъ нажимали скрипку, что она волей-неволей должна была итти темпомъ, которымъ шелъ оркестръ. Эти оркестровые музыканты были простые рабочіе, настолько развитые, что имъ могли позавидовать не мало людей, считающихъ себя образованными, умными и стоящихъ во главѣ дѣлъ, требующихъ дѣйствительно большого ума.

---

[1]) Утвержденія, что были случаи арестовъ послѣ смѣлаго выступленія въ отдѣлахъ, не имѣютъ основаній, такъ какъ фактически ни одинъ такой случай, сколько мнѣ извѣстно, ни разу не былъ подтвержденъ.

Да, это были рабочіе, но какіе рабочіе! Бывало, послѣ какого-нибудь штабнаго собранія отправишься куда-нибудь къ „умнымъ людямъ" изъ нашего общества и диву даешься, видя, какими маленькими, пошленькими кажутся эти умные, образованные и ученые люди, сравнительно съ тѣми рабочими. Между тѣмъ, никому неизвѣстные, никѣмъ непризнанные эти рабочіе, вѣрнѣе, группа рабочихъ, безусловно держали Гапона въ рукахъ. Самымъ глубоко преданнымъ Гапону былъ Васильевъ [1]), и онъ скоро совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе Гапона, чему никто не противодѣйствовалъ,— до того это было не важно; затѣмъ и Кузинъ также тяготѣлъ сюда же, но и это не имѣло значенія, потому что главное ядро было замѣчательно солидарно.

Гапонъ видѣлъ это и вначалѣ не пытался бороться, но уже въ концѣ 1904 года ему, очевидно, надоѣло находиться въ зависимости отъ этой группы, и онъ сталъ подготовлять почву, чтобы освободиться, развязать себѣ руки... Оппозиціонная группа, въ свою очередь, видѣла, что Гапону хочется выскочить изъ подъ ея опеки, и также готовила почву или связать Гапону руки еще крѣпче, или совершенно изолировать его отъ дѣлъ. Но тутъ случился инцидентъ съ Путиловскимъ заводомъ, повлекшій за собою 9-го января 1905 г. и все дальнѣйшее. Не случись этого, крупная междуусобная война въ „Собраніи" была неизбѣжна, если бы Гапонъ не подчинился оппозиціонерамъ, а это могло случиться, т. к. его самолюбіе частенько страдало.

Далѣе, о самой личности Гапона. Мнѣ случалось и читать и слышать, что Гапонъ былъ прекрасный ораторъ. Совсѣмъ нѣтъ—онъ былъ плохой ораторъ. У него, какъ у человѣка, когда-то готовившагося къ проповѣдничеству, были восприняты изъ семинаріи и академіи нѣкоторые шаблонные пріемы ораторскаго искусства, которыми онъ до извѣстной степени пользовался, а въ отношеніи интонаціи, т. е. пониженія и повышенія голоса, даже злоупотреблялъ. Логика не всегда ему сопутствовала, да для тѣхъ случаевъ, когда ему приходилось говорить, въ ней особенной нужды и не было. Начиналъ онъ обыкновенно глухимъ голосомъ, отрывисто, несвязно, повторяя послѣднія слова предыдущей фразы, потомъ немного разогрѣвался, начиналъ „комбинировать" интонаціи и постепенно повышалъ голосъ, а послѣднія фразы почти выкрикивалъ. Это производило извѣстное впечатлѣніе на нетребовательныхъ слушателей, что, собственно, и требовалось доказать.

---

[1]) Онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Правленія, такъ сказать, Центральнаго Комитета, не потому, чтобы тамъ нужна была сильная личность—руководителемъ вѣдь оставался Гапонъ,—а потому, что нуженъ былъ добросовѣстный, аккуратный работникъ, каковымъ и былъ покойный Васильевъ.

Что касается его внутреннихъ качествъ, то здѣсь, вѣроятно, придется остановиться подольше, чтобы разобраться въ этой, во всякомъ случаѣ, интересной личности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Гапонъ былъ уменъ. Но это былъ не широкій всеобъемлющій, во все проникающій философскій умъ; у него умъ былъ острый, живой, быстро схватывающій суть дѣла и лишь догадывающійся о подробностяхъ почему и что; ему и не было надобности додумываться, почему и что, ему нужно было установить, что оно такъ и что для этого нужно было дѣйствовать вотъ этакъ; онъ былъ ловокъ, изворотливъ, хитеръ, онъ скорѣе догадывался инстинктомъ, что если онъ въ данномъ положеніи поступитъ такъ, то это будетъ не то, что нужно,—а если поступить вотъ этакъ, то это, пожалуй, и выйдетъ или то, что нужно, или около этого что-нибудь; ему трудно было остановиться подольше мысленно на какомъ-либо вопросѣ, онъ торопился поскорѣе раздѣлаться съ нимъ такъ или иначе; онъ могъ допускать какіе угодно компромиссы, лишь бы достигнуть ближайшей цѣли, и въ этомъ именно пунктѣ и была его самая слабая сторона; у него не было устойчивости взгляда: сегодня ему казалось такъ, потому, что онъ не обдумалъ хорошенько положенія, а завтра не потому, что онъ завтра обдумалъ—онъ и забылъ бы объ извѣстномъ фактѣ,—но потому, что жизнь сама указала, что вчерашнее рѣшеніе вопроса было неправильно,—а завтра онъ переходилъ къ другому положенію, быть можетъ, не менѣе ошибочному. Но благодаря ловкости и изворотливости онъ всегда выкручивался болѣе или менѣе удовлетворительно. Конечно, такая ловкость была очень желательна, но еще было болѣе желательно, чтобы руководитель рабочаго дѣла не нуждался въ такой изворотливости. Ближайшіе сотрудники Гапона хорошо его понимали, считались съ его и желательными и нежелательными сторонами. До самаго 9-го января они не только не довѣряли вполнѣ Гапону, но даже самымъ форменнымъ образомъ слѣдили за нимъ и за всѣми его дѣйствіями. Ему было предложено прекратить сношенія съ охранкой, онъ это обѣщалъ, но, очевидно, эта операція не легко ему давалась, такъ какъ сношенія все же продолжались... Съ своею готовностью итти на компромиссы онъ, вѣроятно, и тамъ такъ запутался, что порвать сразу не было возможности. На встрѣчающихся съ нимъ въ первый разъ Гапонъ производилъ, если ему нужно было, самое лучшее впечатлѣніе, а на женщинъ—обаятельное; но это было не впечатлѣніе серьезнаго, глубокаго ума, а милаго, обаятельнаго, смѣтливаго и, пожалуй, смѣлаго человѣка. Мужчины обыкновенно говорили приблизительно: „а онъ славный, ловкій, повидимому, дѣльный и умный“,—а женщины: „какой онъ славный, милый, красивый...“

Въ отношеніи нравственныхъ основъ Гапонъ не успѣлъ проявить

себя во всей полнотѣ своего „я“. Тотъ фактъ, что онъ взялъ изъ пріюта молоденькую дѣвушку и жилъ съ нею, какъ съ женою, фактъ, поднявшій столько шуму въ нѣкоторыхъ „высокопоставленныхъ кругахъ“, по моему мнѣнію, говоритъ лишь въ пользу Гапона [1]).

Молодой вдовецъ, хотя бы и священникъ, былъ прежде всего человѣкъ, и можно ли ставить ему въ вину его привязанность или любовь и во всякомъ случаѣ искреннія чувства къ дѣвушкѣ. Правда, съ точки зрѣнія условной морали, ему не слѣдовало этого дѣлать, такъ какъ въ расположеніи „высокопоставленныхъ“ женщинъ у него недостатка не могло быть. Поговаривали тогда его приближенные, что нѣкоторыя изъ дамъ патронесъ и благотворительницъ очень благоволили къ нему, доказательствомъ чему служили чуть ли не ежедневно присылаемые букеты цвѣтовъ... Потомъ эти дамы, главнымъ образомъ, первыя и подняли шумъ о безнравственности Гапона. Интересно было для меня вотъ что. Сашу [2]) привезъ онъ уже во время нашего знакомства, но объ этомъ фактѣ онъ мнѣ рѣшительно ничего не говорилъ и даже старался не показывать мнѣ своей жены; и видно было, что для переговоровъ онъ съ большею охотою приходилъ ко мнѣ; такъ я ее никогда и не видѣлъ, несмотря на то, что бывалъ у него довольно часто. Онъ, впрочемъ, и вообще ее неохотно показывалъ. Была ли тутъ со стороны Гапона неувѣренность въ моемъ одобреніи его поступка или еще что другое, я не знаю, но, видя его нежеланіе касаться этого предмета, я никогда не старался вызвать его на откровенность въ этомъ отношеніи. Гапонъ вообще очень любилъ красивыхъ женщинъ и всегда готовъ былъ за ними поухаживать; онъ становился въ такихъ случаяхъ ловкимъ кавалеромъ и, видимо, производилъ на женщинъ сильное впечатлѣніе, но никогда я не слышалъ ни о какой исторіи въ амурномъ стилѣ. Во всякомъ случаѣ по тому, что я знаю о Гапонѣ, я призналъ бы его нравственнымъ, если бы не было какой-то общей его неустойчивости, дающей право сказать, что и въ этомъ отношеніи онъ могъ бы пойти въ случаѣ надобности на всевозможные компромиссы.

На женщинъ Гапонъ смотрѣлъ глазами современнаго культурнаго человѣка; онъ стоялъ за равноправіе женщины и за полное освобожденіе отъ власти мужчины, но это въ теоріи,—на практикѣ же у него иногда проскакивали словечки въ родѣ „волосъ длиненъ“... и т. п., что опять-

---

[1]) Имѣющіяся въ печати указанія на случаи взятія нѣсколькими родителями своихъ дѣтей изъ пріюта можно истолковывать различно и даже въ пользу Гапона: какъ протестъ противъ его ухода, такъ какъ дѣтей брали послѣ этого. Затѣмъ недочеты и плохая денежная отчетность никакимъ образомъ не можетъ быть поставлена въ укоръ Гапону,—онъ въ деньгахъ толку не зналъ и вести денежныя дѣла совершенно не былъ способенъ.

[2]) Такъ звали обыкновенно вторую жену Гапона, г-жу Уздалеву.

таки объясняется его неустойчивостью и горячимъ темпераментомъ. По отношенію же къ одной женщинѣ, К., онъ проявлялъ самое глубокое уваженіе и, кажется, онъ никого такъ не уважалъ и не съ чьимъ мнѣніемъ такъ не считался, какъ съ мнѣніемъ К.

На еврейскій вопросъ Гапонъ смотрѣлъ также такъ, какъ подобаетъ современному человѣку и въ особенности соціалисту, но также лишь въ теоріи, а на практикѣ онъ евреевъ не любилъ и проводилъ тенденцію, что въ „Собраніе" евреевъ допускать не слѣдовало, хотя и оговаривался, что до поры до времени. И въ этомъ отношеніи, надо правду сказать, онъ оказался болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, такъ какъ, когда „Собраніе" уже стало развертывать свою широкую дѣятельность,—это спустя уже около года своего существованія,—онъ не разъ говорилъ, что наступила пора привлекать евреевъ къ общей работѣ и что теперь общія усилія очень желательны,—это онъ говорилъ безъ всякаго посторонняго понужденія [1]).

Ничего нѣтъ мудренаго, что Гапонъ вообще не чувствовалъ себя хорошо съ евреями. Уроженцы западной и южной Россіи изъ русскаго простонародья, можно сказать, всѣ проходятъ въ этомъ отношеніи извѣстную полосу антисемитизма. Насъ окружаютъ такою затхлою націоналистскою атмосферою, что мы иными и быть не можемъ. Мои, напр., родители, уроженцы центральной Россіи, никогда не имѣли никакого дѣла съ евреями, не могли знать ни хорошихъ, ни дурныхъ свойствъ евреевъ, а, между тѣмъ, я вспоминаю такой случай изъ моего ранняго дѣтства: какъ-то, играя со сверстникомъ, такимъ же малышемъ, какъ и я,—я придавилъ ему дверью палецъ до крови. Перепугавшись, я прибѣжалъ домой и, какъ ребенокъ, съ которымъ церемониться не станутъ за его проказы, я впередъ сталъ плакать и кричать: „мама, я не хотѣлъ придавить Ицику пальчикъ..."—„А, жиденку,—сказала мать спокойно и равнодушно, —это ничего..." Я уже, слѣдовательно, съ дѣтства поощрялся къ нанесенію евреямъ непріятности, а, когда мнѣ было лѣтъ 10—14, я уже считалъ своей обязанностью при случаѣ отколотить „жиденка" и бывало колотилъ безъ жалости за то, что они Христа распяли...

Всосавъ съ дѣтства такія понятія,—а русское простонародье именно такія понятія и всасываетъ,—много ли изъ насъ попадаютъ въ настолько благопріятныя условія, при которыхъ было бы возможно отрѣшиться отъ искусственно привитой до силы инстинкта національной непріязни? Гапонъ также изъ простонародья и также прошелъ эту житейскую школу и, конечно, не въ семинаріи же ему было перевоспитывать самого себя. Въ

---

[1]) Въ концѣ 1904 г. въ Отдѣлахъ уже были евреи членами „Собранія".

дальнѣйшемъ, по мѣрѣ развитія и расширенія умственнаго кругозора, онъ дошелъ до теоретическаго отрицанія національной вражды, но въ тайникахъ души часть непріязни еще не вытравилась и иногда давала себя знать.

Что касается религіи, то въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ данныхъ для опредѣленныхъ заключеній. Однажды я задалъ Гапону вопросъ: „а вы вѣрите въ Бога?—„Я... я его ищу"... отвѣтилъ Гапонъ. Надобно сказать, что вопросъ былъ заданъ мною не съ глазу на глазъ. Были въ это время и близкіе Гапону сотрудники и два три человѣка рабочихъ, не вполнѣ своихъ.

III.

Я уже сказалъ, что послѣ утвержденія устава „Собраніе" стало шире развертывать свою дѣятельность и что приливъ новыхъ членовъ сталъ сильно рости. Идея объединенія проникала въ рабочія массы, а возможность собираться и обсуждать свои нужды для болѣе сознательныхъ, и для нѣкоторыхъ, въ особенности для женщинъ, возможность полученія извѣстнаго удовольствія отъ музыкальныхъ вечеровъ, послѣ которыхъ рабочая молодежь преисправно заводила самые модные танцы,—очень способствовала популярности новаго учрежденія въ широкихъ рабочихъ кругахъ.

Начало было удачное.

Съ одной стороны, спокойный и увѣренный тонъ руководителей „Собранія", постоянно снимавшихъ рискованные вопросы съ публичнаго ихъ обсужденія, но во время перерывовъ не скрывавшихъ, что такая осторожность вынужденная и временная, съ другой — органическая потребность въ рабочихъ массахъ того или иного выхода изъ подпольнаго обсужденія своихъ нуждъ на болѣе широкій просторъ,—создавали въ высшей степени подходящую атмосферу, полную живой, интересной, захватывающей и увлекающей борьбы. По средамъ и воскресеньямъ выступать могли всѣ пришедшіе, при чемъ при входѣ контроля не было никакого. Рабочіе до сихъ поръ только иногда слышали партійныхъ ораторовъ, а теперь имъ явилась возможность и самимъ выступать, высказывать тѣ же мысли, но своимъ собственнымъ языкомъ. Обсуждаться могли любые вопросы; порядокъ дня хотя и намѣчался, но лишь въ отношеніи, такъ сказать, лозунговъ, которые должны были быть бросаемы въ массу. При этомъ старались по возможности бросать лозунги эти такимъ образомъ: такъ какъ всякій присутствующій на собраніи могъ потребовать слова поднятіемъ руки или вставаніемъ (при чемъ могли говорить и съ мѣста), то пренія носили простой домашній характеръ, не было и тѣни какой-либо офиціальной натянутости. Конечно, выступали со своими мнѣніями люди болѣе или менѣе развитые, но иногда

не обходилось и безъ того, что иной несъ ахинею... Тѣмъ не менѣе, и въ этой ахинеѣ, покопавшись, можно было найти такое, что давало пищу для серьезнаго обсужденія. И часто бывало, что изъ такой, на первый взглядъ, безсмыслицы, болѣе толковый рабочій выводилъ очень интересныя подробности, освѣщая и доказывая ихъ примѣрами. Простой, мало развитой рабочій заводитъ, напр., рѣчь, что у нихъ въ мастерской мастеръ больно бойкій, какъ бы его и нельзя ли его „остепенить малость, а то дѣвкамъ-то не въ терпежъ"... А ему тутъ и выводили тотчасъ же, что для того, чтобы остепенить мастера, надобно, чтобы онъ зависѣлъ не отъ хозяина, а отъ рабочихъ, иначе хозяинъ его всегда будетъ защищать съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ; сводилось къ тому, что рабочіе и въ особенности работницы находятся въ кабалѣ у хозяевъ-капиталистовъ и что для противодѣйствія и защиты своихъ интересовъ рабочіе должны организоваться... Тенденція была опредѣленная, но высказывалась очень осторожно и присутствовавшіе на собраніи мало развитые рабочіе каждый разъ выносили новыя освѣщенія фактовъ въ духѣ желательномъ для „Собранія".

Послѣ того, какъ открывались новые отдѣлы и увеличивалось количество членовъ, а слѣдовательно, усиливалось и само „Собраніе", какъ матеріально, такъ и въ смыслѣ популярности въ рабочихъ массахъ, руководители стали допускать обсужденіе рабочихъ нуждъ въ болѣе широкомъ объемѣ. Но дѣлалось это въ высшей степени осторожно. Внѣшнія событія—японская война—также давала обильную пищу для разговоровъ и оцѣнки тогдашняго положенія Россіи.

Вскрытая войной и широко развернувшаяся неурядица въ россійскихъ дѣлахъ служила, конечно, главнымъ предметомъ разсужденій въ отдѣлахъ. Поднявшаяся также въ печати критика, въ то время еше робкая и неувѣренная, въ Отдѣлахъ принимала уже болѣе опредѣленный характеръ, а появленіе газеты „Нашей Жизни" и въ особенности „Нашихъ Дней" нигдѣ такъ не привѣтствовалось, какъ въ Отдѣлахъ; здѣсь каждый вечеръ собирались рабочіе и, за стаканомъ чая перечитывая эти газеты и обсуждая затрагиваемые ими вопросы, добирались до самой сути вещей. Эти газеты оказывали большое содѣйствіе „Собранію" своимъ по тогдашнему времени рѣзкимъ оппозиціоннымъ направленіемъ. Онѣ давали ежедневную пищу и этимъ въ Собраніи очень толково воспользовались. Былъ намѣченъ кружокъ наиболѣе развитыхъ рабочихъ, который выработалъ, подъ руководствомъ Гапона, цѣлый планъ дѣйствій. На обязанности этого кружка лежало внимательно слѣдить за газетными статьями и отмѣчать самыя животрепещущія и наиболѣе отвѣчающія моменту. Затѣмъ статьи эти сообща обсуждались, распредѣлялись роли и по намѣченному плану съ надлежащимъ освѣщеніемъ или прочитывались цѣликомъ, или излагалось ихъ со-

держаніе на рабочихъ собраніяхъ во всѣхъ Отдѣлахъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу посѣщая Отдѣлы, публика пріучалась къ разбору и пониманію газетныхъ статей въ желательномъ для „Собранія“ смыслѣ. И дѣйствительно, за это время развитіе малосознательныхъ рабочихъ массъ было двинуто впередъ съ поразительной быстротою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благодаря отчасти „газетной тактикѣ“, въ развившемся позднѣе выступленіи рабочихъ на открытую сцену не только не встрѣчалось никакихъ треній, но, наоборотъ, все шло совершенно гладко, какъ по писанному... Поднявшаяся въ то время въ русскомъ обществѣ волна протеста въ Отдѣлахъ принимала огромные размѣры, хотя пока и скрытые или скрываемые отъ бдительныхъ глазъ полиціи. На обыкновенныхъ собраніяхъ по средамъ и воскресеньямъ протестъ этотъ уже часто прорывался наружу, и предсѣдателямъ становилось все труднѣе и труднѣе удерживать собраніе въ тонѣ обычной умѣренности, а такъ какъ эти предсѣдатели были и наиболѣе развитыми и сознательными рабочими, то умѣренность и осторожность ихъ была простымъ рабочимъ вполнѣ понятна: было видно, что пока не пришло еще время; создавалась атмосфера внутренняго единенія между вожаками и массой,—получился всѣмъ понятный массовой заговоръ... Къ ноябрю и декабрю волна общаго протеста поднялась такъ высоко, что руководители стали подумывать о присоединеніи „Собранія“ къ тогдашнему всеобщему протесту мыслящей Россіи, но зная, что рабочія массы не захотятъ или не сумѣютъ ограничиться одними словесными или письменными резолюціями, и опасаясь болѣе активныхъ, но необдуманныхъ и преждевременныхъ шаговъ, руководители „Собранія“ рѣшили задерживать проявленія все болѣе и болѣе накоплявшейся энергіи.

Такимъ образомъ появлялись вопросы и создавался новый матеріалъ для обсужденія въ мастерскихъ въ теченіе рабочей недѣли. Уже съ самаго начала видно было, что успѣхъ Общества въ рабочихъ массахъ вполнѣ обезпеченъ. Если „Собраніе“ и встрѣтило противодѣйствіе со стороны партійныхъ организацій и наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, которые главнымъ образомъ упирали на то, что во главѣ дѣла стоитъ священникъ и что поэтому можно скорѣе не ожидать отъ него настоящей защиты рабочихъ, а грандіозной провокаціи, то наименѣе сознательнымъ и совсѣмъ темнымъ рабочимъ того времени это именно обстоятельство и было очень по душѣ: „самъ, молъ, батюшка тамъ говоритъ проповѣди и не о церковныхъ или божественныхъ дѣлахъ, а о нашемъ рабочемъ дѣлѣ и такъ это хорошо говоритъ“. Съ этой стороны ряса Гапона имѣла огромное значеніе, такъ какъ въ то время рабочая масса была именно мало сознательная.

Для семействъ же членовъ „Собранія“, въ особенности для женщинъ и дѣвушекъ, возможность бывать на вечерахъ „Собранія“ достав-

ляла, повидимому, огромное наслажденіе; здѣсь онѣ имѣли возможность болѣе культурнаго общенія между молодежью, здѣсь онѣ слушали пѣніе, музыку и чтеніе, въ довольно хорошемъ исполненіи, и, что самое главное, все это было ихъ собственное, рабочее. Хотя участвующіе артисты и артистки были люди посторонніе, но мы старались, чтобы и они становились членами-соревнователями „Собранія“, а чтобы не стѣснять г.г. артистовъ взносами, рѣшили членскіе взносы за нихъ вносить изъ общихъ суммъ. Такимъ образомъ и исполнители были до нѣкоторой степени свои... Это обстоятельство очень нравилось рабочимъ [1]).

Что касается пониманія рабочими пѣнія и музыки, то я считаю себя обязаннымъ сказать, что такой внимательной и даже болѣе—я скажу такой интеллигентной публики, по общему признанію участвовавшихъ артистовъ и артистокъ, въ другихъ мѣстахъ нельзя было встрѣтить. Сначала мы было дѣлали попытки „примѣняться“, но потомъ оказалось, что въ этомъ не было никакой надобности. Исполнялись въ „Собраніи“ передъ рабочими такія пьесы, которыя въ обыкновенныхъ концертахъ ставить было опасно,— „большая образованная“ публика скучала бы... А рабочіе не только внимательно слушали, но и замѣчательно толково разбирались во всемъ слышанномъ, и, обыкновенно, легкая банальщина и пошлятина успѣха не имѣла. Очень толково разбирались рабочіе и въ чисто музыкальныхъ красотахъ. Пересматривая теперь программы нашихъ вечеровъ, я поражаюсь ихъ серьезностью. Наши музыкальные вечера также давали обильную пищу для различныхъ музыкальныхъ разговоровъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, создавало великолѣпную атмосферу общей дружной энергичной работы. Но въ то же время стало замѣчаться, что на болѣе темную массу Гапонъ началъ имѣть большее, чѣмъ слѣдовало вліяніе, заставившее позднѣе его сотрудниковъ очень безпокоиться...

Такъ прошелъ конецъ 1903 и начало 1904 г.г.

Лѣтомъ дѣло носило чисто организаціонный подготовительный характеръ; собранія рабочихъ становились все рѣже и рѣже, а музыкальные вечера совсѣмъ прекратились.

Но съ конца лѣта 1904 года муравейникъ опять зашевелился, дѣло пошло еще шибче, еще энергичнѣе.

Къ этому времени стало выясняться, что „Собраніе“ за предыдущее время успѣло пустить глубокіе корни, и ростки стали показываться тамъ, гдѣ ихъ и не ожидали.

Въ сентябрѣ было созвано первое „общее собраніе“ всѣхъ членовъ,

---

[1]) Мнѣ часто приходилось слышать такого рода разговоры: „ишь ты, какъ это у насъ хорошо“, или: „поди-ка, и у аристократовъ не лучше, чѣмъ у насъ“ и т. п.

и теперь ихъ уже нельзя было вмѣстить въ собственное помѣщеніе, пришлось для этого нанять залъ Павловой, да и здѣсь едва-едва помѣстились, такъ какъ въ это время уже было свыше 1000 членовъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ Петербурга. Къ этому „общему собранію" члены-учредители усиленно готовились; были распредѣлены между ними роли для представленія различныхъ докладовъ членамъ-рабочимъ. Гапонъ работалъ, какъ волъ: онъ, помимо общей организаціи, задавалъ темы и помогалъ разбираться въ нихъ своимъ сотрудникамъ; онъ перечитывалъ, поправлялъ, расширялъ доклады,—словомъ, энергія его была изумительна. Къ этому же времени выяснилось, что явилась насущная потребность въ открытіи „Отдѣловъ Собранія" въ другихъ частяхъ города. Надобно было весь матеріалъ по этому вопросу хорошенько подготовить къ „общему собранію", чтобы тутъ же и рѣшить всѣ такіе вопросы, такъ какъ собирать такія многочисленныя собранія было и трудно и дорого. Штабные и Гапонъ просто разрывались на части. И надо имъ отдать справедливость—такъ могутъ работать только рабочіе: все было подготовлено въ полномъ порядкѣ. Общее собраніе состоялось днемъ, за время отъ 12 до 4 часовъ былъ выслушанъ отчетъ, цѣлый рядъ докладовъ, рядъ рѣчей ораторовъ; вся дѣятельность, какъ предыдущая, такъ и намѣченная впредь, была одобрена, произведены были различные выборы, и все это совершалось удивительно стройно, спокойно и сознательно [1]).

Послѣ „общаго собранія" рабочіе разошлись для того, чтобы, передохнувъ, собраться вечеромъ и теперь уже съ семьями на большой музыкальный вечеръ.

Когда мы явились на концертъ, то глазамъ нашимъ представилось рѣдкое зрѣлище. Типичная масса рабочихъ—мужчинъ, женщинъ—сплошь занимала весь залъ и всѣ корридоры и все, что можно было занять. Стулья стояли на мѣстахъ, но почти никто не сидѣлъ,—мѣста не было, всѣ стояли плотной стѣной, и при этомъ тишина была полная. Въ залѣ было свыше 2000 человѣкъ. Расчитанъ же былъ около 500. Полиція протестовала было, но намъ съ Гапономъ удалось убѣдить ее въ томъ, что тутъ не болѣе 700—800 человѣкъ... Несмотря на такую массу народа, порядокъ былъ образцовый, и мнѣ потомъ говорилъ управляющій заломъ, что такого многолюднаго вечера въ этомъ залѣ и такого образцоваго порядка онъ еще не видѣлъ.

---

[1]) Въ другой разъ приблизительно такой же порядокъ я видѣлъ, когда уполномоченные отъ рабочихъ г. Петербурга избирали своего члена во вторую Государственную Думу въ 1907 г., но, къ сожалѣнію, здѣсь г.г. интеллигенты чуть было не испортили всего дѣла, желая сорвать вопросъ о понужденіи отколовшихся тогда меньшевиковъ присоединиться къ „лѣвому блоку".

Послѣ „общаго собранія“ отдѣлы стали рости какъ грибы, и съ средины сентября по конецъ декабря, т. е. за три съ половиной мѣсяца „собраніе“ имѣло уже 11 отдѣловъ: Выборгскій, Коломенскій, Василеостровскій, Петербургскій, Московскій, Рождественскій, Нарвскій, Невскій, Гаваньскій, Колпинскій и на Обводномъ каналѣ. Весь Петербургъ былъ оцѣпленъ тѣсно связанными между собою рабочими организаціями.

До этого момента у Гапона съ его штабомъ не происходило сколько-нибудь замѣтныхъ разногласій: раньше дѣятельность сосредоточивалась въ одномъ мѣстѣ, и Гапонъ все время шелъ въ ногу со своими сотрудниками, все время находясь подъ контролемъ, но когда пришлось разбрасываться по разнымъ Отдѣламъ, явилось много поводовъ для разногласія. Прежде всего, въ каждый Отдѣлъ нужно было посадить своего надежнаго председателя и двухъ его помощниковъ. Оказались разногласія между Гапономъ и штабомъ въ оцѣнкѣ людей. И часто случалось, что споры принимали горячій оборотъ, и здѣсь начиналъ играть свою мелодію указанный мною ранѣе оркестръ въ своемъ темпѣ. Гапонъ обыкновенно, сдавался но вдругъ оказывалось, что иногда должностныя лица проходили не тѣ, на которыхъ останавливался оркестръ, а тѣ, на которыхъ настаивалъ Гапонъ. Извѣстный Петровъ, сдѣлавшій потомъ сенсаціонное разоблаченіе о 30000 руб., прошелъ какъ кандидатъ Гапона въ Невскомъ Отдѣлѣ. Ненадежнымъ также съ точки зрѣнія штабныхъ считался и самый многочисленный Отдѣлъ Нарвскій (насчитывалъ свыше 2000 чел.), гдѣ также прошли гапоновскіе кандидаты. Замѣтно было также, что именно въ болѣе сильныхъ числомъ членовъ Отдѣлахъ какъ-то проходили гапоновскіе кандидаты. Стало замѣтно, что Гапонъ началъ гнуть свою линію.

Нелады начинались серьезные. Учредители „Собранія“, главные сотрудники Гапона, съ самаго основанія составили какъ бы штабъ, принявъ на себя отдѣльныя обязательства по Отдѣламъ въ тѣхъ случаяхъ, когда считали это нужнымъ. Самъ же Гапонъ былъ утвержденъ „представителемъ Собранія“, съ особыми, довольно широкими правами. Изъ всѣхъ окружающихъ Гапона онъ могъ опереться на Васильева и Кузина и иногда на В-ва, но первый изъ нихъ, отличаясь удивительною преданностью дѣлу и такою же удивительною работоспособностью, хотя и пользовался общею любовью, но не пользовался никакимъ вліяніемъ, а второй считался просто ловкимъ и дѣльнымъ, но на дѣла вліянія не имѣлъ. Между тѣмъ, когда г-жа К., повидимому, какъ бы не принимавшая участія въ дѣлѣ, на самомъ дѣлѣ пользовалась огромнымъ вліяніемъ на все направленіе и дѣятельность „Собранія“.

Я готовъ утверждать, что вліяніе К. между штабными было ничуть не меньшее, чѣмъ вліяніе самого Гапона, пожалуй, даже большее. Ея

искренность и непосредственность, ея свѣтлый взглядъ на дѣло создали ей такое положеніе между штабными, что они невольно заражались отъ нея ясностью пониманія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда штабные расходились съ Гапономъ. К. вѣрила въ Гапона, какъ въ неизбѣжный рокъ, и, тѣмъ не менѣе, только она одна смѣло и открыто вступала съ Гапономъ въ состязанія и всегда заставляла его соглашаться съ защищаемой ею точкой зрѣнія и, слѣдовательно, подчиняться мнѣнію штабныхъ. Но К. была удивительно скромнымъ человѣкомъ—такой она, впрочемъ, и осталась,—и поэтому, она сама и тогда не сознавала всего своего значенія въ дѣлѣ и позднѣе едва ли будетъ въ состояніи понять его... Благодаря этой скромности и тактичности, и всѣ ея единомышленники, штабные, также не замѣчали такого сильнаго вліянія ея на направленія дѣла и въ особенности на взаимныя между ними отношенія. Если сказать кому-либо изъ штабныхъ, что главнымъ двигателемъ у нихъ была К., что она представляла собою тотъ центръ, около котораго всѣ они такъ согласно группировались, то онъ будетъ пораженъ и сразу самымъ искреннимъ образомъ станетъ отрицать такое заключеніе, но если онъ обратится къ своей памяти, возстановитъ картины прошлаго, то неминуемо придетъ къ тому, что скажетъ: „а вѣдь и вѣрно, оно было такъ...“ Въ то время, когда штабная оппозиція почти признала Гапона за провокатора (декабрь 1904 г.) и создалось такое положеніе, при которомъ могли произойти совсѣмъ неожиданныя рѣзкія внутреннія столкновенія, К., состоя также въ оппозиціи, только одна продолжала непоколебимо вѣрить въ честность Гапона по отношенію къ рабочимъ и сильно смягчала взаимныя отношенія Гапона и штабныхъ.

Когда же при „Собраніи“ было параллельно учреждено женское отдѣленіе, во главѣ котораго и стала К., значеніе ея еще болѣе усилилось.

Гапонъ, мнѣ кажется, признавалъ значеніе К. и признавалъ безъ всякой зависти, безъ непріязни,—напротивъ, онъ въ К. видѣлъ искренняго друга и ни передъ кѣмъ онъ такъ не раскрывалъ своей души, какъ передъ нею.

К. также имѣлъ большое значеніе въ штабѣ, но это было не такое вліяніе, какъ его жены; въ немъ признавали въ высшей степени дѣльнаго и знающаго человѣка, глубоко преданнаго общему дѣлу и для дѣла необходимаго своимъ превосходнымъ знаніемъ рабочаго вопроса. Но въ немъ не было пламени или хотя той искры, которая была способна освѣщать путь и чѣмъ такъ богаты были К—а и Гапонъ.

Такимъ образомъ, чета эта составляла центръ, около котораго группировались всѣ главные двигатели „Собранія“, которымъ всѣ безусловно вѣрили и съ которыми Гапону неминуемо нужно было считаться. И не-

смотря на то, что къ концу 1904 г. „Собраніе“ насчитывало около 7—8000 платящихъ членовъ, огромное большинство которыхъ, можетъ быть, и не знало настоящихъ вдохновителей и готово было куда угодно двинуться по первому знаку Гапона, послѣдній отлично понималъ, что тронься только онъ безъ своего штаба, масса недолго бы шла за нимъ, т. к. ихъ ближайшіе руководители отошли бы отъ Гапона и пошли бы съ оппозиціей.

Какъ только стало замѣтно стремленіе Гапона къ самостоятельности, штабъ повелъ также свою линію. Предполагая со стороны Гапона интриги, они повели свои контръ-интриги и старались Гапоновскихъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ хотѣлъ создать себѣ опору, перетягивать на свою сторону, что, повидимому, имъ и удавалось. Но все же штабныхъ очень безпокоило растущее вліяніе Гапона на малосознательныхъ членовъ, которыхъ было подовляющее большинство, такъ какъ болѣе сознательные рабочіе туго шли въ члены „Собранія“. Причины тому были все тѣ же: недовѣріе изъ-за сугубой лойяльности „Собранія“ къ личности руководителя. Недостатокъ въ развитыхъ рабочихъ сказывался въ высшей степени ощутительно, и самъ Гапонъ не только признавалъ это, но и принималъ мѣры къ привлеченію ихъ. Но въ особенности много въ этомъ отношеніи работали штабные: они всѣми силами старались привлекать болѣе сознательные элементы рабочаго міра въ члены „Собранія“. Привлеченныхъ такимъ образомъ или вообще интересующихся и заходившихъ на собранія Гапонъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ и тамъ наединѣ или въ тѣсномъ кругу раскрывалъ карты. Въ большинствѣ случаевъ его бесѣды увѣнчивались успѣхомъ, и мало-по-малу число развитыхъ рабочихъ увеличивалось. На привлеченныхъ такимъ образомъ Гапонъ хотѣлъ опереться, какъ на своихъ, но въ концѣ-концовъ оказывалось, что они принимали сторону штабныхъ.

Внутренняя борьба, очевидно, сильно угнетала Гапона и мѣшала ему спокойно работать: онъ сталъ видѣть оппозицію тамъ, гдѣ ея и быть не могло. Около того времени Гапонъ сталъ относиться съ нѣкоторою враждебностью и ко мнѣ.

Такъ какъ меня рабочіе часто встрѣчали на собраніяхъ, помимо того, что я былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ устроитель музыкальной части, то ко мнѣ привыкли и считали меня совершенно своимъ. Нелегкая меня дернула два-три раза разойтись съ Гапономъ по нѣкоторымъ совсѣмъ несущественнымъ вопросамъ, при чемъ рабочіе оказались на моей сторонѣ. Этого было достаточно, чтобы Гапонъ увидѣлъ во мнѣ чуть ли не соперника. Результатомъ этого вдругъ оказалось, что однажды, явившись на кружковое собраніе, я получилъ заявленіе отъ Гапона, что настоящее мое посѣщеніе считается послѣднимъ, т. к. состоялось постановленіе, что по-

стороннимъ присутствовать на кружковыхъ собраніяхъ нельзя. Это было и раньше всѣмъ извѣстно, и въ дѣйствительности никто изъ посторонних и не бывалъ на кружковыхъ собраніяхъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особыхъ приглашеній самого Гапона для какого-либо специальнаго дѣла,—по просьбѣ Гапона, я нѣсколько разъ приводилъ лицъ, готовыхъ оказать то или иное содѣйствіе. Что, думаю, за штука? Я обратился къ нѣкоторымъ изъ штабныхъ за разъясненіемъ такого казуса. Оказалось, что на одномъ изъ засѣданій самъ Гапонъ поднялъ вопросъ о подтвержденіи стараго правила, котораго никто не нарушалъ. Тогда всѣ нѣсколько подивились возбужденію этого вопроса, но, конечно, охотно съ нимъ согласились; теперь же вышло, что этотъ вопросъ касался своею формальною стороной именно меня, ибо изъ интеллигентовъ свободный входъ имѣлъ только я. Возмущеніе штабныхъ было не малое; высказывалось намѣреніе сейчасъ же вывести батю на чистую воду, но я предложилъ не возбуждать сейчасъ дѣла, не желая обострять уже и безъ того тогда натянутыхъ общихъ отношеній.

Случались у насъ и еще столкновенія. Въ одномъ изъ нихъ Гапонъ довольно ярко обрисовывается, и хотя столкновеніе само по себѣ не интересно, но для характеристики Гапона я приведу его здѣсь. Несмотря на то, что всѣ предсѣдатели отдѣловъ хорошо знали меня лично, съ нѣкоторыми изъ нихъ у насъ были даже хорошія, почти дружескія отношенія, но порядокъ извѣщенія о назначаемыхъ музыкальныхъ вечерахъ былъ таковъ: я извѣщалъ Гапона, а онъ уже отъ себя извѣщалъ предсѣдателей. Но такъ какъ устройство музыкальныхъ вечеровъ начиналось съ найма каретъ и организаціи поѣздокъ за артистами, то Гапонъ очень часто перепутывалъ мои распоряженія: за одними артистами заѣдутъ, за другими нѣтъ, привезутъ не въ тотъ отдѣлъ и т. п., слѣдствіемъ чего у меня возникали недоразумѣнія съ участниками концертовъ; бывали также и такіе случаи: пріѣзжаютъ исполнители своими средствами въ указанный отдѣлъ, а тамъ не имѣютъ никакого понятія о томъ, что здѣсь будетъ музыкальный вечеръ. Оказывалось, что Гапонъ совсѣмъ забывалъ или не успѣвалъ сообщить объ этомъ. Для избѣжанія подобнаго рода недоразумѣній, крайне вредно отражавшихся на дѣлѣ, я рѣшилъ самъ сговориться съ предсѣдателями и однажды увѣдомилъ всѣхъ предсѣдателей отдѣловъ о днѣ собранія и просилъ пріѣхать ко мнѣ для обсужденія этого пустого, но въ то же время важнаго вопроса. Гапона я также увѣдомилъ. Къ моему удивленію, только одинъ предсѣдатель пріѣхалъ самъ, а остальные прислали своихъ помощниковъ. Оказалось, что въ этотъ день и на этотъ же часъ Гапонъ назначилъ собраніе предсѣдателей отдѣловъ у себя, якобы для очень важнаго дѣла. Важнаго дѣла не оказалось, но всѣмъ имъ Гапонъ разъяснилъ, что на мои приглашенія они не только не обязаны были

отзываться, но даже должны ихъ игнорировать [1]). Это разъясненіе произвело очень тягостное впечатлѣніе на всѣхъ предсѣдателей, такъ какъ они увидѣли, что разрывъ нашъ съ Гапономъ неизбѣженъ. Еще ранѣе, въ сентябрѣ, за нѣсколько дней до большого концерта, у насъ съ Гапономъ произошла рѣзкая размолвка.

Гапонъ дѣлалъ попытки вмѣшаться въ програму, а такъ какъ это мнѣ мѣшало, то я по-товарищески, но категорически заявилъ ему, что до програмы ему нѣтъ никакого дѣла, словомъ, сказалъ по-малороссійски: „засть" (смыслъ: „не ваше дѣло").

Тѣмъ не менѣе, составленную мною програму онъ переиначилъ. Это поставило меня въ глупое положеніе и такъ взбѣсило, что я просилъ передать ему, чтобы онъ во время концерта не показывался за кулисы, иначе я его выгоню. Гапонъ дѣйствительно не только не явился, но даже не поблагодарилъ участвовавшихъ артистовъ.

Далѣе, по мѣрѣ открытія новыхъ Отдѣловъ обслуживаніе ихъ музыкой потребовало не малыхъ затратъ труда: нужно было имѣть въ виду, что въ каждомъ Отдѣлѣ необходимо было устроить не менѣе двухъ музыкальныхъ вечеровъ въ мѣсяцъ, иначе не окупалась бы квартира. Уже было такое время, когда каждое воскресенье наша музыкальная комиссія устраивала по три-четыре вечера въ разныхъ Отдѣлахъ. Въ нашей музыкальной комиссіи числилось 52 участника: пѣвцы, пѣвицы, музыканты, критики и др. сочувствующія лица, но активныхъ работниковъ было не столько ужъ много, приходилось выдумывать различныя комбинаціи, а тутъ Гапонъ лѣзетъ бывало со своими требованіями, похожими на приказанія...

Мнѣ кажется, что Гапонъ еще въ теченіе лѣта въ отношеніи меня намѣтилъ планъ, который бы далъ возможность полегоньку совсѣмъ меня вытѣснить, такъ какъ рѣзко сдѣлать это было неудобно, въ виду нѣкоторой моей популярности. На первомъ „Общемъ собраніи" я былъ избранъ предсѣдателемъ музыкальной комиссіи, но тогда же была избрана предсѣдательницей литературной комиссіи и В. А. К—о, антрепренерша, насадительница оперетки и т. п. увеселеній, очень извѣстная подъ псевдонимомъ Н—и. Какимъ образомъ г-жа Н—и попала въ ряды сочувствующихъ рабочему движенію,—для меня осталось загадкой... Но дѣло въ томъ, что свое участіе она понимала нѣсколько своеобразно. На мое извѣщеніе о желательности выработать общій планъ дѣйствій она не отвѣтила; затѣмъ,

[1]) Точно такъ же Гапонъ странно поступилъ съ милѣйшимъ полковникомъ К—вымъ, постояннымъ чтецомъ на вечерахъ и общимъ любимцемъ рабочихъ. Гапонъ сказалъ какую-то грубость, послѣ которой полковникъ долженъ былъ оставить участіе въ музыкальныхъ вечерахъ.

когда мы въ своей музыкальной комиссіи выработали планъ самостоятельно, и я нѣсколько разъ сообщалъ ей о томъ, что тогда-то и тамъ-то состоится вечеръ, на который просилъ ее дать литературныя силы, таковыхъ силъ она не давала. Музыкальная комиссія рѣшила обходиться безъ нея, и мы стали привлекать литературныя силы сами. Какъ вдругъ оказалось, что г-жа Н—и устроила сама полный музыкальный вечеръ на Петербургской сторонѣ. Черезъ нѣсколько времени другой и третій. Оно бы, конечно, было бы даже хорошо, если бы работа шла объединенно, но дѣло въ томъ, что общности не было, а бывали случаи, когда на одинъ и тотъ же день назначали музыкальный вечеръ и комиссія и г-жа Н—и въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Два раза мнѣ удавалось предотвратить инциденты. Къ тому же, въ то время, когда музыкальная комиссія работала для самой работы, г-жа Н—и дѣлала себѣ рекламу. Такъ, напр., она устраивала всего 3 вечера и обо всѣхъ вечерахъ бывали помѣщаемы въ газетахъ хвалебныя рецензіи, и даже г-жа Н—и успѣла получить отъ градоначальника Фулона благодарность и попала въ фотографическую съ нимъ группу... Между тѣмъ, музыкальная комиссія устроила свыше 40 музыкальныхъ вечеровъ, и мы ни о какой подобной „чести“ и не помышляли.

Создалось ненормальное положеніе, и въ дѣло вносилась дезорганизація. Музыкальная комиссія требовала, чтобы ей не мѣшали, а Гапонъ, очевидно, тоже не могъ или не хотѣлъ ничего подѣлать... По его просьбѣ пошелъ я самъ къ г-жѣ Н—и улаживать конфликтъ. Кончилось тѣмъ, что она меня выгнала... Пришлось поставить Гапону ультиматумъ: или я и музыкальная комиссія, бывшая со мною вполнѣ солидарной, или г-жа Н—и, не успѣвшая организовать своей литературной комиссіи. [1]) Гапонъ увильнулъ отъ прямого рѣшенія, и вопросъ остался открытымъ, вслѣдствіе чего музыкальная комиссія въ концѣ декабря 1904 г. пріостановила свою дѣятельность, впредь до удовлетворенія Гапономъ всѣхъ ея требованій. На Рождественскихъ праздникахъ музыкальная жизнь въ Отдѣлахъ замерла, такъ какъ г-жа Н—и и не думала обслуживать ихъ музыкальными вечерами.

Въ моемъ разладѣ съ Гапономъ оппозиціонная часть штаба была безусловно на моей сторонѣ, а въ дружбѣ Гапона съ г-жей Н—и видѣли авантюру. И дѣйствительно,—Гапонъ разсчитывалъ на то, что эта многоопытная барыня вдругъ изъ-за его прекрасныхъ глазъ раскошелится и дастъ возможность начать постройку „Рабочаго Дома“. У Гапона была

[1]) Она мнѣ, впрочемъ, заявила, что въ ея комиссіи принимаютъ участіе крупные литературные и театральные дѣятели, напр., Евт. Карповъ, кажется, г. г. Далматовъ и Давыдовъ и др., но, вѣроятно, участіе ихъ было только на словахъ, такъ какъ на дѣлѣ его не было видно.

смѣлая мысль оттягать отъ Попечительства о Народной Трезвости Народный Домъ, но такъ какъ онъ самъ не вѣрилъ въ осуществимость этой мысли, то у него появилась другая—собрать около „Собранія“ денежныхъ людей революціоннаго или, по меньшей мѣрѣ, оппозиціоннаго оттѣнка и на ихъ капиталъ выстроить „Рабочій Домъ“, по болѣе широкому плану, чѣмъ Народный. Не знаю, какимъ образомъ онъ могъ надѣяться на поддержку въ этомъ дѣлѣ г-жи Н—и, но надежда нѣкоторое время у него держалась и для осуществленія этой надежды онъ не прочь былъ пожертвовать мною. Но его сотрудники смотрѣли иначе. Какъ только у насъ начались съ Гапономъ болѣе натянутыя отношенія, въ особенности послѣ конфликта съ г-жей Н—и, штабные мнѣ прямо заявили, чтобы я ни на іоту не уступалъ Гапону и категорически требовалъ возстановленія правъ музыкальной комиссіи... 26 или 27 декабря пришелъ ко мнѣ К—ъ и сообщилъ общее положеніе дѣла съ назрѣвающимъ конфликтомъ между штабомъ и Гапономъ. Предвидя полный разрывъ, штабъ готовилъ почву свалить Гапона съ его пьедестала „рабочаго вождя“, т. к. въ это время Гапонъ совсѣмъ потерялъ довѣріе своихъ сотрудниковъ. Предполагалось, въ случаѣ необходимости, отстранить Гапона и вести все дѣло по старой же дорогѣ, но съ охранкой считали необходимымъ порвать всякія сношенія, которыя Гапонъ продолжалъ еще и въ то время поддерживать.

И. Павловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Письмо А. И. Герцена къ Марко-Вовчку.

24 Нояб. Park House
Fulham.

И такъ вы рѣшительно, Марія Александровна, поселились въ нѣмцахъ. Русскіе терпѣть не могутъ нѣмцевъ—а любятъ ихъ. Какъ это разобрать. Изъ Брюсселя никакого отвѣта не было, они вѣрно (чтобы не оставлять документа)—сообщили въ посольство, а я не хочу идти, да и ѣхать невозможно. Къ горести нашихъ доктринеровъ—Западъ еще осунулся и еще ближе къ смерти. Наглое вмѣшательство Наполеона въ дѣла Италіи и отставка Гарибальди—это такіе два шага, отъ которыхъ не поздоровится. Читали ли вы прокламаціи Гарибальди? Какъ я угадалъ этого человѣка—назвавъ его въ Полярн. З. античнымъ героемъ, лицомъ изъ исторіи Корнелія Непота. Здѣсь все готовится къ войнѣ. Англія съ 1860 будетъ покрыта вольными стрѣлками.

Все валится, мы предвидѣли, но отъ этого не легче. Лошадь звѣрь, а храпитъ при видѣ мертвеца. Живой не любитъ смерти. Право, бываютъ минуты такой устали—что такъ бы и бѣжалъ изъ полка—но въ сторону слабость—маршъ, маршъ.

Изъ Россіи—сумбуръ. (A propos не посылайте бюлетеней Ростов. до 52; у насъ они есть).—Ростов., говорятъ, сошелъ съ ума. Въ Петерб. университетѣ изъ 300 студ. приняли 75 человѣкъ.

Строгановъ просилъ Государя драть крестьянъ шпицрутенами — ну уже я отодралъ его сіятельство за это. Прочтите въ слѣдующемъ Колоколѣ.

Что дѣлаетъ Татьяна Петр.? Получили ли мое письмо?

Скажите Богдану, что онъ хорошо дѣлаетъ что помнитъ что въ Брюсселѣ солдаты—дураки, но чтобы онъ не забывалъ, что и во всѣхъ другихъ странахъ они тоже дураки. Кланяюсь дружески А. П. (или А. В.?)

Прощайте.

Огаревъ и дѣти кланяются, Огаревъ написалъ прекрасное и предѣльное письмо объ общинномъ владѣніи въ Кол. и потомъ уѣхалъ въ Дувръ—писать стихи. Завтра воротится.

Жму вашу руку крѣпко.

А. Герценъ.

Какъ я бѣжалъ изъ Якутки.

(Страничка изъ воспоминаній).

Кучка одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ на берегу многоводной Лены, погребенныхъ подъ снѣгомъ во время безконечной зимы и тонущихъ въ навозной жижѣ во время быстротечнаго лѣта,—такова картина города Якутска, центра области, по пространству втрое превосходящей всю Францію. Въ эту яму я прибылъ въ мартѣ 1896 г. Такъ какъ я подлежалъ отбыванію воинской повинности (совершеннолѣтіе исполнилось мнѣ въ тюрьмѣ, изъ которой я не выходилъ свыше двухъ лѣтъ), то я былъ временно оставленъ въ Якутскѣ. Товарищи же мои по дѣлу были усланы въ Верхоянскъ и Колымскъ, самыя гиблыя мѣста Якутской области. Ссылкѣ въ Колымскъ подлежалъ и я.

Въ апрѣлѣ 1896 г. я былъ подвергнутъ освидѣтельствованію въ воинской комиссіи „на предметъ годности" къ воинской службѣ и получилъ годичную отсрочку. Немедленно послѣ этого полиція принудила меня выѣхать изъ города; я поселился въ Багаратсатѣ Батурусскаго улуса въ 10 верстахъ отъ Якутска, прожилъ тамъ лѣто, а къ осени захватнымъ путемъ снова перебрался въ городъ. Зимой моя жена, добровольно послѣдовавшая за мною въ ссылку, возвратилась въ Россію; послѣ этого меня снова выселили въ улусъ, но черезъ недѣлю я опять водворился въ городѣ, и на меня махнули рукой.

О побѣгѣ я началъ помышлять съ первыхъ же дней пребыванія въ Якуткѣ. Но осуществить эту мысль оказалось не такъ-то легко. Сильно мѣшало то обстоятельство, что среди ссыльныхъ товарищей къ тому времени укрѣпилось убѣжденіе въ физической невозможности побѣга изъ Якутской области. Послѣдніе удачные побѣги (Кашинцева и Федорова въ 1885 г., Паули въ 1888 г.) имѣли мѣсто задолго до моего прибытія въ этотъ заброшенный край; послѣдующія же попытки систематически кончались неудачей.

Трудности такого предпріятія были многочисленны. Во-первыхъ, вы-

Въ апрѣлѣ 1897 г. я былъ принятъ на военную службу и зачисленъ рядовымъ въ Якутскую мѣстную команду. Въ силу какихъ-то циркуляровъ политическимъ ссыльнымъ не полагалось служить въ гарнизонныхъ частяхъ, и я долженъ былъ отправиться въ Иркутскій стрѣлковый батальонъ. Но для меня было сдѣлано почему-то исключеніе; послѣ переписки съ главнымъ штабомъ, тянувшейся 5 мѣсяцевъ, я былъ оставленъ въ Якутской командѣ, причемъ въ „особенно секретной“ бумажкѣ приказано было ни подъ какимъ видомъ не производить меня въ какіе-либо „чины“. Послѣднее распоряженіе меня смѣшило, но зато крайне огорчало моихъ начальниковъ, которые хотѣли сдѣлать меня, какъ лучшаго „фронтовика“ въ ротѣ, унтеръ-офицеромъ или хотя бы ефрейторомъ! Впрочемъ, фактически я ходилъ начальникомъ караула, дежурилъ по ротѣ, завѣдывалъ ротной школой и вообще „сполнялъ должность“ унтера.

Теперь мысль о побѣгѣ волей-неволей приходилось на время оставить; по цѣлому ряду соображеній мнѣ не хотѣлось бѣжать съ военной службы. Но зато здѣсь мнѣ удалось завести такія знакомства, которыя впослѣдствіи очень и очень мнѣ пригодились.

Вскорѣ послѣ моего поступленія въ команду у насъ смѣнились командиры, ротный и полуротный. На мѣсто ротнаго командира прибылъ капитанъ изъ нѣмцевъ Гляссъ, честный и добродушный человѣкъ. Стараясь держаться въ рамкахъ официальныхъ отношеній, онъ въ то же время не стѣснялъ меня, хотя въ глубинѣ души, вѣроятно, не сочувствовалъ моимъ политическимъ воззрѣніямъ. Аккуратный и исполнительный человѣкъ, онъ, видимо, избѣгалъ всякихъ осложненій, какъ въ смыслѣ сближенія съ крамольнымъ солдатомъ, такъ и въ смыслѣ ненужныхъ къ нему придирокъ. Зато полную противоположность ему представлялъ поручикъ Н. М. Темниковъ—нашъ полуротный. Высокій и худощавый, съ большимъ кадыкомъ и маленькими усиками, онъ живо напоминалъ того отчаяннаго поручика, съ которымъ Гоголь сравниваетъ Ноздрева, вошедшаго въ азартъ. Искренно увлекавшійся военнымъ дѣломъ, но представлявшій его себѣ въ обстановкѣ временъ очаковскихъ, онъ бредилъ знаменитыми героями русской военной исторіи и силился привить такое же настроеніе солдатамъ—сброду изъ объякутѣвшихъ ямщиковъ, татаръ и т. п. Понятно, что изъ этого, кромѣ комическихъ курьезовъ, ничего не выходило, но солдаты страшно любили поручика, въ то время какъ исполнительнаго капитана, почти искоренившаго у насъ въ казармѣ мордобитіе, но холоднаго и не выходившаго изъ рамокъ официальности, не очень-то долюбливали.

Между ротнымъ командиромъ и поручикомъ, вслѣдствіе глубокаго различія ихъ характеровъ, постоянно существовалъ нѣкоторый скрытый антагонизмъ. Бывало, во время ротнаго ученія придетъ капитанъ въ казарму,

молча постоитъ нѣсколько минутъ, присматриваясь своими близорукими глазами къ не совсѣмъ обычной тренировкѣ солдатъ, и, наконецъ, спокойно скажетъ:

— Вы что жъ это, Николай Михайловичъ, какимъ-то странными пріемами ихъ обучаете?

— А это,—отрывисто отвѣчаетъ поручикъ, задирая голову и какъ бы выправляя шею изъ воротника,—это я обучаю ихъ Суворовской тактикѣ... Суворовъ говорилъ...

— Знаете, Николай Михайловичъ, оставимъ лучше Суворова и давайте заниматься по уставу, — добродушно прерываетъ капитанъ, къ величайшему негодованію поручика, дергающаго головой съ удвоенной энергіей.

Крайне симпатичный и отзывчивый человѣкъ, Темниковъ не отличался особенной политической сознательностью, но его инстинктивно тянуло къ „политическимъ“. Врядъ ли онъ зналъ даже хорошо, за что собственно я попалъ въ ссылку, но онъ сочувствовалъ мнѣ отъ всей души и сразу, по прибытіи въ Якутскъ, поспѣшилъ со мной сблизиться. Постепенно его взгляды болѣе оформились, и туманный протестъ противъ безобразій русской жизни превратился у него въ болѣе или менѣе сознательное отрицаніе господствующихъ порядковъ. Но все это отрицаніе до конца оставалось главнымъ образомъ въ области чувства. Что губило его и часто отдаляло насъ другъ отъ друга, такъ это его пагубное пристрастіе къ алкоголю; временами онъ пилъ запоемъ и тогда становился прямо невозможенъ. Но когда на него находило просвѣтлѣніе, онъ стыдился своей пагубной страсти и съ конфузливой улыбкой обѣщалъ больше не пить. Конечно, изъ этого ничего не выходило.

Капитанъ Глассъ былъ недоволенъ тѣми отношеніями, которыя установились у меня съ Темниковымъ, и неоднократно отечески выговаривалъ ему за это.

— Не доведетъ васъ до добра эта дружба съ Н.,—говорилъ онъ ему. — Кто бы онъ ни былъ, — я самъ его глубоко уважаю, — но вы не должны забывать, что вы офицеръ... и притомъ, вѣдь вы сами знаете, что онъ поднадзорный. Конечно, въ предѣлахъ возможнаго я самъ понимаю... но вѣдь это подрываетъ дисциплину и т. д.

На это поручикъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Никакихъ особенныхъ отношеній у насъ нѣтъ. Въ казармѣ у насъ чисто офиціальныя отношенія. Что же касается моего поведенія внѣ службы, то за это отвѣчаю я самъ.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки помяните мое слово: все это до добра васъ не доведетъ.

На этомъ разговоръ кончался, а затѣмъ мы съ поручикомъ добродушно подшучивали надъ честнымъ, но робкимъ командиромъ.

Приведу къ характеристикѣ поручика еще одинъ фактъ.

На вечеринкѣ у одного чиновника Темниковъ встрѣтился съ нѣкоторыми политическими. Обычный на захолустныхъ пирушкахъ разговоръ вращался около самыхъ прозаическихъ предметовъ. Вдругъ, послѣ основательнаго возліянія, поручикъ наклоняется къ одному ссыльному и конфиденціально ни съ того, ни съ сего сообщаетъ ему на ухо:

— Въ случаѣ чего, возстанія тамъ или чего-нибудь подобнаго будьте увѣрены, я со своей ротой перейду на сторону народа...

Видно, этотъ вопросъ сильно занималъ его, хотя я бесѣдъ въ такой конкретной формѣ съ нимъ не велъ.

Незадолго до моего побѣга Темниковъ допился до бѣлой горячки. Интересно, что во время своей болѣзни онъ бредилъ революціей: ему казалось, что я, возмутивъ команду, арестовалъ капитана и хочу убить также и его. Поэтому онъ порывался въ казарму, чтобы обратиться къ солдатамъ со словомъ увѣщанія, а ко мнѣ съ просьбой не предавать смерти ротнаго командира. Когда послѣдній явился къ нему въ лазаретъ, поручикъ съ удивленіемъ спросилъ его:

— Какъ, Эдуардъ Карловичъ, Н. васъ еще не убилъ?

Добрый капитанъ былъ сильно смущенъ, тѣмъ болѣе, что подобный разговоръ могъ ввести въ соблазнъ присутствовавшихъ при этомъ нижнихъ чиновъ.

Вдобавокъ, я въ это время уже не находился въ ротѣ, такъ какъ кончилъ службу 15 августа 1899 г. и мирно проживалъ въ городѣ на своей квартирѣ. Обо всей этой исторіи, происходившей въ сентябрѣ, я узналъ только мѣсяца черезъ два со словъ Темникова, который съ конфузливой улыбкой разсказалъ мнѣ про свои чудачества. Замѣчу кстати, что никогда я не велъ съ нимъ разговоровъ, которые дали бы ему поводъ заподозрить меня въ столь кровожадныхъ замыслахъ.

Во время этого визита мы бесѣдовали о томъ положеніи, которое неожиданно создалось для меня послѣ увольненія моего въ запасъ. Этотъ разговоръ не остался безъ вліянія на мою дальнѣйшую судьбу.

II.

Къ тому моменту, о которомъ идетъ рѣчь, я прожилъ въ ссылкѣ свыше $3^1/_2$ лѣтъ, успѣвъ попривыкнуть къ товарищамъ, къ мирному житію съ вечеринками, нескончаемыми спорами, пикниками и охотничьими экскурсіями; я, нѣсколько отяжелѣвъ, сдѣлался отцомъ семейства и такъ

или иначе почти примирился съ мыслью о томъ, что мнѣ придется до конца прожить назначенные мнѣ Особымъ Совѣщаніемъ 10 лѣтъ ссылки (это за с.-д. пропаганду среди рабочихъ!), если не случится какихъ-либо экстраординарныхъ событій въ Россіи. Но одно непредвидѣнное обстоятельство сразу выбило меня изъ колеи и заставило снова задуматься о побѣгѣ, мысль о которомъ постепенно подернулась дымкой забвенія и почти вышла у меня изъ головы.

Вице-губернаторомъ въ Якутскъ лѣтомъ 1899 г. назначенъ былъ нѣкій Миллеръ изъ чиновниковъ департамента полиціи. Это было маленькое злое, сухопарое существо. Привыкши въ департаментѣ къ сыску и войнѣ съ крамолой, этотъ господинъ пріѣхалъ въ нашъ богоспасаемый Якутскъ съ самыми высокими понятіями о задачахъ „твердой власти“, которыя, по его мнѣнію, лучше всего выражались въ учиненіи всяческихъ пакостей политическимъ ссыльнымъ. И. д. якутскаго губернатора, Скрипицынъ, сухой чиновникъ-формалистъ, но въ общемъ человѣкъ неглупый и не злой, никогда не унижался до сознательнаго и систематическаго преслѣдованія невольныхъ обитателей Якутки. При немъ ссылка нѣсколько вздохнула и начала пользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ, конечно, въ предѣлахъ закона и циркуляровъ. Для Миллера это былъ ножъ острый. И какъ только, съ отъѣздомъ Скрипицына въ отпускъ, онъ дорвался до власти и сдѣлался „исполняющимъ должность начальника губерніи“, тотчасъ началась политика мелкихъ, кляузническихъ придирокъ къ ссыльнымъ.

Меня Миллеръ особенно возненавидѣлъ. Во-первыхъ, мы жили съ нимъ въ одномъ домѣ, такъ что намъ приходилось часто сталкиваться; онъ вообразилъ, что я буду съ нимъ раскланиваться; я же игнорировалъ его, и невѣжливость моя глубоко его возмущала. Во-вторыхъ, ко мнѣ захаживали въ гости мировой судья и полицейскій врачъ, чего Миллеръ никакъ не могъ переварить. Пробовалъ было онъ прочитать имъ по этому поводу нотацію, но тѣ резонно отвѣтили ему, что до ихъ внѣслужебныхъ дѣлъ и знакомствъ ему нѣтъ никакого дѣла. Вдобавокъ, я однажды имѣлъ возможность наблюдать его въ прекомичномъ положеніи, когда во время прогулки его собачки, къ которымъ онъ относился, какъ къ дѣтямъ, разбѣжались, и ему никакъ не удавалось поймать ихъ и снова усадить въ колясочку. Онъ бросилъ на меня взглядъ, полный ненависти, и этотъ взглядъ, отъ котораго я не могъ не улыбнуться, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Наконецъ, Миллеру представился удобный случай устроить мнѣ хорошую пакость. До тѣхъ поръ политическіе ссыльные, отбывшіе въ Сибири воинскую повинность, оставлялись обыкновенно на мѣстѣ службы, а то и вовсе освобождались. На послѣднее я, причисленный жандармами къ лику „закоренѣлыхъ“ и „опасныхъ“ преступниковъ, расчитывать не могъ, но

зато я не сомнѣвался въ томъ, что буду оставленъ въ Якутскѣ. Между тѣмъ Миллеръ предписалъ полиціи немедленно отправить меня на мѣсто назначенія, т. е. въ Колымскъ, куда я первоначально былъ высланъ (не знаю, департаментомъ полиціи или генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Горемыкинымъ). Мои протесты не привели ни къ чему. Миллеръ заявилъ мнѣ, что меня оставятъ въ Якутскѣ лишь въ томъ случаѣ, если я подамъ объ этомъ прошеніе генералъ-губернатору. Объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Конфликтъ назрѣвалъ. Вся колонія была страшно возмущена произволомъ Миллера, который категорически отказывался запросить Горемыкина относительно того, какъ быть со мной по отбытіи мною воинской повинности.

Путешествіе въ Колымскъ далеко мнѣ не улыбалось—главнымъ образомъ, въ виду болѣзненнаго состоянія жены и двухлѣтней дѣвочки, за недѣлю до того пережившей тяжкую болѣзнь и успѣвшей уже два раза схватить воспаленіе легкихъ. Мы съ женой были почти увѣрены, что живымъ мы ребенка до Колымска не довеземъ. Приходилось проѣхать 3,000 верстъ по тундрѣ, при самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, при морозѣ, доходящемъ до 55°, при полномъ отсутствіи жилья, при недостаткѣ провизіи и т. д. У двухъ моихъ товарищей, Шифа и Борейши, дѣти погибли въ дорогѣ. Только безграничный произволъ бюрократіи могъ придумать ссылку въ Колымскій край въ административномъ порядкѣ. Не забудемъ, что именно на этой почвѣ разыгралась знаменитая первая Якутская исторія въ мартѣ 1889 года, кончившаяся убійствомъ шести ссыльныхъ, повѣшеніемъ троихъ и ссылкой въ каторгу около двадцати человѣкъ, а отчасти также и вторая, „Романовская“ исторія (въ 1904 г.).

Посовѣтовавшись съ женой и съ группой молодыхъ товарищей, я рѣшился попытать счастья и бѣжать. Предполагалось, что жена останется съ ребенкомъ въ Якутскѣ до открытія навигаціи и затѣмъ свободно уѣдетъ въ Россію. Но для осуществленія нашего плана приходилось преодолѣть цѣлый рядъ препятствій. И вотъ машина заработала во всю.

Прежде всего необходимо было раздобыться „артеріей войны“, такъ какъ поѣздка на почтовыхъ до Иркутска въ распутицу, когда приходилось платить за тройку лошадей, должна была стоить большихъ денегъ. Функціонировавшая среди группы молодыхъ ссыльныхъ касса для побѣговъ и иныхъ революціонныхъ цѣлей отпустила мнѣ 200 рублей. Но этого было слишкомъ мало. Нашелся добрый человѣкъ, состоявшій въ то время на государственной службѣ, который ссудилъ меня 400-ми рублей и револьверомъ на всякій случай (не называю этого прекраснаго человѣка, чтобы не повредить ему неосторожнымъ словомъ, но пользуюсь случаемъ, чтобы послать ему въ дальніе края горячую благодарность). Итакъ, денежный

вопросъ былъ рѣшенъ. Оставалось найти попутчиковъ, выгадать время и обмануть бдительность полиціи.

Прежде всего надлежало устроить такъ, чтобы въ моемъ распоряженіи оказалось полтора-два мѣсяца свободнаго времени. Къ разсматриваемому моменту въ Якутскѣ собралось пять-шесть паръ, подлежавшихъ ссылкѣ въ Верхоянскъ и Колымскъ; необходимо было поставить меня въ послѣднюю очередь. И вотъ я съ двумя товарищами отправились въ областное правленіе для объясненій съ Миллеромъ. Дѣло въ томъ, что по заведенному за послѣдніе годы обычаю политическимъ предоставлялось самимъ устанавливать очередь слѣдованія на сѣверъ. Этотъ порядокъ былъ въ сущности очень выгоденъ для полиціи: онъ избавлялъ ее отъ излишнихъ преній и нареканій; для нея важно было лишь одно, а именно, чтобы къ назначенному сроку всѣ подлежащіе удаленію въ полярный адъ убирались туда безъ лишнихъ скандаловъ, такъ сказать, добровольно. И эта цѣль прекрасно достигалась своеобразной автономіей подлежащихъ закланію. Для ссыльныхъ же этотъ порядокъ былъ существенно важенъ, ибо давалъ имъ возможность при распредѣленіи очередей сообразоваться съ здоровьемъ, средствами, душевнымъ состояніемъ отъѣзжающихъ товарищей.

Миллеръ рѣшилъ посягнуть на установившееся обычное право. Возможно, что онъ инстинктивно догадывался о моемъ желаніи бѣжать. Во всякомъ случаѣ, послѣ довольно бурнаго объясненія, сопровождавшагося болѣе или менѣе прозрачными угрозами съ обѣихъ сторонъ, онъ уже согласился было на наше требованіе признать существующій обычай; но когда мы удалялись изъ его кабинета, довольные одержанной побѣдой, онъ снова позвалъ товарища Е. и вдругъ выпалилъ ему въ лицо:

— Само собою разумѣется, что мое согласіе не относится къ Н—у: онъ долженъ поѣхать первымъ!

Е. готовъ былъ броситься на самодура и вцѣпиться ему въ горло. Но пересиливъ себя и подавляя внутреннюю брезгливость, онъ обратилъ вниманіе вице-губернатора на болѣзнь моего ребенка, отъ которой тотъ еще не успѣлъ оправиться, и объяснилъ ему, что въ виду этого товарищи рѣшили отправить меня послѣднимъ. Послѣ долгихъ пререканій Миллеръ согласился отсрочить мой отъѣздъ, если я представлю ему бумагу за подписью областного врачебнаго инспектора, удостовѣряющую, что немедленная высылка грозитъ опасностью для жизни моей дочери.

Врачебнымъ инспекторомъ въ Якутскѣ былъ тогда В., человѣкъ не злой, но бюрократъ и трусъ, боявшійся всякаго начальства и не любившій никакихъ „осложненій“. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ онъ согласился выдать свидѣтельство (замѣтьте—ничуть не расходившееся съ дѣйстви-

тельностью), и Миллеру ничего другого не оставалось, какъ согласиться на требованіе моихъ товарищей.

Итакъ, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи мѣсяца полтора. Но тронуться немедленно въ путь я не могъ, такъ какъ Лена еще не стала, а по сухопутью движеніе уже прекратилось. Приходилось пережидать распутицу, а тѣмъ временемъ искать попутчиковъ. Чтобъ не возбуждать подозрѣнія ямщиковъ при пересадкѣ съ вольныхъ лошадей на почтовыхъ, лучше всего было выѣхать изъ города сразу на почтовыхъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего побѣга изъ Якутска бѣжало двое товарищей, Гожанскій и Пріютовъ. Ихъ вывезъ изъ города товарищъ на собственной лошади, а на второмъ или третьемъ станкѣ они пересѣли на почтовыхъ лошадей и этимъ сразу возбудили подозрѣніе ямщиковъ; въ результатѣ оба они были арестованы послѣ неудачнаго вооруженнаго сопротивленія, но отдѣлались въ концѣ концовъ пустяками.

Итакъ, необходимо было найти вѣрнаго человѣка, который бы согласился записывать свое имя въ почтовыхъ книгахъ (подорожныя были уже тогда отмѣнены, и расплачиваться приходилось на каждой станціи) и увезти меня съ собой. Темниковъ долженъ былъ выѣхать изъ Якутска по первому санному пути въ Олекминскъ (верстъ 600 отъ Якутска) для засѣданія въ окружномъ воинскомъ присутствіи при пріемѣ новобранцевъ. Объ этомъ онъ сообщилъ мнѣ при послѣднемъ визитѣ; онъ собственно и заходилъ ко мнѣ попрощаться... И вдругъ меня осѣнила блестящая мысль: предложить Темникову вывезти меня изъ города.

Слѣдуетъ замѣтить, что онъ близко принялъ къ сердцу непріятности, постигшія меня при столкновеніи съ Миллеромъ. Какъ человѣкъ военный, онъ первымъ долгомъ хотѣлъ было поѣхать лично объясняться съ вице-губернаторомъ и въ случаѣ возраженій зарубить его шашкой. Я отговорилъ его отъ этой затѣи, и онъ безъ моего вѣдома поѣхалъ объясняться съ Гляссомъ, но послѣдній резонно посовѣтовалъ ему не соваться въ это дѣло, хотя лично мнѣ сочувствовалъ.

Итакъ, я отправился къ Темникову. Мы потолковали о томъ, о семъ, а затѣмъ, когда я собрался уходить, онъ вышелъ меня проводить. На дворѣ стояла чудная осенняя ночь; морозный, бодрящій воздухъ крѣпилъ нервы и вливалъ энергію въ жилы. Я повелъ аттаку съ фронта.

— Николай Михайловичъ, у меня къ Вамъ большая просьба.

— Юрій Михайловичъ, все, что могу, сдѣлаю для васъ.

— Я рѣшилъ бѣжать. Вывезите меня отсюда.

Наступило минутное молчаніе. Темниковъ, видимо, колебался. Думалъ ли онъ въ это мгновеніе о своемъ офицерскомъ „долгѣ“, не знаю. Только, помолчавши немного, онъ сказалъ неувѣренымъ, слегка дрожавшимъ голосомъ:

— А вѣдь это... каторжныя работы.

— Я не хочу скрывать отъ васъ, что вы рискуете, соглашаясь на мое предложеніе. Могу сказать вамъ только одно: я, съ своей стороны, приму всѣ мѣры, чтобы уменьшить вашъ рискъ до минимума.

Онъ какъ будто устыдился своего минутнаго колебанія и рѣшительно протянулъ мнѣ руку.

— Юрій Михайловичъ, конечно, я согласенъ, — сказалъ онъ на этотъ разъ болѣе веселымъ голосомъ. — Чортъ съ нимъ, съ рискомъ! Только изложите свой планъ.

Планъ былъ довольно простъ. Съ помощью отыскавшагося въ колоніи и состоявшаго изъ нѣсколькихъ фальшивыхъ печатей „паспортнаго бюро", заключеннаго въ круглую жестяную коробочку изъ-подъ монпансье и нѣсколько лѣтъ провалявшагося безъ употребленія, мы смастерили два фальшивыхъ документа: проходное свидѣтельство на мое собственное имя, якобы выданное мнѣ якутской полиціей по окончаніи ссылки для свободнаго слѣдованія въ Херсонъ, и паспортъ-книжку на имя миѳическаго инженеръ-технолога II разряда (существуютъ ли такіе, мы, впрочемъ, хорошенько не знали), какого-то Ивана Алексѣева. Недостающія печати вырѣзалъ для насъ шлиссельбуржецъ Мартыновъ, въ то время находившійся въ Якутскѣ. Кромѣ того, одинъ чиновникъ далъ мнѣ свой настоящій паспортъ, которымъ я могъ пользоваться лишь въ случаяхъ крайней необходимости, напримѣръ, при пропискѣ въ большихъ центрахъ Европейской Россіи. Проходное свидѣтельство на мое имя было сдѣлано настолько удачно, что Темниковъ, увидавши его, пришелъ въ восторгъ и просто ахнулъ отъ изумленія: до того ловко была поддѣлана подпись полицмейстера [1]). Это свидѣтельство я имѣлъ въ виду предъявлять въ тѣхъ случаяхъ, если бы меня узнали по дорогѣ. А узнать было нетрудно, такъ какъ по станкамъ жили многіе бывшіе мои сослуживцы по ротѣ. Мое возвращеніе въ Россію не могло ихъ удивить, такъ какъ по ихъ простецкому разсужденію человѣкъ, отбывшій службу „престолъ-отечеству", безусловно подлежалъ освобожденію отъ полицейскаго надзора; многіе изъ нихъ, увольняясь въ запасъ, сочувствено предсказывали мнѣ, что скоро и мнѣ придется „оборотиться въ Рассею".

Лошадей долженъ былъ заказать Темниковъ; моя задача заключалась въ томъ, чтобы незамѣтно сѣсть въ сани за нѣсколько минутъ до отъѣзда. Для того, чтобы меня не видѣли слишкомъ часто по дорогѣ, необходимо было пріобрѣсти собственный крытый возокъ, „кибитку"; перепряжка ло-

---

[1]) Между прочимъ, за это свидѣтельство впослѣдствіи совершенно безвинно пострадалъ письмоводитель при полицейскомъ управленіи, заподозрѣнный въ передачѣ мнѣ казенной печати!

шадей на станкахъ должна была производиться такъ, чтобы мы не вылѣзали изъ кибитки, которая спереди завѣшивалась войлокомъ. Выходить изъ возка предполагалось рѣдко—лишь для того, чтобы подкрѣпляться пищей и чаемъ.

— Ну, а если полиція хватится вась въ городѣ?—спросилъ Темниковъ.

— Это предусмотрѣно, и противъ такой случайности приняты мѣры.

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ. Для предупрежденія побѣговъ полиція завела особаго надзирателя, который разъ или два въ недѣлю являлся на квартиру политическихъ ссыльныхъ; послѣдніе расписывались въ его книгѣ. Мы исподволь и систематически начали пріучать его къ тому, что одинъ товарищъ расписывался за другого. Дальше порога передней его не пускали; провѣрить, находится ли въ квартирѣ лицо, за которое расписываются, онъ не могъ; жаловаться на это не смѣлъ. И такимъ образомъ, съ этой стороны недѣли на двѣ-три мы были обезпечены.

— Все это прекрасно,—сказалъ Темниковъ, выслушавши мою повѣсть,—но вѣдь я ѣду только до Олекминска. А дальше вамъ остается сдѣлать еще 2500 верстъ. Какъ же вы тамъ проѣдете?

— Ясно,—отвѣтилъ я,—что необходимъ еще одинъ попутчикъ.

— А гдѣ его взять?

— Вотъ это-то, Николай Михайловичъ, вы и должны устроить. Такого человѣка я намѣтилъ. Но сразу раскрывать передъ нимъ свои карты я не хочу. Вы же можете поговорить съ нимъ, нащупать почву, и если увидите, что онъ соглашается, посвятить его въ наше дѣло.

— Хорошо—протянулъ Темниковъ.—Но кто же этотъ человѣкъ?

— Это—Чистяковъ.

Моего собесѣдника такъ и передернуло.

— Чистяковъ!—вскричалъ онъ.—Но развѣ я могу съ нимъ разговаривать?

Я хорошо понималъ затруднительное положеніе Темникова. Дѣло въ томъ, что съ Чистяковымъ, нѣкогда также служившимъ по военному вѣдомству, онъ находился въ смертельной враждѣ; между ними однажды произошло крайне непріятное столкновеніе, которое съ трудомъ удалось замять. Поручикъ считая себя жестоко обиженнымъ, не могъ простить Чистякову этой исторіи. И вдругъ я предлагаю ему дружески объясниться съ своимъ обидчикомъ... Но подумавъ немного и признавши справедливость моихъ доводовъ, онъ переломилъ свою гордость и согласился пригласить къ себѣ своего непримиримаго врага для переговоровъ. Я понялъ, какую жертву приноситъ для меня этотъ благородный человѣкъ, и горячо пожалъ его руку.

Но разыскать Чистякова оказалось не такъ-то легко. Оставивъ службу, онъ никакъ не могъ пристроиться и страшно бѣдствовалъ. Типичный представитель тѣхъ „среднихъ“ людей, о которыхъ говоритъ Чеховскій мировой судья, съ проснувшимся чувствомъ собственнаго достоинства, онъ страдалъ извѣстнымъ русскимъ національнымъ порокомъ. Мы познакомились съ нимъ во время моего пребыванія въ казармѣ и были въ хорошихъ отношеніяхъ. Иногда онъ давалъ мнѣ на сохраненіе часть своего жалованья съ тѣмъ, чтобы я выдавалъ ему деньги по частямъ, когда онъ, пропивши все остальное, явится ко мнѣ требовать ввѣренную мнѣ сумму. Въ тотъ моментъ, къ которому относится мой разсказъ, Чистяковъ, перебивавшійся случайной медицинской „практикой“, не имѣлъ квартиры, ютился по какимъ-то притонамъ, ночевалъ иногда на улицѣ. Съ большимъ трудомъ удалось напасть на его слѣды и передать ему приглашеніе явиться къ Темникову для какихъ-то переговоровъ о мѣстѣ.

Я присутствовалъ при ихъ свиданіи, спрятавшись въ сосѣдней комнатѣ за занавѣской. Чистяковъ вошелъ въ столовую робко, повидимому, подозрѣвая со стороны поручика какую-нибудь каверзу, быть можетъ, желаніе свести съ нимъ старые счеты. Видъ у него былъ угрюмый и печальный. Несмотря на морозъ, жестоко щипавшій кожу, онъ былъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ, одѣтомъ прямо на рубашку, и въ стоптанныхъ калошахъ безъ сапогъ. Мрачно поздоровавшись съ Темниковымъ, онъ покосился на столъ, гдѣ пріятно бурлилъ самоваръ, дымились горячія котлеты и стояла бутылка водки.

— Вы звали меня по какому-то дѣлу,—сказалъ онъ глухо, присѣвши на край стула.

— Да, да,—заторопился поручикъ.—Но не закусить ли намъ и не пропустить ли до разговора по маленькой?

Лицо у Чистякова просіяло.

— Это можно,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Пропустили по одной и т. д. Закусили. Закурили по папироскѣ.

Бѣдняга явно ожилъ и повеселѣлъ. Очевидно, онъ убѣдился, что никакой каверзы опасаться нечего, и что его пригласили дѣйствительно по дѣлу.

— Ну-съ, разскажите, какъ вы живете?—обратился къ нему поручикъ, очевидно, не зная, какъ приступить къ дѣлу.

— Сами видите, какъ я живу,—уныло отвѣтилъ Чистяковъ, указывая на свой костюмъ.—Вотъ ужъ прямо можно сказать: ни кола, ни двора, пальто—весь пожитокъ. Перебиваюсь съ хлѣба на квасъ или, вѣрнѣе сказать, на водку. Уѣхать бы изъ этой проклятой ямы, да никакъ не вырвешься...

— А скажите, отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не уѣхать въ Иркутскъ?

— Да какъ же уѣдешь!—грустно возразилъ Чистяковъ.—На это нужно рублей 200. А у меня нѣтъ и двухъ копеекъ. Взаймы никто не повѣритъ. А я и такъ весь въ долгу, какъ въ шелку... И главное, что досадно,—прибавилъ онъ, помолчавъ.—Вѣдь тамъ въ Иркутскѣ я долженъ получить рублей 300—400. Мнѣ дядя наслѣдство оставилъ. Только для этого я долженъ лично туда явиться.

— Ну, а что бы вы сказали, если бы я для васъ нашелъ человѣка, который согласился бы ссудить васъ деньгами... или даже повезъ бы васъ въ Иркутскъ на свой счетъ?—бацнулъ Темниковъ.

Чистяковъ поднялъ опущенную голову.

— Вы не шутите?—сказалъ онъ.—Да я бы... да я бы вѣкъ васъ помнилъ... Вѣдь я бы жизнь наново началъ...

— Только,—прибавилъ Темниковъ нерѣшительно,—это связано съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ сказать...

— А чортъ съ нимъ! все равно,—отвѣтилъ Чистяковъ.—Хуже теперешняго не будетъ. Только,—протянулъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ,—я собственно не понимаю, при чемъ тутъ рискъ и какой рискъ?

— Гмъ,—промычалъ смущенно поручикъ. Видите ли... здѣсь такое дѣло... Словомъ, одному человѣку нужно ѣхать въ Иркутскъ... и онъ ищетъ попутчика...

Чистяковъ не сводилъ глазъ съ собесѣдника.

— Я знаю этого человѣка?—наконецъ спросилъ онъ.

— М—да,—протянулъ Темниковъ,—вы его знаете.

— Николай Михайловичъ,—вдругъ сказалъ Чистяковъ.—Юрій Михайловичъ хочетъ бѣжать?

— Да,—отвѣтилъ Темниковъ, застигнутый врасплохъ.

— И вы меня спрашиваете?—сказалъ Чистяковъ и даже всталъ.—Да я съ величайшимъ удовольствіемъ... И если бы даже мнѣ не нужно было ѣхать...

— Ну, я радъ, что такъ хорошо вышло,—сказалъ Темниковъ.

— А гдѣ же Юрій Михайловичъ?—спросилъ Чистяковъ.

— Я здѣсь,—отвѣтилъ я, выходя изъ другой комнаты.

Чистяковъ улыбнулся.

— Не довѣряли мнѣ?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не то,—отвѣтилъ Темниковъ, — но знаете... въ такомъ дѣлѣ...

— Ну, ну, конечно,—успокоительно заключилъ Чистяковъ.—Юрій Михайловичъ, но какъ же вы могли во мнѣ сомнѣваться? Да я готовъ на что угодно...

Съ этого момента и вплоть до отъѣзда Чистяковъ былъ взятъ мною подъ строжайшій надзоръ; на добровольный арестъ онъ, впрочемъ, сразу добродушнѣйшимъ образомъ согласился, зная свою слабость. Мы водворили его на моей квартирѣ, экипировали его съ ногъ до головы, кормили и поили въ волю, но въ городъ безъ меня выходить онъ не могъ. Опасались, чтобы онъ не загулялъ и въ пьяномъ видѣ не проболтался. Впрочемъ, этотъ суровый карантинъ продолжался лишь два-три дня. Рѣка стала, и мы рѣшили, не мѣшкая, двинуться въ путь.

III.

Сборы кончены. Послѣдніе поцѣлуи, пожатія руки, торопливые совѣты и напутствія. Чистяковъ ушелъ впередъ къ поручику; онъ сядетъ въ возокъ открыто; ему не нужно скрываться... Я выхожу со двора въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, это—странная смѣсь душевнаго подъема и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣпенѣнія. Позади осталось все близкое и дорогое: семья, товарищи, друзья, какая бы то ни было, но все же такъ или иначе налаженная жизнь. Впереди—неизвѣстность, полный мракъ, а главное—рискъ неудачи. Если меня схватятъ, снова подтвердится убѣжденіе въ невозможности бѣгства изъ проклятой Якутки, въ безплодности всякихъ попытокъ вырваться изъ этой ямы. Итти трудно: я въ барнаульской шубѣ, надѣтой поверхъ пальто, подъ которымъ меня жметъ костюмъ изъ заячьихъ шкурокъ, на ногахъ заячьи чулки и катанки, не разношенные, твердые какъ камень. Они жмутъ ногу; скандалъ! по дорогѣ ноги будутъ мерзнуть. Это самая ужасная сторона путешествія, вѣдь придется не выходить изъ возка по цѣлымъ суткамъ... Вотъ и площадь. Отсюда я пойду одинъ. Послѣднее братское рукопожатіе вѣрнаго друга, пожелавшаго меня проводить... И вотъ я неуклюже подвигаюсь впередъ, перехожу мостикъ. Вотъ и домъ Темникова. Въ одну секунду я незамѣтно юркнулъ въ дверь, предусмотрительно оставленную для меня открытой. Во дворѣ тройка нетерпѣливо перебираетъ ногами. Милые кони! благополучно ли вы вывезете меня отсюда? выдадите или нѣтъ? Вотъ я въ спальнѣ за занавѣской. Жду рѣшительнаго сигнала. А тамъ будь, что будетъ. Vogue la galère!..

Ямщиковъ зовутъ на кухню пить водку. Это обычай. Одинъ ямщикъ взошелъ, другой остался сторожить коней. „Эй, иди и второй!“—„Кони уйдутъ“.—„Ничего, затворяй ворота, да шевелись—водки не останется!“ Пришелъ и второй. Ну, Господи благослови! Выхожу. Во дворѣ живетъ цѣлая орда татаръ; что, если кто-нибудь изъ нихъ торчитъ у возка? Никого? Разъ-два три! Быстрѣе молніи скользнулъ я въ кошевку.

Какъ душно, какъ неудобно! Не успѣваю распрямить члены. Идутъ. Теперь нельзя шевелиться. Темниковъ садится съ правой стороны. Чистяковъ вваливается прямо на меня. Я задыхаюсь, но говорить и громко ворочаться нельзя. Ямщики возятся у возка. Тутъ же денщикъ, солдаты, высыпали татары, бабы. Все готово. „Счастливый путь! Съ Богомъ!“ „Готово?“ „Есть“.—„Ну, открывай ворота!“ Ухъ, какъ дернули застоявшіеся кони! Полозья заскрипѣли по снѣгу. Поѣхали. Вдругъ... что это? галлюцинація слуха? За нами бѣгутъ, слышатся яростные крики: „стой! стой!“ Ямщикъ осаживаетъ коней. Неужели конецъ? Не можетъ быть! Это было бы такъ глупо... въ самомъ началѣ. „Что за дьяволъ!“—тихо ворчитъ поручикъ. „Развязались постромки“. Только-то? Ну, слава Богу. „Готово?“—„Съ Богомъ“. Пошелъ! Кони вырвались на просторъ.

— Выѣхали изъ города!—радостно шепчетъ Темниковъ и толкаетъ меня локтемъ въ бокъ.

— Тшш...—шиплю я.—Дайте вздохнуть!

— Все обойдется!—философски замѣчаетъ Чистяковъ, плотнѣе усаживаясь на мнѣ. У, дьяволъ!

— Ямщикъ, пошелъ живѣй!—кричитъ поручикъ. Онъ возбужденъ. Чистяковъ, прямой потомокъ Діогена, хладнокровенъ и увѣренъ въ благополучномъ исходѣ. Я тоже спокоенъ, хотя не такъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Первый станокъ проѣхали молча. Ямщикъ не долженъ знать, что насъ въ возкѣ трое, а не двое. Перепрягаютъ лошадей. „Пойдемъ согрѣться“,—предлагаетъ Темниковъ.—„Да, не мѣшало бы“,—поддерживаетъ его Чистяковъ, зная, что у насъ бутылокъ припасено въ дорогу много. Но я не разрѣшаю. Мои товарищи съ ропотомъ подчиняются. Тронулись. „Эй, милыя, пошевеливай!“ Второй станокъ. Снова перепрягаютъ лошадей. „Выйдемъ!“—говорятъ Темниковъ и Чистяковъ. Но я безжалостенъ. Снова ѣдемъ. Колокольчики заливаются. Теперь я могу показаться и ссадить съ себя Чистякова. Ямщикъ не обращаетъ на насъ никакого вниманія. Да и то сказать: съ нами офицеръ въ Николаевской шинели. Какая чудная ночь! Какой бодрящій воздухъ! Какъ прекрасно свѣтитъ луна! Хорошо...

Мысли проносятся вихремъ въ головѣ. Что-то теперь подѣлываютъ жена, товарищи? Спятъ ли спокойно или волнуются, прислушиваясь къ каждому шороху, вздрагивая при стукѣ ставня, захлопнутаго вѣтромъ? А моя маленькая Маруся? Она безмятежно спала, раскинувшись въ своей колыбелькѣ, когда я подошелъ, чтобы запечатлѣть на ея раскраснѣвшейся щечкѣ прощальный поцѣлуй. Какъ она удивится утромъ, не видя своего папки!.. Но прочь всякія мысли! Предадимся на волю стихіи, и пусть капризный случай вывозитъ. Летите впередъ, быстрые кони. Ямщикъ, погоняй—

получишь на чай! И кони мчатся, вѣтеръ обвѣваетъ пылающее лицо, снѣжные комья летятъ въ возокъ...

— Проѣхали больше 60 верстъ,—замѣчаетъ Темниковъ...

Наконецъ, остановились. Зашли въ станціонный домъ выпить чаю и закусить. Пришелъ староста съ мѣдной бляхой и сталъ въ дверяхъ. Замѣчаю, пристально смотритъ на меня своими инородческими, узкими и черными глазами. Узнаетъ, каналья! Снимаю пальто и нарочно роняю на полъ увольнительный солдатскій билетъ характернаго зеленаго цвѣта. Староста подскакиваетъ и услужливо подаетъ книжку. Вижу: успокоился. Мои попутчики тѣмъ временемъ прикладываются къ бутылочкѣ, раньше чѣмъ я успѣю наложить свое строгое „вето". Довольно! Уговоръ дороже денегъ. Напиваться въ дорогѣ запрещено. Только трезвость спасетъ насъ. Ворчатъ, но повинуются. Подкрѣпились? Баста! Въ дорогу! Ночевать до самаго Иркутска нигдѣ не будемъ. Каждая минута дорога. И опять несемся по снѣжной дорогѣ. Ночь скоро кончится. Колокольчики звенятъ. Дремлемъ кое-какъ въ полусидячемъ положеніи. О, дорогая свобода!..

Такъ прошло трое сутокъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ станковъ до Олекминска, я рѣшилъ разстаться съ поручикомъ, для того чтобы, во-первыхъ, пріучить дальнѣйшихъ ямщиковъ къ тому, что насъ ѣдетъ двое, и лошадей беретъ Чистяковъ, а во-вторыхъ, чтобы хотя отчасти замести слѣды, и чтобы въ Олекминскѣ, гдѣ имѣется исправникъ и полицейское управленіе, не знали, что меня провезъ офицеръ. Кстати, подвернулся удобный случай, позволившій намъ разстаться, не возбуждая этимъ ничьихъ подозрѣній. Содержателями одной почтовой станціи оказалась семья, сплошь состоявшая въ мужской своей части изъ бывшихъ солдатъ (одинъ изъ нихъ былъ моимъ сослуживцемъ); какъ люди военные, они сочли своимъ долгомъ хорошо насъ угостить и убѣдили поручика остаться у нихъ на нѣсколько часовъ. Этимъ я и воспользовался, убѣдивши Темникова принять приглашеніе, къ негодованію Чистякова, который бросалъ умильные взгляды на стоявшую на столѣ четвертную бутыль, опорожненную только на половину. На крыльцѣ мы поцѣловались и дружески распрощались съ поручикомъ; разставаясь со мной, онъ заплакалъ... Больше мнѣ не привелось его увидѣть [1]).

Итакъ, теперь мы ѣхали вдвоемъ, останавливаясь уже только разъ въ сутки. На остановкахъ мы пили чай съ коньякомъ и сдобными булками и варили пельмени, которыхъ у насъ въ замороженномъ видѣ имѣлся

---

[1]) Впослѣдствіи, благодаря отчасти стараніямъ добровольнаго сыщика купца А. раскрылось участіе Темникова въ моемъ побѣгѣ. Противъ него и моей жены (!) возбуждено было преслѣдованіе, которое не кончилось ничѣмъ, кажется, благодаря вмѣшательству ген.-губернатора Горемыкина.

цѣлый мѣшокъ. Ну, и надоѣли же мнѣ за дорогу эти пельмени; впослѣдствіи я нѣсколько лѣтъ не могъ ихъ видѣть! За двадцать часовъ ѣзды въ самомъ неудобномъ положеніи члены до того затекали, что трудно было стоять на ногахъ. Послѣ долговременнаго пребыванія на морозѣ температура почти нетопленой комнаты казалась нестерпимо высокой; лицо пылало, зато мы быстро подвигались впередъ.

Днемъ мы грызли въ возкѣ мерзлые пирожки съ мясной начинкой. Вѣрнѣе, грызъ ихъ я; мой же спутникъ предпочиталъ питаться болѣе духовнымъ образомъ, если такъ можно выразиться. Послѣ долгихъ споровъ и упрековъ за мой деспотизмъ онъ выговорилъ себѣ право на полбутылки водки въ день. Сначала (т. е. первые два дня) онъ строго держался установленной нормы, при которой онъ, по его словамъ, чувствовалъ себя человѣкомъ, а не тряпкой; затѣмъ онъ началъ выпивать свою бутылку за одинъ день и, наконецъ, выпивалъ ее въ полчаса—часъ, заваливаясь съ 11 часовъ утра спать вплоть до остановки, которую мы дѣлали обыкновенно вечеромъ часовъ въ 8—9. По этому поводу у насъ происходили уморительныя пререканія.

— Василій Петровичъ, это неудобно, что вы вѣчно спите... Мало ли съ кѣмъ придется объясняться, а вѣдь вы знаете, что мнѣ неудобно часто показываться.

— Пустяки, батенька, все обойдется прекрасно, увѣряю васъ,— невозмутимо отвѣчалъ Діогенъ.

Однажды (это было уже недалеко отъ Киренска) по дорогѣ послышался приближающійся звукъ колокольчика. Чистяковъ спалъ по обыкновенію.

— Кто это?—спросилъ я у ямщика.

— А это засѣдатель ѣдетъ.

— Зачѣмъ? Куда?

— А кто его знаетъ! Должно, ловить кого собрался...

Невѣжливымъ толчкомъ въ бока я разбудилъ своего товарища.

— Ну, что такое?—недовольно пробурчалъ онъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и попросилъ не спать, на случай, если засѣдатель пожелаетъ остановить нашъ возокъ и вступить съ нами въ разговоръ.

— Пустое!—пробормоталъ Діогенъ, прехладнокровно поворачиваясь на другой бокъ.

И дѣйствительно, оказалось пустое. Засѣдатель проѣхалъ благополучно; видимо, онъ „ловилъ“ не насъ...

Мои страхи передъ случайной встрѣчей съ бывшими сослуживцами оказались совершенно неосновательными. Нѣсколько разъ я наталкивался въ станціонныхъ домахъ на знакомыхъ отставныхъ солдатъ, но такъ какъ, съ

ихъ точки зрѣнія, я, по отбытіи воинской повинности, получалъ право на полное освобожденіе, то они нисколько не удивлялись моему возвращенію въ Россію [1]). Напротивъ, я встрѣчалъ съ ихъ стороны самый теплый пріемъ; Чистякова они также любили—и въ результатѣ ямщики съ этихъ станковъ везли насъ съ удвоенной быстротой, не за страхъ, а за совѣсть. Впрочемъ, мы вообще обнаруживали щедрость, и волшебныя слова „на чай" и „на водку" окрыляли ямщиковъ и коней. Кое-гдѣ Чистяковъ для приданія намъ пущей важности не останавливался передъ угрозами и конфиденціально сообщилъ ямщикамъ, медлившимъ съ перепряжкой:

— Торопись, паря; вишь баринъ сердится.

„Баринъ" это былъ я, сурово молчавшій, забившись въ уголъ возка и запрятавши лицо въ воротникъ шубы. Неудивительно, что среди ямщиковъ пошелъ слухъ, будто ѣдетъ прокуроръ. А нѣкоторые изъ нихъ даже прибавляли:

— Какой тамъ прокуроръ! Самъ членъ...

„Членъ" окружного суда, незадолго передъ тѣмъ введеннаго въ Якутской области, по представленіямъ станочнаго населенія, занималъ самую верхушку чиновнаго Олимпа. Разубѣждать ямщиковъ мы не считали нужнымъ, такъ какъ ихъ наивное заблужденіе ускоряло быстроту нашего передвиженія. Впрочемъ, по Ленѣ вообще прекрасныя лошади.

Мы ѣхали по рѣкѣ, выбираясь иногда на трактъ, такъ какъ Лена не вездѣ стала. Случалось иногда темной ночью ѣхать на самомъ краю зловѣще чернѣвшей въ сторонѣ полыньи. Чувство не совсѣмъ пріятное. Ямщики иногда рѣшительно отказывались везти насъ по ночамъ; и съ трудомъ удавалось убѣдить ихъ пуститься въ дорогу. Они боялись не за насъ и не за себя, а за лошадей. И для того, кто знаетъ, какую роль въ хозяйствѣ этихъ несчастныхъ играетъ „тройка", эти опасенія не за собственную жизнь, а за лошадей, вполнѣ понятны. Для приленскаго населенія почтовая гоньба составляетъ основной, чтобы не сказать единственный, источникъ существованія. Сѣрый камень не родитъ хлѣба, темный лѣсъ стоитъ предъ ними мрачной угрозой и сковываетъ ихъ безпросвѣтную жизнь. На одномъ станкѣ, когда мы въ ожиданіи перепряжки сидѣли въ почтовомъ домѣ и бесѣдовали о нашествіи медвѣдей, на середину избы вдругъ выступилъ бородатый мужикъ въ распоясанной рубахѣ и босой, до того молча сидѣвшій въ углу, и отчаянно заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, котораго онъ принималъ за власть имущаго.

[1]) Ожидая перепряжки лошадей на Мачинской пріисковой резиденціи, я совершенно не замѣтилъ, что изъ сѣней станціоннаго дома за мной внимательно наблюдаетъ одинъ мой бывшій сослуживецъ. Какъ человѣкъ интеллигентный, онъ сразу понялъ все, но не подалъ виду и долго никому не сообщалъ о моемъ проѣздѣ. Обо всемъ этомъ я узналъ гораздо позже.

— Баринъ, помоги!... Медвѣдь заѣлъ... Тайга насъ задавила... Что же это будетъ?

Мнѣ показалось, что онъ былъ слегка выпивши. Возможно, что я ошибался...

— Ну, ну, оставь!—сказалъ присутствовавшій отставной солдатъ, отводя его рукой. Бородатый мужикъ замолчалъ и уныло поплелся обратно въ свой уголъ.

Я уѣхалъ съ этого станка съ тяжелымъ чувствомъ. Какими средствами можно улучшить жалкое положеніе заброшеннаго населенія приреѣчныхъ станковъ?..

Зато хорошо живется въ Восточной Сибири купцамъ. Не могу безъ смѣха вспомнить курьезную встрѣчу съ однимъ изъ представителей этого почтеннаго сословія. Это было подъ самымъ Олекминскомъ. Къ станціонному дому, гдѣ мы ожидали, пока намъ подадутъ лошадей, подкатила тройка, разукрашенная лентами, и въ комнату ввалился одѣтый въ дорогую доху высокій красивый мужчина—настоящій купецъ Калашниковъ. Оказалось, что онъ „гулялъ", т. е. въ теченіе цѣлой недѣли переѣзжалъ изъ дома въ домъ, распивая водку и наливки со всякимъ встрѣчнымъ. Обычное сибирское времяпрепровожденіе. Поздоровавшись съ нами, онъ сразу засыпалъ насъ кучей вопросовъ.

— Кто? откуда? куда?

Мы постарались кое-какъ удовлетворить его чисто-сибирскому любопытству. Я отрекомендовался приказчикомъ Поповымъ, Чистяковъ предъявилъ свое настоящее званіе; ѣдемъ мы изъ Якутска на новыя земли, въ Портъ-Артуръ.

— Какого жъ чорта васъ понесло такъ далеко?

Мы начали объяснять купцу, что тамъ нуждаются въ служащихъ, заработки прекрасные, можно быстро сдѣлать карьеру и т. д. Но это его не убѣждало. Тогда я выставилъ рѣшающій доводъ.

— Развѣ вы не слыхали, что тамъ порто-франко?

— Ну?

— И что тамъ коньякъ прямо ничего не стоитъ? Въ Портъ-Артурѣ пьютъ его, какъ квасъ!

Купецъ просіялъ.

— Вотъ такъ край!—сказалъ онъ.—Ей-богу, и я туда поѣду. Коньякъ, говоришь, даромъ? Вотъ, право слово, возьму и прикачу къ вамъ въ Портъ-Артуръ въ гости. Примете?

— Помилуйте. Почтемъ за честь...

Разстались мы съ нимъ, какъ старые пріятели...

Возокъ нашъ летитъ впередъ. Вотъ и Витимъ; въѣзжаемъ въ Ир-

кутскую губернію. Отсюда уже идетъ телеграфъ. Значитъ, опасность увеличилась. Проѣхали Киренскъ... Ничего, не трогаютъ. Неужели удастся проскользнуть счастливо? Подъ Верхоленскомъ мы принуждены были разстаться съ нашимъ возкомъ, съ которымъ я такъ сроднился. Дальше пришлось поѣхать на перекладныхъ въ тарантасѣ, ибо свѣжная дорога въ этихъ мѣстахъ еще не установилась. Вотъ и послѣдній станокъ передъ Иркутскомъ. Пока запрягаютъ лошадей, я торопливо сжигаю въ печкѣ свое проходное свидѣтельство; здѣсь оно уже мнѣ не нужно, а можетъ только послужить лишней уликой. Вотъ мы взобрались на гору. Иркутскъ лежитъ передъ нами, какъ на ладони. Черезъ полчаса мы въѣзжаемъ въ столицу Восточной Сибири. Четыре года тому назадъ я выѣхалъ отсюда подъ конвоемъ на сѣверъ; теперь я возвращаюсь сюда свободнымъ человѣкомъ... Свободнымъ? погоди еще, мой другъ, торжествовать побѣду.

Всю дорогу изъ Якутска въ Иркутскъ мы сдѣлали въ 14 сутокъ. При распутицѣ это блестящая скорость: мы побили рекордъ!

Ямщикъ повезъ насъ въ знакомыя меблированныя комнаты крайне подозрительнаго вида. Номеръ взялъ на свое имя Чистяковъ. Я же рѣшилъ отправиться къ товарищамъ, условившись съ Чистяковымъ, что ночью или на другое утро приду за вещами. И вотъ я *хожу* по улицамъ Иркутска, какъ свободный гражданинъ; вѣдь до сихъ поръ я только *ѣхалъ* свободно.

Одному изъ товарищей, жившихъ въ Иркутскѣ, дано было знать посредствомъ шифрованнаго письма о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ. Но такъ какъ адреса его я не зналъ, то прежде всего я направился на квартиру другого стараго ссыльнаго, у котораго надѣялся навести справки. Сначала онъ не узналъ меня въ темной передней; но когда разглядѣлъ, страшно смутился и засуетился; въ комнату, впрочемъ, онъ не счелъ нужнымъ меня пригласить...

— Какими судьбами?—спросилъ онъ растерянно.

— Возвращаюсь по собственной волѣ,—такъ же шопотомъ отвѣтилъ я.

— Ну да, я такъ и догадался... Что же собственно вамъ нужно?

— Будьте такъ добры,—сказалъ я, чтобы успокоить моего взволнованнаго камарада,—укажите мнѣ адресъ такого-то, и больше ничего.

— Постойте, я самъ васъ провожу,—заторопился онъ, очевидно, не желая оставить меня ни одной лишней минуты въ своей прекрасно обставленной квартирѣ, которую я могъ разсматривать изъ передней, а послѣ пятнадцатидневнаго сидѣнія въ полусогнутомъ положеніи въ возкѣ мнѣ, признаться, такъ хотѣлось вытянуться на мягкомъ креслѣ, которое заманчиво улыбалось мнѣ изъ зала... Да и отъ стакана чая я бы не от-

казался: холодно было чертовски. Но мой товарищъ поспѣшно накинулъ пальто и шапку и уже открывалъ дверь на улицу...

Только на свѣжемъ морозномъ воздухѣ онъ нѣсколько опомнился. Итти пришлось недалеко.

— Ну, вотъ мы и пришли,—сказалъ онъ, остановившись передъ чистымъ и новенькимъ двухэтажнымъ деревяннымъ домомъ.—Поднимитесь на лѣсницу и позвоните.

Съ этими словами мой проводникъ исчезъ.

Я позвонилъ. Сверху послышались шаги, и на порогѣ показался со свѣчей въ рукахъ товарищъ, котораго я разыскивалъ. Увидѣвши меня, онъ, подобно женѣ Лота, мгновенно превратился въ соляной столпъ.

— Это вы? Такъ скоро? Ну, ну, входите,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что и я начинаю теряться при видѣ его изумленія.

Оказалось, что письмо наше задержалось гдѣ-то въ дорогѣ; N (будемъ такъ называть пріютившаго меня товарища) получилъ его за часъ до моего пріѣзда и засѣлъ за расшифровываніе; онъ успѣлъ прочесть только: „Къ вамъ ѣдетъ Н.“—и въ этотъ именно моментъ я позвонилъ. Вотъ почему онъ встрѣлъ меня такимъ смутившимъ меня восклицаніемъ.

Послѣ обмѣна нѣкоторыми дѣловыми вопросами, N пригласилъ меня въ столовую выпить и закусить и познакомилъ меня съ своей миловидной женой. Ея теплое и мягкое обращеніе нѣсколько разогрѣло мою душу, которая начала было уже застывать и озлобляться подъ вліяніемъ офиціальнаго холодка первыхъ встрѣчъ. Спасибо тебѣ, чуткое и привѣтливое женское сердце.

Я переночевалъ у N. Рѣшено было, что я уѣду изъ Иркутска на слѣдующее же утро. N снабдилъ меня на дорогу одѣяломъ и подушкой, жена его завязала мнѣ въ узелокъ сдобный хлѣбъ и нѣкоторыя другія прелести, необходимыя для души и тѣла. Утромъ я простился со своими гостепріимными хозяевами и отправился по лавкамъ, такъ какъ для ѣзды по желѣзной дорогѣ слѣдовало нѣсколько преобразиться. Купилъ бѣлье, галстухъ, русскую фуражку съ козырькомъ, галоши, башлыкъ. Съ помощью этихъ предметовъ я пріобрѣлъ въ извѣстной степени европейскій видъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ. Въ Варшавѣ, впрочемъ, публика нашла, что я похожъ на настоящаго варвара, выбѣжавшаго изъ степей, и что мнѣ безусловно необходимо измѣнить свою наружность, если я не хочу, чтобы меня повсюду принимали за русскаго шпика...

Въ меблированныхъ комнатахъ меня ожидалъ непріятный сюрпризъ.

Чистяковъ, ушедшій наканунѣ вечеромъ въ баню, еще не возвращался; очевидно, онъ „загулялъ“. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ выручить свой чемоданъ съ вещами у недовѣрчиваго хозяина. Я написалъ моему

вѣрному попутчику дружеское прощальное письмо и оставилъ его на столѣ. Получилъ ли онъ его, вернулся ли въ гостиницу, и вообще что съ нимъ сталось, я такъ и не знаю...

Ну, вотъ я и на станціи. Ахъ, чортъ возьми! У кассы торчитъ жандармъ. Что если изъ Якутска уже дана телеграмма о моемъ задержаніи? „Билетъ до Варшавы",—говорю я увѣренно и въ то же время думаю: „глупо, однако, мнѣ посовѣтовали брать прямой билетъ". Ну, такъ и есть: жандармъ насторожился, придвинулся и не сводитъ съ меня глазъ. Я направляюсь къ вагонамъ съ чемоданомъ въ рукахъ, жандармъ, позвякивая шпорами, идетъ за мной.

— А позвольте узнать, господинъ...

Я останавливаюсь. Къ удивленію, волненія никакого, только легкая дрожь въ пальцахъ. Сознаніе работаетъ совершенно отчетливо. Вниманіе!..

— Позвольте васъ спросить: вы ѣдете въ Варшаву?

— Да.

— А собственно зачѣмъ, то-есть, я хотѣлъ спросить, какъ?..

Не находитъ приличнаго повода, каналья,—думаю я и говорю хладнокровно.

— Да такъ, по своимъ дѣламъ... Съ родными повидаться...

— Вы какъ же?—продолжаетъ жандармъ свой допросъ—давно въ Сибири живете?

— Такъ, лѣтъ пять... на службѣ... а теперь вотъ повидаться захотѣлось...

Лицо жандарма расплывается въ улыбку.

— Не узнаете вы теперь Варшаву. Такъ она измѣнилась, прямо сказать, до чрезвычайности... Памятникъ Мицкевичу поставили... Вѣдь я тамъ 12 лѣтъ служилъ, въ Варшавѣ-то. Что за городъ чудесный, просто, можно сказать важнѣющій городъ... Будете тамъ, поклонитесь ей отъ меня, дескать, изъ Иркутска жандармъ посылаетъ поклонъ... Да, вамъ какой вагонъ желателенъ? Позвольте, я пособлю...

Фу, чортъ! Гора свалилась съ плечъ. Вотъ тоже россійскій типъ: сентиментальный жандармъ! Вѣдь онъ въ Варшавѣ 12 лѣтъ „тащилъ и не пущалъ", да и при открытіи памятника Мицкевичу, должно быть, здорово „поработалъ". А съ какимъ умиленіемъ объ этомъ говоритъ, разбойникъ! Да еще поклонъ посылаетъ... „Такъ русская печь печетъ,"— какъ говаривалъ Погодинъ...

Вагонъ набитъ биткомъ. Примоститься негдѣ. Къ счастью, возвращающаяся въ Россію съ желѣзнодорожныхъ работъ артель землекоповъ,

занявшая полъ-вагона своими мѣшками и нескладными тѣлами, любезно очищаетъ мнѣ мѣсто. Какіе могучіе организмы, какія открытыя лица и дѣтски-наивные голубые глаза, какъ пріятно пахнетъ отъ нихъ здоровымъ рабочимъ потомъ! Толстой правъ: это милый запахъ. Скоро я узналъ всю ихъ исторію, всѣ біографіи ихъ самихъ и ихъ семей, оставшихся въ россійскихъ деревушкахъ. Одинъ изъ нихъ, хохлатый мрачный мужикъ, получивши расчетъ, загулялъ и очнулся съ пустыми карманами. Товарищи купили ему въ складчину билетъ и рѣшили продовольствовать его всю дорогу на общій счетъ, но денегъ на руки не давать. Теперь онъ сидитъ, опустивши голову, и уныло думаетъ. О чемъ? Вѣроятно, о томъ, что дома ждетъ его исхудавшая жена, голодные ребятишки, покосившаяся избенка. А денегъ ни гроша! И это послѣ полуторалѣтней каторжной работы... Тоже продуктъ „русской печи".

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Проползетъ черепашьимъ шагомъ нѣсколько верстъ и остановится на полчаса. Пассажиры спокойно говорили, что инженеры здорово наворовали и построили отвратительную расползающуюся насыпь, но мнѣ отъ этого судаченья, въ которомъ русскій человѣкъ отводитъ душу, было не легче. За границей почтовые поѣзда движутся со скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое большей. Зато вагоны у насъ гораздо удобнѣе; на каждаго пассажира приходится скамья, на которой можно вытянуться и выспаться. Да и то сказать: при нашихъ разстояніяхъ самый крѣпкій организмъ не выдержалъ бы передвиженія во французскихъ клѣтушкахъ. Мнѣ, напримѣръ, приходилось ѣхать 11 сутокъ.

Медленность нашего поѣзда меня раздражала. Вѣдь, думалъ я, въ удачѣ моего побѣга заинтересована въ извѣстномъ смыслѣ вся якутская ссылка,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ товарищи, которые посвящены были въ это предпріятіе и принимали участіе въ его подготовленіи. Успѣхъ его былъ бы прекраснымъ отвѣтомъ на безсмысленный произволъ мѣстной администраціи; для Миллера это было бы личнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что ему должно было за это достаться. Зато какъ бы его полицейская душа торжествовала, если бы меня привели подъ конвоемъ обратно въ Якутскъ, какъ были бы удручены товарищи!..

А между тѣмъ съ того момента, какъ я сѣлъ въ поѣздъ, опасность провала возрасла до высочайшей степени. Я очутился всецѣло во власти желѣзнодорожныхъ жандармовъ и телеграфа. Съ какой ненавистью я иногда поглядывалъ на телеграфную проволоку, мелькавшую, поднимаясь и опускаясь, за окнами плавно покачивавшагося вагона.

Сначала я старался не выходить изъ вагона, чтобы не попадаться на глаза станціоннымъ жандармамъ, среди которыхъ могли оказаться и

старые знакомцы. Но затѣмъ сидѣть въ вагонѣ надоѣло, и я рѣшилъ пренебречь излишней осторожностью. Все единственно, если есть телеграмма, то синіе мундиры придутъ за мной въ вагонъ.

Въ Челябинскѣ поѣздъ стоялъ долго, часа два-три. Пошелъ въ буфетъ I-го класса обѣдать. На платформѣ торчалъ на вытяжку жандармъ, который пристально началъ въ меня всматриваться. Гм! Твердыми шагами направляюсь прямо къ нему. „Когда уходитъ поѣздъ“—„Въ 3 ч. 20 м.“. Въ дверяхъ буфета оглядываюсь: жандармъ не сводитъ съ меня глазъ. Странно! Заказалъ обѣдъ. Въ ожиданіи обѣда, прошелъ отъ скуки въ буфетъ третьяго класса. Мой жандармъ здѣсь; показываетъ на меня глазами другому жандарму, стоящему у кассы; тотъ также начинаетъ пялить на меня свои буркалы. Подозрительно! Возвращаюсь, сажусь за столъ. Недалеко отъ меня, за отдѣльнымъ столикомъ, расположилась группа пьянствующихъ офицеровъ, изъ нихъ два жандармскихъ. Вдругъ въ залъ входитъ солдатъ, судя по нашивкамъ, унтеръ. „Ваше высокородіе, прикажете сейчасъ его арестовать?“—„А бумага готова?“—„Готова, вашбродіе!“—„Арестовать немедленно!“—Ну, думаю, плохо дѣло. Попался, голубчикъ! Однако, не подаю вида; продолжаю спокойно ѣсть и читать газету. Проходитъ нѣсколько минутъ. Унтеръ возвращается. „Уже арестованъ, вашбродь!“—доносится до меня:—„сидитъ въ карцу“ (предложный падежъ отъ слова „карецъ“, т. е. карцеръ!). Прекрасно! Значитъ, весь предыдущій разговоръ относился не ко мнѣ, а къ какому-то солдату. Меня и то удивило, что унтеръ обращался не къ жандармскому офицеру, а къ армейцу. Но чѣмъ же объяснить странное поглядываніе жандармовъ?

Впослѣдствіи, я догадался, въ чемъ дѣло. Жандармовъ просто привлекалъ мой ростъ. Полицейскіе и военные, среди которыхъ всегда царитъ и будетъ царить культъ грубой физической силы, испытываютъ неодолимую слабость ко всѣмъ признакамъ такой силы, въ томъ числѣ и къ огромному росту, впрочемъ, при случаѣ они съ особеннымъ наслажденіемъ избиваютъ именно крупныхъ людей. Позже я имѣлъ возможность убѣдиться, что эта черта свойственна не только россійскимъ Держимордамъ. Въ Парижѣ полицейскіе, довольно грубо обращающіеся съ публикой во время уличныхъ скопищъ, никогда меня не трогали, а иногда даже пропускали черезъ свою цѣпь. Однажды знакомый земскій врачъ, попытавшійся пройти черезъ цѣпь лепиновскихъ младочинищъ вслѣдъ за мной, получилъ такого леща по шеѣ, что съ легкостью пушинки улетѣлъ въ боковой переулокъ и отыскалъ меня только на слѣдующее утро...

IV.

Вотъ мы и въ Россіи. Все идетъ благополучно. На какой-то станціи недалеко отъ Смоленска покупаю коробку вяземскихъ пряниковъ и ѣмъ ихъ съ наслажденіемъ; вѣдь столько лѣтъ я ихъ не видалъ! Въ Вязьмѣ приходится долго ждать поѣзда. Минутъ черезъ 10 пройдетъ курьерскій, но въ немъ нѣтъ вагоновъ третьяго класса... И вдругъ мнѣ приходитъ въ голову маленькая идея. Я, незамѣтно отъ привязавшихся ко мнѣ дорожныхъ знакомыхъ, отправляюсь къ кассѣ, доплачиваю за мѣсто во второмъ классѣ и черезъ пять минутъ качу въ Варшаву въ уютномъ купэ скораго поѣзда. Кстати. Эта пересадка можетъ на короткое время сбить съ толку жандармовъ въ случаѣ преслѣдованія.

Купэ переполнено. На противоположномъ диванѣ сидитъ симпатичный юноша съ темными кудрями, непокорно выбивающимися изъ подъ мягкой шляпы, и разсказываетъ о студенческихъ волненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто среди воспитанниковъ московскаго университета. Изъ разговора заключаю, что юноша уволенъ за участіе въ безпорядкахъ и ѣдетъ учиться заграницу. Примѣчаю: парень славный. Простонароднымъ языкомъ (я не былъ одѣтъ, какъ подобаетъ настоящему „барину" и могъ сойти за приказчика) задаю ему нѣсколько вопросовъ, притворяясь человѣкомъ, не понимающимъ цѣлей студенческаго движенія. Юноша сначала охотно объясняетъ, но затѣмъ, принявши меня за гнуснаго реакціонера, умолкаетъ и, наконецъ, взобравшись наверхъ, отворачивается къ стѣнѣ и засыпаетъ. Я слѣдую его примѣру, и скоро наше купэ превращается въ сонное царство.

Ночью я проснулся отъ сильнаго стука, произведеннаго какъ будто ударомъ металлическимъ предметомъ по дереву. Думаю, не выпалъ ли какъ-нибудь мой револьверъ? Нѣтъ, револьверъ на мѣстѣ. Въ купэ нѣтъ никого, кромѣ меня и студента, спящаго безмятежнымъ сномъ юности. Очевидно, мнѣ померещилось, и я снова укладываюсь на боковую.

Когда я проснулся, сердитый юноша еще спалъ. За чаемъ я началъ раздумывать о своемъ положеніи. Поѣздъ долженъ былъ притти въ Варшаву часовъ въ 9 вечера. У меня имѣлся адресъ одной знакомой польской семьи изъ сочувствующихъ революціонерамъ; но являться туда прямо съ вокзала съ чемоданомъ значило жестоко подводить добрыхъ людей въ случаѣ провала. Приходилось поэтому заѣхать въ гостиницу и, можетъ быть, переночевать тамъ. Предъявлять въ Варшавѣ фальшивый паспортъ и притомъ сдѣланный довольно скверно, было бы безуміемъ; слѣдовательно, приходилось пустить въ ходъ паспортъ, довѣренный мнѣ въ Якутскѣ пріятелемъ на крайній случай. Но помимо того, что мнѣ не хотѣлось вводить въ рискъ человѣка, которому я былъ многимъ обязанъ, этотъ пас-

портъ имѣлъ еще то неудобство, что недвусмысленно свидѣтельствовалъ о прибытіи его носителя изъ Восточной Сибири. А вѣдь я могъ предполагать, что о моемъ побѣгѣ варшавской полиціи уже извѣстно, такъ какъ со дня моего отъѣзда изъ Якутска прошло 26 дней [1]).

Студентъ тѣмъ временемъ проснулся. Я предложилъ ему чаю. Сначала онъ, припоминая мои вчерашніе вопросы, отнѣкивался, но затѣмъ согласился принять мое приглашеніе. Мы разговорились, и юноша съ каждой минутой нравился мнѣ все сильнѣе. Желая съ своей стороны выказать мнѣ любезность, онъ захотѣлъ угостить меня хорошей папиросой и полѣзъ въ карманъ за портсигаромъ. Но тщетно онъ обшарилъ всѣ свои карманы; портсигаръ исчезъ безслѣдно.

— Гмъ!—пробормоталъ онъ,—дорогая вещь, и главное—подарокъ! Куда бы онъ могъ запропаститься?

Я вспомнилъ про стукъ, разбудившій меня ночью, и сообщилъ объ этомъ инцидентѣ Вольскому (назовемъ такъ моего новаго попутчика). Мы съ Вольскимъ внимательно осмотрѣли полъ, искали подъ диванами и во всѣхъ уголкахъ. Портсигаръ не находился. Не поднялъ ли его кондукторъ? Вольскій позвалъ кондуктора; тотъ ничего не зналъ, такъ какъ прежняя кондукторская бригада незадолго до того смѣнилась, но посовѣтовалъ позвать жандарма и подать заявленіе. При этомъ онъ прозрачно намекнулъ на то, что стащить портсигаръ могли и пассажиры. Разсказъ о моемъ ночномъ пробужденіи только усилилъ подозрѣнія кондуктора.

Положеніе мое становилось критическимъ. Глупѣйшая случайность, не имѣвшая никакого отношенія къ моему побѣгу, грозила погубить все дѣло и гдѣ?—у самой пристани... Если жандармъ вздумаетъ порыться въ моихъ вещахъ, то онъ найдетъ у меня два паспорта, револьверъ и т. п. Принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, я рѣшилъ убѣдить Вольскаго не поднимать исторіи и предать дѣло забвенію. Правда, это было нѣсколько неудобно; мои слова могли вѣдь натолкнуть моего попутчика,—совершенно меня не знавшаго и принимавшаго меня, какъ впослѣдствіи оказалось, за дорожнаго мастера или желѣзнодорожнаго техника,—на подозрѣніе о моей заинтересованности въ замятіи дѣла. Но у меня не было иного выхода, и я рѣшилъ въ крайнемъ случаѣ открыть симпатичному юношѣ свою тайну.

Къ моему удивленію, юноша сразу согласился плюнуть на всю эту исторію. Онъ призналъ справедливость моего довода, что если кондукторъ даже укралъ портсигаръ, все-таки не стоитъ губить рабочаго человѣка изъ-за такого пустяка. Это насъ сблизило. Изъ завязавшагося разговора

---

[1]) Такъ оно, вѣроятно, и было. И почему меня не арестовали въ Польшѣ, я до сихъ поръ не понимаю. Впрочемъ, извѣстно, что наши жандармы въ большинствѣ случаевъ даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ.

я узналъ, что Вольскій симпатизируетъ революціонерамъ, что его знакомые и родственники пострадали за правду (онъ назвалъ пару именъ, довольно извѣстныхъ въ революціонныхъ кругахъ). И я рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ.

— Скажите,—обратился я къ Вольскому,—вы не думаете ли остановиться въ Варшавѣ?

— Нѣтъ, я хочу прямо проѣхать въ Берлинъ черезъ Александрово.

— Ну, а если бы васъ *попросили* остаться на ночь въ Варшавѣ, если бы это было необходимо?—продолжалъ я настаивать.

Юноша внимательно посмотрѣлъ на меня. И вдругъ понялъ сразу.

— Я знаю, кто вы,—улыбнулся онъ, вы—политическій и бѣжали изъ ссылки...

Я не счелъ нужнымъ скрывать. Онъ охотно согласился занять номеръ въ гостиницѣ и взять съ собой мои вещи; если бы мнѣ не удалось устроиться въ польской семьѣ, я долженъ былъ тайкомъ пробраться въ номеръ и попытаться переночевать тамъ безъ прописки.

Вотъ и Варшава. У Вольскаго оказалось двѣ скрипки; каждый изъ насъ взялъ по футляру для того, чтобы насъ приняли за двухъ музыкантовъ. Но если мой спутникъ дѣйствительно походилъ на артиста, то про меня этого ужъ никакъ нельзя было сказать, даже въ видѣ комплимента. Но ничего, все идетъ прекрасно. Жандармы не обращаютъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Садимся на извозчика, ѣдемъ—ничего! Вотъ и мостъ черезъ Вислу, вотъ и польская столица. Подъѣзжаемъ къ воротамъ гостиницы; я незамѣтно выскакиваю изъ экипажа и ухожу на поиски, предварительно хорошенько намѣтивши номеръ дома, названіе улицы и пр.

Вотъ я на Новомъ Свѣтѣ (лучшая варшавская улица). Сразу чувствуешь, что находишься въ европейскомъ городѣ. Несмотря на порядочный морозъ, не видишь отвратительной, тяжелой, азіатской одежды россійскихъ городовъ. Люди въ короткихъ пальто и котелкахъ не ходятъ, а почти бѣгутъ въ припрыжку; поневолѣ самъ начинаешь ускорять шагъ, чтобы не отставать отъ людского потока. Завидую этимъ людямъ: у каждаго изъ нихъ есть свой домъ, куда они стремятся, свой уголъ, а ты шатаешься безпріютный въ громадномъ чуждомъ муравейникѣ, не вполнѣ даже понимая рѣчь его обитателей... Кстати, про эту рѣчь. Съ русскими городовыми я, конечно, объяснялся по-русски; зато при разговорахъ съ поляками я своимъ ужаснымъ ломанымъ польскимъ языкомъ, которому я научился въ Сибири отъ пе-пе-эсниковъ, невольно обращалъ на себя вниманіе и возбуждалъ естественное подозрѣніе. Это неудобство не замедлило съ перваго же моего шага въ Варшавѣ сказаться самымъ плачевнымъ образомъ.

Вотъ я и у розыскиваемаго дома. Квартира въ глубинѣ двора. Стучу, звоню—гробовое молчаніе. Поднятый мною шумъ встревожилъ обитателей сосѣднихъ квартиръ; изъ одного пріоткрывшагося окна высунулась какая-то сердобольная голова и посовѣтовала мнѣ постучать съ задняго хода къ кухаркѣ, такъ какъ хозяевъ нѣтъ дома. Я послѣдовалъ этому совѣту. Дверь, запираемая цѣпью, пріоткрылась немного, и сердитая старуха со свѣчей въ рукѣ спросила меня черезъ образовавшуюся щель, чего мнѣ нужно. Я, ничтоже сумняшеся, отвѣтилъ, что мнѣ нужна панни Марія... и чуть было не погубилъ себя этимъ отвѣтомъ. Я спуталъ слова *панна*—барышня и *панни*—мадамъ.

— Никакой панни Маріи здѣсь нѣтъ,—недовѣрчиво пробурчала старуха.—Есть панни Феликса и панна Марія...

— Ну, вотъ, ее-то я и ищу, этой панни...

— Никого нѣтъ дома,—рѣзко произнесла старуха.—А кто вы такой и что вамъ надо?

— У меня есть дѣло до панни Маріи,—продолжалъ я настаивать.

— Теперь одиннадцатый часъ,—сказала старуха, смотря на меня крайне подозрительно.—И никакой панни Маріи тутъ нѣтъ...

Я хотѣлъ уже отретироваться, но не тутъ-то было. Старая вѣдьма, очевидно, принявшая меня за мазурика, не отставала отъ меня ни на шагъ. Она послѣдовала за мной во дворъ, подняла адскій шумъ и вызвала дворника. Если дворникъ тогда не задержалъ меня и не отправилъ въ участокъ, то съ его стороны это было прямымъ бездѣйствіемъ власти и упущеніемъ по службѣ. Насилу я вырвался изъ этого проклятаго дома. Забѣгая впередъ, скажу, что, когда впослѣдствіи старуха узнала, „какой человѣкъ" (Іезусъ—Марія!) чуть было не провалился изъ-за нея, она горько скорбѣла и просила прощенія...

Я отправился въ гостиницу, гдѣ остановился Вольскій. Никто не видѣлъ, какъ я соскочилъ съ извозчика у воротъ гостиницы, и по этому я расчитывалъ проскользнуть въ номеръ незамѣтно. Но къ моему удивленію, какъ только я вошелъ въ подъѣздъ, швейцаръ привѣтливо крикнулъ мнѣ:

— № 84, второй этажъ направо!

Этакіе примѣтливые канальи,—размышлялъ я, поднимаясь по лѣстницѣ. Черезъ полчаса раздался стукъ въ дверь. „Пожалуйте паспортъ второго господина".

— Мы уже легли спать,—отвѣтилъ Вольскій.—Паспортъ получите завтра утромъ.

Нечего и объяснять, что на слѣдующее утро я изчезъ изъ гости-

ницы безслѣдно. Вещи мои Вольскій отвезъ къ своему знакомому, откуда ихъ взялъ мой пріятель—полякъ.

Въ польской семьѣ, къ которой меня направили изъ Сибири, меня ждалъ самый радушный пріемъ. Наши обрусители въ Польшѣ достаточно потрудились надъ тѣмъ, чтобы рѣшительно возстановить польскій народъ противъ „москалей“, но по отношенію къ гонимымъ и преслѣдуемымъ поляки въ большинствѣ своемъ проявляютъ свое традиціонное гостепріимство и рыцарство. Я пробылъ въ Польшѣ 14 дней (изъ нихъ 12 сутокъ въ Варшавѣ); за это время мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній; я находилъ пріютъ у чиновника окружного суда, у актера, врача, рабочихъ, студентовъ, фармацевтовъ и т. д.— и повсюду меня встрѣчали „улыбкой ласковой привѣта“, повсюду старались по мѣрѣ силъ своихъ скраситьмое не приглядное положеніе человѣка слоняющагося безъ крова и своего угла.

А положеніе мое было довольно-таки непріятное. Каждый лишній день, проведенный мною въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ, конечно, безъ прописки, увеличивалъ опасность ареста и рискъ провала. Польская Партія Соціалистическая, къ которой я имѣлъ рекомендацію, переправляла въ это время черезъ границу транспортъ нелегальной литературы. Въ виду этого мнѣ приходилось дожидаться, пока путь очистится. Въ революціонномъ дѣлѣ отдѣльный человѣкъ значитъ гораздо меньше, чѣмъ хорошій транспортъ „нелегальщины“; поэтому волей-неволей приходилось мириться съ задержкой. Во время моихъ шатаній по ночевкамъ не обходилось безъ курьезовъ.

Такъ, однажды меня направили въ студенческое общежитіе. Прихожу и сразу замѣчаю, что попалъ въ конспиративную берлогу. Говорю одному студенту:

— Знаете, вашъ дворникъ очень подозрительно на меня посмотрѣлъ, когда я входилъ во дворъ.

— Пустяки,—отвѣчаетъ мнѣ собесѣдникъ,—онъ привыкъ. Здѣсь каждую недѣлю бываетъ, по крайней мѣрѣ, хоть два обыска.

Я превратился въ восклицательный знакъ. Но юноша хладнокровно прибавилъ:

— Впрочемъ, вамъ безпокоиться нечего. Обыскъ былъ два дня тому назадъ, значитъ—полиція явится сюда не раньше, чѣмъ дня черезъ два...

Это философское замѣчаніе меня успокоило, и я заснулъ сномъ праведника. Вообще, я замѣтилъ, что во время такихъ передрягъ въ человѣкѣ развивается какое-то фаталистическое настроеніе. Все равно: чему быть, тому не миновать! Или, какъ говаривалъ Чистяковъ, все обойдется.

Наконецъ, мнѣ сообщили, что я могу ѣхать на границу. Въ спутники мнѣ назначили славнаго молодого рабочаго. Впослѣдствіи, онъ былъ

приговоренъ къ смертной казни Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ и сосланъ въ каторжныя работы. Но въ тотъ моментъ онъ былъ полонъ жизненной энергіи и надеждъ, и мы всю дорогу весело болтали de rebus omnibus et quibusdam aliis. Съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ онъ меня про русское рабочее движеніе, и я замѣтилъ, что этотъ выдающійся рабочій не имѣлъ никакого понятія о растущихъ успѣхахъ юнаго движенія русскаго пролетаріата. Впрочемъ, въ то время среди польскихъ рабочихъ это было явленіемъ довольно обычнымъ...

Подъ вечеръ прибыли въ Домброво (Сосновицы). Здѣсь меня ждала новая непріятность. Контрабандистъ, который долженъ былъ перевести меня черезъ границу, за день до моего пріѣзда, въ пьяномъ видѣ разодрался съ полиціей и „досталъ до козы", т. е. былъ посаженъ въ холодную на пять сутокъ. Ждать его освобожденія на самой границѣ, гдѣ жандармско-полицейскій надзоръ особенно силенъ, да еще въ конспиративной квартирѣ, куда меня помѣстили, я счелъ неудобнымъ. Поэтому на военномъ совѣщаніи быстро былъ выработанъ новый планъ. Я съ двумя рабочими, охотно согласившимися съѣздить на мой счетъ къ роднымъ на праздники (Рождества), долженъ былъ отправиться въ ихъ деревню, расположенную на самой австрійской границѣ недалеко отъ Кракова, и тамъ попытаться какъ-нибудь перейти границу.

Сказано—сдѣлано. На слѣдующее утро мы втроемъ сѣли въ поѣздъ, идущій къ Мѣхову. Меня непріятно поразило, что мои спутники перекрестились, какъ самые темные крестьяне, когда тронулся поѣздъ. Впослѣдствіи, мнѣ пришлось убѣдиться, что религіозные предразсудки уживаются въ головѣ рабочихъ рядомъ съ самыми крайними политическими взглядами. Такъ, нѣкоторые члены Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ „Крестахъ", возвращаясь съ прогулки, крестились на икону, находящуюся въ тюремномъ коридорѣ. Я утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь и іюньскіе баррикадные бойцы 1848 г. не были свободны отъ религіозныхъ суевѣрій...

Проѣхавши верстъ 40 по желѣзной дорогѣ, мы пересѣли на лошадей. Какой унылый пейзажъ, какой бѣдный край! Прежде я представлялъ себѣ Польшу въ видѣ культурной страны на европейскій ладъ, воображалъ увидѣть веселыя деревни съ крытыми черепицей домиками. На самомъ же дѣлѣ мнѣ попадались навстрѣчу убогія мазанки, согбенные крестьяне, тощій скотъ. Въ одной избѣ, гдѣ мы остановились переночевать, не было ни крошки хлѣба, ни капли молока. Убитый нищетой и преданный церкви хлопъ, высокая тощая жена, золотушные дѣти съ гноющимися глазами—печальная картина! Съ какой радостью дѣтишки набросились на хлѣбъ и молоко, которымъ мы ихъ угостили! Мать со скорбью отвернулась...

По дорогѣ молодой возница вдругъ повернулся къ намъ и, указывая кнутовищемъ на чернѣвшую въ сторонѣ отъ дороги рощу, сказалъ:

— Въ этомъ лѣсу собралась первая банда повстанцевъ!

Воспоминанія 1863 г. живы среди польскаго народа; это проявится при первомъ удобномъ случаѣ. Національная боль штыками вогнана внутрь, но не исцѣлена, и рана сочится кровью...

Наконецъ, мы прибыли въ деревню, которая должна была послужить операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій. Проѣхали мимо кордона пограничной стражи. Одинъ изъ ѣхавшихъ со мной рабочихъ сказалъ:

— Солдаты замѣтили, что насъ трое. Когда мы поѣдемъ обратно, они обратятъ вниманіе, что насъ только двое.

— Ничего,—замѣтилъ второй,—забудутъ...

Странная это деревня: половина ея принадлежитъ Россіи, половина— Австріи. Населеніе обѣихъ половинъ, связаное дружескими и родственными узами, раздѣлено пограничнымъ барьеромъ. Обѣ части деревни отдѣлены другъ отъ друга ложбиной, по которой прогуливается русскій часовой; съ австрійской стороны граница не охраняется.

Переходя изъ дома въ домъ подъ предлогомъ визитовъ, мы постепенно добрались до крайней избы, расположенной шагахъ въ двадцати отъ границы. Отсюда я могъ любоваться свободной землей: австрійская часть лежала передо мною какъ на ладони. Изба, стоявшая на пригоркѣ, принадлежала старому контрабандисту. Но когда мы пришли къ нему, то нашли его въ постели.

Старый контрабандистъ умиралъ. Слабѣющимъ ухомъ слушалъ онъ нашъ разсказъ. Вдругъ, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе, онъ приподнялся на локтѣ; угасающими глазами посмотрѣлъ онъ черезъ грязное окно на разстилавшуюся внизу австрійскую землю и прохрипѣлъ:

— Если-бъ могъ встать... проводилъ бы... Тутъ недалеко... Иди, благословляю... Жена поможетъ...

И упалъ на подушку. Я вышелъ въ сѣни. Жена его, старая, но энергичная и могучая женщина, стала на улицѣ передъ дверью. Она слѣдила за движеніями часового и должна была подать мнѣ сигналъ, когда солдатъ отвернется и зашагаетъ въ противоположную сторону. Револьверъ мои спутники у меня отобрали; они указывали на то, что если побѣгъ не удастся, и я буду схваченъ, то револьверъ послужитъ серьезной противъ меня уликой; безъ револьвера же какъ-нибудь можно выпутаться. Итакъ, я остался совершенно беззащитнымъ. Вдобавокъ, крестьяне мнѣ разсказывали, что за послѣднее время солдаты начали стрѣлять въ переходящихъ границу людей, даже если они успѣли уже очутиться на иностранной

землѣ; затѣмъ часовые будто перетаскивали трупы убитыхъ на пограничную межу и такимъ образомъ избавлялись отъ отвѣтственности. Все это было непріятно. Вдобавокъ, стояла отвратительная гололедица, такъ что трудно было сдѣлать два шага, не поскользнувшись; скажу еще, что дѣло происходило часа въ 4 пополудни, такъ что было совершенно свѣтло.

Часовой въ полушубкѣ и башлыкѣ прогуливался по ложбинѣ; онъ дѣлалъ шаговъ 70—80 въ одну сторону и затѣмъ возвращался. По временамъ онъ останавливался и задумывался. О чемъ онъ думалъ? Вспоминалъ ли свою Самарскую губернію, родную деревню, колосящуюся ниву, отчій домъ, изъ котораго онъ былъ вырванъ и поставленъ на эту чуждую землю?.. Если онъ замѣтитъ меня, выстрѣлитъ непремѣнно. И выстрѣлитъ безъ всякой злобы, просто изъ страха. Но будь, что будетъ. Стою за дверью и не свожу глазъ со старухи. Вдругъ она махнула рукой. Это сигналъ: надо итти.

Я выхожу изъ своего угла. Часовой спокойно расхаживаетъ по лощинѣ. Медленно направляюсь къ границѣ. Сначала иду тихо, затѣмъ невольно ускоряю шагъ. Калоши кажутся страшно тяжелыми и стѣсняютъ. Вдобавокъ проклятая гололедица заставляетъ употреблять отчаянныя усилія, чтобы не поскользнуться. Вдругъ я срываюсь и съ грохотомъ лечу внизъ: въ оврагъ. Все погибло!

Но нѣтъ, ничего. Закутанный въ башлыкъ часовой ничего не слышитъ. Моментально я вскакиваю на ноги, перебѣгаю узкую пограничную полосу и лѣзу черезъ заборъ, окружающій въ этомъ мѣстѣ австрійскую часть деревни. Вотъ, я уже на заборѣ, остается спрыгнуть, и я спасенъ. Проклятіе! я зацѣпилъ пальто за комъ и безпомощно повисъ, тщетно усиливаясь достать ногами до земли. Теперь, если часовой обернется, все кончено: онъ сниметъ меня съ забора просто штыкомъ. Дѣлаю отчаянное усиліе, дергаюсь разъ, два, три. Трахъ! пальто треснуло, я оторвался и стою ногами на твердой землѣ.

Все это продолжалось меньше минуты.

Теперь нужно побѣжать, чтобы удалиться отъ русской границы на порядочное разстояніе. Часовой, который съ секунды на секунду долженъ обернуться, не посмѣетъ стрѣлять, если я буду далеко. Но въ этотъ моментъ мною овладѣло странное упорство. Не побѣгу, да и только! И я спокойно, не оглядываясь, медленнымъ размѣреннымъ шагомъ направился къ галиційскимъ избамъ, расположеннымъ шагахъ въ полутораста отъ забора. Шелъ я по совершенно открытому мѣсту. Испытываю какое-то безпокойное ощущеніе въ спинѣ. И вдругъ мнѣ страшно захотѣлось оглянуться: этакая шаловливая мысль! Остановился, повернулся лицомъ къ Россіи. Стоитъ мой солдатикъ, выпучивъ глаза, ружье въ рукахъ держитъ и на

меня упорно смотритъ. Постоялъ я, посмотрѣлъ, потомъ повернулся и спокойно пошелъ дальше. Въ послѣднiй разъ оглянулся на Россiю, поклонился и исчезъ за плетнемъ.

Черезъ полчаса я ѣхалъ на крестьянской телѣгѣ въ Краковъ. На дворѣ стоялъ изрядный морозъ, но мнѣ было страшно жарко и душно; снялъ пальто, разстегнулъ пиджакъ—все жарко. Такимъ образомъ разрядилось нервное настроенiе послѣдняго дня...

Вотъ и предмѣстье Кракова. Здравствуй, желанная свобода!

Ю. Стекловъ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

(*Продолженіе* [1]).

V.

Стѣсненія гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса до опубликованія рескриптовъ.—Записки Самарина, Черкасскаго и др.—Отношенія къ рескриптамъ Аксакова, Герцена и Чернышевскаго.—Участіе въ реформѣ возвращенныхъ изъ ссылки декабристовъ и петрашевцевъ.

До опубликованія рескриптовъ печать не могла принимать въ этомъ дѣлѣ никакого участія, потому что, несмотря на относительно большій просторъ, предоставленный печати въ новое царствованіе, всякое обсужденіе крѣпостного вопроса было строжайше воспрещено до начала 1858 г. Въ журналахъ, конечно, проскальзывали иногда контрабандой тѣ или иные намеки и мысли, въ родѣ выраженія сочувствія «вольнонаемному труду» и т. п., и допускалась полемика по вопросу о преимуществахъ общиннаго землевладѣнія передъ системой личной собственности—между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ» въ Петербургѣ, между «Русской Бесѣдой» и «Русскимъ Вѣстникомъ» въ Москвѣ, — но всякое прямое порицаніе крѣпостного строя и всякое указаніе на необходимость его упраздненія запрещалось строжайшимъ образомъ. Какъ строго преслѣдовалось нарушеніе этого запрещенія, показываетъ инцидентъ съ газетой «Молва», основанной въ 1857 г. славянофилами. Когда Константинъ Аксаковъ въ передовой статьѣ, помѣщенной 23 августа 1857 г. въ этой газетѣ, попробовалъ провести ту мысль, что «трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ», и высказалъ, что его огорчаетъ примѣръ негровъ въ Америкѣ, «работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ», и при этомъ порицалъ людей, «которые нарушаютъ

[1]) См. „Минувшіе Годы". Февраль.

законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ...», то статья его произвела бурю въ Москвѣ и Петербургѣ, а князь Вяземскій (тов. м—ра нар. просв.) счелъ нужнымъ послать ему длинное письмо, наполненное упреками. Вяземскій, между прочимъ, писалъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ безусловно изъятъ изъ обсужденія въ печати, такъ какъ правительство взяло этотъ вопросъ на свое рѣшеніе и «такъ сказать подъ свою отвѣтственность»; а «въ чужихъ дачахъ— шутливо прибавлялъ князь—охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ» (!) За слѣдующую статью «Публика и народъ», написанную въ строго славянофильскомъ смыслѣ, но многими признанную чуть не за революціонную, «Молва» была закрыта. И замѣчательно, что не только враги, но и друзья, въ родѣ Погодина, Черкасскаго и Аполлона Григорьева, набросились на Аксакова же съ упреками, причемъ Черкасскій (въ письмѣ къ Кошелеву) упрекалъ Аксакова не за то, что онъ погубилъ «Молву», а за то, что онъ своими статьями «вводитъ власть въ такія дѣла» [1]).

Но хотя правительство и устраняло печать отъ участія въ обсужденіи крестьянской реформы, было бы въ высшей степени ошибочно думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ могло обойтись, хотя бы только въ первыхъ стадіяхъ этого дѣла, одними своими средствами, безъ всякой помощи общественной мысли.

За невозможностью выражаться въ печати мысль эта нашла себѣ выраженіе въ массѣ памфлетовъ, записокъ и проектовъ по крестьянскому дѣлу, въ огромномъ числѣ ходившихъ по рукамъ и представлявшихся авторами ихъ частью открыто, частью анонимно правительству. И правительство ухватилось за эти проекты и записки обѣими руками; безъ нихъ оно едва ли въ состояніи было придумать что-либо путное. Ими пользовался Левшинъ при составленіи своихъ докладовъ, и они же были переданы въ негласный комитетъ, въ числѣ болѣе 100, какъ самый существенный матеріалъ для соображенія его членамъ. Негласный комитетъ началъ свою дѣятельность съ ихъ изученія. Самъ Я. И. Ростовцевъ изъ нихъ почерпнулъ свое первое знакомство съ крестьянскимъ вопросомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ были составлены самыми талантливыми представителями русской общественной мысли и лучшими современными знатоками дѣла.

Но наличность этихъ записокъ не могла вполнѣ замѣнить свободнаго и гласнаго обсужденія вопроса въ печати или, по крайней мѣрѣ, въ собраніяхъ ученыхъ обществъ — въ одномъ отношеніи. Какъ бы ни были дѣльны и основательны взгляды, выраженные въ этихъ запискахъ, они не были между собой какъ слѣдуетъ соглашены и сопоставлены; поэтому причины разногласія по многимъ важнымъ вопросамъ реформы между различными авторами этихъ записокъ, коренившіяся главнымъ образомъ въ

---

[1]) *Барсуковъ*. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XV, стр. 279 и слѣд.; „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, стр. 95.

различіи мѣстныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій—не были выяснены и не могли быть должнымъ образомъ поняты людьми, отдаленными отъ дѣйствительной жизни. При гласномъ обсужденіи все это, конечно, выяснилось бы само собой, и правительству не пришлось бы впослѣдствіи измѣнять и перетолковывать самимъ имъ преподанныя «главныя начала» реформы, потому что эти начала могли бы быть сразу же сообразованы съ дѣйствительными потребностями жизни. Но правительство слишкомъ привыкло бояться свѣта и гласности, чтобы рѣшиться сразу пойти по такому пути, а высокопоставленные крѣпостники и интриганы, въ родѣ Орлова, Муравьева и Долгорукова, старались еще болѣе запугать его.

Изъ записокъ, переданныхъ въ негласный комитетъ, самыя замѣчательныя принадлежали Ю. Ф. Самарину, князю Черкасскому, Кавелину, Кошелеву и Унковскому. Мы не излагаемъ здѣсь ихъ содержанія, потому что всѣ онѣ въ настоящее время уже напечатаны; [1]) скажемъ только вкратцѣ, чѣмъ онѣ разнились одна отъ другой.

Записка Самарина и въ особенности Черкасскаго были проникнуты болѣе консервативнымъ духомъ и выдвигали на первый планъ частичныя, хотя и существенныя, мѣры ограниченія крѣпостного произвола, не считая, очевидно, возможнымъ немедленный приступъ къ полной отмѣнѣ крѣпостного права во всей Россіи или въ какой-либо ея части. Они и въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованія рекомендовали большую постепенность и выдержанность. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, Самаринъ признавалъ необходимымъ, наравнѣ съ Кошелевымъ и Кавелинымъ, освободить крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. Записки Кавелина и Кошелева, а тѣмъ болѣе записка А. М. Унковскаго, были болѣе радикальны и имѣли въ виду полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Разница въ этихъ запискахъ отчасти обусловливалась тѣмъ, что Самаринъ и Черкасскій обдумывали и сочиняли свои проекты въ то время, когда радикальная и немедленная отмѣна крѣпостного строя, никому еще не представлялась осуществимой въ ближайшіе годы; но главнымъ образомъ тутъ отразилась разница въ положеніи помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ, съ одной стороны, и въ губерніяхъ нечерноземныхъ-промышленныхъ — съ другой. Самаринъ и Черкасскій имѣли въ виду, главнымъ образомъ, первыя изъ этихъ губерній; Кавелинъ и Кошелевъ принимали во вниманіе положеніе дѣла какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ; Унковскій же приспособилъ свой проектъ всецѣло къ нуждамъ губерній промышленнаго района.

---

[1]) Записка *Самарина*—въ I т. его сочиненій; записка *Черкасскаго* — въ матеріалахъ для его біографіи, изд. кн. О. Трубецкой; записка *Кавелина*—во II т. его сочиненій; записка *Кошелева*—въ приложеніяхъ къ его мемуарамъ, изд. въ 1884 г въ Берлинѣ, и, наконецъ, записка *Унковскаго*—въ книгѣ Джаншіева „А. М. Унковскій", М. 1894 г.

Эта существенная разница была не сразу и не вполнѣ усвоена правительственными лицами, стоявшими во главѣ дѣла [1]).

Впрочемъ, и повременная печать, когда ей была, наконецъ, предоставлена возможность высказаться, не сразу оцѣнила практическую важность этого коренного различія интересовъ. Мракъ, такъ долго окутывавшій этотъ вопросъ, не могъ сразу разсѣяться, и печать не могла въ первую же минуту вполнѣ оріентироваться въ столь сложныхъ и мало изученныхъ обстоятельствахъ. Первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе рескриптовъ Назимову и Игнатьеву на всѣхъ мыслящихъ передовыхъ людей въ Россіи, было безпредѣльное чувство радости, безъ примѣси какихъ бы то ни было критическихъ соображеній.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна. . . .

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ много лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и превозмогъ.

Слышишь новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благоволенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

---

[1]) Ср. вышеназванныя мои статьи о губернскихъ комитетахъ въ сбор. „Очерки по исторіи обществ. движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“.

Такъ привѣтствовалъ зарю занимавшагося дня Иванъ Аксаковъ, и подъ этимъ стихотвореніемъ въ ту минуту свободно могли подписаться и Герценъ, и Чернышевскій. Герценъ писалъ въ то время свою знаменитую статью съ эпиграфомъ «*Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!*» — «Имя Александра II — писалъ онъ — принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось— все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ — пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону...» «Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?...» [1]). А Чернышевскій въ это время писалъ свою статью «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» съ эпиграфомъ «*Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помазалъ тя Богъ твой* (Псаломъ XLV, стих. 8)». Статья эта начиналась такими словами: «Высочайшими рескриптами, данными 25 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г., благополучно царствующій государь императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ» [2]). Далѣе онъ писалъ: «Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы — счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ» [3]).

Въ статьѣ этой Чернышевскій не обратилъ никакого вниманія на то, что вотчинная полиція оставлялась по рескрипту помѣщикамъ, а первый пунктъ рескрипта о томъ, что крестьянамъ отводится въ пользованіе необходимое для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщиками количество земли, онъ истолковалъ въ смыслѣ послѣдователя Фурье, не отдавая, повидимому, себѣ яснаго отчета въ томъ, что за эту землю крестьяне будутъ попрежнему отбывать барщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не замѣнена оброкомъ.

Столь же единодушно выразился восторгъ всѣхъ мыслящихъ людей въ Москвѣ на обѣдѣ, данномъ по случаю опубликованія рескриптовъ 28 декабря 1857 г. Обѣдъ этотъ много разъ былъ описанъ, и мы не будемъ поэтому на немъ останавливаться. Лучшая рѣчь на этомъ обѣдѣ принадлежала Каткову.

Въ числѣ фактовъ, знаменовавшихъ обновленіе жизни въ то время, здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить одинъ, имѣвшій хотя и второстепенное, но несомнѣнное вліяніе на ходъ крестьянскаго

---

[1]) „Колоколъ“ отъ 15 февраля 1858 г. № 9—„Черезъ три года“.
[2]) „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 393.
[3]) „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 398.

дѣла. Я имѣю въ виду то участіе, которое приняли въ крестьянской реформѣ возвращенные изъ ссылки въ 1856 и 1857 гг. *декабристы и петрашевцы*. Возвращеніе ихъ составляло и само по себѣ крупный общественный фактъ. Еще знаменательнѣе было то отношеніе, которое проявила къ нимъ и публика, и даже разные помпадуры и лукавые царедворцы, вплоть до петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева включительно, хотя трусливо и лицемѣрно, но все же пожелавшаго выразить свое сочувствіе А. В. Поджіо [1]). Волконскій и его семья по пріѣздѣ въ Москву сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія и даже овацій со стороны такихъ лицъ, которыя еще недавно не считали возможнымъ упомянуть о декабристахъ безъ сопровожденія этого упоминанія соотвѣтствующими порицаніями, а иногда и ругательствами [2]).

Возвращеннымъ изъ ссылки декабристамъ и петрашевцамъ запрещено было жить въ столицахъ, и потому имъ пришлось размѣститься въ провинціи. Здѣсь они и приняли дѣятельное, отчасти негласное, отчасти же и открытое, иногда даже офиціальное участіе въ работахъ по крестьянской реформѣ. Такова была благотворная дѣятельность Евг. Петр. Оболенскаго, П. Н. Свистунова и Н. С. Кашкина въ Калугѣ; М. И. Муравьева-Апостола и Европеуса въ Твери и ранѣе возвращенныхъ А. Н. Муравьева и Ив. А. Анненкова въ Нижнемъ. Въ 1858 г. тверскіе крѣпостники подняли даже гвалтъ, увѣряя, что работы тверского комитета приняли опасное и крамольное направленіе, благодаря именно присутствію декабристовъ и петрашевцевъ въ Твери [3]). Это было, конечно, совершенно вздорное утвержденіе; напротивъ, можно сказать, что у правительства въ дѣлѣ крестьянской реформы не было болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ слугъ въ то время, нежели декабристы и петрашевцы.

Особенно важно и знаменательно было вліяніе Евг. Петр. Оболенскаго на друга его юности Я. И. Ростовцева. Въ крестьянскомъ дѣлѣ вліяніе Оболенскаго было значительно и благотворно и въ прямомъ смыслѣ: такъ, напримѣръ, онъ указалъ Ростовцеву на полную несостоятельность мысли о необходимости повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ; онъ требовалъ, опираясь на мнѣніе знакомыхъ ему помѣщиковъ, надѣла крестьянъ землей въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они владѣли ею при крѣпостномъ правѣ, и

[1]) Воспоминанія д-ра Бѣлоголоваго, 2-е изд., стр. 97. Самъ князь А. Ф. Орловъ не только видѣлся въ это время съ Николаемъ Тургеневымъ въ Парижѣ, но даже выхлопоталъ ему, независимо отъ общей амнистіи, полную реабилитацію съ возвращеніемъ ему даже чиновъ и орденовъ. Срав ст. *В. И. Семевскаго* о Тургеневѣ въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

[2]) Записки *С. Г. Волконскаго*, издан. его сыномъ, 1-ое изд. Отношеніе публики къ возвращеннымъ декабристамъ прекрасно и вполнѣ исторически вѣрно описано въ неоконченномъ романѣ *Л. Н. Толстого* „Декабристы“, глава I-ая.

[3]) *Джаншіевъ*. „А. М. Унковскій и проч.“, стр. 89.

при этомъ утверждалъ, что только выкупъ можетъ удачно рѣшить этотъ вопросъ [1].

Но главное значеніе вліянія Оболенскаго заключалось въ той нравственной силѣ, которую онъ представлялъ собой въ глазахъ Ростовцева. Ростовцевъ, вознесенный въ то время на самую вершину государственной службы и дѣятельности, считалъ своимъ долгомъ по собственному побужденію *исповѣдываться* въ буквальномъ смыслѣ слова во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и помыслахъ своему старому товарищу—возвращенному изъ ссылки государственному преступнику. Какъ только Оболенскій вернулся изъ Сибири, Ростовцевъ нарочно съѣздилъ въ Калугу, чтобы повидаться съ нимъ и оправдаться отъ тѣхъ обвиненій, которыя взводилъ на него въ это время «Колоколъ» Герцена. По поводу этихъ обвиненій, касавшихся главнымъ образомъ дѣятельности Ростовцева по управленію военно-учебными заведеніями, онъ считалъ нужнымъ давать Оболенскому письменный отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ и подробныя объясненія своихъ поступковъ и дѣйствій. И Оболенскій выслушивалъ эти объясненія спокойно, нелицепріятно и благодушно и затѣмъ давалъ своему товарищу дѣльные и умные совѣты, которые тотъ принималъ съ глубокой благодарностью...

VI.

Значеніе опубликованныхъ въ 1857 г. рескриптовъ.—Общественное возбужденіе.—Работа губернскихъ комитетовъ.—Причины различія въ постановленіяхъ комитетовъ и въ настроеніи дворянства въ разныхъ губерніяхъ.—Колебанія правительства. — Работы редакціонныхъ комиссій.

Опубликованіе рескриптовъ справедливо разсматривается въ нашей исторической литературѣ, какъ самый важный поворотный пунктъ въ исторіи крестьянской реформы. Этимъ шагомъ правительство Александра II не только отрѣзало самому себѣ отступленіе, но оно вынудило имъ и дворянство всѣхъ губерній волей-неволей просить объ открытіи у нихъ комитетовъ и о разрѣшеніи заняться вопросомъ «объ улучшеніи быта» своихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что если бы дворянство какой-либо губерніи отказалось отъ этой реформы, то отказъ его послужилъ бы сигналомъ къ возстанію и бунту крестьянъ. Разумѣется, въ дворянской средѣ были отдѣльныя свѣтлыя личности, которыя встрѣтили вѣсть о реформѣ съ искренней радостью,. даже съ энтузіазмомъ, какъ зарю новой жизни, но они составляли меньшинство, и имъ было бы трудно привлечь на свою сторону

---

[1]) Отвѣтъ Е. П. Оболенскаго отъ 1 января 1859 г. на письмо къ нему Я. И. Ростовцева отъ 18 ноября 1858 г. „Рус. Арх." за 1873 г. № 1, стр. 509 и слѣд.

остальныхъ, если бы эти остальные не почувствовали надъ своими головами довольно ясно Дамоклова меча...

Правительство, предпринявъ свой смѣлый шагъ, не безъ страха ожидало послѣдствій. Придворные крѣпостники старательно запугивали Александра, и Ланской нетерпѣливо торопилъ губернаторовъ и предводителей сообщеніемъ ему свѣдѣній о томъ, какъ приняло дворянство его циркуляръ отъ 24 ноября. Нѣкоторые изъ предводителей попробовали поторговаться на счетъ обязательности главныхъ началъ, другіе (Унковскій) представляли на нихъ дѣльную и смѣлую критику, но никто не рѣшился выразить сомнѣнія въ необходимости такъ или иначе приступить къ самой реформѣ.

Въ іюлѣ 1858 г. уже не было ни одной губерніи, не заявившей о своей готовности содѣйствовать «великодушнымъ стремленіямъ обожаемаго монарха».

Комитетамъ положенъ былъ шестимѣсячный срокъ, въ который они обязывались окончить свое дѣло, и дана была программа занятій. При этомъ крѣпостники успѣли таки (при помощи Позена) воспользоваться недостаточной освѣдомленностью Ростовцева и включить въ эту программу два очень невыгодныхъ для крестьянъ пункта. Во-первыхъ, здѣсь проведена была мысль, что надѣлъ долженъ быть отведенъ крестьянамъ *лишь на время переходнаго срочно-обязаннаго періода*; во-вторыхъ, тщательно развита и схематизирована въ особой главѣ (IX) *идея вотчинной полицейской власти* помѣщиковъ. Первая мысль была выражена, впрочемъ, не вполнѣ ясно, и ею воспользовались лишь тѣ комитеты, для которыхъ она была особенно привлекательна по мѣстнымъ условіямъ. Для искорененія же второй Ростовцеву и редакціоннымъ комиссіямъ пришлось впослѣдствіи потратить не мало усилій и испытать много непріятностей...

Открытіе губернскихъ комитетовъ, ихъ шестимѣсячные лихорадочные труды, осложнившіеся почти вездѣ жестокими спорами, а кое-гдѣ и настоящими скандалами, и на ряду съ этимъ разрѣшеніе, данное печати, разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ,—все это чрезвычайно всколыхнуло все русское общество. Вотъ что писалъ, побывавши въ Петербургѣ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ гр. Киселеву въ Парижъ 5-го іюня 1858 г.: «Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отсталые скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общѣственное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работой, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-по-малу старую рутину, которая прежде—даже и во время войны—не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своей глупостью.

И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются въ лучшему, но вездѣ то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится [1])».

Еще ярче обрисовывается общественное настроеніе того времени и особенно въ связи съ дѣятельностью губернскихъ комитетовъ въ передовой статьѣ (1 янв. 1860 г.) «Сѣверной Пчелы», которая перешла тогда отъ Булгарина и Греча къ Мельникову (Печерскому). Губернскіе комитеты представляли—писалъ Мельниковъ—«небывалое явленіе въ провинціи. Комитетамъ предстояло разрѣшеніе такихъ вопросовъ, которые, близко касаясь интересовъ земледѣльцевъ, не могли быть обсуждаемы, а тѣмъ менѣе рѣшаемы безъ основательнаго знанія современной политической экономіи и мѣстной статистики, предметовъ, немного лѣтъ тому назадъ во многихъ провинціяхъ извѣстныхъ только по наслышкѣ и большинствомъ людей почтенныхъ лѣтъ причисленныхъ къ «фантазіямъ молодости». Оттого въ комитетахъ тотчасъ выдвинулись на первый планъ лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившія современныя понятія образованнаго міра объ экономическихъ отношеніяхъ и проникнутыя духомъ гуманности, который съ конца тридцатыхъ годовъ столь благотворно повѣялъ на молодое русское поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій. Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались стѣнами комитета: ими были заняты не только все безъ исключенія сословіе земледѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія собственности, изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ, вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ...

«Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ «фантазіями молодости» и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки; журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ; имѣть у себя книги сдѣлалось потребностью этихъ городовъ. Вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три, четыре передъ симъ,—глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, переродившуюся свою родину. Вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность, и

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. Киселевъ и его время". Т. II, стр. 341.

проснувшаяся русская земля въ величавомъ спокойствіи задумывается о себѣ самой [1])».

Такъ описывалъ современный публицистъ тотъ подъемъ духа, который вызвала работа губернскихъ комитетовъ въ провинціальномъ обществѣ. Это умственное пробужденіе и стремленіе къ разумной дѣятельности и къ свѣту охватило не одни передовые дворянскіе круги. Зашевелилось и купечество. Не говоря о томъ широкомъ общественномъ подъемѣ, который сказался въ замѣчательныхъ рѣчахъ Кокорева и смѣлыхъ предпріятіяхъ, отчасти коммерческихъ, отчасти филантропическихъ, которыя онъ затѣвалъ въ это время и въ которыя втягивалъ и другихъ купцовъ и некупцовъ [2]), здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ щедрыхъ пожертвованіяхъ, которыя посыпались въ это время со стороны провинціальнаго купечества на различныя просвѣтительныя и общественныя начинанія, какъ, напр., женскія гимназіи, промышленныя училища, городскіе и общественные банки и проч. [3]). Даже среди духовенства обнаружились симпатіи къ освободительнымъ реформамъ и къ просвѣщенію; нѣкоторые архіереи заговорили тамъ и сямъ по человѣчески, и въ рѣчахъ по случаю открытія губернскихъ комитетовъ высказали истинно христіанскія мысли и пожеланія [4]), чѣмъ не мало смутили такихъ представителей обскурантизма, такъ московскій митрополитъ Филаретъ и синодальный оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой, которые тотчасъ забили тревогу и начали перекликаться между собой о томъ, какъ прекратить въ средѣ духовенства это недостойное, по ихъ мнѣнію, движеніе [5]).

Въ постановленіяхъ губернскихъ комитетовъ сказалось прежде всего и ярче всего отчетливое и ясное пониманіе помѣщиками своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ. Поэтому и проекты губернскихъ комитетовъ различныхъ губерній отличались между собой главнымъ образомъ въ зависимости отъ различія въ мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ и третьестепенныхъ различій, также отражавшихся болѣе или менѣе на работахъ губернскихъ комитетовъ,—самую важную и, можно сказать, рѣшающую роль при этомъ играла принадлежность однѣхъ губерній къ числу хлѣбородныхъ черноземныхъ, а другихъ къ числу нечерноземныхъ промышленныхъ. Въ первыхъ изъ нихъ главную, иногда исклю-

---

[1]) „Сѣверная Пчела“ за 1860 г. № 1. Перепечатано въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. II, стр. 331—346.

[2]) См. объ этомъ у Барсукова назв. соч. томы XV и XVI passim.

[3]) Таковы учрежденія, основанныя въ это время нѣкоторыми сибирскими купцами въ Иркутскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ; таковы пожертвованія купца Малютина въ Калугѣ (Моя статья „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи“ въ сборникѣ въ память В. А. Арцимовича).

[4]) Такова, напр., рѣчь калужскаго архіерея Григорія, приведенная у Хрущева „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I, стр. 287.

[5]) См. переписку между Филаретомъ и гр. Толстымъ у Барсукова, т. XVI.

чительную цѣнность помѣщичьихъ имѣній составляла земля, во-вторыхъ, доходъ помѣщика обусловливался, главнымъ образомъ, сторонними неземледѣльческими заработками и промыслами крестьянъ, и потому главную цѣнность имѣній составляли крѣпостныя души. Въ первыхъ губерніяхъ было много имѣній, гдѣ процвѣтала собственная помѣщичья запашка, и, слѣдовательно, огромное значеніе имѣла барщина; во вторыхъ крестьяне были большей частью на оброкѣ, земля находилась чаще всего въ полномъ ихъ распоряженіи, но благосостояніе и ихъ самихъ, и господъ ихъ зависѣло отъ заработковъ и промысловъ, большею частью отхожихъ. Въ первыхъ губерніяхъ помѣщики очень боялись сразу уничтожить барщину и потому желали переходнаго срочно-обязаннаго періода; въ то же время они охотно соглашались на безземельное, хотя бы и безвозмездное, освобожденіе крестьянъ съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи срочно-обязаннаго періода, вся земля осталась въ полномъ распоряженіи помѣщика. Но такъ какъ они знали, что правительство, больше всего опасавшееся бунтовъ, не согласится на безземельное освобожденіе крестьянъ, то они обнаружили стремленіе елико возможно урѣзать надѣлы, даже и тѣ, которые они хотѣли отвести на время срочно-обязаннаго періода. Опасаясь сразу лишиться барщины и потому настаивая на необходимости срочно-обязаннаго періода, они понимали, какъ трудно будетъ заставить крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, отбывать повинности въ пользу помѣщика, и потому требовали сохраненія, по крайней мѣрѣ, на весь срочно-обязанный періодъ крѣпкой вотчинной власти, права безотчетно наказывать временно-обязанныхъ крестьянъ и т. п. По отношенію къ правительству въ этихъ губерніяхъ обнаружилось оппозиціонно-аристократическое направленіе и стремленіе къ мѣстному самоуправленію на *аристократическихъ* началахъ.

Комитеты промышленныхъ губерній боялись, главнымъ образомъ, одного: какъ бы съ уничтоженіемъ крѣпостного права не лишиться тѣхъ доходовъ, которые помѣщики этихъ губерній имѣли отъ заработковъ и промысловъ крестьянъ. Заработки эти при крѣпостномъ правѣ были такъ значительны, что благодаря имъ цѣнность промышленныхъ имѣній вообще была выше, нежели земледѣльческихъ. Помѣщики этихъ губерній, не заинтересованные въ большинствѣ случаевъ въ сохраненіи барщины, опасались, что во время срочно-обязаннаго періода имъ трудно будетъ уже получать со своихъ крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, прежніе оброки. Они не безъ основанія полагали, что въ этомъ имъ не поможетъ и сохраненіе въ ихъ рукахъ вотчинной полицейской власти. Поэтому они предпочитали единовременную и полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но не иначе, какъ при условіи полученія денежнаго выкупа за потерю цѣнности принадлежащихъ имъ имѣній. Поэтому они требовали прежде всего выкупа не за землю, отдаваемую крестьянамъ, которая цѣ-

нилась въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ очень дешево, а за личность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Когда же правительство провозгласило принципъ безвозмездной отмѣны личнаго крѣпостного права, то они естественно стали стремиться вознаградить себя либо неимовѣрно преувеличенной оцѣнкой усадебъ, либо назначеніемъ повышенныхъ оброковъ. Земельный надѣлъ они охотно соглашались оставить крестьянамъ, но размѣръ его старались опредѣлить такъ, чтобы крестьянамъ нельзя было обойтись впослѣдствіи безъ дополнительныхъ заработковъ или безъ арендованія у помѣщиковъ занадѣльныхъ участковъ. Къ вопросу о вотчинной власти помѣщики этихъ губерній относились гораздо равнодушнѣе, и многіе изъ нихъ охотно поступались своими вотчинными правами. Въ политическомъ отношеніи здѣсь преобладали стремленія либерально-демократическія, выражавшіяся въ требованіи ограниченія полицейскаго и бюрократическаго произвола и въ проектированіи *всесословнаго* волостного, уѣзднаго и губернскаго самоуправленія.

Во многихъ губернскихъ комитетахъ не состоялось, какъ извѣстно, единогласнаго рѣшенія, и отъ большинства членовъ въ нихъ отдѣлились болѣе прогрессивныя меньшинства, которыя представляли свои собственные проекты. Извѣстно, что эти послѣдніе послужили главнымъ основаніемъ для работъ редакціонныхъ комиссій. Однако необходимо имѣть въ виду, что не всѣ меньшинства такъ рѣзко разнились отъ большинства, какъ это обыкновенно думаютъ, и отнюдь не всѣ меньшинства могутъ быть признаны безусловно прогрессивными [1]). Въ нѣкоторыхъ комитетахъ разница между проектами большинства и меньшинства обусловливалась вовсе не большей или меньшей прогрессивностью взглядовъ, а просто различіемъ мѣстныхъ условій и интересовъ въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же губерніи [2]).

Правительство, какъ мы видѣли, приступая къ реформѣ, далеко не вполнѣ овладѣло вопросомъ во всей его сложности. Вначалѣ, питая суевѣрный страхъ передъ всякими сколько-нибудь сложными финансовыми операціями, министерство внутреннихъ дѣлъ безусловно отрицало выкупъ, какъ общую финансовую мѣру, и потому считало неизбѣжнымъ и срочно—или даже безсрочно—обязанный періодъ съ сохраненіемъ барщины или оброка въ опредѣленномъ размѣрѣ; въ связи съ этимъ предложено было сохранить и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ. Но какъ только правительство убѣдилось, что выкупъ возможенъ, такъ оно, сознавая ненормальность и даже опасность

---

[1]) Ср. упомянутыя статьи „Губернскіе комитеты въ 1858 и 1859 гг.“, въ моей книгѣ „Очерки по исторіи обществ. движ. и крест. дѣла въ Россіи“, стр. 170 и слѣд.

[2]) Такова, напримѣръ, разница между проектами, составленными большинствомъ и меньшинствомъ Нижегородской губерніи, между проектами, составленными представителями бѣлорусскихъ и лифляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи и др.

срочно-обязаннаго періода, стало стремиться если не къ полному его упраздненію, то къ значительному сокращенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришло къ убѣжденію въ необходимости упразднить съ самаго же начала и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ [1]). Когда губернскіе комитеты приступили къ своей работѣ, то въ правительственныхъ кругахъ царили еще всецѣло взгляды, положенные въ основаніе Позеновской програмы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ (въ апрѣлѣ 1858 г.), а предубѣжденія противъ всякой финансовой операціи были настолько сильны, что тверскому комитету удалось лишь съ бою получить разрѣшеніе составить, вмѣсто срочно-обязаннаго, проектъ выкупного положенія, подъ угрозой, что если ему это не будетъ разрѣшено, то онъ разойдется и не станетъ писать никакого проекта [2]).

Но редакціоннымъ комиссіямъ пришлось начать свою дѣятельность уже въ то время, когда Ростовцевъ вполнѣ усвоилъ себѣ возможность допущенія общей выкупной операціи и неудобства срочно-обязаннаго положенія, и когда въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ нерѣшительный и недальновидный Левшинъ былъ замѣненъ умнымъ и энергичнымъ Милютинымъ.

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Милютину и князю Черкасскому вскорѣ удалось раскрыть глаза Ростовцеву и на истинное значеніе интригъ и ухищреній тайнаго крѣпостника Позена, который до этихъ поръ выдавалъ себя за либерала и имѣлъ на Ростовцева огромное вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ все направленіе работъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ рукахъ Милютина, кн. Черкасскаго, Соловьева и отчасти Самарина [3]). Изъ нихъ Милютинъ и Соловьевъ, хотя и принадлежали по происхожденію къ помѣстному дворянству, были чиновниками по профессіи и, несмотря на всю просвѣщенность и либерализмъ своихъ убѣжденій, нерѣдко проявляли наклонности и взгляды настоящихъ бюрократовъ. Кн. Черкасскій плотно примкнулъ къ нимъ. Самаринъ являлся въ редакціонныхъ комиссіяхъ выразителемъ славянофильскихъ взглядовъ. Къ бюрократіи онъ относился безусловно отрицательно,

---

[1]) Эти перемѣны во взглядахъ правительства очень ярко отразились въ извѣстныхъ письмахъ къ Государю *Ростовцева* изъ-за границы, въ замѣнѣ Левшина Н. А. Милютинымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ, наконецъ, въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г. и въ предложеніи, даннымъ редакціоннымъ комиссіямъ Ростовцевымъ въ первыхъ же засѣданіяхъ комиссій. Все это изложено подробно у *Семенова* „Освобожденіе крестьянъ при имп. Александрѣ II", т. II, у *Иванюкова* „Паденіе крѣпостного права" и въ моихъ статьяхъ упомянутыхъ выше.

[2]) Ср. *Джаншіева* „А. М. Унковскій".

[3]) Говоримъ *отчасти*, потому что главное и самое плодотворное участіе Самарина выразилось въ работахъ хозяйственнаго отдѣленія (по вопросу о надѣлѣ и повинностяхъ крестьянъ); что же касается административнаго устройства крестьянъ, то здѣсь онъ далеко не во всемъ сходился во взглядахъ съ Милютинымъ и Черкасскимъ (срав. у *Семенова* „Освобожденіе крестьянъ", passim).

иногда онъ бралъ на себя защиту и истолкованіе реальныхъ помѣщичьихъ интересовъ, но главнымъ образомъ и съ особенной настойчивостью онъ отстаивалъ неприкосновенность народныхъ устоевъ: поземельную общину и независимость крестьянскаго міра отъ различныхъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и полицейскихъ вліяній и притомъ постоянно стоялъ за сохраненіе по возможности полнаго земельнаго надѣла и пониженіе повинностей, которое признавалъ главнымъ основаніемъ «улучшенія быта».

Члены редакціонныхъ комиссій, раздѣлившись на три отдѣленія:—юридическое, административное и хозяйственное, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ,—ревностно принялись за изученіе постановленій и проектовъ губернскихъ комитетовъ, но при этомъ они смотрѣли на нихъ, какъ на полезный матеріалъ, изъ котораго многое можно было заимствовать, но который вовсе не давалъ имъ руководящихъ и обязательныхъ для нихъ указаній. Съ *волею* дворянства, выраженною въ этихъ проектахъ, редакціонныя комиссіи, въ сущности, почти не считались. А такъ какъ труды ихъ печатались и разсылались повсюду (въ 3000 экземпляровъ), то дворянство, ознакомившись съ такимъ направленіемъ комиссій, естественно признало въ нихъ главнаго своего врага.

Между тѣмъ, императоръ Александръ во время путешествія своего лѣтомъ 1858 г. по разнымъ губерніямъ нѣсколько разъ пообѣщалъ членамъ губернскихъ комитетовъ (въ Твери, въ Костромѣ и др. мѣстахъ), что по окончаніи ихъ работъ выработанные ими проекты поступятъ на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, причемъ отъ каждаго комитета «для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ» будутъ приглашены по два депутата по избранію комитетовъ. Эти слова императора, тогда же записанныя и опубликованныя съ разрѣшенія правительства, подали дворянамъ надежды, которыя впослѣдствіи не осуществились. Дворянскіе депутаты на самомъ дѣлѣ приглашены были не въ главный комитетъ, а въ редакціонныя комиссіи и не для обсужденія и исправленія составленныхъ тамъ проектовъ, какъ они надѣялись, а лишь для представленія своихъ замѣчаній на эти проекты и для сообщенія своихъ отзывовъ на предложенные имъ — каждому депутату порознь—самими редакціонными комиссіями вопросовъ.

VII.

Записка Милютина о работахъ губернскихъ комитетовъ и о необходимости дать отпоръ стремленіямъ дворянскихъ депутатовъ.—Желанія депутатовъ 1-го приглашенія.—Вражда къ бюрократіи.—Адресы депутатовъ.—Отвѣтъ правительства.—Записки М. Безобразова и др. крѣпостниковъ.—Событія въ тверскомъ и владимирскомъ дворянскомъ собраніяхъ 1859 г. — Мнѣнія депутатовъ 2-го приглашенія. — Назначеніе Панина вмѣсто умершаго Ростовцева и произведенное этимъ назначеніемъ впечатлѣніе.

Работы редакціонныхъ комиссій раздѣлены были на три періода. Въ первомъ періодѣ онѣ изучали проекты губернскихъ комитетовъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, и, по выраженію Ростовцева, «оболванивали» свой собственный проектъ. Когда эта работа была окончена и положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, было выработано вчернѣ (къ августу 1859 года), то въ Петербургъ были вызваны депутаты отъ 19 комитетовъ, ранѣе другихъ успѣвшихъ окончить свои занятія, почему они и назывались впослѣдствіи депутатами перваго приглашенія. Передъ прибытіемъ депутатовъ, Милютинъ, убѣжденный, что крестьянскую реформу можно провести лишь диктаторіальными мѣрами, и очень опасавшійся оппозиціи депутатовъ, составилъ записку подъ названіемъ: «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время». Ланской представилъ ее отъ своего имени государю. Въ этой запискѣ была не только откровенно, но и весьма сурово разобрана дѣятельность губернскихъ комитетовъ, а по поводу предстоявшаго прибытія депутатовъ въ Петербургъ указывалось на опасность допущенія ихъ къ образованію «*разноцвѣтныхъ партій*». Упомянувъ, что депутаты вызываются «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои *оно* признаетъ нужнымъ имѣть», составитель записки писалъ: «Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы *не о коренныхъ началахъ*, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены приглашаются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ... Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ: осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какимъ оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства». Александръ написалъ на этой запискѣ, что находитъ взглядъ этотъ

совершенно правильнымъ и согласнымъ со своими собственными убѣжденіями, и для депутатовъ была составлена соотвѣтствующая инструкція, которая повергла ихъ въ крайнее разочарованіе. Въ отчаяніи они было составили адресъ, въ которомъ указали, что комитеты выбирали своихъ депутатовъ, согласно царской волѣ, для засѣданія въ главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія составленныхъ комитетами проектовъ, а не для дачи отвѣтовъ на вопросы редакціонныхъ комиссій. «Прискорбіе наше, Государь,—писали они въ этомъ адресѣ—невыразимо!.. Мы видѣли неоднократно въ теченіе нынѣшняго дѣла, какъ высочайшія повелѣнія противопоставлялись одно другому или нарушались, но никогда смѣлость не доходила до такой степени, какъ она нынѣ представлена.

«Во всемъ ходѣ этого дѣла административная власть постоянно попирала законность и справедливость; но это совершалось въ губерніяхъ, въ темнотѣ канцелярскихъ переписокъ, тогда какъ нынѣ это ею творится передъ государемъ и Россіею воочію для всѣхъ». Въ заключеніе они просили, чтобы имъ было разрѣшено собраться въ главномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ самого государя или одного изъ членовъ царской фамиліи [1]).

Адресъ этотъ офиціально не былъ представленъ, а сообщенъ Александру лишь въ видѣ проекта Ростовцевымъ по соглашенію съ депутатами. При этомъ противъ словъ, что депутаты вызваны для засѣданія въ главномъ комитетѣ, Александръ написалъ карандашемъ: «Никогда». Послѣ этого депутаты пошли на уступки и вмѣсто адреса, не принятаго царемъ, обратились съ письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ уже скромно ходатайствовали, чтобы имъ было разрѣшено имѣть между собой общія совѣщанія, и чтобы всѣ ихъ соображенія, какъ по представленнымъ имъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ высшаго правительства. По поводу просьбы о совѣщаніяхъ Александръ написалъ: «не должно быть допускаемо», но затѣмъ, послѣ обсужденія этого вопроса съ Ростовцевымъ, депутатамъ было сообщено, что совѣщаться они могутъ, но что «подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера офиціальнаго», чѣмъ отнималась у нихъ возможность дѣлать какія-либо общія постановленія. Что же касается соображеній, какія будутъ ими представлены, то имъ было обѣщано отъ имени государя, что таковыя будутъ всѣ разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ и дойдутъ и до царя. [2]).

Этимъ депутаты, скрѣпя сердце, удовлетворились на время и приступили къ разсмотрѣнію работъ редакціонныхъ комиссій,

---

[1]) Этотъ адресъ приведенъ полностью у *Семенова*, т. I, стр. 615; но *Кошелевъ* въ извѣстной заграничной брошюрѣ „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“, изд. въ 1860 г. въ Берлинѣ, почему-то объ адресѣ этомъ совершенно умалчиваетъ.

[2]) Тамъ же.

которыя они подвергли суровой и безпощадной критикѣ. Они исписали болѣе 2000 листовъ бумаги, и въ печатномъ видѣ ихъ замѣчанія составили 3 толстыхъ тома. Уже одинъ этотъ объемъ дѣлалъ почти неисполнимымъ обѣщаніе, данное имъ отъ лица государя. По окончаніи этой работы депутаты были приглашаемы по 3, по 4 человѣка въ засѣданія редакціонныхъ комиссій, гдѣ съ ними велись пренія, которыя, впрочемъ, не оставляли никакихъ официальныхъ слѣдовъ и потому не безъ основанія признавались многими депутатами за простую бюрократическую уловку [1]).

Замѣчательно, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія стояли не только за освобожденіе крестьянъ, но и за освобожденіе ихъ съ землей. Но они сильно возражали противъ отвода крестьянамъ земли въ *безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности*. Они хорошо понимали, что сколько-нибудь исправное отбываніе барщины безъ удержанія всей полноты крѣпостной помѣщичьей власти совершенно невозможно, установленіе же умѣренныхъ оброковъ безъ права увеличивать ихъ впослѣдствіи они признавали за прямое нарушеніе правъ собственности помѣщиковъ на землю. Поэтому большая часть депутатовъ требовала немедленнаго обязательнаго выкупа надѣловъ правительствомъ, которое приэтомъ само бы взяло на себя всѣ расчеты съ крестьянами. Нѣкоторые (немногіе) депутаты предпочитали отводъ надѣловъ въ вѣчное пользованіе крестьянъ, но съ правомъ періодической переоброчки, и лишь совершенно ничтожная часть стремилась къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ. Это были депутаты черноземныхъ губерній, считавшіе себя монополистами цѣннаго товара чернозема, какъ выразился о нихъ кн. Черкасскій. Многіе депутаты возстали также противъ максимальныхъ и минимальныхъ надѣльныхъ нормъ, выработанныхъ комиссіями; депутаты промышленныхъ нечерноземныхъ губерній (особенно ярославскіе) яростно отстаивали выведенныя ими нормы оброковъ, значительно отличавшіяся отъ нормъ редакціонныхъ комиссій. Но единодушнѣе и сильнѣе всего были нападки депутатовъ перваго приглашенія на проектъ административнаго устройства крестьянъ.

Въ этихъ нападкахъ, въ высшей степени рѣзкихъ и раздражительныхъ, вылилась вся вражда и ненависть къ бюрократіи и чиновничеству, накопившаяся вѣками. Въ нихъ высказано было много дѣльнаго и справедливаго, что и теперь, черезъ 50 лѣтъ, не потеряло значенія и интереса. Часть этихъ мыслей и соображеній получила примѣненіе въ послѣдующихъ реформахъ 60-хъ годовъ, но основныя руководящія воззрѣнія, какъ и особая теорія государственнаго устройства, выставленная депутатами перваго приглашенія, такъ и остались втунѣ; между тѣмъ, въ этихъ воззрѣніяхъ заключалось зерно будущаго земскаго либерализма,

---

[1]) „Записки“ А. И. Кошелева. Приложенія, стр. 181 и слѣд.

которое, впрочемъ, не получило, какъ мы ниже увидимъ, правильнаго развитія, вслѣдствіе чрезвычайно неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Прежде всего, депутаты перваго призыва возстали противъ сельскаго административнаго устройства, проектированнаго редакціонными комиссіями. Свое оружіе депутаты брали при этомъ преимущественно изъ славянофильскаго арсенала, но внутреннимъ, при томъ наиболѣе общимъ всѣмъ имъ, мотивомъ было, безъ сомнѣнія, оскорбленное сословное чувство. Въ постановленіяхъ редакціонныхъ комиссій они ясно увидѣли открытое стремленіе устранить дворянство отъ всякаго дѣйствительнаго вліянія на крестьянское общественное управленіе съ замѣной его бюрократической административной опекой уѣздныхъ полицейскихъ властей. До нихъ доходили смутные слухи, что особая правительственная комиссія о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, составленная изъ однихъ чиновниковъ, выработала планъ уѣзднаго и губернскаго управленія на чисто бюрократическихъ основаніяхъ. Трудовъ этой комиссіи имъ не показывали, несмотря на прямыя ходатайства нѣкорыхъ изъ нихъ, и это усиливало ихъ подозрѣнія и увеличивало раздражительность. По тому отношенію къ своимъ заявленіямъ, которое они встрѣчали въ средѣ редакціонныхъ комиссій и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, депутаты догадывались, что заключенія ихъ не будутъ имѣть практическаго значенія, и что вообще вызовъ ихъ въ Петербургъ превратился, благодаря коварству бюрократіи, въ простую комедію. Это не могло ихъ не бѣсить, и безсильный ихъ гнѣвъ ярко отразился въ написанныхъ ими отзывахъ. Ясно и отчетливо видя, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если она не будетъ сопровождаться преобразованіемъ всего правительственнаго строя, депутаты сочли своимъ долгомъ указать правительству на необходимыя реформы, которыя должны были, по ихъ мнѣнію, слѣдовать тотчасъ за упраздненіемъ крѣпостного права. Нѣкоторые изъ нихъ представляли даже подробныя соображенія о желательномъ административномъ и судебномъ устройствѣ страны и о тѣхъ необходимыхъ гарантіяхъ, которыя защищали бы каждаго гражданина отъ злоупотребленій и произвола чиновниковъ. Большинство депутатовъ требовали: свободы печати и уничтоженія канцелярской тайны; права для всякаго частнаго лица привлекать къ судебной отвѣтственности чиновниковъ за ущербъ, причиненный неправильными ихъ дѣйствіями по службѣ; правильнаго судебнаго устройства (причемъ большая часть желала введенія суда присяжныхъ); наконецъ, мѣстнаго самоуправленія для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ населенія съ участіемъ въ нихъ всѣхъ классовъ общества. Замѣчательно, что при этомъ въ основныхъ взглядахъ на государственное устройство сошлись между собой какъ славянофилы, такъ и западники. Всѣ они желали гарантировать общество отъ бюрократическаго произвола и гнета, но всѣ они полагали тогда, что при этомъ можетъ и

должна быть сохранена самодержавная власть государя. Всѣ они, повидимому, искренно думали, что между самодержавіемъ и бюрократическимъ строемъ нѣтъ органической роковой связи и что можно оставить неприкосновеннымъ первое, совершенно упразднивъ или ограничивъ послѣдній. Эта точка зрѣнія, подкрѣпленная славянофильской исторіософіей, держалась у насъ замѣчательно долго, несмотря на постоянныя обнаруженія своей полной несостоятельности на практикѣ. Но въ то время въ возможности и цѣлесообразности такого государственнаго устройства были убѣждены далеко не одни славянофилы. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что совершенно такого же взгляда послѣ Іенскаго погрома придерживались и многіе германскіе патріоты, въ томъ числѣ и знаменитый баронъ Штейнъ...

Исписавъ кипы бумаги и понимая, что не только государь, но и члены главнаго комитета не будутъ имѣть возможности прочесть всѣ ихъ отзывы, депутаты рѣшились передъ выѣздомъ изъ Петербурга подать императору адресъ, въ которомъ просить о томъ, чтобы имъ было разрѣшено собраться вторично для разсмотрѣнія окончательныхъ работъ и проектовъ редакціонныхъ комиссій и личнаго представленія своихъ возраженіи въ главномъ комитетѣ. Проектъ адреса, составленный Кошелевымъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, былъ принятъ и даже подписанъ 21 депутатомъ, но на другой день нѣкоторые изъ нихъ струсили и рѣшили замѣнить этотъ адресъ другимъ, въ которомъ уже не было ходатайства о допущеніи самихъ депутатовъ въ главный комитетъ, а содержалась одна только просьба, чтобы имъ было дозволено представить въ комитетъ свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій. Этотъ адресъ подписали 18 человѣкъ, а пятеро, смотрѣвшихъ на дѣло болѣе смѣло и трезво и видѣвшихъ, что вторично ихъ все равно собирать не будутъ, рѣшились выразить въ особомъ адресѣ свой взглядъ на необходимыя, по ихъ мнѣнію, измѣненія въ предположеніяхъ редакціонныхъ комиссій и на наиболѣе неотложныя преобразованія въ гражданскомъ и административномъ строѣ страны.

«Вѣруя въ благодушіе вашего величества,—писали они въ этомъ адресѣ, — зная волю вашу, государь, чтобы Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, государь, всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о нижеслѣдующемъ:

«1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ *немедленнаго выкупа*, по цѣнѣ и условіямъ неразорительнаго для помѣщиковъ.

«2. Образовать *хозяйственно-распорядительное управленіе*, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

«3. Учредить *независимую судебную власть*, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и

«4. Дать возможность обществу путемъ *печатной гласности* доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

«Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе ваше, государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любовью къ престолу и отечеству».

Этотъ адресъ былъ подписанъ двумя харьковскими, двумя ярославскими депутатами и тверскимъ—А. М. Унковскимъ. Къ сожалѣнію, во вступительной части этого адреса была вставлена очень нехорошая фраза о предположенномъ будто бы редакціонными комиссіями увеличеніи существующаго надѣла крестьянъ землей и крайнемъ пониженіи повинностей въ большей части губерній. Предположенные редакціонными комиссіями надѣлы, отнюдь не превышавшіе ранѣе существовавшихъ, не понравились харьковскимъ депутатамъ, а установленная комиссіями норма повинностей не удовлетворяла ярославскихъ; но какъ согласился на включеніе этой фразы въ адресъ А. М. Унковскій, самъ отстаивавшій тотъ самый надѣлъ и тѣ самыя нормы повинностей, которыя приняты были въ редакціонныхъ комиссіяхъ,—совершенно непонятно. Александръ призналъ этотъ адресъ «*ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности*» [1]).

Кромѣ этихъ двухъ адресовъ, государю было представлено еще всеподданнѣйшее письмо симбирскаго депутата Шидловскаго, въ которомъ тотъ среди множества высокопарныхъ словъ старался доказать, что дворянство оклеветано передъ монархомъ, что отечество въ опасности и что для спасенія его отъ этой опасности государю слѣдуетъ созвать «къ подножію своего престола» нарочито уполномоченныхъ дворянствомъ лицъ и съ ними окончить дѣло подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Это довольно нелѣпое посланіе показалось Александру тоже опаснымъ, и онъ возвратилъ его министру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: «вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ» [2]).

Всѣ эти адресы были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ 5 ноября 1859 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ Александра,

---

[1]) *Семеновъ*, т. II, стр. 128. Самый адресъ въ приложеніяхъ, стр. 937.
[2]) Тамъ же, стр. 937.

причемъ обсуждался одинъ только вопросъ, какія мѣры обузданія принять по отношенію къ дерзновеннымъ ихъ подателямъ. Въ результатѣ пять депутатовъ, подавшихъ одну общую просьбу, получили «*замѣчаніе* за неправильныя и неумѣстныя свои домогательства» съ разъясненіемъ, что они не имѣли права подавать прошенія за общимъ подписомъ. *Восемнадцать* депутатовъ получили отъ начальниковъ губерній отношенія «съ разъясненіями», по высочайшему повелѣнію, «что, имѣя въ виду высочайшей властью одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ».

По поводу этихъ рѣшеній Кошелевъ писалъ тогда же въ упомянутой выше заграничной брошюрѣ, что «они глубоко огорчили всѣхъ людей, искренне преданныхъ государю и великому дѣлу имъ предпринятому». «Упомянутыя губернаторскія отношенія,— писалъ онъ тамъ же,—распространенныя во множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни «Колоколъ», ни всѣ прочіе запрещенныя книги и листки не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи...»

«... И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу, но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ, ибо нечего сказать въ оправданіе власти. Сама она дѣйствуетъ почти революціонно, отъ другихъ же требуетъ слѣпого, безотвѣтнаго повиновенія... Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи въ Петербургѣ, Москвѣ и во внутренности Россіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства; нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ...» [1]).

Такъ оно и случилось въ дѣйствительности. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію этихъ инцидентовъ въ губерніяхъ, намъ необходимо остановиться на поданной одновременно съ вышеупомянутыми адресами депутатовъ запискѣ камергера М. А. Безобразова, которая, сильно раздраживъ императора Александра, способствовала, повидимому, неблагопріятному отношенію его и къ адресамъ депутатовъ. Безобразовъ былъ аристократъ, племянникъ кн. Орлова и принадлежалъ къ помѣстному дворянству Петербургской губерніи, но самъ депутатомъ не былъ. Записка его важна, какъ по тому впечатлѣнію, которое она произвела на Александра, такъ и сама по себѣ, какъ наиболѣе яркое выраженіе олигархическихъ стремленій, проявившихся въ то время среди многихъ вліятельныхъ крѣпостниковъ. Тонъ записки, представленной черезъ помощника шефа жандармовъ Тимашева, чрезвы-

---

1) „Записки“ Кошелева. Прилож., стр. 187 и слѣд.

чайно развязенъ и смѣлъ, почему и неудивительно, что онъ взбѣсилъ Александра, испещрившаго всю записку гнѣвными и рѣзкими резолюціями и замѣтками, въ родѣ: «вздоръ», «непомѣрная наглость», «хорошъ софизмъ!» и т. п. [1]).

Въ началѣ записки Безобразовъ доказывалъ, что при вызовѣ и пріемѣ депутатовъ царская воля была искажена бюрократіей, затѣмъ онъ старался представить дворянство несправедливо оклеветаннымъ, а на самомъ дѣлѣ самой лучшей и прочной опорой престола. Въ стремленіи своемъ очернить высшую бюрократію и, въ особенности, министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ не останавливается даже и передъ весьма неблаговидными намеками, имѣвшими значеніе доносовъ, и обвиняетъ въ неблагонадежности и цензуру, и передовые наши журналы, и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и членовъ редакціонныхъ комиссій; обвиняетъ правительственныя учрежденія въ сообществѣ съ заграничными памфлетистами и увѣряетъ при этомъ, что корень крамолы «глубоко зарытъ въ замыслахъ иностранныхъ»; тутъ же бросаетъ тѣнь на нѣкоторыхъ депутатовъ, называя ихъ «сочинителями конституцій, по образцамъ Запада».

Послѣ цѣлаго ряда такихъ выходокъ онъ приглашаетъ правительство исполнить первоначальное повелѣніе государя и собрать въ главномъ комитетѣ *настоящихъ* выборныхъ отъ комитетовъ (не признавая таковыми уполномоченныхъ отъ комитетскихъ меньшинствъ), а затѣмъ «обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонную комиссію въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ» [2]).

«Безъ всякаго сомнѣнія,—писалъ Безобразовъ далѣе,—несравненно лучше было бы потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ. Тогда бы было полное *право* на предложеніе нужныхъ мѣръ и опредѣленіе, *законнымъ образомъ*, потребныхъ отъ дворянства пожертвованій. Но какъ надѣяться, чтобы правительство, *шедшее все это время разными извилистыми тропами*, избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ, безъ немедленнаго обличенія?»

Утверждая затѣмъ, что «собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія»,—противъ чего Александръ не преминулъ замѣтить: «хорошъ софизмъ!»,—Безобразовъ развиваетъ любопытную теорію самодержавнаго государственнаго строя. «Дабы достигнуть возможности исполнять обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность — писалъ онъ — слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эту силу примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе само-

---

[1]) Записка Безобразова помѣщена у *Семенова*, т. II, стр. 940.

[2]) Противъ этого мѣста Александръ написалъ: „надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать“.

державія; безъ нихъ она имѣетъ характеръ *своеволія*, несмотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіей, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ. Право земли руской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно—право, первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать; мысль о нихъ можно затемнять, но вырвать самое право—внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть, когда-либо случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ такъ же, какъ она ихъ при государственныхъ опасностяхъ собирала. Прискорбно будетъ дожить до такого времени; но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ государственный порядокъ, вновь воздвигнетъ «*уроненное своеволіемъ самодержавіе!*»

Пораженный этими словами, Александръ въ двухъ мѣстахъ поставилъ на поляхъ по три восклицательныхъ знака. Въ концѣ записки, противъ того мѣста, гдѣ Безобразовъ писалъ, что онъ желалъ бы убѣдить государя въ патріотизмѣ и безкорыстіи дворянства, Александръ отмѣтилъ: «*Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе*».

Поступокъ Безобразова разсмотрѣнъ былъ по высочайшему повелѣнію въ главномъ комитетѣ, причемъ князь Орловъ, какъ родственникъ обвиняемаго, уклонился отъ участія въ этомъ засѣданіи. Безобразовъ былъ уволенъ въ отставку, высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Записка Безобразова была въ то время далеко не единственная въ своемъ родѣ [1]). Подобная же записка, съ многочисленными ссылками на Токвиля, была пущена на орловскомъ дворянскомъ собраніи извѣстнымъ въ то время заводчикомъ-магнатомъ ген. С. И. Мальцевымъ. Къ той же категоріи принадлежитъ и извѣстное французское письмо гр. В. П. Орлова-Давыдова къ ген. Ростовцеву (анонимное). Нельзя также не видѣть прямой идейной связи между запиской Безобразова и вышеупомянутымъ посланіемъ Шидловскаго. Самъ Безобразовъ старательно отгораживалъ себя какъ отъ либеральной оппозиціи, представителемъ которой среди депутатовъ являлся Унковскій, такъ и отъ славянофильской «Русской Бесѣды», которую онъ обвинялъ даже въ разсылкѣ эмиссаровъ съ цѣлью бунтовать народъ, намекая на довольно нелѣпое происшествіе, случившееся въ то время съ писателемъ Якушкинымъ въ Псковѣ. Но правительство смѣшивало

[1]) Самъ М. А. Безобразовъ еще въ 1856 г. представилъ записку о значеніи самодержавія, въ которой проводилъ тѣ же мысли. Въ маѣ 1859 г. онъ и его братъ Николай составили и пустили въ ходъ матеріалы для адреса, въ которомъ помѣщены были тѣ же соображенія, что и въ запискѣ. (Ср. „Матеріалы для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи“, т. II, стр. 97 и слѣд., особенно 104—109).

всѣ такія заявленія, записки и адресы въ одну кучу, не разбирая того, имѣли ли они демократическія или олигархическія тенденціи, отчего впослѣдствіи и въ публикѣ всѣ они—и либеральные, и крѣпостническіе—разсматривались многими, какъ проявленія одной и той же дворянской фронды.

Депутаты перваго приглашенія разъѣхались (въ ноябрѣ 1859 г.) по своимъ губерніямъ въ крайнемъ раздраженіи противъ правительства, дворянство же устраивало имъ повсюду оваціи, чествовало ихъ обѣдами, адресами и т. п., въ пику правительству. Это движеніе особенно усилилось, когда Ланской разослалъ по высочайшему повелѣнію циркуляры съ запрещеніемъ предстоявшимъ въ разныхъ губерніяхъ очереднымъ дворянскимъ собраніямъ касаться въ своихъ сужденіяхъ крестьянскаго вопроса. Это распоряженіе фактически отмѣняло 112 ст. IX т. свода зак., дававшую дворянству права свободнаго обсужденія ихъ пользъ и нуждъ. Собственно такіе же циркуляры были разосланы и въ 1858 году въ губеріи, гдѣ въ то время происходили выборы. Тогда они вызывались желаніемъ защитить отъ враждебной критики и возможныхъ насилій членовъ губернскихъ комитетовъ и мотивировались тѣмъ, что крестьянское дѣло обсуждается въ этихъ именно комитетахъ. Дворянство подчинилось тогда этому распоряженію довольно спокойно; нѣкоторыя изъ происходившихъ въ 1858 г. собраній послали лишь адресы о введеніи гласнаго судопроизводства и о необходимости другихъ реформъ [1]). Но въ 1859 г. дворянство рѣшило оказать сопротивленіе, не сходя, впрочемъ, съ законной почвы. Мы не будемъ описывать всѣхъ инцидентовъ и всѣхъ ходатайствъ, представленныхъ дворянами въ Рязани, Ярославлѣ, Вологдѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Орлѣ. Они описаны подробно въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія», изданныхъ въ 1860 г. въ Берлинѣ сенаторомъ Д. П. Хрущовымъ (т. II, стр. 260 и слѣд.) и перепечатанныхъ съ нѣкоторыми лишь сокращеніями въ книгѣ проф. Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» (2-ое изд. 1903 г., стр. 381 и слѣд.) Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Твери и во Владимирѣ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму и произведшихъ въ публикѣ большую сенсацію.

Тверское дворянство, руководимое Унковскимъ, Европеусомъ и Головачевымъ, выказало при этомъ замѣчательную выдержанность и стойкость, соединенную съ полнымъ сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и интересовъ. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ, петрашевецъ, незадолго передъ тѣмъ возвращенный изъ ссылки, сумѣлъ сочетать въ своей рѣчи, которая сдѣлала бы честь любому парламентскому оратору, самое полное уваженіе къ закону съ самымъ рѣзкимъ и краснорѣчивымъ осужденіемъ всего существовавшаго— и увы! существующаго донынѣ—бюрократическаго строя. Находя

---

[1]) „Матеріалы“ Хрущова, II, 258.

высочайшее повелѣніе, объявленное въ циркулярѣ министра, противорѣчащимъ дѣйствующему закону, нѣкоторые изъ членовъ собранія предложили на основаніи 77 ст. основныхъ законовъ, «не чиня исполненія», начать говорить о крестьянскомъ вопросѣ. На это Европеусъ сказалъ: «Господа! по прочтеніи 77 статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи министру, *не чиня исполненія*, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служитъ единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора... Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими, и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать офиціальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому, принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX тома, я, на основаніи 72, 73 и 77 статей I тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77 статьи, телеграфируя г. министру; а предложеніе это прошу баллотировать». Предложеніе Европеуса было принято 184 голосами противъ 54, а 43 члена отказались отъ баллотировки, находя предложеніе незаконнымъ. Вслѣдствіе отказа губернатора переслать министру заявленіе дворянскаго собранія, большинствомъ голосовъ было рѣшено, уже 231 голосомъ противъ 56, «составить прошеніе въ собственныя руки государя», которое и было отправленно съ экстреннымъ поѣздомъ. Отвѣтъ не замедлилъ. Въ немъ было сказанно: «имѣя въ виду, что твер-

ской губернскій предводитель и означенные выше дворяне не должны были ходатайствовать объ отмѣнѣ высочайшей воли, такъ положительно выраженной, его императорское величество изволилъ повелѣть: всеподданнѣйшее прошеніе ихъ оставить безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно повелѣть: тверского губернскаго предводителя дворянства кол. асс. Унковскаго, допустившаго составленіе прошенія дворянства и даже перваго подписавшаго его, немедленно уволить отъ должности губернскаго предводителя...» Въ концѣ этой бумаги Ланской сообщалъ, что объ удаленіи Унковскаго уже объявлено въ приказѣ по мин. внутр. дѣлъ. Дворянамъ приказано было произвести выборы непремѣнно въ положенный срокъ. Они исполнили это безропотно, но въ 8 уѣздахъ изъ 12 никто не пожелалъ баллотироваться въ уѣздные предводители; въ губернскіе баллотировалось двое, и оба были забаллотированы. Въ честь Унковскаго тутъ же состоялось подписка на 12 стипендій его имени при Московскомъ Университетѣ.

Этимъ преслѣдованія однако же не кончились. Правительство, раздраженное противъ Унковскаго и Европеуса, воспользовалось совершенно нелѣпымъ доносомъ о томъ, что будто бы тверскіе либералы затѣваютъ дать волю крестьянамъ, не ожидая правительственныхъ распоряженій, и даже заготовили печатныя прокламаціи объ этомъ. Для разслѣдованія посланъ былъ въ Тверь генералъ Ефимовичъ и, хотя доносъ, разумѣется, не подтвердился, однако же Ефимовичъ доложилъ государю, что присутствіе въ Твери Унковскаго, Европеуса и Головачева волнуетъ умы дворянства.

Это сочли достаточнымъ, чтобы безъ суда сослать Унковскаго въ Вятку, а Европеуса въ Пермь. Съ этихъ поръ духъ оппозиціи прочно укоренился въ тверскомъ дворянствѣ.

Хрущовъ разсказываетъ въ своихъ «Матеріалахъ», что даже «народъ провожалъ Унковскаго съ знаками сожалѣнія». «Во всей Россіи рѣшеніе, его постигшее, произвело глубокое, тяжелое впечатлѣніе. Общественное мнѣніе не могло никакъ согласить упраздненія крѣпостного права, предпринятаго самимъ государемъ, съ самовольнымъ, безъ суда, распоряженіемъ свободою людей, когда вся вина ихъ состояла въ томъ, что они съ полной самостоятельностью и съ полной душой защищали свободу свою и своего сословія. Ссылка Унковскаго и Европеуса—заключаетъ Хрущовъ—была огромная политическая ошибка, нанесшая нынѣшнему царствованію неисцѣлимый вредъ» [1])...

На владимирскомъ дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ январѣ 1860 г., нашли способъ довольно остроумно обойти циркуляръ Ланского.

Ковровскій предводитель дворянства, бывшій членъ меньшинства владимирскаго комитета и депутатъ перваго призыва,

---

[1]) „Матеріалы“ Хрущова, т. II, стр. 271—295.

П. С. Безобразовъ, сказалъ въ своей рѣчи: «Нисколько не касаясь крестьянскаго вопроса, для разрѣшенія котораго правительство, вѣроятно, находитъ достаточными свѣдѣнія, доставленныя ему отъ насъ, а потому и останавливаетъ дальнѣйшее разсужденіе, я прошу вниманія вашего, господа, къ изображенію будущаго *нашего* положенія». «По желанію добродушнаго монарха Россія вызывается къ другой жизни, и дворянство, проникнутое новыми началами, не колебаясь, отрекается отъ крѣпостного владѣнія 22 милліонами людей и, для благоустройства ихъ благосостоянія, (отъ своей) собственности. Поступокъ, достойный русскаго дворянина! Но при общемъ стремленіи нашемъ къ благоденствію страны и къ осуществленію желаній нашего благодушнаго государя, не лежитъ ли на насъ, господа, еще обязанность подумать о томъ, что ожидаетъ Россію при новомъ порядкѣ дѣлъ?

«Способъ управленія въ нашемъ любезномъ отечествѣ, наше судопроизводство—всѣмъ намъ хорошо извѣстны. Кто изъ васъ, господа, не испыталъ на себѣ тяжелаго гнета чиновничьяго произвола и не убѣдился въ вопіющей несправедливости судопроизводства? И все это тяготѣло надъ нами тогда, когда значеніе дворянства было неприкосновенно, когда дворянское сословіе считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ и, обладая средствами, имѣло возможность противостать насилію!... Что же будетъ теперь, м. г-ри!... Новое управленіе и судопроизводство будутъ ли настолько справедливы и правосудны, чтобы мы сами и остатокъ нашей собственности были достаточно ограждены отъ произвола и всякаго насилія?..

«Гдѣ залогъ этого желаемаго будущаго?.. Что, ежели за радушныя жертвы дворянства его исключатъ изъ общаго самоуправленія, оставятъ одинокимъ, отнимутъ возможность слиться съ народомъ и добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлѣ управленія доказать своимъ собратамъ постоянную готовность трудиться для пользы общей? Что, ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его?

«Наконецъ, если уменьшеніе права выбора изъ среды дворянства должностныхъ лицъ отнимаетъ у насъ окончательно участіе въ управленіи страной?

«Господство чиновниковъ подавитъ все, и русское дворянство, столько вѣковъ бывшее опорой трона и не щадившее жизни для блага своего отечества, исчезнетъ въ хаосѣ новаго управленія?.. Ропотъ и справедливое негодованіе обоихъ сословій неизбѣжны и повлекутъ за собой самыя гибельныя послѣдствія!

«Неужели, господа, предвидя общія бѣдствія, мы будемъ колебаться и правдивымъ задушевнымъ словомъ не выскажемъ нашему доброму Государю всей истины, которую могутъ скрывать отъ него одни только враги Россіи и человѣчества!...

«Проникнутый этимъ желаніемъ и руководимый чувствами

душевной скорби, я въ своихъ отвѣтахъ правительству, въ качествѣ депутата отъ Владимирской губерніи, высказалъ все, что тяготило меня. Теперь, м. г-ри, передавая вамъ свои убѣжденія, я ищу вашего сочувствія... Ежели вы свой сильный голосъ присоедините къ моему, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, ходатайствуя передъ нашимъ возлюбленнымъ монархомъ о благѣ отечества, мы успѣемъ отвратить грозящую всѣмъ опасность!...»

Послѣ рѣчи П. С. Безобразова—котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцами М. А. и Н. А. Безобразовыми—сказалъ длинную и краснорѣчивую рѣчь помѣщикъ Протопоповъ. «Нынѣ, господа,—сказалъ онъ, между прочимъ,—пользы и нужны наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а, слѣдовательно, цѣлаго государства.

«Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ (?) судомъ присяжныхъ!

«Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде еще избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!»

Собраніе вполнѣ раздѣлило стремленія и настроеніе обоихъ ораторовъ и поручило тутъ же особой комиссіи выработать проектъ адреса. Комиссія представила два проекта: въ одномъ, краткомъ, выражалось лишь сожалѣніе, что послѣдовалъ такой циркуляръ министра, ограничивающій права дворянства; въ другомъ, болѣе пространномъ и рѣзкомъ, послѣ обстоятельной и откровенной критики существующаго строя, основаннаго на возмутительномъ чиновничьемъ произволѣ, правительству предлагался рядъ коренныхъ преобразованій въ либерально-демократическомъ духѣ въ послѣдующихъ восьми пунктахъ:

«1. Строгое *раздѣленіе властей*: административной, судебной и полицейской.

2. *Управленіе общее для всѣхъ сословій.*

3. Хозяйственно распорядительное управленіе для всѣхъ сословій (*всесословное земство*), *отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ*, причемъ выборныя лица утверждаются не административной властью, но единственно правильностью избранія.

4. *Полицейское управленіе* правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, *дѣйствующее только на основаніи закона.*

5. Руководимое только закономъ, гражданское *судопроизводство гласное*, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. *судъ присяжныхъ.*

6. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

7. *Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ* за неисполненіемъ ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита» [1]).

Хрущовъ разсказываетъ, что въ Петербургѣ на этотъ адресъ сильно злились, и что рѣчи Безобразова и Протопопова признаны были революціонными; но на этотъ разъ дѣло ограничилось лишь замѣчаніемъ губернскому предводителю дворянства.

Пока эти инциденты происходили въ разныхъ губерніяхъ, редакціонныя комиссіи подошли къ окончанію *второго* періода своихъ занятій и, разсмотрѣвъ проекты остальныхъ 24 дворянскихъ комитетовъ и пересмотрѣвъ свой собственный проектъ, онѣ вызвали въ Петербургъ депутатовъ отъ этихъ 24 губерній, прозванныхъ депутатами второго призыва. Большая часть этихъ депутатовъ принадлежала къ комитетамъ хлѣбородныхъ губерній и къ комитетамъ западныхъ губерній (литовскихъ, бѣлорусскихъ и юго-западныхъ). Ихъ взгляды еще болѣе отличались отъ взглядовъ редакціонныхъ комиссій, нежели взгляды депутатовъ *перваго* приглашеніи. Тѣ признавали, по крайней мѣрѣ, что крестьяне должны быть освобождены съ землей, и спорили лишь о размѣрахъ надѣловъ и повинностей и въ большинствѣ желали немедленной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи кредитной выкупной операціи. Депутаты 2-го приглашенія почти всѣ были противъ надѣленія крестьянъ землей и требовали, по миновании срочно-обязаннаго періода, возращенія всей земли въ полное распоряженіе помѣщика, а на ряду съ этимъ желали сохраненія вотчинной власти въ возможно широкихъ размѣрахъ. Они рѣзко нападали на редакціонныя комиссіи и за проектированное ими административное устройство крестьянъ; но въ то время, какъ депутаты перваго приглашенія обвиняли комиссію главнымъ образомъ за сказавшіяся въ ихъ проектѣ бюрократическія тенденціи, за предоставленіе слишкомъ большой власти чиновничеству и полиціи во вредъ самоуправленію обществъ,—депутаты 2-го призыва старались главнымъ образомъ указать въ трудахъ редакціонныхъ комиссій присутствіе радикальныхъ демократическихъ, республиканскихъ и даже коммунистическихъ стремленій. Въ извѣстномъ «письмѣ депутата 1 призыва къ депутатамъ 2-го приглашенія» А. И. Кошелевъ [2])

---

[1]) „Матеріалы" Хрущова II, 313 и слѣд. Перепечатано и у Иванюкова, 387 (2-е изд.).

[2]) Это письмо напечатано въ „Матеріалахъ" Хрущова, II, 396—426. Самъ Кошелевъ въ своихъ запискахъ о немъ не упоминаетъ, но по содержанію его едва ли можно сомнѣваться, что оно принадлежитъ именно его перу. Никто другой изъ депутатовъ перваго приглашенія его написать не могъ.

давалъ депутатамъ очень разумные совѣты, какъ имъ вести себя въ Петербургѣ. Прежде всего онъ рекомендовалъ имъ сплотиться и достигнуть возможно полнаго единодушія. Кошелевъ предлагалъ имъ сойтись на почвѣ признанія необходимости освобожденія крестьянъ съ землей, съ полными надѣлами, примѣнительно къ существовавшимъ въ дѣйствительности, при помощи обязательнаго выкупа и съ сохраненіемъ народной самобытности и общинной организаціи. Сойдясь на этомъ, они должны были, по мнѣнію Кошелева, всѣми силами напасть на бюрократическія тенденціи редакціонныхъ комиссій и отстоять, во что бы то ни стало, *идею самоуправленія*. «Всѣ мы глубоко убѣждены, — писалъ онъ,—что въ обширной Россійской имперіи одно самодержавіе можетъ удержать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ: и потому мы всѣ за самодержавіе; но по той же самой причинѣ мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ (сословіямъ) и неумѣньемъ вести дѣло просто, хорошо и быстро... Для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственному окружающему ихъ народонаселенію»... При этомъ Кошелевъ совѣтывалъ депутатамъ не полагаться «на слова и увѣренія бюрократіи», а обращаться непосредственно къ самому Государю.

Въ этомъ письмѣ особенно знаменателенъ былъ совѣтъ Кошелева бросить всякія мечты о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и даже объ уменьшеніи существующихъ надѣловъ [1]) и сосредоточить всѣ свои силы на отстаиваніи идеи народнаго самоуправленія противъ чиновничьяго бюрократическаго режима. Но какъ разъ въ этомъ отношеніи депутаты 2-го приглашенія и не послушались Кошелева. Они, правда, оказались довольно единодушны между собой и по всѣмъ почти вопросамъ подали отзывы за общимъ подписомъ 36 — 40 лицъ, но сошлись они на принципахъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые имъ рекомендовалъ Кошелевъ. Всего сильнѣе они обрушились на надѣленіе крестьянъ землей, на образованіе крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ и очень поверхностно и слабо отстаивали принципы самоуправленія, притомъ въ чисто аристократическомъ смыслѣ. На труды редакціонныхъ комиссій они написали очень рѣзкую и крайне несправедливую критику, но на Высочайшее имя никакихъ заявленій не рѣшились направить.

Они собрались въ Петербургѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда умеръ Ростовцевъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Панинъ,

---

[1]) „Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли—непозволительно, скажу болѣе—преступно“. (Стр. 406).

имѣвшій репутацію тупого и завзятаго консерватора и крѣпостника.

Есть мнѣніе, что именно это обстоятельство, сопровождавшееся упорными слухами о поворотѣ во взглядахъ правительства на крестьянскій вопросъ и даже о распущеніи редакціонныхъ комиссій и объ уничтоженіи ихъ трудовъ, окрылило крѣпостническими надеждами депутатовъ второго призыва, чѣмъ и объясняется отличіе поданныхъ ими отзывовъ отъ таковыхъ же, представленныхъ депутатами перваго приглашенія. Въ этомъ мнѣніи есть, вѣроятно, значительная доля правды, но во всякомъ случаѣ, основными мотивами дѣятельности депутатовъ служили тѣ мѣстныя матеріальныя условія, которыя направляли дѣятельность и губернскихъ комитетовъ. Что же касается замѣны Ростовцева Панинымъ, то фактъ этотъ, возбудившій страшное негодованіе въ однихъ и слишкомъ неосновательныя надежды въ другихъ, заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія.

Извѣстно, какъ отнеслись къ этому факту друзья эмансипаціи, всѣ передовые представители общества, члены редакціонныхъ комиссій, Милютинъ, Елена Павловна и проч. Всего рѣзче негодованіе и страхъ, охватившіе тогда общество, отразились, разумѣется, въ «Колоколѣ» Герцена. Извѣстіе о назначеніи Панина напечатано было въ № 65 (отъ 15 марта 1860 г.) *съ чернымъ бордюромъ*. „Невѣроятная новость о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ во главѣ освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно. Наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки освобожденіе крестьянъ... Истина прежде всего, истина, какая бы она ни была. Что касается до насъ, наша дорога ясна. Объ ней мы поговоримъ въ другое время...»

«Это назначеніе — записалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко—поразило, какъ громомъ, всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей гр. Панина извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ?! Нельзя не признаться, что съ Ростовцевымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе... Бѣдное отечество! Такъ шатки всѣ благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ.“ Такія же тревожныя мысли высказывались въ частной перепискѣ Кошелева, Аксакова, Самарина, Погодина и другихъ.

Милютинъ приготовился подать въ отставку. Но вся эта тревога оказалась преждевременной и преувеличенной: слишкомъ ужъ много значенія привыкли у насъ придавать отдѣльнымъ лицамъ, стоящимъ у власти. «Вы не знаете графа Панина—сказалъ Александръ II великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ,—его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній!» И, повидимому, онъ имѣлъ основаніе это сказать.

Теперь, когда всѣ обстоятельства назначенія гр. Панина извѣстны,—особенно благодаря книгѣ Н. П. Семенова,—до мельчайшихъ подробностей, можно съ увѣренностью сказать, что это назначеніе было въ то время изъ возможныхъ золъ меньшимъ. По крайней мѣрѣ, со стороны Александра оно являлось безспорно плодомъ глубокихъ и зрѣлыхъ размышленій, отнюдь не легкомыслія и не лицемѣрія, какъ думалъ Герценъ. Александръ Николаевичъ въ эту трудную для себя минуту трезво взвѣсилъ всѣ окружавшія его обстоятельства и свои собственныя силы, несомнѣнно уже ослабѣвшія послѣ четырехлѣтняго непрерывнаго напряженія. Онъ понялъ, что если назначить вмѣсто Ростовцева Милютина или даже Ланского, какъ тотъ самъ предлагалъ, то это вызоветъ такую травлю, такую массу открытыхъ нападеній и подпольныхъ интригъ въ близкой ему придворной средѣ, которыхъ превозмочь онъ, Александръ, будетъ не въ состояніи, особенно опираясь лишь на слабаго и нерѣшительнаго Ланского. То же самое и еще въ большей степени могло грозить при назначеніи на этотъ постъ Н. Н. Муравьева-Амурскаго, который къ тому же былъ горячъ и неостороженъ. Мих. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи Виленскій) пошелъ бы охотно и далъ бы всякія обѣщанія, но, несомнѣнно, обманулъ бы Александра при первой возможности. Чевкинъ могъ испортить все дѣло своимъ необыкновеннымъ упрямствомъ. Другихъ кандидатовъ не было...

Между тѣмъ Панинъ и самъ говорилъ про себя, что считаетъ своимъ священнымъ долгомъ поступать, *вопреки* своимъ убѣжденіямъ, разъ ему извѣстно, что они расходятся съ опредѣленной волей монарха. Назначая Панина, Александръ поставилъ ему условіемъ ничего не измѣнять въ томъ направленіи дѣла, какое было дано Ростовцевымъ. «Я увѣренъ,—прибавилъ онъ,—что вы меня не обманете!» Намъ кажется, что Александръ въ этомъ случаѣ не ошибся въ своихъ расчетахъ, и, хотя, разумѣется, гр. Панинъ пользы дѣлу не принесъ и даже дѣлалъ довольно серьезныя попытки его испортить, но это ему не удалось, и въ рѣшительный моментъ онъ долженъ былъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, даже защищать работы редакціонныхъ комиссій, такъ что крѣпостники въ концѣ концовъ не только перестали радоваться его назначенію, но признали его очень скоро отступникомъ.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письмо С. В. Ковалевской къ П. Л. Лаврову.

Штокгольмъ.
Kommändörskagatan.
Hos Fru Vidmark.

Многоуважаемый Петръ Лавровичъ!

Вы вѣрно въ большой претензіи на меня за то, что я не отвѣтила на Ваше милое письмо; но я получила его незадолго до моего отъѣзда изъ Берлина и была въ это время такъ по уши погружена въ математику, что никакъ не собралась отвѣтить. Ну, а потомъ изъ Россіи ужъ неудобно было отвѣчать. Пожалуйста, не сердитесь на меня и простите великодушно.

Ну, вотъ я, наконецъ, и въ Штокгольмѣ. Послѣ новаго года начну читать лекціи въ университетѣ о „дифференціальныхъ уравненіяхъ“; на нихъ записалось уже довольно много слушателей. Вообще и профессора и публика (по крайней мѣрѣ, та часть ея, съ которою мнѣ приходится встрѣчаться), относятся ко мнѣ не только дружелюбно, но даже иногда и восторженно. Для смѣха переведу Вамъ, что написала обо мнѣ одна очень распространенная здѣсь демократическая газета на другой день послѣ моего пріѣзда сюда. „Сегодня намъ предстоитъ сообщить нашимъ читателямъ не о пріѣздѣ какого-нибудь пошлаго принца крови или т. н. высокаго лица; нѣтъ, дѣло идетъ о совершенно другомъ и несравненно важнѣйшемъ: принцесса науки, г-жа Ковалевская, прибыла въ нашъ городъ и будетъ читать лекціи въ нашемъ университетѣ и т. д.“.

Всѣ шведы, съ которыми мнѣ приходится встрѣчаться здѣсь, народъ довольно либеральный. Вопросъ о равноправности женщинъ ужасно живо интересуетъ шведское общество въ данную минуту. Соціальный вопросъ тоже стоитъ на очереди. До сихъ поръ мнѣ не удалось еще узнать какое дѣйствительное положеніе соціализма въ Швеціи; по крайней мѣрѣ, въ обществѣ къ соціализму въ теоріи относятся съ большимъ сочувственнымъ интересомъ. Даже люди, занимающіе здѣсь очень высокое положеніе въ

обществѣ, дерзаютъ открыто признаваться въ сочувствіи къ соціализму. Говорятъ, что и самъ король не относится къ нему съ ужасомъ. Впрочемъ, я не берусь еще сказать утвердительно, насколько этотъ интересъ и сочувствіе искренни и насколько тутъ играютъ роль въ разговорахъ со мною желаніе сказать что-нибудь подходящее къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя мои собесѣдники предполагаютъ во мнѣ.

Норденшильдъ—извѣстный путешественникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые всего живѣе относятся къ этому вопросу, въ особенности желалъ бы знать положеніе соціализма и нигилизма въ Россіи. Я была бы Вамъ очень благодарна, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, если бы вы нашли возможнымъ указать мнѣ на тѣ изданія русской револю̀іонной партіи, которыя появились за это послѣднее время, и по которымъ иностранецъ могъ бы составить себѣ понятіе о цѣляхъ и положеніи русской революціонной партіи въ настоящее время. Я думаю, что это очень полезно распространять здѣсь всѣми способами сочувстіе къ нигилизму, тѣмъ болѣе, что Швеція такая естественная и удобная станція для всѣхъ желающихъ покинуть матушку Россію нѣсколько внезапно.

О томъ, что дѣлается у насъ на родинѣ, могу Вамъ сообщить мало интереснаго; я была тамъ короткое время и совершенно была поглощена устройствомъ личныхъ дѣлъ и приготовленіемъ къ моему отъѣзду. Общее впечатлѣніе родины на меня было далеко не отрадное—апатія, общее недовѣріе и у всѣхъ одно откровенное желаніе, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Я не могла даже разузнать въ Россіи, точно ли Чернышевскаго вернули, и въ какомъ онъ находится положеніи. Никому и въ голову не приходитъ серьезно интересоваться этимъ. „Вернули—ну, пусть вернули; здоровъ онъ или съ ума сошелъ, это не наше дѣло!“. Да, впрочемъ, пожалуй, если бы общество отнеслось иначе, то его бы бѣднягу и еще подальше услали.

Прощайте, многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Пожалуйста, не полѣнитесь и сообщите о всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ въ Парижѣ. Какъ поживаетъ Никитина, гдѣ теперь Луцкій? Пожалуйста, сообщите его адресъ; я какъ-нибудь соберусь и напишу ему.

Преданная Вамъ

Софья Ковалевская.

ДЕКАБРИСТЫ—МАСОНЫ.

(*Продолженіе* [1]).

VI.

Изъ статистической таблицы, составленной мною на основаніи отчетовъ союза Астреи, видно, что въ 1817 г. въ этомъ союзѣ состояло 12 ложъ, въ которыхъ было 910 членовъ, въ томъ числѣ въ 6-ти ложахъ въ Петербургѣ 724 члена [2]). Въ слѣдующемъ 1818 г. въ союзѣ состояло уже 24 ложи, но въ одной изъ нихъ, митавской, не было собраній. Въ нихъ было всего 1300 членовъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ въ 9-ти ложахъ 882 члена. Затѣмъ, въ виду закрытія нѣкоторыхъ ложъ правительствомъ, общее число членовъ почти не увеличилось, а въ Петербургѣ даже сократилось, а именно въ 1820 г. числилось въ союзѣ Астреи 20 ложъ [3]) (кромѣ четырехъ ложъ, въ которыхъ работа была прекращена или самими масонами, или по требованію правительства). Въ этихъ 20-ти ложахъ было 1323 члена, въ томъ числѣ въ Петербургѣ въ восьми ложахъ 755 человѣкъ. Изъ приведеннаго выше указанія видно, что сокращеніе числа членовъ масонскихъ ложъ въ Петербургѣ объясняется выходомъ изъ нихъ многихъ членовъ послѣ закрытія правительствомъ масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ. Въ 1821 г. общее число числящихся въ ложахъ союза Астреи членовъ равнялось 1406, но нужно имѣть въ виду, что въ трехъ ложахъ, число членовъ которыхъ обозначено (въ Митавѣ, Ревелѣ и Ямбургѣ) давно не было засѣданій; число членовъ въ Петербургѣ (въ 8 ложахъ) нѣсколько увеличилось (797 чел., вмѣсто 755-ти). Въ 1822 г. числилось 20 ложъ союза Астреи, но изъ нихъ въ двухъ работъ не было. Въ 20 ложахъ числилось почти столько же членовъ, какъ и въ предыдущемъ году,—1403, въ однихъ же петербургскихъ—806. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что до 1818 г. включительно замѣтно увеличеніе

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Февраль.

[2]) Почетные члены вездѣ въ счетъ не включены.

[3]) Въ томъ числѣ въ ревельской Трехъ Сѣкиръ и митавской работъ не было.

числа ложъ союза Астреи, а съ этого времени оно уменьшилось. Общее число членовъ съ 1817 г. значительно увеличилось (на 55%), а въ Петербургѣ—въ гораздо меньшей степени (всего на 10%).

Изъ 25-ти ложъ, значащихся въ спискѣ Астреи, 8 ложъ работало на нѣмецкомъ языкѣ, 5—на русскомъ, 4—на французскомъ и одна—на польскомъ. Нѣкоторыя ложи работали на двухъ языкахъ: три ложи на русскомъ и французскомъ, одна—на польскомъ и французскомъ, одна на польскомъ и нѣмецкомъ, наконецъ, двѣ ложи—на трехъ языкахъ: одна—на русскомъ, польскомъ и французскомъ и одна—на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Въ союзѣ Великой Провинціальной ложи, если взять все время ея существованія, числилось 10 ложъ, но изъ нихъ три перешли въ союзъ Астреи. Въ 1816 г. въ пяти ложахъ этого союза числилось 397 членовъ, а 1822 г. въ семи ложахъ—230 членовъ. Изъ нихъ три работали на русскомъ языкѣ, двѣ на нѣмецкомъ, одна на французскомъ и одна на двухъ языкахъ—на русскомъ и французскомъ. Такимъ образомъ союзъ Великой Провинціальной ложи былъ гораздо малочисленнѣе союза Астреи [1]).

Въ 1822 г. въ 27 ложахъ обоихъ союзовъ—Астреи и Провинціальной ложи (кромѣ шотландскихъ и тайныхъ ложъ, въ томъ числѣ ложи Лабзина Умирающаго Сфинкса) числилось всего 1633 члена (кромѣ почетныхъ).

Изъ всѣхъ 32-хъ ложъ, числившихся въ спискахъ союзовъ Астреи и Великой Провинціальной ложи, 10 работало на нѣмецкомъ языкѣ, 8—на русскомъ, 5—на французскомъ, одна—на польскомъ; на двухъ языкахъ: 4—на русскомъ и французскомъ, 1—на польскомъ и французскомъ, 1—на польскомъ и нѣмецкомъ; наконецъ, на трехъ языкахъ: 1—на русскомъ, польскомъ и французскомъ и 1—на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ.

Въ Союзѣ Провинціальной ложи было еще нѣсколько, такъ назыв., шотландскихъ ложъ Святого Андрея для масоновъ, имѣвшихъ высшія степени. Это были: ложи Александра—Златого Льва, Сфинкса и Святого Георгія. Въ 1818 г. начиналось дѣло объ основаніи новой шотландской ложи въ Одессѣ, которая должна была носить названіе Трехъ Царствъ Природы. Для управленія шотландскими ложами существовало особое собраніе „Шотландская директорія"; другимъ высшимъ учрежденіемъ былъ Капитулъ Феникса [2]).

---

[1]) Ложа Сѣверной Звѣзды, открытая Провинціальною ложею въ Вологдѣ въ февралѣ 1817 г., совсѣмъ не работала и въ 1820 г. была закрыта. Матеріалы о ней напечатаны Т. О. Соколовскою въ „Рус. Арх." 1906 г. т. II, стр. 114—125.

[2]) „Вѣст. Евр." 1872 г. № 2, стр. 596, № 7, стр. 253; „Рус. Арх." 1905 г. № 12, стр. 531.

Существовала еще ложа Умирающаго Сфинкса въ Петербургѣ подъ управленіемъ извѣстнаго масона и мистика Лабзина, независимо отъ другихъ ложъ и также отъ Астреи и Провинціальной ложи. Она была основана до 1808 года [1]). Сенаторъ Кушелевъ въ донесеніи своемъ 22 іюня 1822 г. императору Александру I говоритъ о ложѣ Лабзина:

„За нѣсколько передъ симъ лѣтъ сказано было мнѣ, что въ Петербургѣ есть одна скрытно работающая масонская, а нѣкоторыми называемая мартинистская ложа, не открывающая себя другимъ ложамъ и потому не вошедшая въ общій союзъ ихъ, и что управляетъ ею д. с. с. Лабзинъ. Я, единственно по вѣроподданнической приверженности своей къ высочайшей вашей особѣ желая видѣть ту ложу, чтобы узнать то, что въ ней происходитъ, нарочно познакомился съ Лабзинымъ, но при всемъ моемъ о томъ стараніи весьма долго скрывалъ онъ отъ меня, что имѣетъ ложу; наконецъ, однако, открылся въ томъ и пригласилъ меня въ оную. Ложа сія, называемая Умирающаго Сфинкса, была на Васильевскомъ Островѣ въ разные наемные домики перемѣщаема, собиралась въ мѣсяцъ разъ, иногда чаще, а иногда рѣже... Предполагая, не имѣется ли у нихъ чего, скрываемаго отъ меня въ тайнѣ, какъ отъ посѣтителя, не принадлежащаго имъ члена, и желая во все проникнуть, равно какъ и въ причины, для чего они не вошли и не вступаютъ въ общій союзъ извѣстныхъ масонскихъ ложъ, изъявилъ я имъ желаніе мое вступить къ нимъ въ ложу дѣйствительнымъ членомъ и съ удовольствіемъ всѣхъ принятъ былъ въ оную, а черезъ нѣкоторое время сами они избрали меня намѣстнымъ мастеромъ, и былъ онымъ я до вступленія моего въ Великую ложу Астрею, а по вступленіи моемъ въ оную оставилъ я управляемую Лабзинымъ ложу и просилъ изъ членовъ ея меня выключить... Во все время бытности моей въ той ложѣ и намѣстнымъ мастеромъ я... никакихъ другихъ, кромѣ масонскихъ, правилъ не видалъ и ничего необыкновеннаго или вреднаго не замѣтилъ. Число членовъ, составляющихъ ее,—малое изъ небольшихъ гражданскихъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ купцовъ. Были въ ней нѣкоторыя и духовныя особы. Учредитель и мастеръ ея Лабзинъ. Онъ Библію почти всю знаетъ на память, но кажется слишкомъ самолюбивъ и свойства неосновательнаго. Причиной же тому, что ложа его скрытно работаетъ, не входя въ союзъ извѣстныхъ ложъ, есть единственное самолюбіе мастера ея Лабзина, которое не допускаетъ его согласиться быть по ложѣ его подвластнымъ и зависимымъ отъ которой-либо главной ложи; но ежели бы онъ избранъ былъ въ управляющіе тѣмъ союзомъ, тогда безъ сомнѣнія присоединилъ бы въ оный и онъ управляемую имъ ложу“ [2]).

Сохранились протоколы ложи Умирающаго Сфинкса (хотя и не всѣ) за

---

[1]) Пыпинъ. Хронол. Указ. № 105.

[2]) Гос. Арх. I В. № 12, л. 52, 53. Срав. характеристику Лабзина въ запискахъ акад. А. Л. Витберга. „Рус. Стар.“ 1872 г. т. V, 549—551.

1815—1822 г.[1]). Въ торжественномъ собраніи этой ложи ученической степени 11 декабря 1821 г., кромѣ великаго мастера ложи А. Ѳ. Лабзина, вице-президента академіи художествъ, присутствовало 14 членовъ; изъ нихъ было 12 чиновниковъ, 1 художникъ и 1 купецъ. Членомъ ея былъ, между прочимъ, священникъ Сперанскій. Масонъ Поздѣевъ, вопреки утвержденію Н. Ѳ. Дубровина [2]), членомъ ея не былъ, какъ это прямо сказано въ протоколѣ собранія ложи въ мастерской степени 12 іюня 1820 г. въ память смерти Поздѣева. Членами ложи были, между прочимъ, начальникъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ Абрамъ Вас. Романовскій, описанный С. Т. Аксаковымъ подъ именемъ Рубановскаго, [3]) и Александръ Петровичъ Мартыновъ, также чиновникъ, 2-й надзиратель ложи, выведенный Аксаковымъ подъ его настоящимъ именемъ. Кн. П. Г. Гагаринъ, управлявшій въ 1820—21 ложею Россійскаго Орла, не былъ членомъ ложи Умирающаго Сфинкса, а только посѣщалъ иногда ея собранія. Въ протоколахъ ея не встрѣчаются имена графа Л. К. Разумовскаго [4]), Звѣрева, Граббе, пастора 2-го кадетскаго корпуса Эвенгофа и законоучителя морского кадетскаго корпуса Іова, а также отца-декабриста Бѣляева, которые названы въ статьѣ Н. Ѳ. Дубровина (Бѣляевъ — на основаніи записокъ его сына) членами ложи Лабзина; но нужно обратить вниманіе на слѣдующія слова Магницкаго, когда онъ говоритъ о масонскихъ связяхъ Лабзина: „нѣкоторые изъ важныхъ лицъ духовныхъ здѣсь не именуются потому, что были въ связи съ Лабзинымъ не формально, ибо онъ освобождалъ ихъ отъ пріемовъ и посѣщенія обрядовыхъ собраній“ [5]).

Извѣстный изувѣръ, юрьевскій архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи утверждаетъ, что витіею (ораторомъ) въ ложѣ Лабзина одно время состоялъ законоучитель второго кадетскаго корпуса Ѳеофилъ, а когда онъ уѣхалъ въ Одессу на мѣсто законоучителя лицея, то 7 (а по другому свидѣтельству — 14) мая 1818 г. въ ложу Умирающаго Сфинкса былъ

---

[1]) Рукописн. Отд. Публ. Библ. F III, №№ 64—69; ср. „Отчетъ Публ. Библ.“ за 1869 г., стр. 13-26, 28—51. Изъ протоколовъ ложи видно, что въ теченіе года, съ 24 іюня 1814 г. по 27 іюня 1815 г., было 28 собраній ложи, въ томъ числѣ въ ученической степени 21, въ товарищеской 1, въ мастерской 5 и одна совѣтная по экономическимъ дѣламъ; въ другой годъ, съ 12 іюня 1818 г. по 24 іюня 1819 г., было собраній ученическихъ 14, товарищескихъ — 4, мастерскихъ - 5, совѣтныхъ—3, а всего 26.

[2]) См. ст. его: „Наши мистики-сектанты. А. Ѳ. Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“, „Рус. Стар.“ 1894 г. № 12, стр. 99.

[3]) Въ очеркѣ „Встрѣча съ мартинистами“, „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“, т. III, Москва 1895 г.

[4]) О масонскихъ связяхъ Разумовскаго см. *А. Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ“ II 145, 162. Разумовскій посѣщалъ ложу Елизаветы къ Добродѣтели. *Соколовская*. „Русское масонство“, 80.

[5]) „Русская Старина“ 1899 г № 2, стр. 300.

введенъ законоучитель морского корпуса іеромонахъ Іовъ [1]), который черезъ нѣсколько дней послѣ того сошелъ съ ума. Фотій, не только лично знавшій Іова, но и исповѣдовавшійся у него послѣ отъѣзда Ѳеофила, сообщаетъ, что Іовъ въ припадкѣ сумасшествія разрѣзалъ ножемъ написанный на холстѣ во весь ростъ образъ Божьей Матери въ церкви морского корпуса и испустилъ въ алтарѣ урину [2]). Іовъ пытался выброситься на улицу изъ окна 4-го этажа, но былъ удержанъ и отвезенъ подъ строжайшій присмотръ въ Александро-Невскую лавру [3]). Фотій приписываетъ сумасшествіе Іова вступленію его въ масонскую ложу и вліянію Лабзина, въ чемъ будто бы каялся и Іовъ.

О принадлежности къ масонству іеромонаха Іова свидѣтельствуетъ и воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ декабристъ Завалишинъ, который утверждаетъ, что по тайному вліянію масоновъ старались въ то время назначить преподавателями закона Божія въ учебныя заведенія людей причастныхъ къ масонству. По его словамъ, іеромонахъ Іовъ, „очень умный человѣкъ", находился „прежде при нашемъ посольствѣ, кажется, въ Испаніи". Если это вѣрно, то въ міросозерцаніи Іова могло сказаться и вліяніе заграничнаго масонства. Завалишинъ сообщаетъ, что найдена была исповѣдь Іова, „обличавшая страшныя душевныя муки человѣка, колеблющагося между вѣрою и сомнѣніемъ, и содержавшая признаніе въ участіи въ масонствѣ". По словамъ Завалишина, синодъ потребовалъ у воспитанниковъ морского корпуса тетради, въ которыхъ они записывали лекціи Іова, но никто ихъ не отдалъ, отвѣтивъ, что такихъ тетрадей нѣтъ. На экзаменѣ по богословію не обнаружилось никакихъ неисправностей съ православной точки зрѣнія въ религіозномъ міросозерцаніи воспитанниковъ, хотя синодальные члены замѣтили, что отвѣты давались „съ необычнымъ для дѣтей разумѣніемъ". Лекціи Іова заронили во многихъ сѣмена мистицизма [4]).

---

[1]) „Рус. Старина" 1894 г. № 7, стр. 213, 220—221.

[2]) Кн. С. А. Ширинскій-Шахматовъ въ письмѣ о томъ же событіи прибавляетъ: „и на прочихъ иконахъ положилъ знаменіе своего хуленія". *В. Жмакинъ*. „Иннокентій, еп. Пензенскій и Саратовскій". Спб. 1875 г., стр. 156.

[3]) Въ карманѣ у него нашли масонскіе знаки, а въ бумагахъ подробное описаніе принятія его въ ложу и переписку съ Лабзинымъ. *Жмакинъ*, 156.

[4]) „Записки декабриста Завалишина" т. I, Мюнх. 1904 г., стр. 55 — 57. О сильномъ вліяніи Іова на кадетъ-моряковъ и о томъ, что онъ изрѣзалъ иконы, см. также въ запискахъ декабриста Бѣляева. „Рус. Стар." 188? г. № 9, стр. 39 — 41. Іовъ сошелъ съ ума 18 мая 1818 г. *Н. Дубровинъ*: „Наши мистики-сектанты. А. Ѳ. Лабзинъ и его журналъ Сіонскій Вѣстникъ". „Рус. Старина" 1894 г. № 12, стр. 99. *В. Жмакинъ*. „Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій". Спб. 1885 г., стр. 156. Значительно позднѣе Іову дано было мѣсто учителя въ новгородскомъ архіерейскомъ училищѣ, но такъ какъ онъ высказывалъ взгляды, несогласные съ православіемъ, то былъ уволенъ, а затѣмъ въ Архангельскѣ, по собственному его желанію, съ него былъ снятъ санъ священническій

Связи Іова съ Лабзинымъ были установлены и, вѣроятно, вызвали нѣкоторыя непріятности для послѣдняго. Это можно заключить изъ письма Лабзина къ попечителю харьковскаго учебнаго округа Карнѣеву (тоже масону) отъ 20 января 1821 г., которое представляетъ любопытное свидѣтельство и о вліяніи Лабзина въ совершенно иной области—среди нижнихъ чиновъ: „Ко мнѣ начали уже приходить и фельдфебели, — писалъ Лабзинъ.—*Мнѣ была уже нагонка за монаховъ:* для чего я къ себѣ принимаю прибѣгающихъ ко мнѣ монаховъ? Какъ бы не дождаться другой за фельдфебелей; скажутъ: я военную дисциплину перепортилъ, ибо внутренній христіанинъ плохой будетъ фельдфебель“ [1]).

Когда сенатору Кушелеву, намѣстному мастеру ложи Лабзина, было предложено принять званіе великаго намѣстнаго мастера союза Астреи, сдѣлавшееся вакантнымъ по смерти Бёбера, то Кушелевъ заявилъ объ этомъ въ собраніи ложи Умирающаго Сфинкса 13 августа 1820 г., сообщилъ свой отвѣтъ, что могъ бы принять это предложеніе лишь съ тѣмъ, чтобы „стараться соединить всѣ ложи въ одну истинную“, и просилъ совѣта братьевъ ложи Лабзина и его самого. Прочтено было и письмо секретаря Астреи, Ег. Рейнеке, по этому предмету. Члены ложи Умирающаго Сфинкса поздравили Кушелева съ избраніемъ въ новое званіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просили остаться у нихъ намѣстнымъ мастеромъ. Но когда въ собраніи ложи 24 іюня 1821 г. было прочитано письмо Кушелева, въ которомъ онъ заявлялъ, что занятія по службѣ не позволяютъ ему продолжать работы въ ложѣ Умирающаго Сфинкса, которую поэтому онъ и „закрываетъ“, т. е. выходитъ изъ ложи, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ позволенія бывать въ ней иногда посѣтителемъ, то Лабзинъ заявилъ, что онъ освобождаетъ его отъ должности перваго намѣстнаго мастера, „но вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ его навсегда изъ членовъ ложи и не можетъ дозволить ему бывать даже и посѣтителемъ“. Члены ложи, какъ видно изъ разсказа Аксакова, съ большимъ почтеніемъ и даже страхомъ относились къ Лабзину и, судя по протоколу, не потребовали у него объясненія причинъ неисполненія просьбы Кушелева [2]).

и монашескій. Автобіографія Фотія. „Рус. Стар.“ 1894 г. № 7, стр. 223 — 224. По словамъ Фотія, членомъ ложи Лабзина былъ и „священникъ второго кадетскаго корпуса Евенховъ“ (вѣроятно, пасторъ Эвенгофъ). Ibid. № 9, стр. 217.

[1]) „А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка“. „Рус. Архивъ“ 189? г. № 12, стр. 365. Магницкій утверждаетъ, что существовала еще ложа въ Казани „подъ предсѣдательствомъ стараго масона Романовскаго, друга Лабзина и Попова“. „Рус. Стар.“ 1899 г. № 2, стр. 299—300.

[2]) Ранѣе въ засѣданіи 18 апрѣля 1820 г. былъ исключенъ изъ числа членовъ ложи извѣстный обскурантъ Дмитрій Руничъ, котораго многіе поступки показали „болѣе отвращеніе, нежели любовь къ братству“. Исключено было и еще нѣсколько человѣкъ, но на этотъ разъ относительно всѣхъ была указана причина исключенія.

Въ первой статьѣ было упомянуто о кратковременномъ закрытіи полиціею ложи Лабзина. Изъ протокола ея собранія 11 декабря 1821 г. видно, что причиною этой мѣры было слѣдующее обстоятельство. Крѣпостной слуга брата ученика Ив. Алексѣев. Эверса, жившаго въ квартирѣ ложи, замѣтивъ, что въ комнатахъ, занимаемыхъ его господиномъ и другимъ братомъ-ученикомъ, Петерсономъ, собираются по нѣсколько человѣкъ и проводятъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ при затворенныхъ дверяхъ, захотѣлъ узнать, чѣмъ занимается это общество. Онъ подобралъ ключъ къ дверямъ, отперъ помѣщеніе ложи и, отворивъ одинъ изъ ящиковъ, увидѣлъ человѣческіе скелеты. Тогда онъ рѣшилъ, что общество, собирающееся у его господина, убиваетъ людей и донесъ объ этомъ военному генералъ-губернатору Милорадовичу, а тотъ предписалъ полиціи изслѣдовать дѣло. 5-го декабря она осмотрѣла помѣщеніе ложи, взяла ея книгу протоколовъ и „Общія учрежденія свободныхъ каменщиковъ“, видѣла искусно сдѣланные изъ дерева человѣческіе скелеты и запечатала дверь и одинъ изъ шкаповъ съ вещами. На другой день взятые документы были возвращены Лабзину, и наложенныя печати сняты. Какъ мы уже знаемъ, имп. Александръ I былъ недоволенъ дѣйствіями полиціи. Члены ложи въ собраніи 11 декабря рѣшили ежегодно праздновать день 6 декабря, въ который они „получили успокоеніе“, и 12 декабря, день рожденія государя, „дозволившаго“ имъ „безпрепятственно производить мирныя свободно-каменщицкія работы“. Намѣстный мастеръ, купецъ Маркеловъ, предложилъ просить Эверса, чтобы онъ простилъ своего человѣка, донесшаго на ихъ ложу, а также ходатайствовалъ бы о прощеніи его и предъ правительствомъ. Предложеніе было принято, и Эверсъ изъявилъ готовность исполнить его.

Въ 1823 г., на основаніи данныхъ офицерами 1-й арміи подписокъ о непринадлежности впредь къ масонскимъ ложамъ, составленъ былъ списокъ о 226 офицерахъ масонахъ первой арміи съ указаніемъ, къ какой ложѣ они принадлежали. Въ этомъ спискѣ упоминается одна русская ложа, которой нѣтъ въ спискахъ ложъ союзовъ Астреи и Провинціальной ложи, а именно ложа Нептуна Голенищева-Кутузова. [1]) Многіе офицеры были членами ложъ въ Варшавѣ и западномъ краѣ—Вильнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ и въ мѣстечкѣ Бущевцахъ, Подольской губерніи; многіе были членами и иностранныхъ ложъ, болѣе всего въ Германіи—въ городахъ: Гамбургѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Гёттингенѣ, Нюренбергѣ, Кёльнѣ; во Франціи—въ Парижѣ, Реймсѣ, Шалонѣ, Валансьенѣ; въ Швейцаріи—въ Базелѣ и Бернѣ и, наконецъ, въ Эдинбургѣ въ Шотландіи. [2])

---

[1]) Ср. *Соколовская*. „Русское масонство“, 127; „Рус. Стар.“ 1907 г. № 8, стр. 428; „Рус. Арх“. 1901 г. № 6, стр. 303.

[2]) Архивъ Канц. воен. министерства св. 25 по описи №16; въ этомъ дѣлѣ

Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ наши офицеры вступали въ иностранныя ложи во время заграничныхъ походовъ русской арміи.

Есть особый списокъ о 54 масонахъ, служившихъ во второй арміи. Кромѣ русскихъ ложъ, были принадлежавшіе къ двумъ ложамъ Пруссіи, затѣмъ въ Льëжѣ (въ Голландіи), въ Парижѣ, Тулѣ, Нанси, Реймсѣ, Авенѣ и Викѣ во Франціи. Кромѣ того, д-ръ Шлегель принадлежалъ къ тайному ученому обществу Единство въ городахъ Іенѣ, Лейпцигѣ и другихъ.

Въ 1826 г. на основаніи подписокъ бывшихъ масоновъ былъ составленъ болѣе полный списокъ военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ до закрытія ихъ и вслѣдствіе повелѣнія Александра I въ 1822 г. Всего въ этомъ спискѣ значится 517 человѣкъ. [1]) Первымъ стоитъ имя цесаревича Константина Павловича, который названія своей ложи не обозначилъ. Генераловъ въ спискѣ находится 61 человѣкъ, въ томъ числѣ гр. Ланжеронъ, генералъ-адъютанты: Шуваловъ, Бороздинъ, А. Х. Бенкендорфъ, кн. Меншиковъ, главный попечитель и предсѣдатель комитета о колонистахъ южной Россіи Инзовъ, ген.-ад. Сипягинъ, начальникъ московскаго училища для колоновожатыхъ Н. Муравьевъ, декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ, свиты Е. В. Брозинъ 2 и другіе. Портупей-прапорщиковъ, юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ перечислено всего 9 человѣкъ.

Списокъ этотъ даетъ возможность пополнить перечень городовъ, гдѣ находились иностранныя ложи, членами которыхъ были наши офицеры. Это были: Казале въ Пьемонтѣ, Аннеси въ Савойѣ, во Франціи—Орлеанъ, Седанъ, Люръ, Кëльнъ, Страсбургъ, въ Германіи—Ганноверъ, Веймаръ, Маннгеймъ, Оффенбахъ, Тильзитъ, Потсдамъ, Берлинъ, Познань и Торнъ, вольный городъ Краковъ, въ Голландіи—Лейденъ, въ Даніи—Копенгагенъ, въ Англіи—Лондонъ. Въ Царствѣ Польскомъ—Люблинъ и крѣпость Замостье; въ Зап. Россіи—Слуцкъ, Несвижъ и Полоцкъ.

Командиръ конноартиллерійской роты кап. Левшинъ заявилъ въ своей роспискѣ, что онъ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Французовъ и Поляковъ въ Познани и принадлежалъ *къ тайному обществу иллюминатовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.* [2])

есть еще указаніе на принадлежность къ масонству нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ, но безъ указанія ложъ, къ которымъ они принадлежали.

[1]) Сравнивъ общую численность членовъ масонскихъ ложъ съ числомъ офицеровъ-масоновъ, мы видимъ, что огромное большинство масоновъ не принадлежало къ военному званію.

[2]) Списокъ этотъ, хранящійся въ Военно-ученомъ Архивѣ (Отд., 1 № 608-а, л. 179—238), напечатанъ *Т. О. Соколовскою* въ „Русской Старинѣ“ 1907 г. №№ 6—9; въ подлинникѣ къ нему есть особый алфавитный указатель.

Н. И. Тургеневъ вмѣстѣ съ его товарищемъ по гёттингенскому университету А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и полковникомъ Брозинымъ (двое послѣднихъ не были декабристами) въ 1814 г. посѣщали въ Парижѣ масонскія ложи и „получали также вмѣстѣ высшія степени“. Такъ какъ Михайловскій-Данилевскій въ своемъ разсказѣ объ этомъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о масонскихъ отношеніяхъ, завязанныхъ русскими во Франціи, то я считаю нужнымъ привести его въ извлеченіи.

„Дружескій пріемъ, сдѣланный русскимъ офицерамъ въ Парижѣ и удивленіе, съ какимъ смотрѣли на насъ парижане, облегчили мнѣ чрезвычайно ходъ въ масонскія ложи и знакомство съ членами. Первая ложа, гдѣ я былъ, именуется St. Jean de Iérusalem. Тамъ, какъ впослѣдствіи и во всѣхъ ложахъ, встрѣтили меня съ привѣтствіями и посадили на... почетное мѣсто. Увидя, что я былъ только ученикомъ, предложили въ тотъ же вечеръ возвести меня на степень товарища и мастера безъ всякихъ испытаній... и на другой же день, 14 апрѣля, прислали мнѣ дипломъ на званіе мастера. 18 числа того же мѣсяца меня сопричислили къ ложѣ Des frères unis. Вслѣдъ за симъ я былъ почти въ 20 ложахъ; вездѣ меня принимали самымъ отличнымъ образомъ...

„Одно изъ любопытныхъ засѣданій происходило въ „Великомъ французскомъ Востокѣ“...

„Насъ пригласили въ засѣданіе, имѣвшее цѣлью рѣшеніе вопроса, смѣнить ли Іосифа Бонапарта, великаго магистра французскихъ ложъ, или возвести въ сіе званіе кого-либо изъ дома Бурбоновъ. Разумѣется, вопросъ былъ предложенъ изъ одного только обряда и былъ рѣшенъ со времени паденія Наполеона. Предсѣдатель ложи открылъ засѣданіе приличною случаю рѣчью, и потомъ начали собирать голоса. Всѣ единодушно были въ пользу Бурбоновъ, какъ вдругъ..., вставъ съ своего мѣста, я сказалъ:

— Мнѣ кажется, что Іосифъ Бонапартъ, лишенный теперь царскаго сана и подпоры бывшаго недавно всемогущаго брата его, не только съ сими несчастіями не потерялъ право на уваженіе масоновъ, но еще болѣе долженъ привязать къ себѣ благородныя сердца братьевъ. Неужели въ то время, когда великій магистръ масонства французскаго постигнутъ бѣдствіями, долженъ еще, къ довершенію своего благополучія видѣть себя оставленнымъ тѣмъ орденомъ, который смотритъ не на мірскія почести, а единственно на добродѣтель. Масону должно быть все равно, находится ли Іосифъ въ изгнаніи или на престолахъ Неаполя, Испаніи и Америки.

„Рѣчь моя произвела самое живое впечатлѣніе на слушателей. Французы, еще за нѣсколько минутъ подавшіе голоса противъ Іосифа, единодушно начали мнѣ апплодировать. Казалось удивительнымъ, что русскій офицеръ, въ русскомъ мундирѣ въ то время, когда пала династія Наполеона, сокрушенная русскими штыками, защищалъ права брата Наполеона.

„Въ скоромъ времени сдѣлали мнѣ предложеніе вникнуть далѣе въ масонство. Я согласился.

Пестель въ своемъ первомъ показаніи въ Тульчинѣ говоритъ: Въ началѣ 1812 г. вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ Amis Réunis. Въ 1816 г. перешелъ я въ ложу Трехъ Добродѣтелей [1]), потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой—французскій. Въ концѣ сего же 1816 г. или первыхъ числахъ 1817 г. оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ оными никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшемся" [2]).

Въ концѣ 1816 г. было положено основаніе Союзу Спасенія, который окончательно организовался въ январѣ или февралѣ слѣдующаго года. Шестью учредителями его были: Александръ Ник. и Никита Мих. Муравьевы, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкинъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились П. И. Пестель, кн. П. П. Лопухинъ, кн. Ѳ. П. Шаховской, Ник. Мих. Новиковъ, Ѳ. Н. Глинка [3]), кн. Илья А. Долгорукій, М. А. Фонъ-Визинъ и нѣкоторые другіе [4]). По показанію Лунина, онъ присоединился къ Союзу Спасенія въ Москвѣ въ маѣ 1817 г., по возвращеніи изъ-за границы. Точное установленіе всего личнаго состава Союза Спасенія затруднительно, вслѣдствіе того, что многіе декабристы во время слѣдствія старались умышленно не отличать въ своихъ показаніяхъ Союза Спасенія отъ Союза Благоденствія [5]).

---

[1]) Вѣроятно, въ концѣ 1816 г., такъ какъ въ спискѣ членовъ этой ложи, составленномъ 15 октября 1816 г., имени Пестеля нѣтъ. Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 608-а, л 165.

[2]) *Н. П. Павловъ Сильванскій.* „Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", стр 125. Въ Государственномъ Архивѣ хранятся три масонскихъ рукописи, найденныя въ бумагахъ Пестеля: Loix, Prérogatives et Privilèges des Maitres Ecossais, La Maitrise Ecossaise и Quatrième grade. Часть первой изъ нихъ напечатана въ переводѣ Т. О. Соколовскою въ журналѣ „Море" 1907 г. №№ 25 и 26. Въ архивѣ хранятся также дипломы Пестеля на французскомъ языкѣ изъ ложи Amis Réunis (1 марта 1812 г.) и другой на латинскомъ языкѣ, данный ложею Сфинкса (12 февраля 1817 г.) и масонскіе знаки. По поводу сохраненія имъ этихъ послѣднихъ Пестель показалъ: „Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣны, ни важности". Н. И. Новосильцевъ въ донесеніи вел. Константину Павловичу въ 1828 г. совѣтовалъ повсемѣстно въ Россіи отобрать „масонскіе вещи, знаки и снаряды". Архивъ Главн. воен.-судн. Управ., дѣло 2 отд. ауд. департ. о майорѣ Королевскомъ, св. I, л. 25—26.

[3]) Глинка былъ введенъ въ Союзъ Спасенія Новиковымъ, который познакомился съ нимъ въ 1816 г. въ ложѣ Избраннаго Михаила.

[4]) Записки И. Д. Якушкина, Москва. 1805 г. стр 6—7, 9; ср. „Записки кн. С. П. Трубецкого". Спб. 1907 г. стр. 12; Г. А. I В. № 82, л. 14 Трубецкой называетъ членомъ Союза Спасенія и Илью Бибикова, но, если вѣрить показанію послѣдняго, онъ былъ лишь членомъ Союза Благоденствія.

[5]) Такъ И. Шиповъ говоритъ, что онъ былъ принятъ Пестелемъ въ Союзъ

Кромѣ Пестеля, еще 9 членовъ Союза Спасенія были членами ложи Трехъ Добродѣтелей, основанной 26 ноября 1815 г., приступившей къ работѣ 11 января 1816 г. и состоявшей въ союзѣ Великой Провинціальной ложи. П. И. Пестель былъ присоединенъ къ 3 степени 6 февраля 1817 года.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ былъ ревностнымъ масономъ еще до похода 1812 года, чѣмъ и вызывалъ насмѣшки и издѣвательства своего брата Николая [1]). Въ 1814 г. онъ былъ принятъ во Франціи въ Мелюнѣ въ систему Гередона (съ высшими степенями) въ 7-ю степень [2]); въ Россіи уже въ 1816 г. былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей, 17 апрѣля 1817 г. былъ избранъ въ ней во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 г. по августъ 1818 г. былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ. На слѣдствіи онъ заявилъ: „въ Москвѣ я ложи не держалъ".

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторую и третью степень 26 декабря 1816 г. и 11 января 1817 г., затѣмъ числился отсутствующимъ и 3 мая 1820 г. оставилъ ложу.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ принятъ 2 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во 2-ю (товарища) и 3-ю степень (мастера) 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. Съ 14 іюня того же года былъ обрядоначальникомъ этой ложи и 22 декабря 1818 г. „закрылъ работы", т. е. вышелъ изъ ложи.

Никита Михайловичъ Муравьевъ принятъ 30 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во 2-ю и 3-ю степени 27 февраля и 12 апрѣля 1817 г.; съ 14 іюня 1817 г. былъ риторомъ этой ложи и 22 октября 1817 г. закрылъ работы.

Кн. С. П. Трубецкой принятъ 25 января 1816 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень товарища 4 января 1817 г. и въ третью мастера 8 февраля того же года; былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 г. до 28 апрѣля 1819 г. и затѣмъ состоялъ въ ней почетнымъ членомъ. Во время слѣдствія по дѣлу

Благоденствія въ 1816 году, тогда какъ въ это время существовалъ лишь Союзъ Спасенія. Ѳ. Н. Глинка также умышленно смѣшиваетъ оба эти союза въ своихъ показаніяхъ.

[1]) См. разсказъ объ этомъ въ запискахъ Н. П. Муравьева. „Рус. Арх." 1885 г., т. III, 27.

[2]) См. объ этой системѣ *Findel*. Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. 1866. S. 475 - 479, 494 (есть русскій переводъ этой книги); *Clavel*, 65. На основаніи этого 17 марта 1817 г. капитулъ Феникса постановилъ утвердить его въ шестой степени, но съ условіемъ, что онъ будетъ предварительно избранъ послѣдовательно въ шотландской ложѣ Александра въ 4 и 5 степени.

декабристовъ Трубецкой почему-то утверждалъ, что онъ никогда не былъ масономъ.

Кн. Илья Андр. Долгорукій принятъ былъ въ 1814 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 г. до 17 апрѣля 1817 г. былъ въ Ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ; „закрылъ работы" 22 декабря 1818 г. [1]).

По свидѣтельству М. Муравьева-Апостола, членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей былъ въ 1817 г. и кн. Ѳ. П. Шаховской.

Кн. Пав. Петр. Лопухинъ, сынъ члена государственнаго совѣта Петра Васильевича, былъ сначала надзирателемъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, а затѣмъ управлялъ ею.

Однимъ изъ учредителей ея былъ кн. С. Г. Волконскій (см. ниже). По свидѣтельству Вигеля, членомъ ея былъ и Лунинъ [2]).

Такимъ образомъ въ 1817 г., годъ окончательной организаціи Союза Спасенія, 10 членовъ ея были въ то же время членами масонской ложи Трехъ Добродѣтелей. Новиковъ и Ѳ. Глинка были также масонами, а именно членами ложи избраннаго Михаила, названной такъ въ память избранія перваго Романова [3]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ 1820 г. числился отсутствующимъ членомъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

Александръ Ник. Муравьевъ первоначально желалъ воспользоваться масонскою ложею для прикрытія политическихъ цѣлей Союза Спасенія. По показанію Трубецкого, А. Н. Муравьевъ доказывалъ, что тайное „общество только и можетъ существовать посредствомъ ложи". Во время слѣдствія Муравьевъ заявилъ: „Хотя я и не былъ начальникомъ ложи Трехъ Добродѣтелей" (какъ показалъ Трубецкой), „а былъ онымъ кн. Лопухинъ, я же былъ вторымъ по немъ въ ложѣ сей, но сознаюсь, что имѣлъ... намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества, почему и старался привлечь въ нее членовъ... Сіе происходило въ Петербургѣ прежде выступленія гвардейскаго отряда въ Москву" [4]).

---

[1]) *Пыпинъ*. „Мат. для исторіи масон. ложъ". Вѣстн. Евр. 1872 г. № 2, стр. 601—602.

[2]) Вигель, очевидно, по ошибкѣ ложу Трехъ Добродѣтелей называетъ именемъ Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей. Вигель въ 1816 г. былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей.

[3]) Госуд. Арх. I, В. № 82. л. 14.

[4]) Гвардейскій отрядъ былъ отправленъ въ Москву (по случаю поѣздки туда государя) въ августѣ 1817 г. Ср. свидѣтельство о томъ же въ показаніи М. И. Муравьева-Апостола. „Александръ Муравьевъ *въ 1817 году* хотѣлъ, чтобы общество, которое онъ составилъ, дѣйствовало черезъ масонскую ложу, почему и была основана ложа Трехъ Добродѣтелей (послѣднее не точно, такъ какъ ложа эта основана была въ ноябрѣ 1815 г., и большинство членовъ Союза Спасенія вступило

Кн. С. П. Трубецкой въ своемъ показаніи о Союзѣ Спасенія говоритъ: „Тогда масонство было въ большомъ ходу. Александръ Муравьевъ, бывшій тогда молодымъ человѣкомъ съ пламеннымъ воображеніемъ, пылкою душой, видѣлъ въ немъ какое то совершенство ума человѣческаго" и „предлагалъ вступить всѣмъ въ масоны, но его предложеніе не было принято". Однако большинство извѣстныхъ членовъ Союза Спасенія были масонами, и масонство оказало сильное вліяніе при составленіи устава этого союза. По показанію самого Трубецкого, уставъ требовалъ при принятіи членовъ и повышеніи ихъ въ каждую высшую степень нѣкоторыхъ обрядовъ, заимствованныхъ изъ масонскихъ ложъ. Никита Муравьевъ въ своемъ показаніи говоритъ: „обряды пріема должны были быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ", хотя бы это и не было „согласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву". Трубецкой показалъ, что никакихъ обрядовъ во время собраній опредѣлено не было, въ запискахъ же своихъ говоритъ нѣсколько иначе: Пестель „имѣлъ пристрастіе къ формамъ масонскимъ" и хотѣлъ, чтобы нѣкоторыя, „имъ подобныя, были введены для торжественности". Масонскія формы, опредѣленныя статутомъ относительно засѣданій, а также и для принятія членовъ, „затрудняли дѣйствіе общества и вводили какую-то таинственность, которая противорѣчила характеру большей части членовъ. „Къ сожалѣнію, уставъ Союза Спасенія не сохранился, а онъ могъ бы много содѣйствовать выясненію связи масонскихъ ложъ съ тайными обществами. Извѣстно, однако, что уставъ Союза Спасенія заключалъ въ себѣ угрозы за измѣну и разглашеніе тайны, заимствованныя изъ масонскихъ статутовъ [1]). Нѣкоторые члены, какъ, напримѣръ, Якушкинъ, отрицательно относившійся къ масонству, энергично возставали противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ требовалъ отъ членовъ первыхъ степеней Союза Спасенія относительно членовъ высшей степени—бояръ [2]). Когда

въ нее лишь въ концѣ 1816 или въ 1817 г.). „Но онъ оставилъ скоро сію мысль, потому что все время засѣданія ложи занято масонскими работами и что всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу. Князь Лопухинъ, Александръ Муравьевъ, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой кн. Ѳ. Шаховской, Никита Муравьевъ, братъ мой и я принадлежали сей ложѣ. Это самое заставило меня вспомнить, что кн. Ѳ. Шаховской принадлежалъ обществу прежде, нежели гвардейскій отрядъ пришелъ въ Москву". Г. А. I. В № 397, л. 117 об.

[1]) Текстъ страшной масонской присяги при посвященіи въ ученики по редакціи, приведенной въ книгѣ „Масонъ безъ маски", см. въ ст. *Соколовской* „Обрядность прежняго русскаго масонства". „Рус. Стар." 1907 г. № 12, стр. 557.

[2]) Требованіе слѣпого повиновенія, вѣроятно, было заимствовано изъ масонской системы строгаго наблюденія (die strikte Observanz), основанной Гундомъ въ Германіи въ 1764 г *Findel.* Geschichte der Freimaurerei, 1907, 7 Aufl., 1, 37. О Союзѣ Спасенія см. въ моей статьѣ о декабристѣ М. А. Фонъ-Визинѣ въ изд. „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в." Спб., 1905 г., т. I.

А. Н. Муравьевъ пожелалъ привлечь къ обществу своего брата Михаила, Бурцева и Петра Колошина, то они согласились вступить въ него не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы „уставъ, проповѣдующій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ“.

Членъ Военнаго Общества, основаннаго въ 1817 году и предшествовавшаго Союзу Благоденствія, Влад. Ос. Гурко, впослѣдствіи полковникъ и начальникъ штаба 5-го пѣх. корпуса, былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила.

Въ Союзѣ Благоденствія также до извѣстной степени чувствовалось вліяніе масонства. Якушкинъ разсказываетъ объ одномъ совѣщаніи членовъ этого союза у Никиты Муравьева въ Петербургѣ въ 1818 г., на которомъ присутствовали кн. Лопухинъ, впослѣдствіи начальникъ уланской дивизіи при гренадерскомъ корпусѣ (мы уже встрѣтили его среди членовъ Союза Спасенія), Петръ Колошинъ, кн. Шаховской и мн. другіе. „Сама формальность этого совѣщанія“, говоритъ Якушкинъ, „давала ему видъ плохой комедіи... впродолженіе всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступавшихъ въ Союзъ Благоденствія и о томъ, какъ приносить самую присягу—надъ Евангеліемъ или надъ шпагой... Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховской и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны [1]; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ союзъ Благоденствія“ [2])

На печати союза Благоденствія былъ изображенъ улей съ пчелами та же эмблема часто употреблялась и на масонскихъ виньеткахъ [3]).

Членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, Ѳ. Н. Глинка какъ уже было упомянуто, сдѣлался въ 1816 г. членомъ ложи Избраннаго Михаила, работавшей на русскомъ языкѣ. Мастеромъ стула въ ней въ 1817—21 гг. былъ гр. Ѳ. П. Толстой, художникъ, прославившійся своими медалями въ память 1812 года, впослѣдствіи также привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ [4]).

---

[1]) Петръ Ив. Колошинъ, прапорщикъ генеральнаго штаба, былъ принятъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей 18 апрѣля 1817 г., повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817 г.; затѣмъ членомъ болѣе не числится.

[2]) Бар. В. И. Штейнгель также отрицательно относился къ масонству. Насмѣшки товарищей удержали морского офицера, декабриста А. П. Бѣляева, отъ вступленія въ масонскую ложу въ Петербургѣ, которую онъ однажды уже посѣтилъ по приглашенію С. С. Ланского. „Рус. Стар.“. 1885 г., т. 29, 833—835. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, членъ Южнаго Общества, не одобрялъ масонства съ религіозной точки зрѣнія. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ утверждаетъ, будто бы масонскія ложи, начавъ христіанствомъ, кончали безбожіемъ.

[3]) *Соколовская*. „Рус. масонство“, 176.

[4]) Толстой былъ почетнымъ членомъ нѣкоторыхъ русскихъ и одной варшавской ложи Полуночнаго Щита.

Въ этой ложѣ участвовало нѣсколько декабристовъ: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), братья Кюхельбекеры М. К. и В. К.; въ 1818 г. въ числѣ отсутствующихъ членовъ показанъ и Гавр. Ст. Батеньковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ членомъ ложи Восточнаго Свѣтила, основанной тамъ 30 августа 1818 г. Въ ложѣ Избраннаго Михаила Батеньковъ упомянутъ и въ спискѣ 1820 года [1]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что члены Тайнаго Общества „учредили двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ Союза Благоденствія". Фонъ-Визинъ, вѣроятно, разумѣетъ ложи Трехъ Добродѣтелей и Избраннаго Михаила, хотя дѣйствительное большинство члены тайнаго общества могли составлять развѣ только въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.

Членъ Союза Благоденствія Александръ фонъ-деръ-Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, былъ членомъ ложи Петра къ Истинѣ въ 1817 г.

Членъ Союза Благоденствія Илья Бибиковъ означенъ въ 1820 году отсутствующимъ въ спискѣ членовъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

П. Я. Чаадаевъ, членъ того же тайнаго общества, былъ въ 1816—1818 гг., какъ мы видѣли, членомъ ложи Соединенныхъ Друзей. Онъ прекратилъ съ нею сношенія, когда, выйдя въ отставку въ 1821 г., выѣхалъ изъ Петербурга [2]).

Во время ареста его въ Варшавѣ, при возвращеніи изъ-за границы въ іюлѣ 1826 г., у него найденъ былъ патентъ восьмой степени общества тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ. Чаадаевъ на допросѣ заявилъ, будто бы „закрытая ложа Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ принадлежала къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому. Названіе же Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ присвоено одной восьмой степени" [3]).

Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества Янтальцевъ былъ членомъ масонскихъ ложъ Елизаветы къ Добродѣтели (въ 1816 г.) и Трехъ Добродѣтелей [4]).

Зубковъ, привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ, показалъ, что

---

[1]) Г. А. І. В. № 232. Вильг. Карл. Кюхельбекеръ былъ членомъ этой ложи съ 1820 г. до самаго закрытія ложъ въ Россіи. „Рус. Стар." т. VI, стр. 470. Отмѣтимъ, что членомъ этой ложи былъ и П. Я. Фокъ, начальникъ тайной полиціи („Рус. Стар." 1900 г., № 9, 643), не пропускавшій ни одного засѣданія.

[2]) Въ 1818 г. онъ былъ вторымъ надзирателемъ въ ложѣ Сѣверныхъ Друзей.

[3]) „Рус. Стар." 1900 г. № 12, стр. 584, 587—588. Быть можетъ, тутъ дѣло идетъ о шведскомъ масонствѣ, въ которомъ 8 я степень носила названіе: Frère favori de St. Jean, ou du Cordon blanc *Clavel*, 66.

[4]) Списокъ чиновъ второй арміи, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ. Дѣло второй арміи 1828 г. Арх. Гл. Штаба, № 115; Военно-ученый Архивъ, 608-а, № 151, 167.

въ 1821 г. онъ вступилъ въ Петербургѣ въ ложу Соединенныхъ Славянъ (вѣроятно, Соединенныхъ Друзей)[1].

Членъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества Семенъ Краснокутскій, когда онъ еще служилъ въ военной службѣ, былъ въ 1816—18 г.г. членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели[2].

Н. И. Тургеневъ, по словамъ Вигеля, былъ единственнымъ не военнымъ въ ложѣ „Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей". Но такъ какъ онъ говоритъ, что членами этой ложи были братья Муравьевы-Апостолы и Никита Муравьевъ, и что она состояла подъ управленіемъ кн. П. П. Лопухина, то, очевидно, что дѣло идетъ о ложѣ Трехъ Добродѣтелей, хотя въ ней были и нѣкоторые другіе невоенные члены. По словамъ Вигеля, названные имъ члены ложи скоро перестали посѣщать ее: „масонство имъ наскучило" (V, 57). Дѣйствительно, мы видѣли, что большинство членовъ Союза Спасенія оставили масонскія ложи не позже 1818 года.

Н. И. Тургеневъ также разочаровался въ масонствѣ. 11 февраля 1818 г. онъ писалъ брату Сергѣю: „Кн. Баратаевъ пишетъ мнѣ, что завелъ въ Симбирскѣ ложу Ключъ Добродѣтели и предлагаетъ мнѣ титло почетнаго члена и представителя ихъ ложи у здѣшней директоріальной. Я отъ всего отказался, видя, что масонство у насъ процвѣтать теперь не можетъ... Въ здѣшнихъ ложахъ я также не бываю, да онѣ того въ теперешнемъ ихъ церемоніальномъ ничтожествѣ и не стоятъ"[3].

Затѣмъ Н. Тургеневъ, повидимому, заинтересовался иллюминатствомъ. По крайней мѣрѣ, Грибовскій въ своемъ доносѣ на членовъ Союза Благоденствія увѣряетъ, что Тургеневъ „настаивалъ" на томъ, чтобы преобразовать этотъ союзъ „совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами"[4].

С. И. Тургеневъ, братъ Ник. Ивановича, не бывшій членомъ Тайнаго Общества (Н. И. вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 г.[5]), сдѣлался членомъ ложи Георгія Побѣдоносца, учрежденной въ 1817 г. въ Мобёжѣ при главной квартирѣ русскаго корпуса во Франціи. Въ апрѣлѣ 1818 г. Н. И. писалъ ему изъ Петербурга: „мнѣ здѣсь вѣрно сказывали,

---

[1]) „Записки В. П. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1826 г. съ предисловіемъ и примѣчаніемъ Б. Л. Модзалевскаго". Спб. 1906 г., стр. 4.

[2]) Списокъ членовъ этой ложи 1818 г., Военно-уч. Арх., Отд. I, № 608-а, л. 166—169.

[3]) М. И. Муравьевъ-Апостолъ разсказывалъ впослѣдствіи, что декабристы пытались поступать въ масонскія ложи въ надеждѣ завербовать въ нихъ членовъ для тайнаго общества, но, убѣдившись, что нечего и надѣяться на сочувствіе масоновъ, вышли изъ ложъ. „Рус. Арх." 1897 г. № 4, стр. 583. Однако, многіе декабристы были масонами ранѣе вступленія въ Тайное Общество.

[4]) „Рус. Арх." 1875 г., т. II, 427.

[5]) La Russie et les Russes I, 181.

что государь когда-то показывалъ неудовольствіе, какъ на масонство вообще, такъ и на духъ свободомыслія, показывающійся будто бы чрезъ масонство въ корпусѣ вашемъ... Если ваша ложа дѣлаетъ какое-нибудь истинное добро въ нашемъ смыслѣ, то надобно, хотя и съ великою осторожностью, лелѣять ее и ею заниматься, не взирая ни на что. Если нѣтъ, то не надобно ничего дѣлать. Здѣсь нѣтъ середины" [1]).

Кромѣ всѣхъ названныхъ лицъ, были масонами слѣдующіе, менѣе видные, члены Союза Благоденствія, не привлекавшіеся къ слѣдствію: 1) Вас. Мих. Бакунинъ, гвардейскій поручикъ. Въ 1820 г. онъ числился среди отсутствующихъ членовъ петербургской ложи Орла Россійскаго; 2) бар. Корфъ, служившій до января 1823 г. въ лейбъ-гв. Егерскомъ полку, а затѣмъ вышедшій въ отставку, былъ членомъ ложи Пламенѣющей Звѣзды въ Петербургѣ. 3) Мейеръ, служившій въ томъ же полку, адъютантъ гр. Ланжерона, былъ членомъ ложи Евксинскаго Понта въ Одессѣ. 4) Александръ Ант. Скалонъ, служившій въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ.

Было уже упомянуто объ адъютантѣ вел. кн. Михаила Павловича, служившемъ въ л.-гв. артиллерійской бригадѣ, Ильѣ Гавриловичѣ Бибиковѣ. Онъ былъ членомъ ложи Александра Тройственнаго Благословенія въ Москвѣ. Къ слѣдствію его не требовали, но онъ самъ заявилъ имп. Николаю, что былъ членомъ Союза Благоденствія [2])

Полковникъ Митьковъ былъ принятъ въ Тайное Общество Н. И. Тургеневымъ въ 1821 г. [3]). Въ 1816—21 гг. онъ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей.

Рылѣевъ, самый энергичный членъ Сѣвернаго общества, въ 1820 г. вступилъ въ ложу Пламенѣющей Звѣзды, которая состояла въ то время въ союзѣ Астреи и работала на нѣмецкомъ языкѣ, и числился въ ней въ 1820 и 1821 годахъ мастеромъ [4]).

---

[1]) Письма Н. И Тургенева въ Тургеневскомъ архивѣ, въ отдѣленіи рукописей I Отд. Библ. Акад. Наукъ.

[2]) Вас. Алексѣев. Перовскій (незаконный сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, адъютантъ вел. кн. Николая Павловича), привлекавшійся къ слѣдствію о Тайномъ Обществѣ, былъ масономъ, но принадлежалъ къ ложѣ Кенонгетъ Кильвиннингъ въ Эдинбургѣ въ Шотландіи. Лореръ, членъ Союза Благоденствія и Южнаго Общества, былъ принятъ въ иностранную масонскую ложу въ г Оффенбахѣ. Привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ подполковникъ квартирмейстерской части Гвоздевъ заявилъ въ своей подпискѣ, что за границей въ походѣ былъ принятъ въ сообщество масоновъ, „но ни къ какой ложѣ собственно не принадлежалъ".

[3]) Изъ показанія объ этомъ Митькова видно также разочарованіе Н. И. Тургенева въ масонствѣ: „Прежде всего—говоритъ Митьковъ,—я неоднократно отъ него слышалъ, что есть, кромѣ масонскихъ, другія тайныя общества, куда не съ тѣмъ принимаютъ, чтобы только брать деньги, и не всякаго, и разсматриваютъ поведеніе человѣка, заслуживаетъ ли онъ быть принятъ". Г. А. I. В. № 357, л 10.

[4]) Ст. Н. И. Котляревскаго о Рылѣевѣ въ „Рус. Бог." 1905 г., № 7, стр. 44.

Членъ того же общества Батеньковъ былъ членомъ петербургской ложи Избраннаго Михаила въ союзѣ Астреи, а потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818 г.

Членомъ ложи Орла Россійскаго въ Петербургѣ былъ декабристъ, членъ Сѣвернаго Общества, Епаф. Степ. Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ 1-го гв. экипажа. По приговору верховнаго уголовнаго суда онъ былъ разжалованъ въ солдаты съ выслугою.

Членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели въ Петербургѣ и Ищущихъ Манны въ Москвѣ былъ Ив. Юрьев. Поливановъ, присужденный верховнымъ судомъ въ каторжныя работы, но умершій въ госпиталѣ до ссылки, 5 сентября 1826 г. [1]).

VIII.

Связь Союза Благоденствія съ масонствомъ проявилась, между прочимъ, въ основаніи въ союзѣ Астреи масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ, объ учрежденіи которой въ 1818 и о закрытіи въ слѣдующемъ году было уже упомянуто въ первой статьѣ. Управляющимъ мастеромъ ея былъ племянникъ извѣстнаго масона Н. И. Новикова, М. Н. Новиковъ, членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, который въ Петербургѣ въ 1816 г. былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила, а въ 1817—18 г. числился въ ней отсутствующимъ членомъ. Намѣстнымъ мастеромъ полтавской ложи былъ богатый малороссійскій помѣщикъ, имѣвшій болѣе 6000 душъ крестьянъ, дѣлавшій ранѣе не мало пожертвованій на общественныя нужды, С. М. Кочубей [2]), первымъ надзирателемъ Влад. Вас. Тарновскій, служившій въ генеральномъ судѣ, витіею— майоръ И. П. Котляревскій, уже извѣстный въ то время украинскій писатель, прославившійся своею „Енеидою, на малороссійскій языкъ пере-

---

[1]) См. дѣла о названныхъ декабристахъ въ Гос. Архивѣ, „Списокъ офицеровъ русской арміи, признавшихъ свою принадлежность къ масонству", изданный Т. О. Соколовскою въ „Рус. Стар." 1907 №№ 6—9, печатные списки (Tableau de la grande Loge Astrée) членовъ Вел. ложи Астреи 1817—18, 1818—19 и 1820—21 гг., и списокъ членовъ Великой Провинціальной ложи 1816 г. въ Воен.-уч. Арх. Отд. 1 № 608-а, л. 149—165.

[2]) Однако, этотъ же Кочубей продавалъ своихъ крестьянъ на своз и этимъ вызвалъ ихъ волненія. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I, 408—410; *Середонинъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", I, 339—343. „Рус. Стар." 1904 г., стр. 503—504. Записка по крестьянскому вопросу, составленная имъ въ 1818 г. по волѣ Александра I, секретно объявленной ему малороссійскимъ губернаторомъ Н. Г. Репнинымъ, вызвала по докладу Новосильцева замѣчаніе государя, что многія правила представленнаго Кочубеемъ проекта „не токмо не доставятъ крестьянамъ выгодъ, но, можетъ быть, послужатъ еще къ стѣсненію нынѣшняго ихъ состоянія". „Сборн. мат. Арх. соб. Е. В. Канц.", VII, 165—175, XI, 269—273; Гос. Арх. I. В. № 193, л. 17 об.

лиціованною“ [1]) членами помѣщикъ Вас. Лукичъ Лукашевичъ, котораго 18 лѣтъ избирали переяславскимъ маршаломъ, т. е. предводителемъ дворянства, артиллерійскій подполковникъ Влад. Андр. Глинка, членъ Союза Благоденствія, губ. маршалъ екатериносл. губ. Д. Л. Алексѣевъ, хорольскій предводитель дворянства Ст. Лар. Алексѣевъ, и др. Всего въ ложѣ было 21 дѣйствительный членъ и два отсутствующихъ [2]). Трехъ изъ этихъ лицъ (Лукашевича, Кочубея и С. Л. Алексѣева) арестовали во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ въ концѣ января 1826 г. и отвезли въ Петербургъ [3]).

Относительно себя Лукашевичъ показалъ: „Получивъ нѣкоторое образованіе“ (онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ), „вышедши 17 лѣтъ въ отставку и живя на свободѣ въ достаткѣ, предавался тому броженію ума, которое безъ путеводителя въ молодыхъ лѣтахъ свойственно. Я ревностно порывался озариться тѣмъ свѣтомъ, который, по мнѣнію моему, отдѣлялъ меня отъ общаго класса людей, и все мистическое и таинственное имѣло въ глазахъ моихъ несказанную прелесть. Я полагалъ, что общества, образуя сердце человѣка, рождаютъ братскую связь и поучаютъ взаимнымъ обязанностямъ“.

Относительно Новикова Лукашевичъ заявилъ, что онъ „ни довѣріемъ, ни уваженіемъ въ Малороссіи не пользовался“ и что „по несогласію съ Новиковымъ, съ коимъ особенной пріязни не имѣлъ“, онъ, Лукашевичъ, „перешелъ въ кіевскую ложу“. Не благопріятно отозвался о Новиковѣ и С. П. Трубецкой: „мы узнали“, говоритъ онъ, „что онъ завелъ масонскую ложу, но какъ дѣйствовалъ для общества, мнѣ осталось неизвѣстнымъ; только слышали мы послѣ, что онъ по званію своему велъ себя дурно, стараясь нажиться, отчего по обществу мы не желали имѣть съ нимъ сношеній“. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, адъютантъ малорос-

---

[1]) Кочубей выхлопоталъ Котляревскому мѣсто директора дома воспитанія бѣдныхъ въ Полтавѣ и напечаталъ на свой счетъ въ его пользу 3-е изд. „Енеиды“ въ 1809 г. Первое изданіе этого произведенія вышло въ свѣтъ въ 1798 г. въ 3-хъ частяхъ, и такъ же, какъ и второе, 1808 г., было издано помѣщикомъ М. Парпурою безъ согласія автора; изданіе 1809 г.—въ 4-хъ, съ посвященіемъ С. М. К...ю; въ 1842 г., уже по смерти автора, въ 6 частяхъ. Одно изъ новѣйшихъ изданій, съ текстомъ, провѣреннымъ подъ ред. И. Стешенко, вышло въ Кіевѣ въ 1899 г. (оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“). У Котляревскаго было 6 душъ крестьянъ, которыхъ онъ отпустилъ на волю —И. Стешенко. Ив. Петр. Котляревскій, авторъ украинской „Энеиды“. Кіевъ 1902 г., стр. 35.

[2]) Военно учен. Архивъ отд. I, 608, А, л. 172—173.

[3]) Лукашевичъ былъ заточенъ въ Петропавловскую крѣпость въ февралѣ 1826 г. Николай I приказалъ посадить его, „гдѣ лучше, и содержатъ хорошо“. Ему разрѣшено было писать. Тарновскій, тяжко больной во время слѣдствія, состоялъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Новиковъ умеръ ранѣе, и сынъ сжегъ его бумаги. Нѣкоторые бумаги Тарновскаго были также сожжены передъ обыскомъ. „Труды полт. учен. арх. комиссіи“, 1905 г. I, 71—72.

сійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина, также говоритъ: „Замѣтя, что Новиковъ позволялъ себѣ многія злоупотребленія, несовмѣстныя съ моими мыслями, я отъ него совершенно отсталъ. Въ 1822 г. кн. Репнинъ по симъ же причинамъ его отдалилъ отъ себя, и онъ тогда сталъ жить у Кочубея“.

М. Муравьемъ-Апостолъ говоритъ въ своемъ показаніи на слѣдствіи: „Новиковъ въ Полтавѣ составилъ ложу, которая служила разсадникомъ тайнаго общества“. Онъ принималъ въ нее „дворянство малороссійское, изъ числа коихъ способнѣйшихъ помѣщалъ въ общество, называемое Союзъ Благоденствія [1]). Значущіе члены онаго были Лукашевичъ, помѣщикъ переяславскаго уѣзда, живущій въ Бориполѣ... [2]). Еще членами ложи были Тарновскій, бывшій губернскій судья Алексѣевъ, Сем. Мих. Кочубей и мн. др... Общество сіе имѣло сношенія съ сѣверною директоріею и, полагаю, съ Тургеневымъ“. Вѣроятно, эта связь полтавской ложи съ Союзомъ Благоденствія сдѣлалась извѣстною правительству и послужила причиною ея закрытія. Кн. С. Трубецкой на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ заявилъ, что Новикову было поручено завести управу, но исполнилъ ли онъ это—неизвѣстно. Послѣ закрытія полтавской ложи Новиковъ, по словамъ М. Муравьева-Апостола, „совершенно прекратилъ свои дѣйствія“. Пестель пріѣзжалъ въ Полтаву въ 1821 г. съ гр. Витгенштейномъ и ничего не нашелъ [3]).

Лукашевичъ, по показанію Бурцева, былъ членомъ Союза Благоденствія. Въ первомъ показаніи онъ заявилъ, что его принялъ въ этотъ союзъ въ 1817 (?) или 1818 г. Новиковъ, но потомъ онъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что принятъ былъ артиллерійскимъ полковникомъ Владиміромъ Глинкою, который далъ ему взятый отъ Новикова и привезенный послѣднимъ изъ Москвы уставъ Союза Благоденствія и взялъ съ него расписку, что онъ, Лукашевичъ, избравъ для своей дѣятельности въ обществѣ „отрасль просвѣщенія“, будетъ во всемъ сообразоваться съ постановленіями Союза Благоденствія. Но, если вѣрить Лукашевичу, этимъ и ограничилось участіе

---

[1]) Точно также, будучи членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ, Новиковъ въ 1816 г. завербовалъ въ Союзъ Спасенія другого члена этой ложи Ѳ. Н. Глинку, указавъ ему на то, что „въ масонствѣ только теоріи, а что есть другое общество избранныхъ молодыхъ людей, которые положили, образуя себя, дѣйствовать въ своихъ кругахъ по своимъ силамъ и возможностямъ“... Гос. Арх. I. В. № 82.

[2]) Борисполь—мѣстечко Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда въ 48 в. отъ г. Переяслава.

[3]) Пестель въ своемъ показаніи 13 января 1826 г. говоритъ: „Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить: по крайней мѣрѣ, не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія“. Но затѣмъ онъ сообщилъ, что слышалъ отъ поляковъ о малороссійскомъ обществѣ, во главѣ котораго стоитъ Лукашевичъ (см. ниже).

въ обществѣ его и В. Глинки, такъ какъ по долгомъ ожиданіи Новиковъ объявилъ ему, что оно не состоялось.

Относительно Лукашевича на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ явились указанія не только на его масонскія, но и на національныя украинскія симпатіи. По словамъ кн. С. Г. Волконскаго, подполковникъ Хотяинцевъ, бывшій членомъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, сообщилъ ему, что Лукашевичъ предлагалъ ему вступить въ общество, учрежденное въ Малороссіи и бывшее въ связи съ польскими тайными обществами. Хотяинцевъ сказалъ Волконскому, что въ этомъ обществѣ „есть катехизисъ на подобіе употребляемаго въ масонскихъ ложахъ“ при ихъ открытіи и закрытіи и что по этому катехизису на вопросъ: „гдѣ восходитъ солнце“, отвѣчаютъ: „въ Чигринѣ“ (т. е. въ Чигиринѣ,—уѣздный городъ Кіевской губерніи). Лукашевичъ на допросахъ категорически утверждалъ, что въ Малороссіи не существуетъ никакого общества: „вымыселъ полк. Хотяинцева... оставляю на совѣсти его! Что же относится до словъ „солнце взошло въ Чигринѣ“, то оныя составляютъ древнюю казацкую пословицу, знаменующую то счастливое событіе, по которому они, собравшись къ Хмѣльницкому въ Чигринѣ, пошли войною на поляковъ и, свергнувъ иго ихъ, присоединились къ державѣ россійской; могъ я говорить о сей пословицѣ, могъ хвалить ее и могъ даже считать приличнымъ каждому малороссіянину имѣть имя Богдана Хмѣльницкаго въ своемъ катехизисѣ, яко мужа, оказавшаго знаменитую намъ услугу; но чтобы образовалось общество подъ симъ окликомъ, то это совершенная клевета, которое, ежели бы и существовало, то вѣрно состояло бы изъ однихъ только малороссіянъ, почему самому и не могъ бы предлагать или открыться о семъ Хотяинцеву“. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи заявилъ, что слышалъ отъ Волконскаго и гр. Ходкевича о существованіи малороссійскаго общества, управляемаго Лукашевичемъ, о томъ, что управа его находится въ мѣстечкѣ Борисполѣ, что большая часть этого общества—въ Черниговской губерніи и въ самомъ Черниговѣ, и что Лукашевичъ стремился соединить Малороссію съ Польшею [1]). Лукашевичъ и Ходкевичъ рѣшительно отрицали существованіе малороссійскаго общества.

Пестель относительно этого общества показалъ: „о существованіи и цѣли малороссійскаго общества говорили мнѣ д-ръ Плесель (sic), кн. Яблоновскій и Гродецкій, съ коими послѣдними двумя имѣлъ я сношенія отъ лица русскаго тайнаго общества. Сіи два послѣдніе говорили о томъ при кн. Волконскомъ, почему и было нами отъ нихъ требовано, чтобы они ни-

---

[1]) В. Л. Давыдовъ слышалъ отъ кн. Волконскаго, что есть малороссійское общества, цѣль котораго—независимость Малороссіи отъ Россіи, и что Лукашевичъ—членъ его.

какихъ сношеній съ другими русскими тайными обществами, а также малороссійскимъ не имѣли, а только съ однимъ нашимъ, дабы не произошло отъ того какихъ-либо замѣшательствъ въ сношеніяхъ и предметахъ оныхъ. Докторъ же Плесель мнѣ еще сказывалъ, что въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года былъ отъ польской директоріи особый членъ посланъ, который удостовѣрился, что малороссійское общество значительно. Членовъ же сего отказался онъ мнѣ назвать, когда о томъ его я спрашивалъ. Я о семъ разговорѣ съ Плеслемъ нѣкоторымъ членамъ сообщилъ тогда же, между прочимъ, Лореру и Юшневскому.—Гродецкій и Плесель мнѣ сказывали, что начальникъ малороссійскаго общества есть Лукашевичъ; лицъ же, черезъ коихъ происходили упомянутыя сношенія, никто изъ нихъ не назвалъ: ни Плесель, отказавшійся отъ того, ни кн. Яблоновскій и Гродецкій" [1]). Лореръ по поводу показанія Пестеля заявилъ: „дѣйствительно, полк. Пестель мнѣ разсказывалъ о Малороссіи слѣдующее: что Малороссія желаетъ присоединиться охотнѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, что польское тайное общество всѣми силами старается преклонить на свою сторону, и что Польша имѣетъ своихъ агентовъ или членовъ, кои имѣютъ сношенія съ тамошними помѣщиками..., и что южное общество желаетъ узнать навѣрное, есть ли въ Малороссіи тайное общество и на какихъ правахъ, что нѣкоторые помѣщики въ Малороссіи имѣютъ сношенія съ польскимъ обществомъ,—вотъ все, что я слышалъ о Малороссіи".

Кн. Волконскій, Хотяинцевъ [2]) и Лукашевичъ на очныхъ ставкахъ остались при своихъ показаніяхъ [3]).

Слѣдственная комиссія признала обвиненіе относительно устройства Лукашевичемъ малороссійскаго общества недоказаннымъ [4]). Впрочемъ, стре-

[1]) Пестель также слышалъ отъ поляковъ о многочисленномъ малороссійскомъ обществѣ, съ которымъ они, будто бы, находятся въ союзѣ; что они желаютъ независимости Малороссіи и готовы принять покровительство Польши, когда она достигнетъ независимости. Объ этомъ Пестель говорилъ Майбородѣ и назвалъ главою этого общества Лукашевича, замѣтивъ при этомъ, что онъ „очень умный человѣкъ". С. И. Муравьевъ-Апостолъ показалъ: „О малороссійскомъ обществѣ знаю только то, что будто бы тамъ начальникъ маршалъ Лукашевичъ, и что цѣль онаго присоединить Малороссію къ Польшѣ".

[2]) Нужно замѣтить, что Хотяинцевъ былъ масонъ, членъ ложи Іорданъ въ Ѳеодосіи. Онъ привлекался къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ и 10 января былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, причемъ Николай I велѣлъ содержать его строго, и писать ему дозволено не было. Приказомъ 7 іюля 1826 г. государь велѣлъ выдержать его еще три мѣсяца и затѣмъ перевести въ Ладожскій пѣх. полкъ. *Базилевскій (Богучарскій)*, „Государств. преступленія въ Россіи", I, 68.

[3]) Гос. Арх. I В, № 70.

[4]) Воровковъ, дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи, пришелъ къ слѣдующему выводу относительно этого общества: его „намѣревались образовать изъ масонскихъ ложъ—въ Полтавѣ бывшій правитель канцеляріи военнаго губернатора Новиковъ и въ Полтавской губ. маршалъ Лукашевичъ и предположили цѣлью независимость Малороссіи, но остались при попыткахъ, и общество не осуществилось". „Рус. Стар." 1898 г. № 11, стр. 345.

мленія къ автономіи не совсѣмъ замерли въ Малороссіи. Такъ въ сентябрѣ 1825 г. Н. А. Маркевичъ писалъ Рылѣеву: „Могу ли я хладнокровно читать „Войнаровскаго“ и „Наливайку“? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка... Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на униженіе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы,—и они ему платятъ презрѣніемъ“ [1]). Къ числу такихъ малороссійскихъ патріотовъ, очевидно, принадлежалъ и Лукашевичъ [2]). Дѣло о немъ кончилось тѣмъ, что въ началѣ сентября 1826 года Николай I повелѣлъ ему жить въ деревнѣ, гдѣ онъ выберетъ, подъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора. Его отдали подъ надзоръ полиціи и обязали жить безвыѣздно въ его имѣніи Борисполѣ съ тѣмъ, чтобы онъ занимался только хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей и ни съ кѣмъ не входилъ въ какія-либо „постороннія отношенія“. Переяславскій коммисаръ долженъ былъ каждую недѣлю доносить о поведеніи Лукашевича кн. Репнину, а послѣдній ежемѣсячно доводить до свѣдѣнія императора, что продолжалось до ноября 1828 г., а затѣмъ онъ всетаки былъ оставленъ подъ наблюденіемъ полиціи. Кочубей и Алексѣевъ были освобождены отъ всякаго подозрѣнія въ принадлежности къ тайному обществу, въ подтвержденіе чего имъ были выданы аттестаты. Въ іюнѣ было получено извѣщеніе объ освобожденіи отъ всякаго подозрѣнія и Тарновскаго [3]). На какія-то стремленія къ самостоятельному существованію Малороссіи намекаетъ и И. В. Капнистъ въ разговорѣ съ Пестелемъ: „Если бы вы имѣли дѣло съ Англіей или Франціей“, сказалъ онъ Пестелю, „вы дѣйствовали бы успѣшно; но для Россіи ваша система не мыслима, она чужда ея народному строю (?). Вы можете совершить вашъ переворотъ, но вы не предусмотрѣли народный бунтъ, который ему послѣдуетъ. Вы создадите смутное время въ Россіи, а разъединя Малороссію и Россію, вы ослабите обѣ стороны и бросите ихъ въ добычу внѣшнимъ врагамъ“ [4]].

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1888 г. т. 60, стр. 599.

[2]) Въ это время усилилось стремленіе къ изученію малороссійской исторіи, распространялись списки „Исторіи Руссовъ“ мнимаго Кониссκаго; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, служившій при Репнинѣ, печаталъ свою исторію Малороссіи, вышедшую въ свѣтъ въ 1822 г.

[3]) *Павловскій.* „Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Н. Г. Репнина“. „Труды полт. уч. арх. комиссіи“ 1905 г. В. I, 71—74. О Лукашевичѣ еще въ 1807 году производилось дѣло, по донесенію переяславскаго маршала о томъ, будто бы онъ предложилъ тостъ за здоровье Бонапарта. „Кіевская Старина“ 1903 г., № 12, стр. 137.

[4]) „Сочиненія гр. П. И. Капниста“, М. 1901 г., т. I, стр. XXXIII.

Имя Лукашевича напоминаетъ о другой масонской ложѣ, мастеромъ которой онъ былъ, а, именно, о ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ, основанной 12 марта 1818 года въ союзѣ Астреи; она работала по системѣ Великаго Востока Варшавы на русскомъ и французскомъ языкахъ [1]. Очевидно, о ней доносилъ позднѣе въ 1824 г. военный генералъ-полицеймейстеръ Эртель, что въ 1819 г. во время контрактовъ (т. е. ярмарки) въ Кіевѣ открыта масонская ложа подъ названіемъ Бѣдные Славяне [2], стараніемъ флигель-адъютанта кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Съ каждаго брата масона брали въ общую казну ежегодно по 20 р., а богатые давали по 100 и болѣе рублей; число вкладчиковъ во время контрактовъ простиралось будто бы до 1000 человѣкъ. Собранныя суммы, по донесенію Эртеля, назначались на усиленіе братіи и „подстреканія революціи“ (?) [3].

Число дѣйствительныхъ членовъ въ ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ 1820—21 г. г. было 53, кромѣ того 9 отсутствующихъ и 19 почетныхъ. Дѣйствительные члены раздѣлялись, какъ и въ другихъ масонскихъ ложахъ, на „чиновниковъ ложи“, т. е. ея администрацію, и братьевъ трехъ степеней. По показанію одного изъ членовъ ложи, подполк. Шварценберга, дѣйствительнымъ основателемъ ложи и первымъ ея правителемъ былъ губернскій маршалъ Валентинъ Росцишевскій. Въ 1820—22 гг. управляющимъ мастеромъ былъ Францъ Харлинскій, предсѣдатель главнаго суда, а намѣстнымъ мастеромъ столь знаменитый впослѣдствіи при Николаѣ I въ званіи начальника штаба корпуса жандармовъ, а тогда полковникъ Леонтій Дубельтъ [4].

Извѣстный намъ уѣздный маршалъ Василій Лукашевичъ въ 1820—21 г. значился въ числѣ братьевъ третьей степени. Членами ложи были также губернскій маршалъ Шимановскій, васильковскій уѣздный маршалъ Іосифъ Проскура, уѣздный маршалъ Феликсъ Росцишевскій и многіе помѣщики поляки. Въ числѣ почетныхъ членовъ ложи въ 1820 г. были кн. С. Г. Волконскій, кн. П. Трубецкой и Густавъ Олизаръ. Знакомъ Кіевской масонской ложи былъ крестъ съ польскою надписью „Jedność słowiańska“ (славянское единство) [5]. Въ ложѣ были членами многіе поляки, русскіе

---

[1]) „Рус. Стар.“ XVIII, 664, XXXVI, 67, Указатель Пыпина № 132.

[2]) Должно быть: Соединенные Славяне.

[3]) „Рус. Арх.“ 1906 г., т. III, 412—413.

[4]) Нужно замѣтить, что Дубельтъ пристраивался къ масонскимъ ложамъ въ разныхъ мѣстахъ: кромѣ названной кіевской ложи, онъ былъ членомъ ложи Эммануила въ Гамбургѣ, Палестины въ союзѣ Астреи въ Петербургѣ и Золотого Кольца въ Бѣлостокѣ.

[5]) „Рус. Стар.“ 1878 г. XXI, 187—189. (Приложенъ снимокъ знака этой масонской ложи). Подъ такимъ же польскимъ названіемъ одновременно (въ 1818 г.), была учреждена ложа и въ Варшавѣ, преобразованная изъ ложи Соединенные Братья Поляки, основанной въ 1807 г. послѣ учрежденія герцогства Варшав-

и малороссы, и самое названіе ея показываетъ стремленіе къ установленію дружественныхъ отношеній между этими тремя составными частями мѣстнаго населенія. Декабристъ Волконскій, членъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, родной братъ малороссійскаго генералъ-губернатора Н. Г. Репнина, былъ принятъ въ масонство въ 1812 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ, а также былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей, въ которой, какъ мы видѣли, участвовало такъ много членовъ Союза Спасенія. Къ этому союзу Волконскій не принадлежалъ, но въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей онъ, повидимому, былъ дѣятельнымъ членомъ, судя по тому, что въ 1816—17 гг. онъ былъ въ ней сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ надзирателемъ. Волконскій былъ принятъ еще 30 іюля 1814 г. въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса [1]) и съ февраля 1817 г. состоялъ въ пятой степени шотландской ложи Александра.

Принявъ званіе почетнаго члена въ ложѣ Соединенныхъ Славянъ, кн. Волконскій въ „пріемномъ" по этому случаю засѣданіи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ, какъ велики будутъ послѣдствія добровольнаго соглашенія между поляками и русскими съ цѣлью „составить одно нераздѣльное цѣлое". „Рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ, выраженнымъ обычнымъ" у масоновъ „перствичнымъ рукоплесканіемъ, повтореннымъ три раза въ знакъ высшаго всеобщаго одобренія" [2]). Почетнымъ членомъ ложи былъ также кн. Петръ Трубецкой, представитель ложи Соединенныхъ Славянъ въ Великой ложѣ Астреѣ, членъ Союза Благоденствія.

Третій почетный членъ ложи, а ранѣе ораторъ и затѣмъ „мастеръ стула" ложи Соединенныхъ Славянъ былъ богатый польскій помѣщикъ Густавъ Олизаръ, кіевскій губернскій маршалъ, человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей, поэтъ, близкій знакомый семьи генерала Раевскаго. Онъ стремился къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ и предлагалъ просить правительство объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права съ замѣною барщины оброкомъ за землю и опеку крестьянъ помѣщиками; какъ на поводъ къ такому ходатайству, онъ указывалъ на крестьянскую реформу въ Остзейскомъ краѣ, осуществленную, впрочемъ, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Онъ желалъ, чтобы помѣщики выбрали изъ своей среды

скаго, въ зависимости отъ французскаго Востока. Однимъ изъ девизовъ на печати этой послѣдней ложи были также двѣ соединенныя руки. Załęski, 149—150, 158.

[1]) См. замѣтку Т. О. Соколовской въ „Рус. Стар." 1907 г., іюнь, стр. 480—481. Мы видѣли, что членомъ ложи Сфинкса былъ и Пестель.

[2]) Записки Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 403. Даже Шварценбергъ, рѣзко отозвавшійся о многихъ членахъ ложи, сказалъ о Волконскомъ только то, что онъ былъ „прилежнымъ масономъ и, кажется, почтенною особою".

людей, знающихъ мѣстныя экономическія условія, которые могли бы установить нормы оброка въ различныхъ мѣстностяхъ. Но изъ уѣздныхъ предводителей дворянства только двое выразили согласіе съ предложеніемъ Олизара [1]).

Членами ложи Соединенныхъ Славянъ были и многіе представители мѣстной интеллигенціи: докторъ философіи дерптскаго университета Гаусманъ, главный докторъ госпиталя Кнотъ, штабъ-лекарь кіевскаго военнаго госпиталя Чичкинъ, профессоръ нѣжинской гимназіи Шапелинскій, врачъ Сааръ, учитель кіевской гимназіи Кульчицкій, учитель нѣжинской гимназіи французъ Ландраженъ, чиновникъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ Александръ Бакунинъ [2]), врачъ Гиршфельдъ, учитель музыки Леманъ, учитель математики въ кіевской гимназіи Аврамовъ, докторъ медицины и хирургіи Михельсонъ, книгопродавецъ французъ Ленуаръ и др. По показанію Шварценберга, всего членовъ было около 70 человѣкъ [3]).

Лукашевичъ былъ, однако, недоволенъ кіевскою ложею и вообще нашимъ масонствомъ, такъ какъ, по его словамъ, „въ составѣ сего общества занимались болѣе количествомъ, нежели качествомъ“, что, вѣроятно, означаетъ—стремленіе привлечь возможно большее число членовъ, недостаточно строго разбирая ихъ достоинство. Когда чрезъ Борисполь проѣзжалъ капитанъ польской службы Маѣвскій и останавливался у Лукашевича, послѣдній высказывалъ ему свое недовольство масонствомъ; Маѣвскій предложилъ ему вступить въ высшія масонскія степени, и когда Лукашевичъ на это согласился, далъ ему степень тамплiера [4]). Затѣмъ они поѣхали вмѣстѣ въ Кіевъ, гдѣ Маѣвскій выдавалъ его за стараго тамплiера. По одному показанію Лукашевича, это было въ 1822 г., по другому въ январѣ 1821 г. [5]). Послѣ того лѣтомъ они снова увидѣлись, и Маѣвскій, по словамъ Лукашевича, сказалъ ему, что они хотятъ составить общество храмовниковъ и намѣреваются выписать изъ Эдинбурга тампліерскій статутъ, но Лукашевичъ отказался принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ другомъ же показаніи Лукашевичъ заявилъ, что Маѣвскій предлагалъ ему

---

[1]) Pamiętniki G. Olizara, Lwów 1892, 132—134..

[2]) Шварценбергъ назвалъ его легкомысленнымъ и вообще человѣкомъ „невыгодныхъ качествъ“. Бакунинъ служилъ прежде въ Семеновскомъ полку, былъ адъютантомъ ген. Н. Н. Раевскаго, а въ 1820 г. перешелъ въ гражданскую службу и принадлежалъ въ Москвѣ къ кружку декабриста И. И. Пущина. „Записки В. П. Зубкова“, стр. 5, 84.

[3]) Арх. Гл. Штаба, бумаги по Выс. порученію ген. ад. Демидову 1826 г. Дѣло № 4, л. 87—88, 22, 35, 101—102; Арх. канц. воен. мин. св. 25, дѣло № 5.

[4]) О польскомъ обществѣ тампліеровъ см. въ „Донесеніи слѣдственнаго комитета“ въ Варшавѣ. Базилевскій I, 78—81, 91—93.

[5]) Судя по донесенію варшавскаго слѣдственнаго комитета, это было именно въ январѣ 1821 г. (стр. 79).

вступить въ тайное политическое общество, но онъ на это не согласился [1]). Послѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи Лукашевичъ уничтожилъ всѣ имѣвшіеся у него масонскіе ритуалы и патенты, а также и уставъ Союза Благоденствія, Маѣвскій же при свиданіи съ нимъ сообщилъ ему, что тампліерство рушилось.

Маѣвскій, допрошенный 28 іюня 1826 г. въ Варшавѣ, показалъ, что Лукашевичъ дурно понялъ его: онъ „вовсе не говорилъ ему о сформированіи особаго общества“, а о томъ, что „учреждаемое ими общество тампліеровъ должно считать ложею, для устройства которой онъ „аккредитованъ въ Эдинбургѣ“ (чего, по его показанію на слѣдствіи, вовсе не было) и обѣщалъ написать туда о высылкѣ „постановленія“ ложи. Маѣвскій утверждалъ, что Лукашевичъ „смѣшиваетъ разныя, временемъ отдѣленныя, обстоятельства“. Когда въ 1821 г. онъ предлагалъ ему войти въ общество тампліеровъ, то самъ еще „весьма мало зналъ о существованіи патріотическаго общества и не принадлежалъ“ къ нему, а потому не могъ и предлагать ему вступить въ него [2]). Въ 1824 г., узнавъ отъ Карвицкаго, что въ Россіи существуетъ тайное общество и что патріотическое общество входитъ съ нимъ въ сношенія, онъ просилъ Лукашевича что-нибудь узнать объ этомъ. Тотъ обѣщалъ и, пріѣхавъ однажды ночью, посовѣтовалъ ему не мѣшаться въ это дѣло [3]). Кн. Яблоновскій на допросѣ 29 іюня заявилъ, что говорилъ кн. Волконскому и Пестелю объ

---

[1]) Въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета сказано, что, по мнѣнію многихъ, Лукашевичъ „былъ членомъ патріотическаго общества; однако же достовѣрно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное“ (стр. 87).

[2]) О патріотическомъ обществѣ см. въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета и въ статьѣ извѣстнаго польскаго историка проф. Аскеназы Walerian Łukasin'ski. Biblioteka Warszawska, 1906, t. III. Краткій біографическій очеркъ Лукасинскаго, принадлежащій перу того же автора, см. въ „Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ“, СПБ., 1907 г.

[3]) Въ другомъ показаніи Маѣвскій заявилъ о Лукашевичѣ: 1) что онъ познакомился съ нимъ въ Полтавской губ. и нашелъ его уже масономъ; 2) что однако онъ далъ ему масонскую степень chevalier d'Orient (15-я степень шотландскаго масонства во Франціи); 3) „что по заведеніи имъ, Маѣвскимъ, ордена тампліеровъ въ южныхъ польскихъ губерніяхъ, однажды въ Кіевѣ, послѣ принятія Пулавскаго въ тампліеры, они пригласил и Лукашевича къ своему обѣденному масонскому столу; 4) что онъ предлагалъ Лукашевичу войти въ орденъ тампліеровъ, но тотъ не принялъ его предложенія, утверждая, что сіе несогласно съ благоразуміемъ и данною имъ россійскому правительству присягою; 5) что онъ отнюдь не знаетъ, распространялъ-ли Лукашевичъ въ Малороссіи какой-либо орденъ; наконецъ, 6) что Карвицкій, узнавъ о сношеніи нѣкоторыхъ поляковъ съ тайнымъ россійскимъ обществомъ, просилъ его развѣдать о томъ обстоятельнѣе чрезъ Лукашевича (по причинѣ знакомства сего послѣдняго съ русскими генералами: Раевскимъ, кн. Волконскимъ и пр.), и что Лукашевичъ, исполнивъ просьбу сію, убѣждалъ только не входить ни въ какое сношеніе, удаляться русскихъ заговорщиковъ, дабы не попасть въ бѣду и вообще не заводить никакихъ обществъ“. Карвицкій показалъ, что Маѣвскій изъ хвастливости увѣрялъ о существованіи въ Малороссіи обширной отрасли тампліеровъ подъ начальствомъ Лукашевича, но послѣ оказалось, что, „кромѣ Лукашевича, не было тамъ никого

обществѣ тампліеровъ, которое, какъ онъ слышалъ отъ Карвицкаго, существовало въ Малороссіи, имѣло много членовъ, и во главѣ его стоялъ тамошній повѣтовый маршалъ,' на что Волконскій и Пестель сказали, что это долженъ быть Лукашевичъ.

Члены русскаго южнаго общества также хотѣли привлечь Лукашевича въ свою среду. Съ кн. С. Г. Волконскимъ Лукашевичъ познакомился у его брата кн. Н. Г. Репнина, а съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ— у Волконскаго. По словамъ Лукашевича, они считали его не только членомъ Союза Благоденствія, но и членомъ польскаго общества. Лукашевичъ сказалъ ему, что къ послѣднему онъ не принадлежитъ и считаетъ „не по сердцу русскаго вступать съ поляками въ связи"; на это С. Муравьевъ-Апостолъ возразилъ, что „ненависти народныя основаны" на „уѣздномъ патріотизмѣ (patriotisme de province)" и „что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о счастьѣ народномъ, всѣ должны быть одного племени". По словамъ Муравьева, Лукашевичъ согласился съ нимъ. Муравьевъ убѣждалъ его также признать, что „одна только конституція можетъ упрочить счастье народное, и что мѣры, обезпечивающія право собственности и личную свободу, въ нашемъ вѣкѣ извѣстны". Лукашевичъ возразилъ: „счастье народное есть слова пространнаго и сложнаго значенія, о коемъ положительно излагаться есть нѣсколько самонадѣятельно". Бесѣда скоро оборвалась. Съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ Лукашевичъ болѣе не видѣлся, а Волконскій совершенно охладѣлъ къ нему.

18 мая 1823 г. Александръ I въ именномъ указѣ комитету министровъ поставилъ ему на видъ, что, какъ дошло до свѣдѣнія государя, масонскія ложи въ Кіевѣ еще существуютъ, но тайно, и повелѣлъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, произведя изслѣдованіе, о результатахъ его доложить чрезъ комитетъ министровъ [1]).

Военный генералъ-полицiймейстеръ Эртель 30 марта 1824 г. донесъ главнокомандующему 1-ю арміею, что послѣ закрытія тайныхъ обществъ въ 1822 г. кіевская ложа прекратила существованіе, но членъ ея ген.-майоръ Бѣгичевъ „прибѣгъ къ отрасли масонскаго заговора", т. е. съ

болѣе". Арх. гл. штаба, секретная опись 1826 г. № 63. Извѣстный польскій историкъ Лимановскій говоритъ о польскихъ тампліерахъ: „независимо отъ національнаго масонства" (главнымъ организаторомъ котораго былъ Валеріанъ Лукасинскій) „уланскій капитанъ Маѣвскій, который былъ принятъ въ союзъ Тампліеровъ въ Шотландіи, когда находился тамъ въ качествѣ военноплѣннаго, при содѣйствіи полковника Лаговскаго и военнаго чиновника Заблоцкаго основалъ въ 1820 г. на Волыни союзъ тампліеровъ. Въ третьей степени этого союза объявлялась цѣль патріотическая. Отличительною чертою его было то, что въ союзъ принимались также и женщины. Главная ложа была организована въ Кіевѣ въ 1821 г. Маѣвскій былъ выбранъ управляющимъ ею". *Limanowski.* Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Zurych, 1901, 131.

[1]) „Сборн. ист. мат. изъ Архива соб. Е. В. канц." VI, 184.

гр. Ходкевичемъ открылъ магнетизмъ, которому послѣдовалъ и ген. Раевскій со всѣмъ усердіемъ, даже многихъ особъ въ Кіевѣ самъ магнетизировалъ, равно и его адъютанты: „членъ Союза Благоденствія Капнистъ [1]) и членъ сѣвернаго общества Мухановъ. По увѣренію Эртеля, это дѣлалось съ тою цѣлью, „чтобъ имѣть лучшій способъ... обязывать паціентовъ всѣмъ тѣмъ, что только масонскія правила требуютъ". Увлеченіе кіевскаго общества магнетизмомъ продолжалось около года [2]).

Главнокомандующій первою арміею гр. Сакенъ препроводилъ донесеніе Эртеля со спискомъ кіевскихъ масоновъ генералъ-адъютанту барону Дибичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба первой арміи обратилъ вниманіе Дибича на то, что состоящій въ числѣ кіевскихъ масоновъ гр. Олизаръ проѣхалъ въ Петербургъ, на тотъ случай, если бы признано было полезнымъ „имѣть его въ наблюденіи или даже взять предосторожности по искательствамъ его". Заподозрили, что Олизаръ поѣхалъ въ Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы стараться отвратить мѣры, которыя будутъ приняты противъ кіевскихъ масоновъ вслѣдствіе донесенія Эртеля [3]). Въ то же время отъ цесаревича Константина Павловича были получены свѣдѣнія, что Олизаръ во время дворянскихъ выборовъ въ 1824 г., когда онъ былъ вновь избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, обращался къ дворянамъ съ польскими патріотическими рѣчами, опасными для общественнаго спокойствія. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, кн. П. М. Волконскій объявилъ ему, что государь желаетъ, чтобы онъ не представлялся ни ему, ни кому-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи. Олизаръ написалъ письмо государю, прося приказать объявить ему, въ чемъ состоитъ его вина. Тогда онъ былъ вызванъ къ ген.-губерн. гр. Милорадовичу, который сообщилъ ему повелѣніе государя (данное 25 апрѣля 1824 г.) немедленно оставить Петербургъ. Милорадовичъ сказалъ ему, что если Олизаръ не сдѣлаетъ этого, то будетъ вывезенъ въ 24 часа съ жандармами, и на вопросъ о причинѣ высылки упомянулъ о произнесенныхъ Олизаромъ въ Кіевѣ рѣчахъ [4]).

---

[1]) Алексѣй Вас., просидѣвшій въ крѣпости три мѣсяца по дѣлу декабристовъ. „Воспоминаніе С. В. Скалонъ". „Ист. Вѣст." 1891 г. № 6, стр. 620—624. См. о немъ дѣло Госуд Арх. I В. № 115.

[2]) Эртель счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія начальства даже и то, что на масляной недѣлѣ 1824 г., съ четверга до субботы, были „масонскіе блины" въ Кіевѣ, а отъ субботы до среды первой недѣли поста въ мѣстечкѣ Борисполѣ у уѣзднаго маршала Вас. Лукашевича. Все лѣто 1823 г. „масонская братія" собиралась на окраинахъ Кіева въ хуторѣ Бѣгичева. Въ спискѣ членовъ „тайнаго общества", которое генералъ Эртель „открылъ" въ Кіевѣ, значатся и ген. отъ кавал. Раевскій, и ген. М. Ѳ. Орловъ, но, по печатнымъ спискамъ членовъ ложи Соединенныхъ Славянъ, они не состояли даже въ числѣ почетныхъ членовъ.

[3]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 412—415.

[4]) Во время пребыванія Олизара въ Петербургѣ его встрѣтилъ въ трактирѣ Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому тотъ сказалъ, что на него сдѣ-

На этотъ разъ донесеніе Эртеля о кіевскихъ масонахъ осталось безъ болѣе тяжкихъ послѣдствій, но послѣ событія 14 декабря, чрезъ нѣсколько дней оно было препровождено преемнику Н. Н. Раевскаго въ командованіи четвертымъ корпусомъ, кн. Щербатову, причемъ гр. Сакенъ сообщилъ ему повелѣніе государя „принять самыя дѣятельныя, но осторожныя мѣры къ открытію дальнѣйшихъ отраслей союза“, цѣль котораго „клонилась къ ниспроверженію законной императорской власти и части коего существуютъ точно въ 4-мъ пѣх. корпусѣ“ [1]). Такимъ образомъ власти прямо связывали тутъ масоновъ съ декабристами. Въ концѣ января 1826 г. въ Кіевѣ производилъ допросы о масонахъ генералъ-адъютантъ Демидовъ. На основаніи донесенія Эртеля считалось доказаннымъ, что и послѣ запрещенія тайныхъ обществъ масонская ложа существовала въ Кіевѣ. 12 января 1826 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ подп. Капнистъ, бывшій адъютантъ генерала Раевскаго. Въ Кіевѣ ходили слухи, что ген. Бѣгичевъ жегъ свои бумаги. Здѣсь же былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ гр. Олизаръ.

Заподозривъ, на основаніи показанія кн. С. П. Трубецкого, что Олизаръ принадлежитъ къ польскому обществу въ Варшавѣ, слѣдственный комитетъ по дѣлу декабристовъ 2 января 1826 г. исходатайствовалъ разрѣшеніе государя арестовать Олизара [2]). Кромѣ того, въ самомъ концѣ декабря 1825 г. на Олизара былъ посланъ доносъ находившимся въ Кіевѣ „для общаго наблюденія“ адъютантомъ гл. штаба 1-й арміи капитаномъ Сотниковымъ, въ которомъ указывалось на „участіе гражданской части въ заговорѣ“, выразившееся въ томъ, что „губернскій маршалъ“ (Олизаръ) „съ нѣкоторыми повѣтами“ (уѣздами) „медлитъ присягою“ и что въ полякахъ будто бы замѣтна „большая преданность цесаревичу“. Олизару во время допросовъ не трудно было опровергнуть этотъ доносъ. Подозрѣніе возбудило также его знакомство съ Бестужевымъ-Рюминымъ,

---

лали доносъ, будто бы въ собраніи дворянства онъ „говорилъ о свободѣ крестьянъ“. На запросъ, сдѣланный по повелѣнію государя кіевскому гражданскому губернатору, послѣдній отъ 26 апрѣля, т. е. уже послѣ высылки Олизара изъ Петербурга, донесъ, что во всѣхъ его поступкахъ никакихъ „вредныхъ преднамѣреній и ничего предосудительнаго... не замѣчается“, а также, что во время послѣднихъ дворянскихъ выборовъ въ Кіевѣ такихъ безпорядковъ, кои бы могли влечь за собою какія-либо вредныя послѣдствія, не замѣчено“. Изъ этого видно, что Олизаръ былъ высланъ изъ Петербурга на основаніи ложнаго доноса. Тѣмъ не менѣе Константину Павловичу было повелѣно государемъ продолжать за нимъ наблюденіе, и 9 января 1826 г., т. е. незадолго до ареста Олизара, цесаревичъ (очевидно, не зная о донесеніи кіевскаго губернатора) сообщилъ барону Дибичу, что „имѣлъ невыгодное на счетъ образа мыслей его донесеніе еще въ 1824 г.“ Pamiętniki Olizara, 144—149; „Рус. Вѣстн.“ 1893 г. № 8, стр. 37—40; „Сборн. Мат. Арх. соб. Е. В. канц.“ VI, 206—208. Арх. гл. штаба, секретная опись 1827 г, № 154, Гос. Арх. I В. № 316, л. 18, № 397, л. 100.

[1]) Госуд. Арх. I В. № 17, л. 1—3.

[2]) Госуд. Арх. I. В. № 25, л. 29 об.

С. Муравьевымъ-Апостоломъ, кн. Волконскимъ и Давыдовымъ. Олизаръ содержался въ Петропавловской крѣпости, куда былъ посаженъ 21 января 1826 г., причемъ императоръ Николай приказалъ содержать его „строго, но хорошо". Бестужевъ-Рюминъ полагалъ, что онъ членъ польскаго общества, но кн. Яблоновскій и гр. Мошинскій рѣшительно отрицали это. По предложенію слѣдственнаго комитета (12 февраля 1826 г.), императоръ Николай приказалъ выпустить Олизара. Но съ нимъ случилось несчастье. На пути на югъ, въ Тульской губ., онъ потерялъ мѣшокъ съ бумагами, между которыми оказались дипломы на французскомъ языкѣ „тайнаго общества подъ названіемъ Алкивіадъ". Въ одномъ изъ нихъ объявлялось, что Олизаръ принятъ подъ именемъ Вашингтона и съ достоинствомъ рыцаря-меченосца, а въ другомъ рыцарю-меченосцу Вашингтону давалось спеціальное порученіе: учрежденіе египетскихъ горъ на Волыни, Подоліи, Брацлавѣ и Украинѣ по даннымъ ему секретнымъ инструкціямъ съ правомъ назначать старѣйшинъ горъ и принимать членовъ. На дипломахъ не помѣчены ни время, ни мѣсто ихъ выдачи. Въ засѣданіи петербургской слѣдственной коммиссіи 17 іюня 1826 г., куда присланы были эти документы, было постановлено: „названіе рыцарей храмовыхъ и меченосцевъ, кои въ сихъ дипломахъ усматривается, даютъ поводъ думать, что они относятся къ обществу тамплієровъ, о коихъ производится слѣдствіе въ Варшавѣ", и потому бумаги эти были отправлены къ цесаревичу для дальнѣйшаго изслѣдованія. Олизаръ былъ вновь арестованъ въ Кіевѣ и 20 іюля отправленъ въ Варшаву. Но онъ и Малаховскій показали, что документы эти были изготовлены ими въ 1817 г. въ Петербургѣ съ цѣлью мистификаціи. Олизаръ былъ очень скоро освобожденъ съ учрежденіемъ надъ нимъ тайнаго надзора, подъ которымъ онъ состоялъ 7 лѣтъ [1]).

Названіе ложи Соединенныхъ Славянъ напоминаетъ о тайномъ обществѣ Соединенныхъ Славянъ, которое, по предложенію Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, но прямой связи между этою ложею и обществомъ Соединенныхъ Славянъ прослѣдить нельзя. Основатель этого общества артиллерійскій подпоручикъ Борисовъ 2-й первоначально на допросѣ заявилъ, что въ маѣ 1818 г. онъ вступилъ въ Одессѣ въ масонскую ложу Друзей Природы, по предложенію французскаго купца Ольвіера [2]) и что былъ членомъ ложи до самаго запрещенія тайныхъ обществъ въ 1822 г.; Горбачевскому же онъ говорилъ, что состоитъ членомъ масонской ложи Друзей Природы въ Малороссіи. Но затѣмъ Борисовъ 2-й показалъ,

[1]) Гос. Арх. I В. № 71; Pamiętniki G. Olizara, Lwów. 1892. Извлеченіе изъ нихъ см. въ „Рус. Вѣст.". 1893 г. №№ 8 и 9; въ 1818 Г. Олизаръ былъ членомъ ложи Палестина въ Петербургѣ.

[2]) Въ Одессѣ въ томъ же году начинала устраиваться шотландская ложа Трехъ Царствъ Природы.

что оба эти заявленія ложны, а что въ 1818 г., находясь въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила „питагоровой секты[1]), усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба". Затѣмъ къ прежней цѣли были присоединены „усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи отъ предразсудковъ", а также „основаніе извѣстной республики философа Платона". Такъ было устроено общество „Друзей Природы", которое просуществовало недолго. Затѣмъ онъ основалъ въ 1823 г. общество Соединенныхъ Славянъ, члены котораго должны были давать слѣдующую клятву:

„Вступая въ число Соединенныхъ Славянъ для избавленія себя отъ тиранства и для возвращенія свободы, столь драгоцѣнной роду человѣческому, я торжественно присягаю на семъ оружіи на взаимную любовь, что для меня есть Божествомъ и отъ чего я ожидаю исполненія всѣхъ моихъ желаній. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли и соблюдать глубочайшее молчаніе. Самый адъ со всѣми своими ужасами не вынудятъ у меня указать тиранамъ моихъ друзей и ихъ намѣренія. Клянусь, что уста мои тогда только откроютъ названіе сего союза предъ человѣкомъ, когда онъ докажетъ несомнѣнное желаніе быть участникомъ онаго; клянусь до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Особенная дѣятельность будетъ первою моею добродѣтелью, а взаимная любовь и пособіе—святымъ моимъ долгомъ. Клянусь, что ничто въ мірѣ тронуть меня не будетъ въ состояніи. Съ мечемъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствій,—пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то пусть угрызенія совѣсти будутъ первою местью гнуснаго клятвопреступленія, пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердцѣ моемъ и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣдняя, пусть отъ сей гибельной минуты, когда я забуду свои обѣщанія, существованіе мое превратится въ цѣпь неслыханныхъ бѣдъ[2]). Пусть

---

[1]) О союзѣ пиѳагорейцевъ см. *Шустеръ* „Тайныя общества, союзы и ордена", т. I, 1905 г., стр. 100—106. Объ ученіи Пиѳагора часто упоминали французскіе масонскіе писатели. Allgemeines Handb. der Freimaurerei, 3 Aufl. 1865, III, 210.

[2]) Отсюда до конца клятвы въ текстѣ ея, находящемся въ дѣлѣ другого члена общества Соединенныхъ Славянъ, Выгодовскаго, иначе: „Пусть увижу все близкое къ моему сердцу отъ сего оружія посреди страшныхъ мученій издыхающимъ, а сей мечъ, достигая виновнаго, пускай покроетъ его ранами и безславіемъ и, собравши на главу того всѣ тягости физическихъ и нравственныхъ золъ, напечатлѣютъ на семъ челѣ печать отверженія отъ цѣлой природы".

увижу все любезное моему сердцу издыхающимъ отъ сего оружія въ ужасныхъ мученіяхъ, и оружіе сіе, достигая меня, преступнаго, пусть покроетъ меня ранами и безславіемъ, собравъ на главу мою цѣлое бремя физическаго и моральнаго зла, выдавитъ на челѣ печать юродливаго сына сей природы [1]".

Я полагаю, что клятва эта навѣяна правилами карбонаріевъ. Вотъ, напр., какую клятву приносили карбонаріи 2 й товарищеской степени, въ ложѣ въ Неаполѣ, носившей названіе *Свободныхъ Пиѳагорейцевъ*. „Я клянусь предъ великимъ архитекторомъ вселенной и даю мое честное слово на этомъ оружіи, которое мститъ клятвопреступникамъ, самымъ строжайшимъ образомъ, ненарушимо хранить тайну достопочтенной ложи и никогда не открывать ее постороннимъ, а также и ученику тайну степени товарища. Я клянусь питать дружбу и вѣчную привязанность ко всѣмъ моимъ братьямъ, помогать имъ въ нуждѣ и всегда оказывать имъ поддержку даже цѣною своей крови.. Я клянусь въ вѣчной ненависти къ тиранамъ и всѣмъ ихъ приспѣшникамъ и въ томъ, что буду изыскивать всѣ случаи для ихъ искорененія. Клянусь, что не буду принадлежать ни къ какому обществу, враждебному этому. Наконецъ, клянусь, что если я когда-либо окажусь клятвопреступникомъ, то буду готовъ на то, чтобы мое тѣло было разорвано на куски, брошено въ огонь, обращено въ пепелъ и разсѣяно по вѣтру, наконецъ, чтобы мое имя вызывало омерзеніе у всѣхъ братьевъ, разсѣянныхъ по поверхности земли". Названіе ложи неаполитанскихъ карбонаріевъ („Свободные Пиѳагорейцы"), быть можетъ, не случайно совпадаетъ съ желаніемъ Общества Друзей Природы, основаннаго Борисовымъ 2-мъ въ 1818 г., стремиться къ осуществленію правилъ „Пітагоровой секты". У неаполитанскихъ Свободныхъ Пиѳагорейцевъ были брошюрки съ правилами ихъ ложи (на итальянскомъ языкѣ), и онѣ могли сдѣлаться Борисову 2-му извѣстными въ Одессѣ чрезъ французскаго купца Ольвіера. Впрочемъ, карбонарскія вліянія могли проникать въ Россію и черезъ Польшу [2]).

Въ донесеніи агента изъ Кіева отъ 15 февраля 1822 г. (на французскомъ языкѣ) было сказано: „масонскія ложи со дня на день все болѣе укрѣпляются во всей странѣ; дѣло идетъ уже не о масонствѣ, — это секретное собраніе людей злоумышленныхъ. Наиболѣе знаменита ложа въ Житомірѣ. Есть тайная ложа въ Кременцѣ, а также въ Волынской губ. въ Рафаловкѣ, у Нарциза Олизара, который, какъ говорятъ, въ сношеніяхъ съ Краковомъ, главнымъ центромъ польскихъ злоумышленниковъ" [3]).

---

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 431, л. 10.
[2]) *Askenazy*. Rosya—Polska, Lwów, 1907, 96, 97, 99.
[3]) Это донесеніе было найдено въ кабинетѣ Александра I послѣ его

Если въ этомъ доносѣ и есть обычное шпіонское преувеличеніе, то все же связь польскаго масонства съ политическимъ освободительнымъ движеніемъ несомнѣнна.

Въ Житомірѣ находилась принадлежавшая къ союзу Астреи ложа Разсѣяннаго Мрака, многіе члены которой были въ сношеніяхъ съ членами Южнаго общества, какъ это видно изъ того, что послѣ 14 декабря 1825 г. было арестовано до 20 помѣщиковъ Волынской губ., принадлежавшихъ большею частью къ Житомірской ложѣ: волынскій губернскій предводитель дворянства Петръ Мошинскій, Станиславъ Карвицкій и др. [1]). Въ Житомірѣ находились и многіе члены общества Соединенныхъ Славянъ [2]).

IX.

7 іюля 1821 г. въ Кишиневѣ образовалась масонская ложа, принявшая названіе Овидія и рѣшившая работать на французскомъ языкѣ. Учредителями ея были 13 человѣкъ. Управляющимъ ложею былъ генералъ-майоръ П. С. Пущинъ. Онъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку [3]). Кн. С. П. Трубецкой во время слѣдствія показалъ, что Пущинъ былъ членомъ Общества (Союза Благоденствія), но уже давно ни съ кѣмъ изъ членовъ его сношенія не имѣетъ. Комаровъ по слухамъ также назвалъ его членомъ Общества. Въ Кишиневѣ онъ былъ бригаднымъ командиромъ и до пріѣзда М. Ѳ. Орлова временно командовалъ 16-ю дивизіею. Уже въ это время приступлено было къ учрежденію ланкастерской школы въ Кишиневѣ, въ которую нѣсколько позднѣе преподавателемъ былъ назначенъ Влад. Ѳеод. Раевскій, извѣстный членъ Тайнаго Общества [4]). Киселевъ считалъ П. С. Пущина „офицеромъ дѣятельнымъ и полезнымъ въ службѣ“, но когда на него поднялось гоненіе, нашелъ его человѣкомъ „слабымъ“, т. е., очевидно, неспособнымъ къ поддержанію жестокими сред-

---

смерти. „Гос. Арх.“ I. В. № 12, л. 19. Какъ было упомянуто выше, ложа въ Рафаловкѣ находилась подъ управленіемъ варшавскаго Великаго Востока. Этотъ доносъ могъ сыграть извѣстную роль и въ дѣлѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи вообще а также отчасти объяснить и раздраженіе Александра I въ 1824 г. противъ брата Нарциза Олизара, Густава.

[1]) „Древняя и новая Россія“ 1879 г., октябрь, стр. 153 — 154. Къ слѣдствію въ Петербургѣ привлекались члены этой ложи Станиславъ Проскура, который былъ освобожденъ („Госуд. Арх.“ I. В. № 182) и гр. Мошинскій („Гос. Арх.“ I. В. № 321) Любопытно, что, когда Станиславу Проскурѣ было предложено вступить въ польское тайное общество, онъ отвѣчалъ, что только тогда вступитъ въ него, когда члены его отпустятъ на волю своихъ крестьянъ.

[2]) Записки декабриста Горбачевскаго. „Рус. Арх.“ 1882 г., т. I, стр. 476.

[3]) Записки Вигеля VII, 183; „Рус. Арх.“ 1866 г., 1126. Въ 1817 — 18 г. онъ былъ отсутствующимъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ.

[4]) „Рус. Арх.“ 1866 г., стр. 1429.

ствами тогдашней суровой дисциплины [1]). Генералъ Сабанѣевъ писалъ Закревскому изъ Бендеръ въ 1817 г.: „служившій въ гвардіи полковникъ Пущинъ малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ, прекраснѣйшій“ [2]). Онъ былъ большимъ пріятелемъ М. Ѳ. Орлова [3]).

Въ числѣ остальныхъ 12 учредителей ложи были еще 4 офицера: ген.-майоръ Сергѣй Тучковъ, бывшій членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ и почетнымъ членомъ ложи Сѣвернаго Свѣтильника въ Минскѣ, майоръ Максимовичъ, членъ ложи Золотого Шара въ Гамбургѣ, подполковникъ Бароцци, членъ закрытой уже ложи Георгія Побѣдоносца, бывшей при нашемъ отдѣльномъ корпусѣ во Франціи, и подполковникъ Кюрто, витія (ораторъ) ложи Озириса къ Пламенѣющей Звѣздѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Остальными учредителями были естествоиспытатель Тарданъ, писатель Бранковичъ, докторъ медицины и хирургіи Гирлянда, адвокатъ Флёри, бывшій французскій офицеръ баронъ Шамбонно, бояринъ Бернардо, купецъ Драгушевичъ и, наконецъ, баронъ Луи Треска, бывшій испанскій масонъ, мастеръ мадридскаго Востока. Послѣдній имѣлъ хорошее прошлое. 27 ноября 1816 года кн. Вяземскій писалъ о немъ изъ Москвы А. И. Тургеневу: „на-дняхъ пріѣдетъ къ тебѣ съ письмомъ отъ меня гишпанецъ, несчастный изгнанникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые бились за свободу, независимость отечества и законнаго царя“ (Фердинанда VII), „который изъ благодарности пустилъ ихъ по міру. Судьба его бросила въ Россію. Въ Одессѣ видѣлъ онъ великаго князя Николая Павловича, который пригласилъ его въ Петербургъ, куда онъ и ѣдетъ. Онъ—баронъ Треска, и мнѣ рекомендованъ Плещеевымъ“ [4]).

Великая ложа Астрея вполнѣ сочувственно отнеслась къ просьбѣ кишиневской ложи и въ собраніи 17 сентября 1821 г. включила ее въ число ложъ своего союза подъ № 25, уполномочивъ своего великаго мастера выслать ей патентъ, какъ только онъ найдетъ это нужнымъ. Мы видѣли въ первой статьѣ, что сенаторъ Кушелевъ, намѣстный мастеръ

---

[1]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 78, стр. 59, 95.

[2]) „Сборн. Ист. Общ.“, т. 73, стр. 672.

[3]) Неудивительно, что Вигелю онъ не нравился. Записки Вигеля VI, 115, VII, 183.

[4]) „Остафьевскій Архивъ“ I, 64, ср. 65, 38. Онъ былъ въ крайней нуждѣ, такъ что кн. Вяземскому пришлось позаботиться о снабженіи его одеждою и деньгами. Крайне нуждался онъ и въ Кишиневѣ (Пущинъ собралъ для него до 150 рублей), но тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній называть его „личностью темною“, „подозрительною“, какъ это дѣлаетъ Н. К. Кульманъ. Это видно изъ того, что изъ Кишинева онъ поѣхалъ въ Варшаву „для заведенія“, какъ донесли правительству, „въ польскихъ войскахъ масонской ложи“. Быть шпіономъ онъ не могъ уже потому, что говорилъ только по-испански, а по-французски объяснялся съ большимъ затрудненіемъ“. *Кульманъ*. „Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа“. „Журн. мин. нар. просв.“ 1907 г. № 10, стр. 354—355, 372.

Астреи, возражалъ противъ немедленнаго признанія кишиневской ложи, предлагая „подробно узнать о просителяхъ, имѣютъ ли они требуемыя масонствомъ отличныя качества и пользуются ли какъ отъ тамошняго правительства, такъ и отъ общества своего совершенной довѣренностью уваженія". Однако 7 октября „чиновники" ложи Астреи подписали грамоту ложи Овидія, но Кушелевъ отъ этого отказался.

Составъ ложи Овидія не ограничился одними учредителями. Извѣстно свидѣтельство А. С. Пушкина въ письмѣ къ Жуковскому (1826 г.), что онъ былъ членомъ этой ложи [1]). Пушкинъ не значился въ числѣ учредителей ложи, но есть показаніе ея члена д-ра Шуллера [2]) 20 декабря 1826 г. о томъ, что, кромѣ извѣстныхъ уже намъ генерала Пущина, д-ра Гирлянда, Максимовича и Брачини (вѣроятно, Бранковича), членами этой ложи были „Александръ Пушкинъ", помѣщикъ Алексѣевъ, состоявшій по особеннымъ порученіямъ при ген.-лейт. Инзовѣ, [3]) и аптекарь Майглеръ. Другихъ членовъ ложи Шуллеръ не помнилъ. Шуллеръ показалъ, что цѣль ложи Овидія была благотворительная, такъ какъ во время собраній собирались деньги въ пользу бѣдныхъ [4]). Изъ документа, напечатаннаго Н. К. Кульманомъ видно, что членами ложи были также декабристъ и поэтъ майоръ В. Ѳ. Раевскій и швейцарецъ Миттергоферъ. Что касается Іосифа Розенберга, чрезъ котораго захотѣлъ втереться въ ложу полицейскій агентъ, то это былъ „братъ-служитель", т. е. лакей [5]).

Уже одного имени В. Ѳ. Раевскаго достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что въ ложѣ Овидія разговаривали не объ одной благотворительности. Извѣстны слова Пушкина въ уже упомянутомъ выше письмѣ Жуковскому: „Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ майоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ кишиневской ложи, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи." Изъ первой статьи нашей видно, что причины закрытія масонскихъ ложъ были очень сложны и что запрещеніе у насъ масонства подготовлялось постепенно; поэтому слова Пушкина о томъ, что изъ-за кишиневской ложи были уничтожены всѣ ложи въ Россіи, не могутъ быть признаны вполнѣ соотвѣтствующими истинѣ, но тѣмъ не менѣе очень важно опредѣлить, почему кишиневская

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка, подъ редак. В. И. Саитова, т I, 318.

[2]) Онъ былъ также членомъ ложи Parfait Réunion, находившейся подъ управленіемъ Великаго Востока въ Парижѣ.

[3]) О дружественныхъ отношеніяхъ Н. С. Алексѣева съ Пушкинымъ см. статью г. *Бартенева*. „Пушкинъ въ южной Россіи" и замѣчанія на нее Липранди въ „Рус. Арх." 1866 г. Тамъ же см. о д-рѣ Шуллерѣ.

[4]) Архивъ главнаго штаба, секретная опись 1826 г. дѣло № 488. Это показаніе, какъ и нѣкоторыя другія бумаги изъ архива генеральнаго штаба, извѣстно намъ по копіи Н. Ѳ. Дубровина.

[5]) Статья Н. К. Кульмана, стр. 365.

ложа была такъ скоро закрыта, почему Александръ I проявилъ такую строгость относительно П. С. Пущина и запретилъ всѣмъ военнымъ участвовать въ масонскихъ ложахъ Бессарабіи.

Поводомъ къ этимъ репрессіямъ является, повидимому, документъ 1821 г. о „кишиневскихъ новостяхъ", составленный по донесеніямъ секретныхъ агентовъ, который начинается такимъ образомъ: „въ ланкастеровой школѣ, говорятъ, что, кромѣ грамоты, учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины говорятъ: „дивизіонный командиръ" (М. Ѳ. Орловъ) „нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ". 16-ю дивизію называютъ орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство. Охотниковъ [1]) поѣхалъ въ Кіевъ просить дивизіоннаго командира, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣе". [2]) Далѣе говорится о томъ, что Липранди обѣщаетъ солдатамъ свою защиту при помощи дивизіоннаго командира и приведены слова рядового съ выраженіемъ сочувствія Орлову и нелюбви къ корпусному командиру Сабанѣеву. Нужно имѣть въ виду, что эти донесенія изъ Кишинева были получены въ 1821 г. и находятся въ одномъ дѣлѣ съ документами, касающимися кишиневской ложи. [3]) Послѣдствія этихъ донесеній сказались очень скоро послѣ того, какъ конституировалась кишиневская ложа; эти донесенія окрасили особымъ свѣтомъ другія, дошедшія до свѣдѣнія Александра I, донесенія о томъ, что будто бы въ Измаилѣ учреждается масонская ложа подъ управленіемъ ген.-м. Тучкова, а въ Кишиневѣ подъ управленіемъ прибывшаго изъ Молдавіи кн. Суццо. Въ февралѣ этого года Ипсиланти провозгласилъ греческое возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ, которое тамъ было окончательно подавлено лишь къ октябрю. Въ томъ же 1821 г. была представлена Александру I записка Грибовскаго о тайномъ обществѣ, закрыты масонскія ложи въ Царствѣ Польскомъ и проч. Рѣшено было дѣйствовать въ Бессарабіи весьма рѣшительно. 19 ноября 1821 г. кн. Волконскій сообщилъ генералу Инзову, который самъ былъ масономъ (онъ состоялъ членомъ ложи Золотой Шаръ въ Гамбургѣ), повелѣніе государя немедленно закрыть всѣ существующія въ Бессарабіи масонскія ложи „и впредь имѣть неослабное наблюденіе", чтобы ихъ не было въ этомъ краю подъ страхомъ строгой отвѣтственности. Сдѣлалось извѣстнымъ и участіе Пушкина въ масонской ложѣ, почему Инзову велѣно

---

[1]) Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества. См. отзывы о немъ Липранди („Рус. Арх." 1866 г., стр. 1252) и М. Ѳ. Орлова („Былое" 1907 г. № 10, стр. 307—308). Онъ умеръ до слѣдствія о дѣлѣ декабристовъ.

[2]) „Рус. Стар." 1883 г. т. 40, стр. 657—8; Военно-ученый Архивъ, отд. 1, № 1018. Вѣроятно, этотъ документъ составляетъ одно изъ тѣхъ „приложеній", присланныхъ П. М. Волконскимъ къ Витгенштейну, которыя послѣдній переслалъ къ Киселеву. Ср. ст. Кульмана, стр. 20.

[3]) Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 1018.

было донести государю, „въ чемъ состоятъ и состояли занятія" Пушкина „со времени опредѣленія его" къ нему, „какъ онъ велъ себя" и почему не было обращено вниманія на занятія его по „масонскимъ ложамъ?" При этомъ повторено было предписаніе „имѣть за поведеніемъ и дѣяніями его самый ближайшій и строгій надзоръ". [1]) Въ тотъ же день кн. П. М. Волконскій секретно передалъ главнокомандующему 2-й арміи гр. П. X. Витгенштейну волю государя, „чтобы и онъ обратилъ вниманіе на учреждаемыя или уже открытыя масонскія ложи въ Бессарабіи, и чтобы никто изъ чиновъ 2-й арміи въ нихъ не вступалъ, за чѣмъ и имѣть строжайшій надзоръ". Волконскій добавилъ, что, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до государя, „полагается быть причастнымъ" къ нимъ генералъ-майоръ Пущинъ, котораго и предписано было „взять въ особенное замѣчаніе" [2]).

Добрякъ Инзовъ старался по возможности защитить членовъ кишиневской ложи, какъ и подобало масону относительно братьевъ-масоновъ. Онъ отвѣчалъ 1 декабря, что г.-м. Пущинъ показывалъ ему бумагу, полученную имъ отъ Астреи, которою дозволяется ему „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ" открыть символическую ложу (т. е. обыкновенную іоанновскую ложу, состоящую изъ братьевъ трехъ степеней) „на правилахъ, извѣстныхъ правительству", причемъ показалъ и списокъ членовъ-основателей; на это онъ, Инзовъ, отвѣчалъ, что не можетъ разрѣшить устройства ложи, пока не получитъ соизволенія государя, чѣмъ „и выполненіе остановлено". Въ Измаилѣ, доносилъ Инзовъ, никакихъ ложъ не существуетъ, а ген.-м. Тучковъ подписался въ числѣ учредителей кишиневской ложи. Инзовъ заявлялъ, что хотя онъ „самъ былъ масонъ", но, несмотря на то, никогда не допустилъ бы подобныхъ учрежденій „безъ воли государя", увѣрялъ, будто бы „масонскихъ ложъ въ Бессарабіи нѣтъ" и что не имѣетъ причины что-либо скрывать отъ государя. Что касается Пушкина, то онъ „ведетъ себя изрядно", масономъ же быть не можетъ, хотя бы и желалъ, такъ какъ ложа не открыта. [3])

Гр. Витгенштейнъ препроводилъ письмо кн. Волконскаго къ начальнику штаба 2-й арміи П. Д. Киселеву и поручилъ ему разузнать о масонскихъ ложахъ и объ участіи въ масонствѣ Пущина. По требованію Киселева, Пущинъ составилъ записку (до сихъ поръ неразысканную), представилъ списокъ учредителей масонской ложи и изъявилъ готовность отказаться отъ участія въ ней. Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ Витгенштейну Киселевъ далъ одобрительный отзывъ о Пущинѣ и майорѣ Максимовичѣ, какъ офицерахъ, относительно же подполковника Кюрто замѣтилъ, что у

---

[1]) „Рус. Стар." 1883 г. № 12, стр. 654—655.
[2]) Ст. Н. К. Кульмана, стр. 359.
[3]) Рус. Стар. 1883 г. № 12, стр. 655—657.

него 9 человѣкъ дѣтей, и что онъ „масонствомъ мало занимается“. Въ письмѣ къ Сабанѣеву Киселевъ сообщалъ желаніе Витгенштейна, чтобы всякія масонскія учрежденія были извѣстны начальству, чтобы за ними было „неослабное смотрѣніе“ и о нихъ немедленно доносилось бы главнокомандующему. Пущинъ извѣстилъ Киселева, что прекратитъ сношенія съ масонами, прежде же не думалъ, чтобы въ этомъ было что-либо „противное начальству“. [1]) Витгенштейнъ ходатайствовалъ предъ государемъ о прощеніи Пущина, Кюрто и Максимовича.

16 декабря Киселевъ сообщилъ ген. Рудзевичу волю Александра I, чтобы офицерамъ не дозволялось вступать въ ложи, и что считается полезнымъ негласно составить списокъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ или и теперь числящихся масонами, чтобы надзоръ за ними могъ быть успѣшнѣе. Рудзевичъ изъ Одессы 8 января 1822 г. отвѣчалъ, что пока существованія ложъ не замѣчено, графъ же Ланжеронъ, бывшій членомъ одесской ложи Понта Евксинскаго и почетнымъ членомъ многихъ другихъ ложъ, отвѣчалъ 16 января, что въ масонской ложѣ, существующей въ Одессѣ, нѣтъ ни одного изъ чиновъ 2-й арміи, и такъ какъ онъ самъ состоитъ членомъ этого общества, то, „присутствуя всегда“ въ его собраніяхъ, можетъ удостовѣрить, что „въ ложѣ не происходитъ ничего предосудительнаго и что о политическихъ дѣлахъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не разсуждаютъ“.

Вслѣдствіе словъ Инзова въ отвѣтѣ Волконскому, что Астрея дозволила Пущину открыть ложу съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, по повелѣнію государя, былъ сдѣланъ 22 декабря 1821 г. запросъ управляющему министерства внутреннихъ дѣлъ Кочубею, а тотъ снесся съ управленіемъ союза Астреи [2]). Затѣмъ былъ сдѣланъ новый запросъ по этому дѣлу Инзову, на который онъ 15 января 1822 г. отвѣчалъ кн. Волконскому, что не могъ получить отъ Пущина подлиннаго разрѣшенія Астреи на открытіе ложи въ Кишиневѣ, такъ какъ выдача его лицу, не принадлежащему къ этому союзу, „было бы со стороны его нарушеніемъ обязательства и сдѣланной ему довѣренности“. При этомъ Инзовъ пояснилъ, что въ бумагѣ Астреи нѣтъ словъ, что ложа учреждается „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, да и не могло быть“, такъ какъ „существованіе масонскихъ ложъ не входитъ въ твердыя постановленія правительства, но токмо терпимо“ имъ, слѣдовательно, и формальнаго до-

---

[1]) Изъ донесенія агента видно, что 9 декабря ночью Пущинъ приказалъ перенести всѣ украшенія ложи въ свою квартиру и помѣщеніе ея сдать въ наемъ.

[2]) „Рус. Стар.“ 1907 г. № 2, стр. 345.

зволенія не бываетъ. Что же касается употребленныхъ Инзовымъ въ его первомъ отвѣтѣ словъ „съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ“, то они объясняются тѣмъ, что въ бумагѣ, полученной Пущинымъ отъ Астреи, было сказано, что она работаетъ съ согласія правительства, и въ § 60 ея Уложенія есть указаніе на то, что она можетъ „съ свѣдѣнія и дозволенія правительства“ устраивать ложи во всей Россіи. Этотъ отвѣтъ Инзова, доложенный Волконскимъ государю, очень повредилъ Пущину. Александръ I приказалъ объявить ему, чтобы онъ „непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ“, доставилъ оригинальную бумагу Астреи, такъ какъ „никто и никакая ложа въ Россіи не можетъ противиться высочайшему повелѣнію, которое должно всѣми и во всякомъ случаѣ исполняться безъ прекословія и малѣйшаго разсужденія“, въ случаѣ же какого-либо сопротивленія, Инзову разрѣшалось употребить даже силу. Воля государя была исполнена, и въ письмѣ отъ 22 февраля Инзовъ оправдывался тѣмъ, что въ первомъ предписаніи Волконскаго ему велѣно было „постараться“ достать бумагу, присланную Астреею, почему онъ и не рѣшился тогда потребовать ее именемъ государя.

Гнѣвъ Александра I на Пущина сказался въ томъ, что когда онъ, будучи дѣйствительно больнымъ, попросился въ отпускъ, чтобы ѣхать на воды за границу, то Волконскій передалъ гр. Витгенштейну волю государя, что такъ какъ 2-я армія „находится въ готовности къ походу, то отпусковъ давать не время“, и потому Пущина велѣно было вовсе уволить отъ службы за болѣзнью. Мало того, когда, живя въ Одессѣ, Пущинъ, уже въ отставкѣ, пожелалъ уѣхать за границу, то на просьбу Ланжерона о выдачѣ ему паспорта былъ полученъ отказъ. Тогда Пущинъ написалъ Волконскому письмо, въ которомъ говоритъ: „правда, что я былъ масономъ уже давно и что участвовалъ въ намѣреніи основать масонскую ложу въ Кишиневѣ, но до той минуты, покуда генералъ Киселевъ не объявилъ мнѣ, что государю императору то неугодно, я никакъ не полагалъ, что тѣмъ дѣлаю что-либо противное волѣ Е. И. В-ва, и коль скоро я узналъ, что на сіе нѣтъ высочайшаго соизволенія, то тогда же и отрекся отъ всякаго участія. Слѣдственно вина моя состояла въ одномъ только невѣдѣніи; но, зная въ точности, что единственная цѣль масонскихъ ложъ была благотвореніе, и что оныя съ дозволенія правительства терпимы во всей имперіи, могъ ли я думать, что обстоятельство столь маловажное будетъ имѣть такія вредныя для меня послѣдствія? Полагая, что могу дѣлать все то, что не запрещено никакимъ постановленіемъ и что не клонится ни къ какому злу, я не отказался участвовать въ основаніи масонской ложи въ Кишиневѣ по примѣру другихъ городовъ, но ложа сія никакъ не имѣла назначенія принадлежать къ арміи“. Странно только утвержденіе Пущина,

что никто изъ чиновниковъ арміи, т. е. офицеровъ, не былъ принятъ въ Кишиневскую ложу и что „и предположенія на сіе никакого не было“.

До свѣдѣнія правительства еще дошло, что баронъ Треска былъ отправленъ Пущинымъ въ Варшаву для заведенія ложи въ польскихъ войскахъ. Пущинъ отвѣчалъ, что у него не было этого и „въ помышленіи“, что Треска былъ въ Кишиневѣ очень короткое время и находился въ такомъ крайнемъ положеніи, что онъ собралъ для него 100 или 150 руб. Къ тому же Треска показался Пущину „нѣсколько тронутымъ въ умѣ“, съ трудомъ объяснялся по-французски, а такъ какъ Пущинъ по-испански не говорилъ, то и не могъ находиться съ нимъ въ „очень пространныхъ сношеніяхъ“. При отъѣздѣ Треска дѣйствительно сказалъ, что ѣдетъ въ Варшаву, но отъ него, Пущина, онъ никакихъ порученій не получалъ. Пущинъ просилъ изслѣдовать его поведеніе въ этомъ дѣлѣ, но Александръ I приказалъ оставить его письмо безъ отвѣта [1]).

Во время слѣдствія о декабристахъ показанія Трубецкого и Комарова обратили на Пущина вниманіе слѣдственной комиссіи, но Николай I велѣлъ оставить его въ покоѣ, вѣроятно, потому, что онъ уже былъ въ это время въ отставкѣ.

Такъ закончилась исторія кишиневской ложи. Незабвенный памятникъ ей воздвигъ Пушкинъ экспромтомъ, обращеннымъ къ Пущину:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа,—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода!“

Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменьщикъ почтенный!
О, Кишиневъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный!“ [2])

Серьезнѣе, чѣмъ Пущинъ, пострадалъ другой членъ масонской ложи въ Кишиневѣ, маіоръ Влад. Θеодос. Раевскій, хотя и не по дѣлу масонской ложи, а за пропаганду среди нижнихъ чиновъ. 5 февраля 1822 г. Пушкинъ предупредилъ его, что, какъ онъ слышалъ своими ушами, Сабанѣевъ говорилъ, что его нужно арестовать. Пушкинъ прибавилъ: „нашъ Инзушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо“. На другой день Раевскій былъ взятъ и отвезенъ въ Тираспольскую крѣ-

---

[1]) Документы кишиневской ложи, хранящіеся въ Военно-ученомъ Архивѣ, кромѣ напечататанныхъ ранѣе, помѣщены въ приложеніяхъ къ ст. Н. К. Кульмана.

[2]) Соч. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, I, 1903 г., стр. 440.

ность. Въ „Посланіи къ друзьямъ въ Кишиневъ“, написанномъ такъ въ 28 марта 1822 г. [1]), есть прямой совѣтъ Пушкину:

„Оставь другимъ пѣвцамъ любовь,—
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ [2]) съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой“.

Въ другомъ стихотвореніи, „Пѣвецъ въ темницѣ“, написанномъ спеціально для Пушкина, Раевскій упоминаетъ о Новгородѣ и Псковѣ, о Мареѣ Посадницѣ и Вадимѣ. Стихотвореніе это произвело на Пушкина очень сильное впечатлѣніе, и онъ прочелъ изъ него Липранди (который принесъ его отъ Раевскаго) отрывокъ, его сильно поразившій.

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бичей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнитъ на плахѣ [3])“.

Раевскій пробылъ въ заключеніи въ разныхъ крѣпостяхъ 5 лѣтъ и $8^1/_2$ мѣсяцевъ и затѣмъ, въ 1827 г., былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь [4]).

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Русская Старина“ 1890 г. № 5, стр. 365—368.
[2]) Палачъ.
[3]) „Рус. Арх.“ 1866 г., 1451, „Рус. Стар.“, 1887 г. № 10, стр. 183—184, „Вѣстн. Евр.“ 1874 г., № 6, стр. 857. *И. Ѳоминъ*, „Собр. стихотв. декабристовъ“, т. II, М. 1907 г., стр. 117—8.
[4]) См. о немъ книжку *П. Е. Щеголева* „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій“. Спб. 1905.

Саратовскій семидесятникъ.

(*Продолженіе* [1]).

Сношенія мѣстной молодежи съ пріѣзжими и проѣзжими, помимо умственныхъ возбужденій, вносили въ ея жизнь много разнообразія, а нѣкоторые эпизоды неожиданныхъ встрѣчъ и невольныхъ qui pro quo не лишены были комическаго оттѣнка. Разъ, напримѣръ, произошелъ такой случай:

Въ кружкѣ пріѣзжихъ народниковъ состояла, между прочимъ, акушерка Марія Антоновна Брещинская, у которой была явочная квартира для вновь прибывающихъ въ городъ пропагандистовъ. Осенью 77-го года Брещинскую арестовали, подержали немного и выпустили, установивъ за нею самый назойливый надзоръ. Являться на квартиру къ Брещинской въ этотъ періодъ было нельзя, и самый адресъ свой она сообщала неохотно, находя нужнымъ выдержать своего рода карантинъ. Въ этотъ именно моментъ въ подвальчикъ на Армянской, гдѣ жилъ тогда Поливановъ съ друзьями, заявилась однажды молодая, румяная и полная дѣвушка въ крестьянскомъ костюмѣ и удивила всѣхъ просьбой сообщить ей адресъ Маріи Антоновны. „Пропагандистка или шпіонка? кому другому можетъ понадобиться конспиративный адресъ?“,—такое сомнѣніе было очень естественно, и дѣвушку подвергли довольно недовѣрчивому разспросу: кто она? откуда? зачѣмъ ей Марья Антоновна? Гостья сначала отвѣчала на всѣ эти вопросы довольно храбро, хотя и не совсѣмъ правдоподобно, но мало-по-малу увѣренности въ ея тонѣ становилось все меньше, а неправдоподобія въ отвѣтахъ становилось все больше, и въ концѣ концовъ, чуть не плача отъ смущенія, она призналась, что вовсе она не деревенская и никакой барыни, интересующейся Марьей Антоновной, у нея нѣтъ, а что есть у нея только фальшивый паспортъ и старый адресъ М. А—ны, по которому она и являлась, но, конечно, никого тамъ не нашла. Какъ же она очутилась на

[1]) См. Минувшіе годы. Январь.

Армянской? Кто ее сюда направилъ?—Тутъ пришлось выслушать такое трагикомическое повѣствованіе:

Гостья наша—дѣвица Т., петербургская курсистка, дочь помѣщика —ской губерніи. Рѣшила она пойти въ народъ, уѣхала изъ Петербурга и поступила работницей на одну фабрику въ Самарѣ. Работа ее не пугала, и она готова была бы оставаться въ этомъ положеніи и дольше, но... тутъ молодая особа краснѣла, не договаривала и выражалась больше намеками, но изъ этихъ намековъ было совершенно ясно, въ чемъ дѣло. Въ увлеченіи идеей служенія народу наша пропагандистка совсѣмъ позабыла, что вѣдь она женщина, и притомъ молодая, миловидная женщина,—а разные „чины" фабричнаго персонала именно это и примѣтили, какъ только она появилась на фабрикѣ, и въ то время какъ она собиралась проповѣдывать любовь къ человѣчеству, тѣ стали ей предлагать „любовь" совсѣмъ иного рода. О возможности такихъ предложеній, собираясь въ народъ, дѣвица Т. и не думала; ей просто и въ голову не приходило, что разъ она изъ барышни превратится по внѣшности въ деревенскую дѣваху, то всякій начальствующій хамъ будетъ глядѣть на нее, какъ на свою законную добычу, что хамъ не преминетъ ее и облапить и чмокнуть, и сказать ей въ видѣ любезности невозможнѣйшую сальность. Такого рода „любезности" сдѣлали для Т. пребываніе на фабрикѣ невыносимымъ, и она рѣшила уѣхать въ Саратовъ, куда имѣла явку на адресъ Брещинской. Денегъ у ней только и было, что на проѣздъ въ третьемъ классѣ до Саратова, и явилась она въ чужой городъ безъ гроша, прозябшая, усталая, но далекая отъ тревоги, т. к. знала, что у Марьи Антоновны найдетъ, наконецъ, отдыхъ. Съ увѣренностью въ томъ, что это уже послѣднія минуты ея скитаній она входила на крыльцо деревяннаго домика, который розыскала по своей записи, позвонила и ждала, когда ее впустятъ, и она окажется опять въ знакомой обстановкѣ, не какой-то „Дунькой" или „Акулькой", а настоящей Катей Т., которую друзья уже давно ждутъ и, быть можетъ, совсѣмъ заждались... Отворилась дверь, появилась на порогѣ какая-то старуха: „Кого тебѣ, матушка?"—„Марью Антоновну"—„Э! милая, она давно съѣхавши!"—„Куда? не знаете ли ея адреса?"—„Да кто ее знаетъ! говорила она тогда, да ужъ теперь не помню право: то ли на Камышенскую, то ли на Царицынскую... врать не стану"... Оглушенная такой неожиданностью, Т. просила хозяйку припомнить кого-нибудь изъ посѣтителей М. А—ны; не знаетъ ли она хоть какого-нибудь адреса?—но хозяйка на всѣ разспросы отвѣчала безнадежно: „Да кто же ихъ тамъ знаетъ: много всякаго народа бывало... вотъ одинъ, знаю, съ почты бывалъ... Николай Иванычъ зовутъ... съ рыженькой бородкой, кудреватенькій такой... а то, кто ихъ упомнитъ!.." Пріѣзжая ухватилась за

это,—хоть какая-нибудь нить находится!,—и стала добиваться, какъ фамилія этого почтоваго чиновника?—но тутъ всѣ свѣдѣнія хозяйки окончательно обрывались: „Съ почты онъ... бородка у него рыженькая“...—больше отъ нея ничего нельзя было добиться.—Пришлось тогда барышнѣ пуститься еще на одно мытарство: отправиться въ городской почтамтъ и тамъ разспрашивать чиновниковъ, гдѣ она можетъ увидѣть „Николая Иваныча съ рыженькой бородкой“,—а тотъ какъ разъ занимался не по пріемкѣ корреспонденціи, а въ канцеляріи почтамта, въ комнатахъ верхняго этажа, такъ что найти его сразу было не легко. Понятно, что появленіе интересной пейзанки съ ея странными разспросами произвело среди почтамтской молодежи маленькую сенсацію. Пейзанку окружила цѣлая толпа молодыхъ чиновниковъ, для которыхъ этотъ случай явился неожиданнымъ развлеченіемъ; посыпались шуточки и намеки, чуть не каждый увѣрялъ, что онъ-то именно и есть искомый Николай Ивановичъ, и барышня, вся пунцовая отъ смущенія, стояла въ этой толпѣ, какъ потерянная, когда на ея счастье узналъ, наконецъ, о посѣтительницѣ и настоящій Николай Иванычъ,—тотъ самый, разсказы котораго объ Астрахани такъ заинтересовали Поливанова. Не зная новаго адреса М. А—ны, онъ направилъ Т. на Армянскую, увѣренный въ томъ, что П. или кто-нибудь изъ его сожителей поможетъ гостьѣ розыскать всѣхъ, кого ей надо... Такимъ-то образомъ очутилась она у совершенно незнакомыхъ ей гимназистовъ, которые, конечно, готовы были сдѣлать для нея все, что только возможно, но для этого требовалось извѣстное время, т. к. адреса Марьи Антоновны никто изъ нихъ въ этотъ моментъ тоже не зналъ. Волей-неволей приходилось нелегальной гостьѣ остаться на день, на два въ гостепріимномъ подвальчикѣ, т. к. дѣвать ее было рѣшительно некуда. Поливановъ, конечно, тотчасъ же уступилъ ей свою комнату,—наименѣе холодную изъ трехъ, составлявшихъ квартиру,—сожители постарались окружить свою неожиданную гостью всѣмъ, доступнымъ для подвальчика „комфортомъ“ (о, если бы матушка m-elle Т. увидѣла ее среди такого „комфорта“!), а прежде всего, т. к. гостья была голодна, „заклали для нея лучшаго тельца отъ стадъ своихъ“, т. е. сбѣгали въ ближайшую лавочку и добыли колбасы и вѣсового хлѣба.

Пристроить у себя дѣвушку было нетрудно, но какъ объяснить ея присутствіе высокодобродѣтельной, и,—какъ водится у добродѣтельныхъ особъ,—весьма любознательной къ дѣламъ ближнихъ, подозрительной и склонной къ обличенію ихъ пороковъ хозяйкѣ, вдовѣ Смиренномудренской, которая ежедневно по нѣсколько разъ спускалась въ подвальчикъ то съ самоваромъ, то со щеткой для водворенія въ безалаберной холостой квартирѣ хоть какого-нибудь по-

рядка?—Рѣшено было, что Лавровъ, сынъ священника изъ города Камышина, скажетъ Аннѣ Дмитріевнѣ, что пріѣхала въ городъ изъ камышинскаго уѣзда его родственница, супруга сельскаго діакона, а барышнѣ было внушено, какъ она должна держать себя въ роли діаконицы. Сначала это измышленіе удалось. День-другой все шло хорошо. Но случилось такъ, что въ силу разныхъ мелкихъ осложненій пребываніе Т. у гимназистовъ затянулось дней на пять, на шесть, и однажды, вернувшись къ себѣ на квартиру послѣ обычной утренней бѣготни по разнымъ дѣлишкамъ, сожители увидали свою гостью взволнованной и разстроенной. „Въ чемъ дѣло? кто ее обидѣлъ?!". Произошло вотъ что:

Анна Дмитріевна, въ первый день встрѣтившая гостью весьма благосклонно, охладѣла къ ней очень быстро и что ни день становилась все подозрительнѣй; на этотъ разъ добродѣтельная вдовица рѣшилась, наконецъ, объясниться. Въ обычное время, когда всѣ разошлись, спустилась она внизъ со своей щеткой и сначала подметала и прибирала въ комнатахъ въ глубокомъ молчаніи, совершенно игнорируя присутствіе хорошенькой „дьяконицы". Потомъ она начала вздыхать и нѣтъ-нѣтъ пронизывать дьяконицу пристальными и горестными взорами. Наконецъ, неторопливо отставивъ щетку въ уголъ, сложила руки на груди и обратилась къ ней въ упоръ, безъ всякихъ предисловій, съ торжественнымъ назиданіемъ:

— Посмотрю я на тя: — дѣвка ты молодая... работать могла бы... А ты?—по емназистамъ шляешься!

Напрасны были всѣ протесты и увѣренія „дьяконицы". Анна Дмитріевна, какъ вдова священника, знала свой міръ, видала на своемъ вѣку много всякихъ дьяконицъ, и просвиренъ, и попадей, и дьячихъ, но въ этой гостьѣ рѣшительно отказывалась признать какую бы то ни было прикосновенность къ особамъ духовнаго званія. Самозванство было очевидно, а значитъ... Обличительное краснорѣчіе Анны Дмитріевны нашло въ этомъ случаѣ такую благодарную пищу, что несчастная барышня дошла чуть не до истерики, и понадобилось много хлопотъ, чтобы ее потомъ нѣсколько успокоить и заставить взглянуть на весь этотъ эпизодъ съ юмористической точки зрѣнія. Однако, этимъ однимъ дѣло не могло ограничиться. Надо было реабилитировать гостью въ глазахъ хозяйки, и сначала эту миссію, какъ родственникъ, взялъ на себя Лавровъ, но не имѣлъ успѣха. Проницательная вдовица на всѣ его доводы сурово отвѣчала:

— Знаю я этакихъ „дьяконицъ"! Ты еще скажешь, пожалуй,—игуменья?... Много ихъ, этакихъ дьяконицъ да игуменій, по Липкамъ бѣгаетъ... съ такими вотъ дьяконами, какъ ты!

Неудача Лаврова взбѣсила Поливанова не на шутку, и

онъ стремительно полетѣлъ наверхъ, въ украшенную образами и лампадками обитель добродѣтельной вдовы, и обрушился на нѐе съ такимъ негодованіемъ, что той пришлось отъ наступленія перейти къ защитѣ и, наконецъ, смириться, заявивъ унылымъ тономъ: Ну, ну!.. ужъ я и не знаю... Ну! можетъ и дьяконица...

Послѣ этого Т. оставалась на квартирѣ еще дня два или три, а Анна Дмитріевна, входя къ жильцамъ ограничивалась тѣмъ, что принимала видъ сокрушенный и на уста свои, обыкновенно столь наставительно многорѣчивыя, налагала нерасторжимую печать самаго угрюмаго молчанія.

Другой эпизодъ не совсѣмъ обычнаго характера произошелъ почти годомъ позже и героемъ его явился человѣкъ, съ которымъ Поливанову впослѣдствіи пришлось провести годы бокъ-о-бокъ въ крѣпостныхъ казематахъ.

Одинъ изъ кружковыхъ рабочихъ, слесарь Талаевъ, забѣжалъ однажды къ своему пріятелю - пропагандисту и попросилъ у него совѣта: заявился къ Талаеву въ мастерскую какой-то мужикъ, съ виду—обыкновеннѣйшій бурлакъ, и спросилъ у него, не знаетъ ли онъ какого-то А—скаго?—а когда получилъ отвѣтъ, что никакого А—скаго Т. не знаетъ, то сталъ настойчиво добиваться, чтобы Т. указалъ ему какого бы то ни было соціалиста, т. к. мужику, видите ли, А—скаго до зарѣза нужно, а соціалисты почему-то должны этого А—скаго знать... Все это показалось Талаеву въ высшей степени подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что на вопросъ: откуда этотъ мужикъ явился? и кто его къ Талаеву направилъ? — тотъ сослался на фельдшера Юнеева, жившаго въ одномъ селѣ, верстахъ въ 15 отъ Саратова, тогда какъ изъ разговора было ясно, что мужикъ не знаетъ даже, какъ зовутъ Юнеева по имени-отчеству, а вѣдь у насъ, въ кружкѣ, извѣстно, что за Юнеевымъ слѣдятъ и что жандармерія всячески старается установить связь Ю. съ городскими радикалами... Такъ ужъ не подосланный ли шпикъ этотъ любознательный бурлакъ?.. Изъ понятной при такихъ обстоятельствахъ осторожности Талаевъ отговорился, что никакихъ онъ соціалистовъ не знаетъ и съ Юнеевымъ вовсе незнакомъ; но въ виду того, что у мужика „рожа ужъ очень добродушная, и вообще онъ на шпика какъ-то не смахиваетъ, скорѣе такъ себѣ бурлачишко... можетъ быть, распропагандированный?",—проникнувшись къ нему нѣкоторой симпатіей, Талаевъ велѣлъ ему дожидаться въ Липкахъ, на опредѣленной скамеечкѣ, полуобнадеживъ, что тѣмъ временемъ онъ самъ поразспроситъ у знакомыхъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ какого ни на есть соціалиста? — Пропагандистъ посовѣтовалъ Т—ву итти въ Липки и тамъ дожидаться вмѣстѣ съ мужикомъ, предупредивъ, что вскорѣ онъ пройдетъ мимо нихъ какъ бы случайно, какъ совер-

шенно незнакомый человѣкъ, подсядетъ и заведетъ какой-нибудь разговоръ, а тамъ по тому впечатлѣнію, которое произведетъ на него этотъ мужикъ, либо встанетъ и пойдетъ дальше, либо поведетъ рѣчь на чистоту. Конспирировать, однако, пришлось недолго. Когда „случайный фланеръ“ подошелъ къ Талаеву, онъ увидалъ рядомъ съ нимъ на лавочкѣ русоволосаго мужичка съ бѣлымъ, слегка веснушчатымъ лицомъ и песочнаго цвѣта бородкой, голубоглазаго, съ виду чрезвычайно добродушнаго и совершенно простого. Никакой юркости, пронырливости, однимъ словомъ, ничего рѣшительно шпіонскаго въ его манерахъ не было. Держалъ онъ себя просто, говорилъ просто, нарочито народныхъ словечекъ или оборотовъ въ свои рѣчи не вклеивалъ, но только послѣ двухъ-трехъ минутъ какой-то, совершенно незначительной по содержанію, бесѣды, въ его голубыхъ глазкахъ начали проскальзывать искорки затаеннаго смѣха, и въ словахъ послышались нотки добродушно-лукаваго юмора, а еще черезъ нѣсколько минутъ положеніе „случайнаго фланера“ начало становиться достаточно глупымъ, т. к. „мужичекъ“, очевидно, прекрасно понималъ, что это за „фланеръ“, и тонкія,—какъ казалось пропагандисту, — и осторожныя нащупыванія мужичковой души самому мужичку были ясны, какъ день. Пришлось пропагандисту гораздо раньше, чѣмъ это предполагалось вначалѣ, скинуть свою маску и заявить напрямки:

— Ну, знаете,—довольно намъ другъ друга морочить! Говорите-ка лучше: кто вы такой? и зачѣмъ это вамъ понадобился Иванъ Ефимычъ?

Оказалось, что новый гость—студентъ медико-хирургической академіи Егоръ Ивановичъ Минаковъ, сынъ бывшаго инспектора херсонской гимназіи. Онъ затѣялъ пройти бурлакомъ весь путь отъ Рыбинска до Саратова, а въ Саратовъ, по указанію Шиловцева, имъ еще изъ Петербурга данъ адресъ для высылки ему денегъ на имя Ив. Ефимовича А—скаго, причемъ, однако, свою запись этого адреса Минаковъ въ пути затерялъ и очутился, такимъ образомъ, въ критическомъ положеніи: куда ему дѣваться безъ денегъ и безъ явки? На его счастье гдѣ-то на пароходѣ совершенно случайно услышалъ онъ разговоръ какихъ-то неизвѣстныхъ ему людей, очевидно, радикаловъ, и изъ этого разговора вывелъ заключеніе, что существуетъ въ селѣ N (ужъ не помню теперь названіе села) нѣкій фельдшеръ Юнеевъ, и что этотъ Юнеевъ имѣетъ, повидимому, какое-то отношеніе къ мѣстнымъ кружкамъ. Отсюда М сдѣлалъ и другое заключеніе: что черезъ Ю. онъ, можетъ быть, и разыщетъ какъ-нибудь своего „банкира“ А—скаго и, такимъ образомъ, получитъ возможность закончить свой бурлацкій путь и вернуться къ себѣ на югъ. Разузнавъ дорогу на Увекъ (Ю. служилъ, если

не въ самомъ Увекѣ, то гдѣ-то неподалеку), М. пѣхтурой двинулся туда, разыскалъ Ю. и, очевидно, смутилъ того своими подозрительными разспросами не мало, но въ концѣ концовъ добился отъ него довольно неопредѣленнаго указанія на то, что есть въ Саратовѣ слесарь Талаевъ, работающій тамъ-то, и что, можетъ быть, хотя и ненавѣрно, этотъ Талаевъ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ А—скаго и встрѣчался, но что, впрочемъ, ни онъ, Юнеевъ, ни Талаевъ, и никто изъ ихъ знакомыхъ никакихъ соціалистовъ не знавали, не знаютъ и знать не желаютъ... Оцѣнивъ какъ должно эти благонамѣренныя заявленія, М. опять зашагалъ въ Саратовъ, а тамъ ему ничего больше не оставалось, какъ пристать къ несчастному Талаеву съ ножомъ къ горлу: хоть роди, а подавай ему соціалиста!..

Случилось такъ, что А—скаго въ это время не было въ городѣ; онъ долженъ былъ вернуться недѣли черезъ двѣ-три, и опять молодежи пришлось закопошиться, пріискивая для гостя пріютъ и все необходимое.

Гость оказался человѣкомъ интереснымъ. Прежде всего,—онъ ни на кого не былъ похожъ. Поливанову и его друзьямъ уже пришлось за послѣдній годъ перевидать не мало пропагандистовъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга, и преобладавшій въ то время типъ революціонера былъ имъ достаточно знакомъ; какъ я уже говорилъ, почти всѣ пріѣзжіе имъ нѣсколько импонировали; за весьма рѣдкими исключеніями все это были люди серьезные; разговоры ихъ съ молодежью всегда носили идейный характеръ; какихъ-нибудь мелкихъ слабостей, при знакомствѣ не вполнѣ близкомъ, въ такихъ людяхъ нельзя было сразу же примѣтить; а съ этимъ Минаковымъ какъ-то такъ вышло, что съ первой же встрѣчи установились такія отношенія, словно бы онъ былъ нашъ однокашникъ и старый пріятель. Какое бы то ни было желаніе импонировать было ему не только чуждо,—оно ему прямо претило, несовмѣстимо было съ его не укладывающейся ни въ какія рамки натурой. Костюмъ босяка къ нему очень шелъ, и босяцкій образъ жизни тяготилъ его очень мало. Ни къ какимъ организаціямъ онъ, кажется, никогда въ жизни не принадлежалъ и не могъ бы принадлежать, никакихъ точно формулированныхъ программъ не признавалъ и не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшей надобности. Это былъ, если можно такъ выразиться, революціонеръ-импрессіонистъ; но какъ импрессіонистъ, не подчиняясь никакой школѣ, можетъ быть тѣмъ не менѣе истиннымъ художникомъ, такъ и этотъ, въ своемъ родѣ „вольный сынъ эфира“, былъ революціонеромъ всѣмъ своимъ существомъ, стихійнымъ и непосредственнымъ революціонеромъ и народникомъ. Его тянуло къ массѣ. Въ удобствахъ культурной жизни онъ, повидимому, ничуть не нуждался, а ея

внутренняя подтянутость и неизбѣжный даже въ самомъ вольнолюбивомъ обществѣ шаблонъ поведенія приводилъ его въ уныніе. Когда молодежь доставила ему возможность спокойно и безъ лишеній дожидаться своего „банкира“, онъ недолго пользовался отдыхомъ и уже дня черезъ два-три придумалъ для себя особое дѣло. Молодежь сближалась съ рабочими мѣстныхъ мастерскихъ и заводовъ, а Минаковъ облюбовалъ для себя другую среду: съ утра онъ отправлялся на Волгу, слонялся тамъ по берегу, подсаживался на какомъ-нибудь бревнѣ или на обломкѣ якоря тамъ, гдѣ было побольше народа, и начиналъ балагурить,—а въ этомъ онъ былъ великій мастеръ. Вскорѣ вокругъ веселаго оборванца собиралась подъ открытымъ небомъ соотвѣтственная аудиторія: босяки, „галаховцы“, безработные мужички, ожидающіе на берегу найма, приземистые татаре, стройные кавказцы, бабы-лоточницы въ платочкахъ,—вся эта разношерстная волжская толпа періода навигаціи. Тамъ было весело; молодой мужиченко съ песочнаго цвѣта бородкой, безъ всякихъ усилій надъ собой и безъ малѣйшаго поддѣлыванія подъ вкусы этой толпы, былъ ей понятенъ и интересенъ, а въ его шуткахъ и въ забавныхъ разсказахъ фигурировали, конечно, то „господа“ и всякое начальство, то анекдотическій „попъ съ попадьей“, то „купецъ богатѣйшій,—не хуже нашего Парусинова“ [1]), и вся эта компанія оказывалась смѣхотворно-нелѣпой, прожорливой, праздной и катающейся верхомъ на мужикѣ, который возитъ ихъ по своей непроходимой глупости... Считалъ ли самъ Минаковъ такую пропаганду настоящимъ дѣломъ?—сомнѣваюсь. Но онъ чувствовалъ себя прекрасно въ этой толпѣ, „надрывающей животики“ надъ его забористыми анекдотами. Передъ нимъ синѣла Волга съ ея серебрянными далями; лопоча своими красными колесами, бѣгали вверхъ и внизъ всѣхъ мастей пароходы; гудѣли, пыхтѣли, прорѣзывали своимъ пронзительнымъ свистомъ струйчатый воздухъ жаркаго полудня и наполняли шумомъ своей бѣготни всю громадную панораму,—красочную, залитую яркимъ солнцемъ волжскаго лѣта, обвѣянную крѣпкимъ воздухомъ чудной рѣки,—и Минакову дышалось вольно на этомъ просторѣ, и его художественная фантазія легко и свободно создавала сценки и цѣлые разсказики, полные тонкой наблюдательности, мѣткихъ словечекъ и неизсякаемаго юмора, съ виду совершенно беззаботнаго и невиннаго... Такъ онъ балагурилъ, или, если угодно, пропагандировалъ, nach Vogel singt, мало заботясь о результатахъ и отдаваясь лишь требованіямъ своей натуры художника-беллетриста и революціонера-этнографа, какимъ онъ былъ прежде всего.

---

[1]) Мѣстный купецъ, весьма нелюбимый рабочими.

Проголодавшись, онъ завертывалъ въ какую-нибудь мерзѣйшую харчевню или просто въ кабачекъ и тамъ находилъ себѣ новыхъ слушателей. Заработокъ для удовлетворенія его ничтожныхъ потребностей подвернулся ему самъ собой, безъ всякихъ поисковъ съ его стороны: въ кабачкахъ и харчевняхъ онъ писалъ для безграмотныхъ сотрапезниковъ письма въ деревню или прошенія въ судъ, не отказываясь получать за это семишники или „гонораръ натурой" въ видѣ угощенія какимъ-нибудь заплѣсневѣлымъ студнемъ или изсохшей, какъ дерево, воблой. Это дѣло натолкнуло его на новый родъ пропаганды,—уже не устной, а письменной: въ городъ въ то время вернулись войска съ Дуная, и Минаковъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Саратовѣ окончательно спеціализировался на солдатскихъ письмахъ къ деревенской роднѣ; кліенты его были очень довольны усердіемъ этого грамотея, не лѣнившагося не только за семишникъ, но даже и даромъ исписывать по нѣсколько листковъ родственныхъ поклоновъ и традиціонныхъ пожеланій: „тетушкѣ Неонилѣ Федоровнѣ добраго здоровья и дядюшкѣ Никитѣ Арефьевичу добраго здоровья и въ дѣлахъ успѣха" и т. п. Въ какой редакціи М. читалъ солдатамъ эти письма, я ужъ не знаю, но писалъ онъ ихъ съ полной свободой отъ цензурныхъ соображеній, раздѣлывая при такой оказіи весь генералитетъ и вообще правительство на всѣ корки.

Помимо этого, въ короткое время онъ чуть не опустошилъ весь запасъ мелкихъ прокламацій и агитаціонныхъ брошюрокъ, имѣвшихся у молодежи, захватывая съ собой такого рода литературу при своихъ экскурсіяхъ и разсѣивая ее куда-то въ пространство чуть не на глазахъ полиціи, что его не мало потѣшало. О рискѣ, которому онъ самъ подвергался, онъ, конечно, не думалъ. Будетъ ли онъ арестованъ сегодня, или днемъ, или годомъ позже, ему было совершенно безразлично. Пока онъ на свободѣ, онъ хотѣлъ, чтобы это была свобода полная: и отъ назойливыхъ обязанностей, и отъ регулярнаго труда, и отъ всякихъ заботъ и опасеній. И онъ отдавался своимъ революціоннымъ, художественнымъ и этнографическимъ влеченіямъ съ беззаботнымъ благодушіемъ человѣка, вполнѣ довольнаго своей судьбой и чувствующаго себя chez soi, даже ночуя подъ заборомъ.

Поздно вечеромъ, а иногда уже подъ утро приходилъ Минаковъ на ночлегъ къ какому-нибудь молодому пріятелю изъ мѣстнаго кружка и за утреннимъ чаемъ вспоминалъ вчерашній день или болталъ о томъ о семъ безъ всякаго стремленія поучать и куда бы то ни было „вести за собой" своихъ новыхъ знакомыхъ. Онъ просто дѣлился впечатлѣніями и былъ при этомъ всегда интересенъ, въ своей манерѣ

разсказывать, какъ и въ своей манерѣ жить и дѣйствовать, оставаясь ни на кого не похожъ, все тою же „беззаконною кометой въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ", какою онъ представлялся молодежи по сравненію со всѣми другими пропагандистами.

Получивъ, наконецъ, свои деньги, онъ отъ насъ уѣхалъ въ Одессу и тамъ продолжалъ почти такую же вольную, безсистемную и экстенсивную пропаганду, какъ и на Волгѣ, пока не былъ арестованъ и осужденъ на двѣнадцать лѣтъ каторги. Съ пути, а затѣмъ изъ Карійской каторжной тюрьмы онъ дѣлалъ попытки побѣга; его ловили; срокъ его каторги удлиняли; наконецъ, упрятали его въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ таялъ и задыхался быстрѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ другихъ заключенныхъ. Финалъ—умышленное нарушеніе тюремной дисциплины и желанная смерть-освободительница въ глухую предутреннюю пору, на пустынномъ тюремномъ дворикѣ, подъ пулями взвода солдатъ...

Иная судьба ожидала агитатора, побывавшаго въ Саратовѣ лѣтомъ 77-го года, остававшагося тамъ тоже не долго, тоже сближавшагося съ рабочими, но совсѣмъ по иному, чѣмъ Минаковъ, какъ иной была и вся его личность. Появился онъ не случайно и нѣсколько странно, а съ соблюденіемъ всѣхъ требованій конспиративнаго этикета. У одного изъ друзей Поливанова была въ то время квартира, удобная для ночевки или для пребыванія дня на два—на три нелегальныхъ гостей. Этимъ часто пользовались и мѣстные и пріѣзжіе радикалы; послѣднихъ чаще всего приводилъ скрывавшійся въ Саратовѣ нелегально послѣ участія въ Казанской демонстраціи (6-го декабря 76 года) петербургскій рабочій Григорьевъ, онъ же Яковлевъ (а можетъ быть, Яковлевъ, онъ же Григорьевъ,—ужъ не помню хорошенько, какая изъ этихъ фамилій настоящая, а какая псевдонимъ). Однажды заявился на эту квартиру Григорьевъ вмѣстѣ съ кѣмъ-то другимъ и спросилъ у хозяина: можетъ ли его другъ провести здѣсь день-другой? Хозяинъ отвѣтилъ утвердительно, и тогда новоприбывшій выступилъ впередъ и, протягивая руку, отрекомендовался:

— Николай Ивановичъ Набатовъ.

— Ого!,—подумалъ молодой человѣкъ, услыхавъ такую многознаменательную фамилію,—ужъ конечно псевдонимъ,—и оглядѣлъ гостя съ любопытствомъ, послѣ чего тотчасъ же заключилъ: „должно быть, птица не изъ малыхъ".

Гражданинъ Набатовъ былъ гражданинъ весьма красивый. На видъ лѣтъ 26—27-ми, средняго роста, стройный, прилично одѣтый. У него было чрезвычайно интеллигентное лицо ровнаго, матоваго цвѣта, умные каріе глаза, густые и длинные темнокаштановые волосы, заброшенные прямо назадъ, à la Помяловскій или Чернышевскій (на старыхъ кар-

точкахъ); окладистая каштановая борода придавала гражданину Набатову видъ солидный, а въ общемъ онъ производилъ впечатлѣніе столичнаго литератора или молодого адвоката. Держался этотъ красивый господинъ просто, свободно, по-товарищески, но съ неуловимымъ оттѣнкомъ чего-то такого, что постоянно какъ бы напоминало, что вотъ вѣдь,—какой человѣкъ!,—а держитъ себя и просто и по-товарищески. Григорьевъ, очевидно, любовался своимъ другомъ, а тотъ, столь же очевидно, привыкъ, что имъ любуются, и оставался простъ и дружески-милъ съ Григорьевымъ. О чемъ велся разговоръ въ первыя минуты знакомства, теперь не помню, но какъ-то очень скоро собесѣдники свернули на злободневныя въ то время теоретическія темы, и тутъ гражданинъ Набатовъ вполнѣ оправдалъ тѣ ожиданія, которыя возбуждала его интересная внѣшность. Онъ былъ уменъ, разносторонне начитанъ, говорилъ оживленно, но съ полнымъ самообладаніемъ, легко, плавно и красиво. Хотя слушателей на этотъ разъ было только двое, но его стройная и литературная рѣчь напоминала скорѣе лекцію молодого профессора, который держится на товарищеской ногѣ со студентами, чѣмъ обычные безпорядочные и пылкіе дебаты, какіе велись въ то время повсюду на студенческихъ квартирахъ. Узнавъ, что мѣстная молодежь имѣетъ сношенія съ рабочими, Набатовъ выразилъ желаніе вступить въ рабочій кружокъ, членами котораго еще раньше уже были введены изъ пріѣзжихъ народниковъ двое: Григорьевъ и Н. Мощенко.

На слѣдующее утро Поливанову уже было извѣстно, что въ городъ прибылъ кто-то изъ видныхъ народниковъ; интересно: кто бы такой? Вращаясь чаще всѣхъ другихъ товарищей среди пріѣзжихъ пропагандистовъ, Поливановъ вскорѣ же дополнилъ первоначальныя наблюденія и нашелъ, что не только Григорьевъ смотритъ на этого Набатова, какъ на человѣка, который имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы явиться однимъ изъ вождей предстоящей революціи; повидимому, и всѣ землевольцы и народники, какіе были въ то время въ Саратовѣ, какъ бы молчаливо уступали ему первое мѣсто рядомъ съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, производившей на насъ, наблюдателей со стороны, впечатлѣніе центральной фигуры въ ихъ кругу.

Вслѣдъ затѣмъ вскорѣ же молодежи стало извѣстно и еще нѣсколько данныхъ, постепенно уяснявшихъ личность интереснаго посѣтителя: оказывалось, что среди своихъ товарищей онъ не назывался Николаемъ Ивановичемъ, а носилъ кличку „Жоржъ“, и чуть ли не онъ именно былъ тѣмъ избѣгнувшимъ ареста ораторомъ, который на Казанской площади произносилъ рѣчь къ толпѣ во время демонстраціи...

Эти свѣдѣнія, конечно, создали Набатову извѣстный ореолъ какъ среди молодежи, такъ и среди рабочихъ. Рань-

ше, бывало, Федоръ Ермолаевичъ Гераклитовъ (или попросту—„Ермолаичъ"), Степанъ Ширяевъ и прочіе мѣстные пропагандисты, послѣ недолгаго знакомства, сближались съ рабочими за панибрата, и черезъ короткое время рабочій, прочитавшій тогдашнія нелегальныя брошюрки и двѣ—три ходячія книжки: „Эмму" Швейцера, „Хронику села Смурина" Засодимскаго и т. п., становился ихъ товарищемъ не только идейно, но и въ обыденной жизни и чувствовалъ себя въ революціонномъ кружкѣ, какъ дома. Примкнувшіе къ этому кружку народники Григорьевъ и Мощенко были люди простые: Григорьевъ — дѣйствительно рабочій, хотя и очень интеллигентный; Мощенко, занимавшійся сапожнымъ ремесломъ, по костюму, по манерамъ, по всей повадкѣ— производилъ впечатлѣніе заправскаго сапожника, хотя и былъ собственно интеллигентомъ. Теперь въ первый разъ среди саратовскихъ рабочихъ засіяла такая революціонная звѣзда, какъ начинавшій въ то время пріобрѣтать громкую извѣстность „Жоржъ", онъ же—гражданинъ Набатовъ. Я помню, какое впечатлѣніе производила его красивая фигура, появляясь на сходкахъ рабочаго кружка, гдѣ оппонентами его могли выступать только такіе зеленые-презеленые юноши, какими были тогда Поливановъ, я, Лавровъ и два—три нашихъ сверстника.

Особенно запомнилась мнѣ одна сходка, происходившая въ одномъ изъ овраговъ за гребнемъ Соколовой горы. Набатовъ взялъ своей темой на этотъ разъ именно тѣ вопросы, которые возбуждали въ то время наиболѣе острые споры среди революціонной интеллигенціи: нужно ли соціалисту серьезное образованіе? и — полезны ли стачки и частные бунты? Среди саратовскихъ рабочихъ эти темы ранѣе совсѣмъ не затрагивались, т. к. всѣмъ пропагандистамъ казалось ясно, что безъ знанія ни въ революціи, ни въ чемъ другомъ далеко не уйдешь, а для возбужденія стачекъ или бунта въ тогдашнемъ Саратовѣ, повидимому, не имѣлось ни малѣйшей почвы. Набатовъ, однако, нашелъ нужнымъ поставить именно эти общіе вопросы и разсматривалъ ихъ въ своей рѣчи съ чисто бунтарской точки зрѣнія. Въ виду позднѣйшей дѣятельности этого лица не лишена нѣкоторой пикантности такая частность: одинъ изъ оппонентовъ, въ подтвержденіе своихъ лавристскихъ взглядовъ на затронутые вопросы, сослался на германскую соціалъ-демократію, и эта ссылка дала поводъ Набатову обрушиться на несчастныхъ нѣмцевъ со всѣмъ пафосомъ его краснорѣчія и со всей язвительностью его остроумія. Нѣмцамъ досталось!—за ихъ медлительность, за ихъ тяжеловѣстность, за буржуазность ихъ нравовъ и за отсутствіе въ нихъ истинно революціоннаго духа... за все то, что впослѣдствіи въ устахъ основателя россійской соціалъ-демократической партіи превратилось въ положительныя чер-

ты нѣмцевъ и получило совсѣмъ другое наименованіе: „яснаго пониманія зависимости политики отъ экономики, вытекающаго отсюда отсутствія въ ихъ тактикѣ „революціоннаго авантюризма“ и т. п.

Читая статьи Плеханова въ девяностыхъ годахъ, а тѣмъ болѣе въ послѣднее время, я всегда вспоминалъ эту сходку и эту одушевленную, горячую и красивую рѣчь тогдашняго Плеханова, который былъ тогда и самъ молодъ, красивъ и полонъ революціоннаго пыла... „То было раннею весной“—давнею весной!—а по законамъ природы—tempora mutantur et nos mutamur in illis...

Безъ аллегорій, эта сходка происходила не весной, а гораздо позже, и слушатели, какъ я помню, расположились кружкомъ среди блекнущей зелени унылой осени, но ораторъ былъ такъ красивъ, и рѣчь его была такъ красива, и такъ ярки были перспективы Новаго Міра, на завоеваніе котораго онъ звалъ „народъ“ (тогда еще народъ, а не классъ), что сѣрый осенній день какъ бы преображался въ свѣтлую весеннюю зарю, а желтѣющія травы въ ландыши и розы. Ораторъ призывалъ не смущаться жертвами, неизбѣжными въ борьбѣ, и неудачами отдѣльныхъ актовъ, а неустанно итти впередъ, протестуя, бунтуя, заражая инертную массу примѣромъ своего „будто бы безплоднаго“ героизма..., и, конечно, рѣчь его звучала въ молодыхъ сердцахъ какъ призывный колоколъ, оправдывая его громкій псевдонимъ.

Не знаю, въ какомъ духѣ продолжалъ бы Плехановъ свои занятія въ рабочемъ кружкѣ и къ какимъ практическимъ цѣлямъ онъ направилъ бы его дѣятельность въ ближайшее время, но руководить этимъ кружкомъ ему довелось недолго, такъ какъ въ ноябрѣ среди народниковъ произошли аресты, и Плеханову пришлось поспѣшно скрыться изъ города. Ближайшую помощь въ этомъ ему оказалъ реалистъ Кирхнеръ, отдавшій для спасенія отечества свой единственный капиталъ — рублей сорокъ, скопленныхъ имъ за лѣто грошевыми уроками.

Этотъ Кирхнеръ и еще два-три молодыхъ человѣка подъ вліяніемъ Плеханова откололись на время отъ мѣстнаго кружка, но Поливановъ остался твердъ въ своемъ лавризмѣ и продолжалъ дѣйствовать среди рабочихъ въ прежнемъ духѣ.

Въ то же время онъ не переставалъ усиленно заниматься серьезнымъ чтеніемъ, пользовался всякимъ случаемъ расширить свои знакомства въ городской интеллигенціи, внося во всѣ круги, въ которыхъ появлялся рѣзкую, революціонную струю и поддерживалъ съ землевольцами и народниками настолько тѣсную связь, насколько это было возможно для молодого радикала, не принадлежащаго къ ихъ организаціи.

Среди членовъ этихъ организацій было нѣсколько лицъ,

которымъ въ самомъ близкомъ будущемъ суждено было сыграть крупную историческую роль и ввести широкое, но безформенное движенie передовой интеллигенцiи въ прямое и глубокое русло борьбы за Народную Волю. Среди нихъ были люди исключительной по своей твердости воли, яснаго практическаго ума и широкихъ организаторскихъ способностей: но, какъ ни совѣстно въ этомъ сознаться,—не только при первомъ же появленiи, какъ эффектный гражданинъ Набатовъ, — но даже и послѣ болѣе продолжительнаго, но не близкаго знакомства, ихъ истинный характеръ и скрытая въ нихъ сила во всемъ ея объемѣ не били въ глаза, не ослѣпляли, а лишь постепенно выяснялись для Поливанова и для другихъ юныхъ саратовцевъ, вступавшихъ съ ними въ сношенiя. На первое время отдѣльныя лица этого круга выдѣлялись не особенно рѣзко, и нужно было время, чтобы почувствовать и сознать, какъ могущественно было ихъ незамѣтное влiянiе на мѣстную молодежь и какое воспитательное значенiе имѣлъ самый фактъ ихъ пребыванiя, ихъ ежеминутнаго риска своей свободой и неустанной дѣятельности для народа, выполнявшейся изо дня въ день такъ просто и спокойно, какъ будто это была обыкновеннѣйшая работа, не имѣющая въ себѣ рѣшительно ничего героическаго. Эта черта совершенной простоты и невозмутимой душевной ясности честнаго работника, спокойно дѣлающаго свое обычное дѣло, теперь, когда прошли десятки лѣтъ, особенно поражаетъ меня въ личности Александра Михайлова, но тогда этотъ „Александръ Андреевичъ“, — такъ онъ, кажется, назывался въ Саратовѣ, — внушалъ къ себѣ уваженiе какъ умный и дѣльный человѣкъ,—но развѣ приходило въ голову Поливанову, мнѣ, кому бы то ни было изъ насъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ для Россiи значенiе ничуть не меньшее, чѣмъ блистательный „Жоржъ“?

Когда конспиративная квартира землевольцевъ помѣщалась у Василiя Филипповича Трощанскаго [1]), то, бывало, какъ ни зайдешь туда, почти всегда застанешь въ отдѣльной комнаткѣ или въ дальнемъ углу довольно большой залы этого „Александра Андреевича“, о чемъ-то разговаривающимъ à part съ однимъ-двумя пропагандистами; разговоръ ведется, очевидно, конспиративный; люди не спорятъ, а о чемъ-то столковываются; въ другомъ углу залы тѣмъ временемъ живой, рѣчистый и подвижной южанинъ Трощанскiй уже успѣваетъ завязать общую бесѣду; Поливановъ съ горячностью подхватываетъ тему, мимолетно затронутую Трощанскимъ въ какой-нибудь колкой шуткѣ; неутомимая въ

---

[1]) Трощанскiй впослѣдствiи былъ осужденъ въ каторгу, по окончанiи которой вышелъ на поселенiе въ Якутскую область, гдѣ и умеръ въ половинѣ девяностыхъ годовъ.

дебатахъ Ольга Александровна Натансонъ тотчасъ же выступаетъ противъ Поливанова; голоса поднимаются, „словесный бой" кипитъ; а тамъ, въ другомъ углу, точно не слыша разгорѣвшагося спора, „Александръ Андреевичъ" неторопливо и убѣдительно внушаетъ что-то своимъ собесѣдникамъ. Потомъ они встаютъ, уходятъ, а „Александръ Андреевичъ" подходитъ къ спорящимъ и такъ же неторопливо и убѣдительно, какъ въ той бесѣдѣ à part, начинаетъ излагать свой взглядъ на спорный вопросъ, и оказывается, что онъ изъ своего отдаленія успѣлъ какъ-то уловить не только общую нить спора, но и слабые пункты аргументаціи отдѣльныхъ спорщиковъ, и сразу же, минуя всѣ частности, онъ сводитъ споръ къ сущности вопроса и говоритъ только по существу, успѣшно побѣждая свой физическій порокъ—легкое заиканье, которое не позволяло ему стать ораторомъ для толпы, но не мѣшало вести бесѣду въ частномъ кругу.

Избравъ своей спеціальностью пропаганду среди сектантовъ, Михайловъ жилъ въ Саратовѣ „на горахъ", подъ видомъ мелкаго торговца, и носилъ соотвѣтствующій костюмъ: чистую синюю поддевку и картузъ, и этотъ костюмъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ его типически русскому лицу: очень бѣлому, опушенному густой русой бородой; зачесанные по-русски длинные, желтовато-русые волосы и выраженіе лица: открытое, прямое и твердое, — дополняли впечатлѣніе, покрывая въ этомъ лицѣ индивидуальныя черты его общей типичностью.

Пятью годами позже и съ этимъ человѣкомъ Поливанову пришлось встрѣтиться въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, но ни перемолвиться живымъ словомъ, ни даже видѣть другъ друга имъ было нельзя. Самъ Поливановъ въ своемъ очеркѣ „Алексѣевскій равелинъ" передаетъ объ этомъ такъ:

„Очень скоро я убѣдился въ справедливости того, что здѣсь ничего не услышишь. Одна стѣна моей камеры выходила въ подворотню, а за другой была поддежурная комната (№ 2), гдѣ дѣлали ванну мнѣ и А. Михайлову, сидѣвшему въ № 1. Мы съ нимъ были, такимъ образомъ, совершенно изолированы другъ отъ друга; но разъ,—помню, это было уже въ мартѣ,—я услыхалъ его голосъ и сейчасъ же узналъ. Къ нему заходилъ докторъ, и я отчетливо разслышалъ слова: „главное дѣло — катарръ желудка и кишекъ...", сказанныя знакомымъ мнѣ, слегка волнующимся голосомъ. Боже! какъ заколотилось мое сердце, какъ страстно хотѣлось крикнуть ему: „Дворникъ!" (такую кличку онъ носилъ, когда мы познакомились съ нимъ въ 77 году).... я, Поливановъ, здѣсь же сижу, въ № 3".

„Какъ бы дорого я далъ тогда за возможность, не скажу уже увидѣться, но только быть съ нимъ рядомъ, поговорить

хотя бы черезъ стѣну. Я зналъ еще на волѣ, что онъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ, и думая, что, быть можетъ, онъ сидитъ уже цѣлый годъ въ одиночествѣ,—какъ оно и было на самомъ дѣлѣ,—я почувствовалъ такой приливъ любви къ нему и нѣжности, что цѣлый день не могъ успокоиться"...

Въ числѣ пріѣзжихъ было еще три лица, съ которыми Поливановъ впослѣдствіи дѣлилъ заключеніе въ стѣнахъ Шлиссельбурга, но тогда никто изъ нихъ не предполагалъ, что вотъ этотъ смуглый, живой и экспансивный юноша скоро окажется ихъ товарищемъ по тяжелому и длительному подвигу, который сдѣлаетъ ихъ имена навсегда дорогими для тѣхъ, кому дорога свобода Россіи. Поливановъ чаще всего встрѣчался съ этими лицами не на дѣловой почвѣ, а совершенно частнымъ образомъ, въ одномъ семейномъ домѣ, „за самоварчикомъ"; и потому ихъ образы и въ моей памяти рисуются до сихъ поръ на фонѣ этой мирной, но вполнѣ своеобразной домашней обстановки тогдашняго „сочувствующаго" обывателя.

Тутъ прежде всего надо замѣтить, что „личной жизни" у Поливанова въ этотъ періодъ почти совсѣмъ не было. Какая „личная жизнь" могла быть у двадцатилѣтняго юноши, всецѣло охваченнаго идейнымъ энтузіазмомъ и чуждаго всякихъ житейскихъ заботъ? Отъ отца онъ продолжалъ получать по 25 рублей въ мѣсяцъ и занималъ довольно приличную, по студенческой мѣркѣ, комнатку, въ которой читалъ и ночевалъ. Внѣ своего жилья онъ почти все время проводилъ съ товарищами: посѣщеніе мастерскихъ, бесѣды съ рабочими, мелкія конспираціи провинціальнаго кружка,—все это обыкновенно дѣлалось сообща, въ компаніи. Компаніей же вечеромъ шли въ Липки и тамъ гуляли группами по аллеямъ или на время разбивались по одиночкѣ и подсаживались то на той, то на другой скамеечкѣ, встрѣчаясь со множествомъ знакомыхъ, отъ однихъ получая прочитанную нелегальщину, другимъ передавая свѣженькую; съ иными тутъ же столковывались о какихъ-нибудь маленькихъ кружковыхъ дѣлишкахъ, съ другими обмѣнивались новостями или перекидывались злободневными шутками. Грѣшнымъ дѣломъ,—заглядывались немножко на хорошенькихъ женщинъ, но тщательно скрывали это другъ отъ друга, т. к. въ кружкѣ всякіе „сентименты" этого рода подвергались безпощадному издѣвательству. Идеаломъ для всѣхъ служилъ Рахметовъ, и это побуждало каждаго если не быть, то, по крайней мѣрѣ, казаться хоть сколько-нибудь похожимъ на сей великій образецъ недоступнаго никакимъ слабостямъ гражданина. Если Поливановъ (что несомнѣнно) вовсе не былъ Рахметовымъ и имѣлъ какія-нибудь увлеченія, то во всякомъ случаѣ таилъ ихъ про себя, т. к. помимо кружковыхъ понятій о револю-

ціонной этикѣ, при всей своей экспансивности въ чемъ-нибудь другомъ, онъ по самой своей натурѣ не сталъ бы профанировать своихъ интимныхъ чувствъ „дружескими изліяніями“, почти всегда нѣсколько смѣшноватыми для „друга“, передъ которымъ изливаются. Пріятельская компанія Поливанова была исключительно холостая, и притомъ, по крайней мѣрѣ, на девять десятыхъ — мужская; нѣкоторыя дѣвушки были болѣе или менѣе близки къ кружку; но съ ними быстро устанавливались отношенія чисто товарищескія, исключавшія всякій флиртъ, хотя бы и замаскированный „идейной дружбой“. Такимъ образомъ, когда, бывало, стемнѣетъ, „дѣлъ“ никакихъ на текущій день больше не останется, въ Липкахъ порѣдѣетъ пестрая толпа гуляющихъ и вмѣсто изящныхъ, интеллигентныхъ женщинъ начнутъ все чаще появляться фигуры особъ съ „безпокойною ласковостью взгляда“,—куда было дѣваться? — Чаще всего шли всей гурьбой къ кому-нибудь изъ „своихъ“ и тамъ, въ тѣсной комнаткѣ, примостившись кто какъ за какимъ-нибудь подозрительной прочности столикомъ, продолжали общую болтовню и споры, по очереди ставя самовары и разливая чай. Но это было такъ обыденно!.. Иногда, случалось, для разнообразія шли не къ себѣ, а въ болѣе или менѣе приличный ресторанчикъ, но Поливановъ къ ресторанному времяпрепровожденію не проявлялъ ни малѣйшей склонности и, если заглядывалъ изрѣдка туда, то только для компанія. Знакомые семейные дома у него были, но это были дома помѣщиковъ, представлявшіе для молодого революціонера слишкомъ мало интереса: тамъ можно было поболтать по-французски, послушать плохенькую музыку и наслушаться,—болѣе, чѣмъ достаточно,—дрянныхъ разговоровъ,—грубо крѣпостническихъ или, въ лучшемъ случаѣ, дрябло-либеральныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ полнаго безсилія тогдашняго россійскаго либерализма,—тѣхъ самыхъ разговоровъ, которые такъ неподражаемо воспроизведены въ щедринскихъ сатирахъ того времени („Годить надо!“, „съ одной стороны надо сознаться, съ другой—нельзя не признаться“ и т. п.). Поливановъ посѣщалъ это общество очень рѣдко; можно сказать безъ особой натяжки,—почти никогда въ немъ не бывалъ. Если ему прискучивало сегодня, какъ и вчера, какъ и позавчера, итти все съ тѣми же и все туда же: отъ „Рауля Риго“ (кличка Поморцева) къ „Гражданину Грантерру“ [1]) (кличка Лаврова), или къ кому-нибудь изъ другихъ „гражданъ“ своего кружка, то при выходѣ изъ Липокъ онъ бралъ меня подъ руку и говорилъ: „а знаешь, Ваничка?—завернемъ-ка мы сегодня къ Старому Гофу!?“— и мы, распрощавшись со своими, шли къ „Старому Гофу“.

---

[1]) Изъ романа Гюго „Les misérables“—студентъ, революціонеръ, гуляка и добрый малый.

„Старый Гофъ“ представлялъ собою фигуру въ своемъ родѣ очень типичную. По внѣшности это былъ настоящій малороссъ: плотный; съ большимъ почти массивнымъ лбомъ; съ пристальнымъ взглядомъ большихъ, сѣрыхъ глазъ; безъ бороды, но съ густыми, сѣдыми усами, придававшими его открытому, для старика еще очень свѣжему лицу почти суровый видъ „добраго казака“ въ стилѣ соратниковъ Тараса. Къ удивленію, этотъ старый казакъ носилъ нѣмецкую фамилію, которая къ нему такъ же шла, какъ къ какому-нибудь деревенскому попу китайская. Его отецъ, обрусѣлый нѣмецъ, женатый на обрусѣлой полькѣ, служилъ на югѣ, гдѣ сынъ родился, выросъ, получилъ образованіе и проникся насквозь всѣми стихійными вліяніями родины, навсегда сохранивъ глубокую любовь къ Украйнѣ (безъ всякой тѣни, однако, узкаго украйнофильства или склонности къ „отторженію окраинъ“). Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ еще въ сороковыхъ годахъ, этотъ украинецъ съ нѣмецкой фамиліей поступилъ на службу по министерству финансовъ и всю дальнѣйшую жизнь провелъ въ постоянныхъ кочеваніяхъ изъ Петербурга въ Курскъ, оттуда въ Москву, оттуда въ Черниговъ и т. д., чуть ли не по всѣмъ губернскимъ городамъ Европейской Россіи, куда начальство „для пользы службы“ находило нужнымъ его перемѣстить. При всѣхъ этихъ странствованіяхъ, осѣвъ на время въ какомъ-нибудь городѣ, нашъ Гофъ (какъ его называли, сокращая его длинную нѣмецкую фамилію) тотчасъ же заводилъ близкое знакомство съ молодежью: студенты, гимназисты, семинаристы, все, что было въ ихъ средѣ интеллигентнаго и живого, толклись на его квартирѣ цѣлыми днями, перехватывали у него въ трудные моменты рублевки и трешницы, иные изъ нихъ вступали съ нимъ въ дружескія отношенія, повѣряли ему свои юношескія скорби, дѣлились съ нимъ надеждами на будущее, и всѣ вообще, чувствуя себя на его анархически-безпорядочной квартирѣ совершенно свободно, отдавались горячимъ преніямъ по вопросамъ, послѣдовательно волновавшимъ молодежь со временъ Бѣлинскаго до временъ Михайловскаго. Многіе изъ этихъ юношей впослѣдствіи становились литераторами или учеными, многіе другіе черезъ два—три года отдавались всецѣло революціонной дѣятельности, и въ результатѣ такого многолѣтняго общенія съ молодежью на югѣ и на сѣверѣ, въ западномъ краѣ и на Волгѣ у Гофа оказалось огромное знакомство и множество пріятельскихъ связей въ литературномъ и въ революціонномъ мірѣ. Самъ онъ, однако, за всю жизнь, какъ кажется, ни одной статьи не написалъ и ни одного „государственнаго преступленія“ не совершилъ,— если только не считать систематическаго „укрывательства“ нелегальныхъ, которые по старой памяти, сблизившись съ

нимъ еще когда-то раньше, при случаѣ продолжали навѣщать его и на новыхъ мѣстахъ.

Въ Саратовъ Гофъ явился, когда ему было уже лѣтъ шестьдесятъ, отцомъ довольно многочисленнаго семейства: у него было два сына и двѣ дочери, все молодежь въ возрастѣ отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ. Такъ какъ „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ“, то былъ у Гофа чинъ,—не такой, чтобы квартальные вытягивались передъ нимъ въ струнку, но и не такой, чтобы можно было произвести у него обыскъ такъ же безцеремонно, какъ у какого-нибудь поднадзорнаго студента. Гофъ занималъ приличную должность и два—три раза въ годъ, облачившись въ надлежащій костюмъ, дѣлалъ визиты тѣмъ чинамъ, передъ которыми квартальные трепещутъ, причемъ дома, заканчивая свой туалетъ, смѣясь говорилъ: „отдай кесарево кесарю“. Этими визитами по высокоторжественнымъ днямъ его даянія кесарю вполнѣ исчерпывались. Все остальное время, кромѣ опредѣленныхъ часовъ пребыванія на службѣ, самъ Гофъ, его кошелекъ, его квартира, его вниманіе и его участіе принадлежали сполна молодежи. Была въ его домѣ только одна комната, недоступная для гостей, — комната его жены, особы нѣсколько болѣзненной, къ которой всѣ члены семьи, начиная съ самого старика, относились съ какой-то трогательной и почтительной заботливостью; m-me Г. появлялась изъ своего святилища очень рѣдко, только при самыхъ близкихъ друзьяхъ, обыкновенно же оставалась у себя, и благодаря ея отсутствію казалось, что въ домѣ нѣтъ хозяевъ; шестидесятилѣтній отецъ и его младшій, всего шестнадцатилѣтній сынъ держались совершенно по-товарищески, и тотъ же товарищескій тонъ имѣли отношенія братьевъ къ сестрамъ, гостей къ членамъ семьи и всѣхъ вообще посѣтителей другъ къ другу, какъ будто сюда,—какъ въ магометанскую мечеть не иначе, какъ босикомъ,—можно было входить не иначе, какъ отрѣшившись отъ всѣхъ преимуществъ возраста, образованія и общественнаго положенія и оставаясь вполнѣ и безусловно равнымъ среди равныхъ. Внѣшняго порядка тутъ было мало, комфорта еще меньше; на ужинъ подавалась классическая селедочка съ лучкомъ, за чаемъ не всегда хватало стакановъ или вдругъ оказывалось, что сахаръ вышелъ, и кому-нибудь изъ гостей приходилось, схвативъ второпяхъ чужую фуражку, нестись въ ближайшую лавочку; но всѣ эти прорѣхи въ хозяйственномъ благоустройствѣ до того гармонировали съ полнымъ отсутствіемъ всякаго хозяйственнаго благочинія и принужденности, что безъ нихъ, вѣроятно, домъ Стараго Гофа не имѣлъ бы въ глазахъ молодежи всей своей привлекательности.

Главнымъ образомъ тяготѣніе къ этому дому вызывалось, однако, не такими, почти студенческими черточками

быта, которыхъ и въ нашей собственной жизни было болѣе, чѣмъ достаточно. Какъ на вратахъ греческой академіи было начертано: „сюда нѣтъ доступа не знающимъ геометріи", такъ и надъ дверями этого жилища можно было бы написать: „сюда нѣтъ доступа не имѣющимъ идейныхъ интересовъ". Лавристъ или народникъ, бунтарь или якобинецъ, матеріалистъ или мистикъ,—для Стараго Гофа это было все равно; но всякій, кто былъ принятъ въ его домѣ, непремѣнно былъ тѣмъ или инымъ „истомъ", и нигдѣ въ Саратовѣ нельзя было встрѣтить въ одномъ домѣ, за однимъ самоварчикомъ такого разнообразнаго въ идейномъ смыслѣ, общества; и нигдѣ самые несходные' соціальные идеалы, философскія системы и литературныя направленія не обсуждались такъ страстно и въ то же время такъ свободно отъ партійныхъ пристрастій и отъ кружковой однобокости. Старый Гофъ недаромъ окончилъ университетъ въ сороковыхъ годахъ. Онъ и въ семидесятыхъ оставался чистымъ гуманистомъ и эстетикомъ, для котораго люди дѣлились всего на двѣ категоріи: стремящихся къ истинѣ и равнодушныхъ къ истинѣ. Послѣдніе были для него совершенно не интересны; первые были интересны всѣ, безъ различія оттѣнковъ. Гофъ любилъ широкія и красивыя идеи, любилъ тонкую и находчивую діалектику, удачную шутку, мѣткое словечко, во время приведенную строфу изъ Байрона или изъ Гейне; еще больше онъ любилъ молодыя лица и сіяющіе энтузіазмомъ глаза, одушевленную рѣчь, проникнутую нетронутой молодой вѣрой; всего же больше онъ любилъ, всюду искалъ и выискивалъ среди молодежи сильные, чистые и твердые характеры, которыми эстетически любовался, какъ древній грекъ могъ любоваться мощью Милона или красотой Антиноя. Среди своихъ безчисленныхъ знакомыхъ онъ выдѣлялъ троихъ, къ которымъ питалъ глубокую, почти нѣжную любовь; называлъ онъ ихъ по-хохлацки: „три Дмитрà"; это были: Дмитрій Рогачевъ, Дмитрій Клеменсъ и Дмитрій Лизогубъ,—особенно послѣдній. Въ живыхъ и тонкихъ характеристикахъ стараго эстетика и въ его интересныхъ разсказахъ о всякой бывальщинѣ они выступали изъ окружающей среды какъ герои греческой трагедіи изъ хора и какъ бы вмѣщали въ себѣ и олицетворяли собой все лучшее, самое чистое и благородное, что было въ революціонномъ движеніи. Близко къ нимъ въ его симпатіяхъ стоялъ Сергѣй Кравчинскій, докторъ Орестъ Веймаръ и Глѣбъ Ивановичъ Успенскій (въ частной жизни большой пріятель Веймара). Этотъ подборъ любимцевъ Стараго Гофа въ то время, кромѣ Успенскаго и отчасти Рогачева,—извѣстныхъ только въ тѣсныхъ конспиративныхъ кружкахъ,—можетъ служить мѣриломъ морально-эстетическихъ идеаловъ этого „человѣка сороковыхъ годовъ", единственнаго, какого я зналъ въ его поколѣніи, имѣвшаго

возможность наблюдать революціонную молодежь позднѣйшаго времени не изъ парижскаго салона m-me Віардо и не изъ оконъ аристократической родовой усадьбы, а непосредственно въ самой жизни, какъ въ общественной, такъ и въ самой интимной... Понятно, что среди саратовской молодежи личность Поливанова сразу остановила на себѣ вниманіе старика и получила отъ него вѣрную оцѣнку. Въ интимномъ кругу, когда заходила рѣчь о „Петролеѣ“, Старый Гофъ не разъ повторялъ:

— Экое золотое сердце! Онъ весь огонь... кипитъ... сверкаетъ... Но долго ли такой уцѣлѣетъ?.. Въ богоспасаемой-то Россіи, гдѣ никакихъ кипѣній не полагается, и вдругъ—„петролей“! Угрюмъ-Бурчеевъ, какъ только замѣтитъ, сейчасъ же скажетъ: „зачѣмъ петролей?“... и затушитъ.

Поливановъ, какъ это само собой ясно, въ атмосферѣ, царившей въ домѣ Стараго Гофа, чувствовалъ себѣ какъ рыба въ водѣ. Зимою въ невысокомъ, продолговатомъ залѣ, а лѣтомъ на открытомъ балконѣ съ видомъ на Волгу и Заволье, тамъ собиралось довольно многочисленное общество, и разговоръ не умолкалъ, переходя отъ серьезныхъ темъ къ шуткамъ и остротамъ, а подчасъ перемежаясь чтеніемъ стиховъ какого-нибудь мѣстнаго поэта (такихъ было тогда хоть отбавляй) и безпощадной критикой этихъ стиховъ тутъ же, въ присутствіи автора.

Въ этомъ-то именно домѣ, и чаще всего на этомъ-то именно балкончикѣ, Поливановъ и встрѣчалъ въ числѣ прочихъ посѣтителей троихъ своихъ будущихъ товарищей по заключенію.

Первый—былъ представительный мужчина лѣтъ подъ тридцать: русый, съ длинной, свѣтлой бородой, съ пріятнымъ, но серьезнымъ лицомъ. Въ его спокойныхъ и мягкихъ манерахъ чувствовалась дворянская школа, но молодежь знала, что этотъ благовоспитанный человѣкъ былъ и кузнецомъ, и чернорабочимъ, что жизнь его отдана сполна трудовому народу. Его ровная и мягкая манера обращенія, въ связи съ его репутаціей выдающагося дѣятеля, создало ему въ глазахъ юношей (не только въ Саратовѣ, но, какъ кажется, и въ Самарѣ) какое-то особое обаяніе. Ничего блестящаго и поражающаго воображеніе въ его личности не было. Но къ нему тянуло. Именно къ нему зеленые мѣстные революціонеры охотнѣе всего шли за совѣтомъ по поводу своихъ кружковыхъ дѣлъ, и онъ терпѣливо выслушивалъ всѣ ихъ запросы и дѣлился съ ними своимъ опытомъ, и выходило это у него такъ просто и хорошо, что послѣ такого разговора чувствовалась какая-то особая душевная легкость и ясность пониманія.

Это былъ Юрій Богдановичъ.

Въ обществѣ, собиравшемся у Гофа, Богдановичъ пред-

ставлялъ одну изъ самыхъ крупныхъ, но отнюдь не самую яркую фигуру. Когда разговоръ,—что такъ часто бывало,—сводился на литературу, на поэзію, или принималъ шутливый и веселый характеръ, то первое мѣсто въ живой словесной перестрѣлкѣ занималъ молодой человѣкъ лѣтъ 23—4, стройный, хорошенькій, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ ясными глазами, въ которыхъ самый опытный сыщикъ не увидѣлъ бы ничего, говорящаго о томъ, что вотъ это—„заговорщикъ" и будущій террористъ. Въ литературно-философски-шутливомъ causerie Николай Ивановичъ Полозовъ, — псевдонимъ этого нелегальнаго, — напоминалъ скорѣе какого-нибудь беззаботнаго виконта до-революціонной эпохи, чѣмъ русскаго „нигилиста", которому, по шаблону реакціонныхъ романовъ того времени (Маркевичъ, Авсѣенко, Крестовскій, Мещерскій и т. д.), полагалось быть неотесаннымъ циникомъ, отрицающимъ эстетику и носовые платки. Этотъ „нигилистъ" не только признавалъ эстетику, но и былъ проникнутъ эстетическимъ чувствомъ до конца ногтей. Онъ былъ изященъ и по внѣшности, и по ходу своихъ мыслей,—живому, свободному, почти всегда нѣсколько своеобразному, и по легкой, искристой формѣ своей рѣчи, съ прорывающимися въ ней по временамъ нотками лиризма, тотчасъ же спѣшившаго замаскироваться веселой шуткой. Тонкій и строгій критикъ чужихъ стиховъ, Николай Ивановичъ самъ писалъ очень недурно, и на него смотрѣли съ надеждой, ожидая, что онъ и другой, жившій въ Кронштадтѣ, очень юный и только-что начинавшій въ то время свои первые опыты поэтъ—Надсонъ, явятся выразителями чувствъ и настроеній русскихъ революціонеровъ въ новѣйшей русской поэзіи. Старый Гофъ за глаза любовно называлъ его „нашъ Поэтикъ" и вѣрилъ въ его поэтическое будущее... Чего, однако, ни Старый Гофъ, ни его юные друзья никакъ ни ожидали, это того, что когда-нибудь фантазія ихъ „Поэтика" проникнетъ въ таинственную область гетевскихъ „матерей", что лиризмъ его чувства обратится на вселенную, и его неутомимо работающая мысль въ лишенной красокъ и звуковъ кельѣ Шлиссельбурга возстановитъ передъ нимъ со всей ихъ яркостью грандіозные образы „Откровенія въ грозѣ и бурѣ" и вскроетъ ихъ тысячелѣтнюю загадочность. Прошло много лѣтъ, и дѣйствительность показала, что эта крылатая мысль была достаточно могущественна, чтобы унести заживо погребеннаго плѣнника изъ тѣсныхъ стѣнъ тюрьмы въ міръ безконечнаго и открыть передъ его умственнымъ взоромъ единство и послѣдовательность въ хаотическомъ, повидимому, разнообразіи сочетаній, разложеній и внутреннихъ перерожденій мірового вещества...

Въ обществѣ, собиравшемся на балкончикѣ Стараго Гофа, объ Апокалипсисѣ рѣчь никогда не заходила. Въ лунную ночь, въ виду серебрящейся далеко внизу Волги съ

сотнями мерцающихъ надъ ней повсюду красныхъ огоньковъ, въ тѣ часы, когда затихшія улицы Саратова, бѣлѣя въ лунной мглѣ, пересѣкались длинными тѣнями стройныхъ тополей и имѣли такой красиво-умиротворенный и задумчивый видъ, мрачныя фантазіи о кончинѣ міра совсѣмъ не шли на умъ. Тамъ больше мечтали о возрожденіи человѣчества къ новой жизни, искали путей къ такому возрожденію и, чувствуя въ себѣ силы итти въ своихъ исканіяхъ навстрѣчу всѣмъ бѣдамъ и напастямъ, какія можетъ послать судьба, беззаботно отдавались красивымъ настроеніямъ, когда они являлись естественно и охватывали сразу всѣхъ, какъ это иногда бываетъ въ хорошей компаніи. Въ такіе моменты Морозовъ являлся самымъ пріятнымъ и занимательнымъ собесѣдникомъ. По своей любви къ шуткамъ онъ нерѣдко старался поддѣть насъ, юношей, на нашей юношески-прямолинейной и необузданной революціонности и разъ сочинилъ съ этой цѣлью особые стихи сверхъ-ультра революціонные; не только содержаніе, но и самыя рифмы въ этихъ стихахъ состояли сплошь изъ самыхъ сакраментальныхъ или жупельныхъ для революціонера словъ: „жандармы“ — „казармы“, „троны“ — „стоны“ (конечно, народные), „тираны“ — „подъ игомъ рабства гибнущія страны“ и т. п. Съ совершенно серьезнымъ видомъ и съ немалымъ пафосомъ онъ прочелъ передъ нами это дивное произведеніе революціонной Музы, ожидая, что юнцы не разберутъ и придутъ въ восторгъ отъ столь пламеннаго „прославленія Свободы“; но въ этой гипотезѣ будущій философъ ошибся, и дѣло закончилось дружнымъ смѣхомъ автора и его критиковъ...

Въ разговорахъ на текущія политическія темы, на мимолетныя „злобы дня“ всегда бывалъ интересенъ, изрѣдка появлявшійся въ этомъ обществѣ А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Онъ жилъ тогда нелегально въ одномъ изъ уѣздовъ Саратовской губерніи, занимая должность волостного писаря, и его наблюденія надъ крестьянами, ихъ жизнью и складомъ ихъ мыслей казались очень цѣнными для молодыхъ слушателей, знавшихъ крестьянъ только по очеркамъ Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, освѣщавшихъ тогдашняго „сфинкса“ каждый по своему. Частой гостьей у Стараго Гофа бывала Наталья Армфельдтъ [1]), всегда простая и серьезная, но окруженная въ глазахъ молодежи нѣкоторымъ обаяніемъ благодаря извѣстной намъ по литературѣ близости ея семьи къ выдающимся дѣятелямъ сороковыхъ годовъ. Много бывало у Гофа и другихъ представителей революціоннаго міра, но одно лицо въ этомъ мірѣ занимало какое-то особое положеніе, не поддающееся никакому опредѣленію на словахъ, но очевидное для всякаго, даже посторонняго наблюдателя. Ли-

[1]) Впослѣдствіи умерла въ каторгѣ.

цомъ этимъ была женщина. Въ чемъ состояла ея сила, сказать трудно, т. к и Поливановъ, и всѣ мы стояли тогда не достаточно близко къ ея кругу. Она была очень красива, она была умна, была внучкой извѣстнаго партизана 12-го года,—но все это были частности, мелочи, совершенно терявшіяся въ общемъ впечатлѣніи ея личности. Мы чувствовали, что всѣ эти люди, окруженные такимъ ореоломъ въ нашихъ глазахъ:—и Богдановичъ, и Морозовъ, и Армфельдтъ, и всѣ, шедшіе съ ними по тому же пути, безмолвно признаютъ ея преимущество въ чемъ-то очень важномъ, быть можетъ, въ самомъ существенномъ для революціоннаго дѣла, и чувство какого-то смутнаго почтенія охватывало и насъ, ничего не теряя отъ того, что раза два намъ случалось видѣть Вѣру Николаевну веселой, шутливой, почти расшалившейся въ дружеской средѣ. Строгая красота лица и строгая красота характера сливались въ ней такъ гармонически, а съ ними такъ гармонировалъ ея властный, металлическій голосъ, что ея образъ представлялся намъ цѣльнымъ и чистымъ, какъ мраморное изваяніе, и почти такимъ же символическимъ, какъ статуя Свободы, съ порога Новаго Свѣта указывающая путнику, что за нею лежитъ страна свободы.

Въ этомъ обществѣ и подъ такими вліяніями революціонное настроеніе Поливанова углубилось, окрѣпло, слилось со всѣми его помыслами и навсегда залегло въ его душѣ какъ ея лейтъ-мотивъ, неизмѣнно побуждающій къ борьбѣ и дѣйствію. Несомнѣнно, что уже въ это время, въ 78 году, двадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ бы способенъ взять на себя самое отвѣтственное дѣло и твердо вынести всѣ его послѣдствія. Такъ, повидимому, смотрѣла на него и саратовская администрація. За это говоритъ такой фактъ.

Въ домѣ одного моего родственника бывалъ иногда запросто жандармскій полковникъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, котораго мы шутя называли „Нашъ Крестный". Это былъ типичнѣйшій представитель той классической жандармской школы добраго стараго времени, родоначальникомъ которой былъ, какъ кажется, самъ Бенкендорфъ. По канону этой школы жандармскій офицеръ—и чѣмъ выше онъ былъ по рангу, тѣмъ въ большей мѣрѣ—долженъ былъ снискать себѣ въ мѣстномъ обществѣ репутацію милѣйшаго, добрѣйшаго и любезнѣйшаго человѣка и либерала въ душѣ. И Петръ Ивановичъ былъ въ обществѣ милъ и любезенъ, а либерализмъ его былъ таковъ, что онъ самъ о себѣ, въ моемъ присутствіи, однажды выразился: „я, конечно, не красный, но я немножко... красненькій". Этотъ „красненькій" полковникъ, при несомнѣнныхъ дипломатическихъ способностяхъ, былъ въ то же время и вообще человѣкъ очень неглупый, наблюдательный и тонкій. Однако подчасъ ему случалось заходить въ своей дипломатіи такъ далеко, что сквозь розовое кру-

жево его либеральныхъ словъ просвѣчивали синія нити жандармской паутины. Такъ случилось и на этотъ разъ. Поливановъ незадолго передъ этимъ уѣхалъ изъ Саратова. Черезъ нѣсколько дней газеты принесли извѣстіе объ убійствѣ въ Петербургѣ шефа жандармовъ Мезенцева. По газетнымъ сообщеніямъ скрывшимся убійцей былъ молодой человѣкъ съ черненькими усиками. И вотъ Гусевъ, воспользовавшись случайной встрѣчей со мной, какъ-то незамѣтно свелъ разговоръ съ моимъ дядюшкой на Поливанова. „Прекрасный молодой человѣкъ, такой способный но... только—увлекающійся. Это наше великое горе, что гибнутъ именно лучшіе, способнѣйшіе молодые люди" и т. д., и т. д. Это была прелюдія. А за ней послѣдовали очень тонкіе и осторожные подходы, смыслъ которыхъ тотчасъ же заставилъ меня насторожиться и съ любопытствомъ слѣдить за дальнѣйшими профессіональными пріемами нашего „красненькаго" Крестнаго. А онъ дѣйствовалъ по всѣмъ правиламъ тогдашняго жандармскаго искусства. Голосъ его звучалъ такимъ теплымъ участіемъ къ Поливанову, и изъ любви „къ талантливому юношѣ" онъ такъ искренно интересовался его судьбой и тѣмъ, гдѣ онъ теперь, и какъ онъ поживаетъ, — что мнѣ было ясно, какъ божій день: Гусевъ подозрѣваетъ, что Мезенцева убилъ Поливановъ. „Отечески любящій молодежь", полковникъ, очевидно, разсчитывалъ выудить изъ меня какія-нибудь свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, дадутъ ему нить для дальнѣйшихъ заключеній; но мнѣ было тѣмъ легче увернуться отъ закинутой надо мной шелковой сѣти, что Поливановъ и на самомъ дѣлѣ не имѣлъ къ убійству Мезенцева ни малѣйшаго отношенія, и если Гусевъ подозрѣвалъ его въ этомъ, то такое подозрѣніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какой взглядъ установился на Поливанова въ саратовскомъ жандармскомъ управленіи уже въ то время.

Жандармы упредили событія. Въ дѣйствительности въ 78 году помыслы Поливанова были умстремлены не къ террору, а все еще къ пропагандѣ, и прежде всего—къ пропагандѣ среди крестьянъ. Со времени своихъ сборовъ въ Астрахань онъ все искалъ случая окунуться въ народное море и собственными руками пощупать загадочнаго „мужика", который, какъ слонъ въ восточной баснѣ, по словамъ однихъ знатоковъ, трогавшихъ ноги, похожъ на бревно, а по словамъ другихъ, державшихъ въ рукахъ хвостъ, похожъ на змѣю. Возможность для Поливанова побывать въ деревнѣ не бариномъ, а какъ-нибудь попроще, лѣтомъ, наконецъ, представилась. Была близка къ кружку одна учительница, которая однажды пріѣхала изъ села и сообщила радикаламъ, что ею нѣсколько подготовлена почва для пропаганды, но т. к. она сама недостаточно опытна, то не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ пропагандистовъ отправиться къ ней на побывку? Она,

въ ожиданіи того, что отъ этого приглашенія не откажутся, заранѣе предупредила крестьянъ, что у нея есть въ городѣ братъ, мастеровой, которому доктора велѣли отдохнуть въ деревнѣ, и что онъ, быть можетъ, пріѣдетъ къ ней погостить. Понятно: предложеніемъ воспользовались. Возникъ вопросъ: кому пойти?—и Поливановъ настоялъ на томъ, чтобы отправили именно его.

Сборы происходили на квартирѣ Поморцева. Приготовили мы тамъ заранѣе костюмъ: поддевку, картузъ, высокіе сапоги, неизбѣжную котомочку и все необходимое, включая и брошюрки. Поливановъ непремѣнно хотѣлъ дойти до Песчанки (Аткарскаго уѣзда) пѣшкомъ, чтобы лучше присмотрѣться къ окружающему и при случаѣ пропагандировать и распространять книжки уже на дорогѣ. Возможность осуществить, наконецъ, давно лелеянную мечту и нѣкоторый рискъ предпріятія взвинтили его, и онъ былъ веселъ какъ прапорщикъ, въ первый разъ по праву надѣвшій на свои плечи офицерскій мундиръ. Стараясь скрыть всю полноту своихъ чувствъ, онъ дурачился и острилъ надъ собой и надъ своимъ видомъ въ непривычномъ для него нарядѣ: примѣривая картузъ и поддевку, принималъ таинственный видъ опереточнаго заговорщика, оглядывался по сторонамъ и съ многозначительной миной, какъ бы поучая насъ конспиративной мудрости, торжественнымъ полушепотомъ декламировалъ:

Quand on conspire, il faut avoir,
Une perruque blanche et collet noir...

Потомъ вдругъ, утрируя, начиналъ изображать, какъ онъ станетъ говорить съ мужиками „шибко—дюже по народному“: „таперича... ужъ оно вѣстимо дѣло... коли ежели попервоначалу...“ и т. п. Его настроеніе заразило и насъ, и Поморцевъ, обладавшій способностью импровизаціи, въ грубоватыхъ виршахъ предрекалъ исходъ путешествія и, кивая мнѣ на „Петролея“, рифмачилъ:

Пробирался онъ бочкомъ,
Во поддевочкѣ...
А вернется—бычкомъ
На веревочкѣ... и т. п.

Было бы очень плоско видѣть въ этомъ балагурствѣ легкомысліе и недостатокъ серьезнаго отношенія къ дѣлу, имѣющему идейное значеніе. Это значеніе и Поливановымъ, и его друзьями не только сознавалось, но и чувствовалось прекрасно, но таковъ былъ кружковый обычай, что именно чѣмъ глубже чувство, тѣмъ меньше человѣкъ долженъ былъ его обнаруживать. Быть можетъ, въ противовѣсъ широкой коммунальности средствъ, идей, текучихъ настроеній, каждый

ревниво оберегалъ глубину своего сердца, и считалось положительно неприличнымъ распахиваться передъ другими, какъ итальянецъ въ своемъ жилищѣ, въ которомъ видно все, какъ на ладони, любому уличному прохожему.

Съ полной увѣренностью можно догадываться, что едва Поливановъ остался одинъ и выбрался послѣ часовой ходьбы изъ невзрачныхъ, сѣренькихъ улицъ городской окраины въ чистое поле, какъ его сполна охватило то настроеніе, которое онъ умышленно подавлялъ въ себѣ до тѣхъ поръ, чтобы не показаться друзьямъ напыщеннымъ и позирующимъ въ своей роли „апостола“. Какія чувства онъ при этомъ испытывалъ и какое впечатлѣніе вынесъ отъ этого, единственнаго въ его жизни случая „хожденія въ народъ“, мы теперь можемъ узнать изъ его беллетристическаго очерка „Кончился“, написаннаго много лѣтъ спустя, уже въ крѣпости, и имѣющаго, лишь съ очень мелкими отклоненіями отъ дѣйствительности, почти всецѣло автобіографическій характеръ. Герой этого разсказа, умирая въ безнадежномъ одиночномъ заключеніи, отдается воспоминаніямъ прошлаго, и прежде всего передъ нимъ встаютъ такія картинки:

„... Это было давно, много уже лѣтъ тому назадъ, но какъ ярко, какъ живо встаетъ передъ нимъ этотъ памятный день: точно вчера все это было.

„Онъ видитъ себя среди приволжской степи въ чудный, ясный и жаркій лѣтній день. На небѣ ни тучки. Солнце поднялось уже высоко, и его жгучіе лучи давно пропекаютъ плечи одинокаго путника сквозь легкую казинетовую поддевку, но онъ только теперь, когда отмѣрилъ уже верстъ 15, почувствовалъ жажду и усталость. Онъ остановился, снялъ картузъ, вытеръ вспотѣвшій лобъ и осмотрѣлся.

„Кругомъ—ровная, гладкая, какъ скатерть, степь, покрытая ковылемъ, и его пушистые султаны серебрятся, купаясь въ потокахъ солнечнаго свѣта, заливающихъ степь. Время отъ времени по ней проносится богъ вѣсть откуда взявшійся легкій, едва ощутительный вѣтерокъ, и тогда по этому серебристому морю пробѣгаетъ дрожь и султаны ковыля, наклоняясь другъ къ другу, точно шепчутъ на ухо какую-то важную, таинственную вѣсть; она бѣжитъ все дальше и дальше до самаго горизонта, вмѣстѣ съ милліонами сверкающихъ искръ, которыя вспыхиваютъ по мѣрѣ движенія волнъ, пробѣгающихъ по поверхности травъ. Налѣво отъ дороги виднѣется лощина, надъ которой вьется пара чибисовъ съ рѣзкимъ, звучнымъ крикомъ кувыркаясь въ воздухѣ и каждый разъ сверкая при этомъ на солнцѣ своимъ бѣлоснѣжнымъ брюшкомъ. По этой лощинѣ прихотливо извивается степная рѣчка, то суживаясь въ еле замѣтный ручеекъ, то расширяясь въ небольшія, продолговатыя озерца,

что придаетъ ей, сверкающей подъ лучами солнца, видъ ожерелья, брошеннаго среди изумрудной травы.

„Онъ подошелъ тогда къ этой рѣчкѣ, снялъ съ плечъ котомку, опустилъ ее на траву и, раздвинувъ тальникъ, которымъ густо заросли берега рѣчки, зачерпнулъ картузомъ воды. Боже, какой вкусной показалась ему тогда эта мутная, тепловатая вода. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ глоткомъ въ него вливается новый запасъ энергіи и бодрости. Напившись, онъ повѣсилъ картузъ для просушки на вѣтку тальника, опустился на траву около своей котомки и задумался.

„Да и было надъ чѣмъ... Вѣдь-то были его первые шаги на поприщѣ революціонной дѣятельности, это были первые дни „хожденія въ народъ".

„... Его первый опытъ произошелъ при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Село, въ которомъ онъ началъ свою дѣятельность, послѣ голодовки, вызванной неурожаемъ прошлаго года, вынесло незадолго передъ его пріѣздомъ нашествіе станового, выбивавшаго недоимку, продававшаго послѣднюю скотинку. Бунтовскія рѣчи вызывали полное сочувствіе въ людяхъ и безъ того озлобленныхъ, чтеніе книжекъ слушалось съ жаднымъ вниманіемъ, и, когда начиналась бесѣда, онъ не разъ думалъ: да ужъ не излишни ли всѣ эти книжки, всѣ эти разговоры при такомъ революціонномъ настроеніи народа. Онъ слышалъ рѣчи, полныя негодованія, въ которыхъ доставалось не только помѣщику, попу, становому..."

„Да, это были счастливыя минуты, способныя вызвать увлеченіе и подъемъ духа, энергіи, вѣры въ свое дѣло даже у болѣе знакомаго съ жизнью, пожилого и трезваго человѣка,—онъ же былъ чуть не мальчикъ, наивный и увлекающійся, глубоко вѣрившій въ силу книги, силу слова и мало считавшійся съ реальными условіями жизни. Все казалось тогда такъ ясно, такъ просто, вѣра въ непреодолимую силу истины была тогда такъ велика, что казалось,—и казалось не ему одному, желторотому юнцу,—будто стоитъ лишь сказать людямъ это слово истины, и они повѣрятъ ему такъ же страстно, такъ же глубоко, какъ вѣритъ самъ пропагандистъ, и будутъ также энергично распространять его. 2—3 года пропаганды—и тогда остается только развернуть красное знамя. Да, именно, только развернуть. Одного его вида достаточно будетъ, чтобы старый порядокъ вещей, съ его насиліемъ и ложью, рухнулъ, разсѣялся, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, при первомъ дуновеніи вѣтерка.

„Наканунѣ его ухода, вечеромъ, въ избу, гдѣ онъ остановился, пришло нѣсколько человѣкъ, чтобы проститься съ нимъ и въ послѣдній разъ послушать „о правдѣ", какъ

выражался одинъ изъ нихъ. Какъ врѣзался въ его память упорный и мрачный взглядъ парня съ красивымъ цыганскаго типа лицомъ, и та глубокая, накопившаяся годами ненависть, которая звучала въ его голосѣ, когда онъ воскликнулъ: „Ну, не долго имъ теперь надъ нами куражиться, кровь пить“. Съ какимъ радушіемъ просили его побывать еще, прислать къ нимъ, коли самому не удосужится, когонибудь изъ товарищей,—книжекъ новыхъ, да побольше... Какъ тронула его въ этотъ день, утромъ, заботливость старухи, матери хозяина, которая напекла ему ржаныхъ лепешекъ на дорогу, и онъ никакъ не могъ отъ нихъ отказаться,—„бери, бери, касатикъ, ты—человѣкъ дорожный“. Славные, добрые люди. Эти первыя впечатлѣнія еще болѣе укрѣпили въ немъ фантастическую вѣру въ народъ, который воображеніе юношей надѣляло всѣми возможными и невозможными добродѣтелями. Понятно, думалъ онъ, что буржуазія, привилегированные, правящіе классы не могутъ вмѣстить новаго ученія; но народъ, съ его общиннымъ духомъ, съ его выработанными десятками поколѣній устоями, на которые такъ легко возвести зданіе новаго соціальнаго строя,—народъ будетъ чутокъ и отзывчивъ къ нашей пропагандѣ. Безумно счастливъ былъ онъ въ ту минуту, когда чувствовалъ всѣмъ сердцемъ приближеніе величайшаго момента исторіи, съ котораго начнется новая эра—эра всеобщаго братства, счастья, мира...

...И въ тотъ памятный день, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего перваго опыта пропаганды, онъ почувствовалъ сознаніе исполненнаго долга. И счастье, безумное счастье, передъ которымъ ничто все то, что люди обыкновенно называютъ этимъ словомъ, охватило его. Да, величайшее счастье—это служеніе великой идеѣ.—И ему вдругъ стало невыразимо жалко тѣхъ слѣпцовъ, которые не видятъ, не понимаютъ этого... И съ глазами, полными радостныхъ, восторженныхъ слезъ, онъ смотрѣлъ тогда на уходящее въ безконечную даль море серебристаго ковыля“...

Деревенскія впечатлѣнія освѣжили Поливанова, и черезъ нѣсколько недѣль онъ вернулся къ намъ радостный, бодрый и преисполненный всякихъ бунтовскихъ замысловъ. Однако, раньше, чѣмъ приниматься за что-нибудь широкое, надо было справиться съ маленькой насущной задачей. Наши товарищи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ по дѣлу Гераклитова, со дня на день ждали приговора, а частнымъ образомъ уже было извѣстно, что семерымъ изъ нихъ не миновать ссылки. Съ отправкою законченнаго дознанія въ Петербургъ, на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и шефа жандармовъ (такая процедура тогда требовалась для административной высылки), положеніе заключенныхъ улучшилось: ихъ перевели изъ одиночекъ въ двѣ общихъ камеры—на три и

на четыре человѣка, и обѣ группы по очереди переводились на нѣкоторое время въ тюремную больницу, на больничное положеніе. Возможны стали свиданія. Выяснились ихъ нужды, и надо было озаботиться снаряженіемъ людей въ путь-дорогу, куда-нибудь въ тѣ края, откуда одинъ изъ высылаемыхъ, слесарь Нагель, большой шутникъ, обѣщалъ прислать намъ въ презентъ „маринованную эскимоску". Стали производить въ городѣ сборы: деньгами, платьемъ, книгами. Жандармы объ этомъ, конечно, узнали, и тутъ произошелъ одинъ эпизодъ, едва ли возможный въ теперешнее время: жандармскій майоръ, Латухинъ, получившій густые эполеты именно за дѣло Гераклитова, встрѣтился въ одномъ обществѣ съ молодымъ человѣкомъ изъ радикальнаго міра и завелъ съ нимъ разговоръ „по душѣ": онъ знаетъ, что собираются деньги въ пользу ссыльныхъ... Что же,—пусть... Онъ, майоръ, исполнилъ долгъ службы, но, „какъ человѣкъ", онъ не желаетъ молодымъ людямъ никакого зла; онъ даже проситъ не отказать и ему помочь, чѣмъ можетъ, и принять отъ него „маленькую лепту",—и великодушный майоръ извлекъ изъ кармана двадцатипятирублевку и былъ удивленъ и не мало обиженъ, когда молодой человѣкъ, хотя и вѣжливо, но весьма рѣшительно отказался отъ такого даянія... Сидящимъ въ тюрьмѣ передачи производились оффиціально, черезъ тюремную контору, но съ тѣми, которые, дождавшись своей очереди, пользовались льготами больничнаго положенія, дѣло устраивалось проще. Тюремная больница въ то время находилась не при тюрьмѣ, а далеко отъ нея, на Митрофаньевской площади. Высокой деревянной стѣной тамъ было отдѣлено отъ сосѣднихъ владѣній обширное мѣсто, внутри котораго находилось нѣсколько деревянныхъ построекъ разной величины; въ одномъ домикѣ, поближе къ площади, была квартира доктора, въ другихъ помѣщались больные и стража; въ отдѣльной постройкѣ, въ которой было всего двѣ камеры, содержались наши и одинъ очень красивый господинъ, интеллигентный и вполнѣ приличный, осужденный въ уголовномъ порядкѣ по дѣлу романическаго характера, закончившемуся кровавой катастрофой; никакой грязной подкладки дѣло не имѣло; наоборотъ, по всему, что выяснилось на процессѣ, личность убійцы внушала къ себѣ симпатію; присяжные оказали ему очень большое снисхожденіе, а наши относились къ нему съ участіемъ, на которое тотъ отвѣчалъ вполнѣ корректнымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ нимъ. Пользуясь всѣмъ этимъ, мы и попробовали разъ проникнуть безъ всякаго разрѣшенія прямо къ своимъ, въ ихъ помѣщеніе. Ключнику при входной калиткѣ мы сказали, что идемъ къ доктору, и такимъ образомъ проникли во дворъ, а тамъ, при помощи нѣкоторыхъ хитростей и подачекъ кому слѣдуетъ, неожиданно для заключенныхъ товарищей, очутились

среди нихъ. „Какъ!.. Что такое? уже къ намъ?...“—„Не безпокойтесь, къ вамъ-то къ вамъ, но безъ всякаго содѣйствія „Крестнаго“... Послѣ первой удачи послѣдовалъ и второй и третій визитъ, и въ теченіе нѣкотораго времени прогулки въ тюрьму служили для насъ пикантнымъ развлеченіемъ, а для заключенныхъ такія, немножко рискованныя свиданія „явочнымъ порядкомъ“ съ товарищами съ воли, конечно, являлись праздникомъ. Съ собой мы, обнаглѣвъ, захватывали цѣлыя корзинки не только съ фруктами, но и съ нелегальщиной и въ арестантской камерѣ располагались почти какъ дома. Стражъ помѣщенія сторожилъ, чтобы насъ не застигъ обходъ или какой-нибудь непреклонной души „фараонъ“ изъ другихъ надзирателей; онъ же приносилъ въ камеру самоваръ; мы раскладывали на столѣ „дары Колхиды“—виноградъ и т. п. и „дары Петрограда“—листки и брошюрки, и бесѣдовали съ такимъ увлеченіемъ, какое рѣдко случалось испытывать „на волѣ“.

При такихъ условіяхъ устроить кому-нибудь изъ заключенныхъ побѣгъ было бы, вѣроятно, не особенно трудно, и Поливановъ никакъ не могъ примириться съ мыслью о томъ, что ихъ все-таки вырвутъ отъ насъ, ушлютъ въ хмурую даль, вышвырнутъ въ какой нибудь тундрѣ, и наступитъ для нихъ мракъ очень мало извѣстнаго тогда на міру ссыльнаго существованія, тогда какъ мы будемъ жить себѣ да поживать на вольной волѣ. Особенно возмущало его отпустить въ ссылку, не сдѣлавъ никакой попытки освобожденія, Бобохова, котораго онъ, быть можетъ, по полной противоположности ихъ натуръ, не только любилъ, но и ставилъ необыкновенно высоко какъ человѣка и какъ революціонера. Въ этой оцѣнкѣ личности Бобохова, впрочемъ, не было разногласій и среди его позднѣйшихъ товарищей по карійской каторгѣ. Несмотря на свои 20 лѣтъ, Бобоховъ былъ всегда сдержанъ, почти всегда серьезенъ и погруженъ въ свои думы. Въ Поливановѣ била ключемъ его горячая, полувосточная кровь; онъ былъ ярокъ и замѣтенъ въ любой толпѣ. Блондинъ Бобоховъ по внѣшности не выдѣлялся ничѣмъ, кромѣ своихъ удивительныхъ кудрей; онъ часто молчалъ, когда кругомъ все кипѣло, но, вступивъ въ споръ, этотъ сосредоточенный мечтатель не любилъ обрывать рѣчь или отклоняться къ другой темѣ, пока не разовьетъ свою мысль до конца, съ прямолинейностью математика и съ неустрашимостью чистокровнаго „идеолога“, для котораго, какимъ бы матеріалистомъ онъ себя ни считалъ, въ глубинѣ души реальный міръ всегда представлялся лишь отраженіемъ той или иной „саморазвивающейся идеи“. Этотъ юноша съ пытливымъ умомъ натуралиста и съ чистой душой какой-то Катарины Сіенской, облачившійся въ красную рубаху русскаго „нигилиста“, въ глазахъ Поливанова былъ чистѣйшимъ

образцомъ „соціалиста“ и притомъ — образцомъ недосягаемымъ, т. к. самъ Поливановъ по своей натурѣ былъ и сознавалъ себя только воиномъ, а никакъ не монахомъ революціи. Спасти этого человѣка для „дѣла“, — такая мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ Поливанова, и онъ всячески убѣждалъ Бобохова согласиться съ нашимъ планомъ освобожденія, причемъ бѣжать должны были двое: Бобоховъ и Петръ Ширяевъ. Однако, никакія убѣжденія не поколебали Бобохова въ его рѣшимости бѣжать уже съ мѣста ссылки, а не раньше. „Тамъ я никого не подведу. Изъ-за меня никто не погибнетъ. А тутъ, какъ вы ни разсчитывайте, а впередъ всего не предугадаешь, — рискъ для освобождающихъ всетаки великъ. Рѣшительно не хочу, и не допущу никакихъ попытокъ“,—на этомъ онъ сталъ какъ на якорѣ, а сорвать его съ якоря, уже разъ онъ успѣлъ на немъ укрѣпиться, какъ мы знали, было невозможно. И пришлось отступиться. День насталъ, и товарищей увезли [1]), а пробудившаяся однажды освободительная энергія въ Поливановѣ не заглохла и вскорѣ же нашла, было, для себя другое примѣненіе.

Къ кружку народниковъ принадлежала пріѣзжая курсистка Александра Андреевна Богомазъ. Она была арестована, и ей предстояла ссылка. Почему-то въ продолженіе нѣкотораго періода ее держали при одной изъ саратовскихъ частей, временно помѣщавшейся не въ казенномъ домѣ, а въ наемномъ, на углу двухъ улицъ: Константиновской и Провіантской; рѣшетокъ въ окнахъ тамъ не было; и на этомъ Поливановъ построилъ цѣлый планъ освобожденія: двое рабочихъ, поздней ночной порой проходя мимо части, изобразятъ пьяныхъ и заведутъ ссору; этимъ они отвлекутъ вниманіе стража, обыкновенно дремавшаго у входа въ участокъ; пользуясь этимъ, двое освободителей наиболѣе ловкихъ и физически сильныхъ подступятъ съ другой улицы, на которую выходила комната Богомазъ, быстро высадятъ оконное стекло, одинъ изъ нихъ вскочитъ внутрь и спуститъ барышню товарищу, который подхватитъ ее снизу, а Поливановъ, одѣтый по-кучерски, приметъ ее на заранѣе приготовленную телѣжку и умчитъ въ надежный пріютъ... Начались подготовленія. Нашелся пріютъ; нашлась лошадь и экипажъ; нашлись и участники предпріятія, которое мы шутя называли: глава изъ рыцарскаго романа „Спасеніе Прекрасной Мелизинды“. Для развѣдокъ и разнаго рода услугъ хозяйственнаго характера намъ служилъ при этой затѣѣ одинъ

[1]) Изъ этихъ семерыхъ одинъ—Нагель—умеръ въ ссылкѣ, двое—Благовѣщенскій и Щербина—вскорѣ же бѣжали; а Бобоховъ и Ширяевъ при попыткѣ бѣжать были взяты, причемъ Б. сдѣлалъ демонстративный выстрѣлъ; его судили, приговорили къ смерти, уже построили для него висѣлицу, но черезъ двѣ недѣли послѣ суда замѣнили смерть двадцатилѣтней каторгой. Ширяева сослали въ Якутскую область.

обыватель,—сѣренькій человѣчекъ среднихъ лѣтъ изъ міра мелкихъ служащихъ; онъ былъ гордъ своей ролью необычайно; сообщеніе о томъ, что хомутъ и возжи по осмотру оказываются доброкачественны, онъ передавалъ не иначе, какъ шепотомъ, и, отправляясь покупать какой-нибудь кнутъ, на прощанье пожималъ руку такъ крѣпко и многозначительно, точно хотѣлъ сказать: „Что бы тамъ ни было,—но я вернусь съ кнутомъ или на кнутѣ". Этотъ „заговорщикъ" вносилъ въ дѣло элементъ комизма, но Поливановъ относился къ своему замыслу вполнѣ серьезно и торопилъ со сборами. Хотя предполагалось, что дѣло обойдется безъ борьбы и успѣхъ будетъ обезпеченъ „быстротой и натискомъ", но на случай осложненій рѣшено было всѣмъ вооружиться. Наканунѣ послѣдней ночи, когда „Прекрасную Мелизинду" предполагалось похитить, назначенъ былъ осмотръ оружія и, такъ сказать, генеральная репетиція или послѣдняя считка этой героической драмы нашего собственнаго (хотя и весьма подражательнаго) сочиненія. Въ назначенный часъ собрались всѣ; на столѣ сложили оружіе: револьверы и кинжалы. Осмотрѣли ихъ; ничего—годятся... Серьезный моментъ приближался, и это отразилось на общемъ настроеніи. Шутокъ уже не было. Смотришь на этакій револьверчикъ: маленькій онъ, новенькій. Лежитъ себѣ тутъ, рядомъ съ чернильницей,—хорошимъ былъ бы прессъ-папье,—а завтра?... Не давая себѣ воли предаваться элегическимъ размышленіямъ, всѣ переговаривались только о практическихъ деталяхъ завтрашняго дѣла, когда отворилась дверь и на порогѣ появился нашъ уморительный „заговорщикъ", озабоченный и таинственный болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Сейчасъ онъ былъ на развѣдкѣ: осматривалъ улицу и даже подъ какимъ-то предлогомъ проникъ въ часть... Событіе чрезвычайное!—въ части какое-то невиданное скопленіе полицейскихъ; уличный караулъ усиленъ; горятъ огни тамъ, гдѣ ихъ раньше никогда не бывало... Готовятся ли итти куда-нибудь съ обыскомъ? или ужъ не ждутъ ли нападенія?... Отправились мы съ Поливановымъ провѣрить эти наблюденія, оказалось: правда; народа что-то много и караулъ усиленъ. Чѣмъ это было вызвано, я и теперь не знаю, но произошла заминка, а тамъ и отъ самой „Мелизинды" получилось письмо съ убѣдительной просьбой отказаться отъ затѣи, т. к. она не ожидаетъ чего-нибудь больше двухъ-трехъ лѣтъ административной ссылки [1]).

Дѣло кончилось ничѣмъ и въ заключеніе къ этому эпизоду остается развѣ добавить, что никакой особенной близости или исключительныхъ симпатій къ Богомазъ у

---

[1]) А. А. Богомазъ была выслана на сѣверъ и тамъ года черезъ два, какъ я слышалъ, умерла.

Поливанова не было, и принялся онъ съ жаромъ за подготовку ея побѣга только потому, что, если не Бобохова, то ее, или хоть кого-нибудь, его такъ и подмывало вырвать изъ пасти Минотавра послѣ того, какъ на нашихъ глазахъ было только-что проглочено семеро товарищей.

... Въ Саратовъ пріѣзжали и уѣзжали оттуда дальше земледвольцы и народники; ихъ рѣчи звучали все тверже и тверже. Изъ Петербурга доходили вѣсти, что тамъ лавристовъ собственно уже не остается,—есть платоническіе соціалисты этого толка, но вся сила революціи уже не въ нихъ и не въ ихъ противникахъ—бунтаряхъ; пожалуй, даже и не въ чистыхъ народникахъ.Что-то зрѣетъ въ тамошнихъ кружкахъ. Движеніе несомнѣнно растетъ. Даже либеральное общество, недовольное исходомъ войны, какъ-то встряхнулось и теперь отъ какихъ-нибудь адвокатовъ или земцевъ приходится слышать подчасъ такія рѣчи, которыхъ раньше и въ доминѣ не было... Дѣло явно идетъ къ развязкѣ...

Какіе-то неуловимые электрическіе токи пронизывали тогдашнюю атмосферу и поднимали нервы. Поливанову стало душно въ провинціи. Его потянуло въ Петербургъ, къ самой колыбели того нарождавшагося, что заставляло такъ чутко прислушиваться ко всякимъ слухамъ изъ центра въ неопредѣленномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ блеснутъ какія-то молніи и откуда-то загремитъ первый громъ начинающейся революціи...

Чтобы имѣть предлогъ жить въ столицѣ, онъ рѣшилъ, по примѣру Е. Дубровина и Шиловцева, зачислиться студентомъ Медико-Хирургической Академіи, и осенью саратовцы проводили своего „Петролея"; какъ оказалось—надолго.

Въ Петербургѣ въ близкой къ революціоннымъ сферамъ студенческой средѣ напряженность момента ощущалась, конечно, еще острѣе, чѣмъ въ провинціи. Къ тому же правительство, испытывая смутную тревогу передъ непонятнымъ для него ростомъ въ странѣ оппозиціоннаго духа, съ завязанными глазами нащупывало свою ладью: гдѣ же тутъ течетъ?—и, по обыкновенію, приходило къ успокоительному для себя заключенію, что течетъ не со дна, а изъ самой верхней щелки,—неладно въ университетахъ: „агитаторы" подбиваютъ незрѣлую молодежь, та, безчинствуя, пошатываетъ борта, и отсюда вся течь; вотъ на эту самую щелку еще немножечко конопати,—и ладья обсохнетъ, и будетъ опять и спокойно и безопасно. По пословицѣ „одна у волка пѣсня",—превосходительные умы, погрузившись въ вопросъ, нашли рѣшеніе:—подтянуть!—и начали усиленно конопатить самую верхнюю щелку. На Медико-Хирургическую Академію обратили особенное вниманіе,—очагъ крамолы!—и потому съ самаго начала семестра стали акаде-

мистовъ подтягивать. Это еще болѣе повысило температуру; пошли сходки, волненія, исканіе наиболѣе дѣйствительныхъ формъ протеста. Понятно, что гдѣ происходила самая бурная сходка, гдѣ звучали рѣчи самыя боевыя и подмывающія, тамъ и Поливановъ былъ всегда тутъ какъ тутъ. Въ студенчествѣ онъ быстро выдѣлился. Избрали его библіотекаремъ студенческой библіотеки, и онъ тотчасъ же внесъ въ библіотечное дѣло новшества: раньше нелегальщину тамъ продавали и распространяли въ большомъ количествѣ, но съ нѣкоторой опаской, онъ же прямо выложилъ большія стопки „Земли и Воли" и продавалъ ихъ (въ пользу организацій, конечно) совершенно открыто, какъ открыто, со всѣми точками надъ і, высказался и на сходкахъ, и на частныхъ квартирахъ. Въ результатѣ—вскорѣ этого подвижного брюнета знали чуть не всѣ студенты и положительно всѣ академическіе сыщики. Его легко было запомнить. По улицѣ онъ несся въ наскоро надѣтомъ пальтишкѣ, съ карманами, неизмѣнно оттопыренными отъ обилія ихъ нелегальнаго вложенія; въ любую квартиру появлялся стремительно и прямо съ порога начиналъ сыпать остротами, сразу поднимавшими настроеніе и вызывавшими дружный привѣтъ этому веселому, живому, интересному посѣтителю, всегда богатому самыми животрепещущими новостями политическаго и литературнаго характера. Существовало тогда въ Петербургѣ большое общежитіе студентовъ-саратовцевъ; тамъ и жило много народа, а еще больше всегда толклось и временно пребывало; общежитіе въ шутку именовалось „Коммуной", и эта „Коммуна" сыграла крупную роль въ тогдашнемъ студенческомъ движеніи. Поливановъ являлся однимъ изъ ея столповъ и вдохновителей. Тамъ именно назрѣвалъ и вырабатывался проектъ: выйти всей гурьбой на улицу и двинуться къ Аничкову дворцу для подачи петиціи наслѣднику о сохраненіи студенческихъ корпоративныхъ учрежденій. Смыслъ этого движенія предполагался не въ томъ, чтобы наверху были услышаны мольбы вѣрноподданнаго студенчества, а, конечно, въ томъ, чтобы уличнымъ движеніемъ и, быть можетъ, свалкой съ полиціей, привлечь вниманіе общества, и возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на студенческую массу другихъ заведеній, а пожалуй, при удачѣ, и другихъ городовъ.

Когда практическая цѣль агитаціи была ясна и близка, тогда энергія Поливанова поднималась до максимума, и онъ становился неутомимъ и незамѣнимъ, какъ агитаторъ. Тутъ онъ развернулся во всю и весь ушелъ въ подготовку движенія. Наканунѣ назначеннаго для выступленія дня состоялась вечеринка, на которой присутствовали въ числѣ гостей и нѣкоторые изъ вожаковъ молодежи. Въ ожиданіи событій всѣ были оживлены и возбуждены. Вечеринка шла пре-

красно... Но бдительное начальство, надѣясь предупредить этимъ подготовлявшуюся демонстрацію, тутъ какъ-разъ и нагрянуло [1]). Какъ водится въ такихъ случаяхъ, закинувъ свою сѣть, оно выловило не только Поливанова и кое-кого еще изъ интересной для него „красной" рыбы, но и самыхъ невинныхъ лягушатъ и головастиковъ студенческаго міра, посѣщавшихъ всякія вечеринки исключительно по мотивамъ пѣсни „проведемте, друзья, эту ночь веселѣй" и проявлявшихъ свою революціонность только тѣмъ, что прибавляло къ этой пѣснѣ строфы:

Выпьемъ мы за того,
Кто „Впередъ" издаетъ,
Кто, лишенный всего,
На чужбинѣ живетъ... и т. п. ...

Однако, и невиннѣйшимъ пискарикамъ и занозистымъ ершамъ пришлось итти въ одну уху: кого въ Пинегу, кого въ Мезень... Поливанову въ поддерживаемой попеченіемъ начальства безпроигрышной лоттереѣ, именуемой административной ссылкой, выпалъ билетъ—Кадниковъ...

И вотъ и ему, какъ тысячамъ до того и несчетнымъ тысячамъ послѣ него, пришлось испытать это чувство, періодически постигающее мечтательныхъ россіянъ уже полстолѣтіе: опера не окончилась. Все обрывается для упоеннаго музыкой слушателя вдругъ. Тамъ, въ театрѣ, оркестръ еще гремитъ въ самомъ мажорномъ тонѣ; тамъ могучій Марсель и пламенный Рауль еще потрясаютъ сердца и вызываютъ восторгъ; душа еще полна героическимъ призывомъ: „Кто любитъ славу, любитъ бой,—всѣ за мной. Я поведу васъ стезей кровавой. Покрою мечь вашъ дивной славой"...

... А тутъ гдѣ-то вдали однообразно трещитъ въ свою трещетку ночной сторожъ. Темно. Скользко. Не то дождь, не то снѣгъ холодитъ лицо и залѣпляетъ глаза... Изъ міра яркихъ образовъ и захватывающихъ драмъ многомятежной исторіи, изъ міра красивыхъ звуковъ, красивыхъ чувствъ, красиваго существованія, изволь-ка вмигъ перенестись подхваченный, какъ Людмила Черноморомъ, какимъ-то внезапнымъ вихремъ въ мрачную и холодную пещеру Полифема, изъ которой всѣ выходы завалены камнями.

... Кадниковъ не Петербургъ. Темно. Тихо. Даже сторожъ не трещитъ въ свою трещетку. Спитъ, вахлакъ, гдѣ-нибудь на лавочкѣ. Собаки, и тѣ всѣ спятъ. О ночи и говорить нечего, но выходи хоть утромъ: снѣжокъ на улицѣ чистый-пречистый; никто по нему не прошелъ, не проѣхалъ...

Пришлось Поливанову въ 12 часовъ дня протаптывать

[1]) На слѣдующій день демонстрація тѣмъ не менѣе состоялась; она закончилась избіеніемъ студентовъ нагайками, что подѣйствовало возбуждающе на молодежь не въ одномъ Петербургѣ.

первый слѣдъ по этимъ безмятежнымъ улицамъ, вмѣсто концовъ съ Васильевскаго острова къ Лѣсному, и оттуда къ технологамъ, переходить къ товарищу со своей улицы въ ближайшій переулокъ, а оттуда къ другому товарищу—насупротивъ... По тому же крохотному масштабу пришлось перекраивать и свои интересы: помирился ли исправникъ съ отцомъ-протопопомъ?—Если помирились, то настанетъ въ полицейскомъ мірѣ радость и веселіе, пойдетъ сплошная гулянка, и тогда, пожалуй, можно будетъ раннимъ утромъ выйти съ ружьишкомъ въ сосѣдній лѣсокъ на охоту безъ опасеній, что тебя за это схватятъ, посадятъ въ тюрьму и начнутъ дѣло о побѣгѣ; а если расколовшая весь Кадниковъ ссора все еще тянется, то, значитъ, исправникъ изъ опасенія ехидныхъ протопоповскихъ доносовъ держитъ ухо остро, и тутъ ужъ въ лѣсокъ не сунешься,—какъ разъ самъ, вмѣсто зайца, попадешь въ полицейскій капканъ... Вотъ „иностранная политика“ невольныхъ обитателей Кадниковыхъ и Мезеней... А ихъ „внутренняя политика“?—Товарищъ Ивановъ завелъ знакомство съ мѣстнымъ докторомъ; самъ по себѣ этотъ докторъ ничего—человѣкъ; но у него бываетъ въ гостяхъ протопопъ,—тотъ самый, по доносамъ котораго товарищъ Петровъ былъ высланъ въ Вельскъ... Прилично ли соціалисту бывать въ одномъ домѣ и даже играть въ преферансъ,—съ доносчикомъ?... Сходка. Бурные споры: за Иванова, противъ Иванова... „Политическій ссыльный долженъ высоко держать знамя идеи. Онъ долженъ являться въ глазахъ обывателей представителемъ высшей правды. Не только съ доносчикомъ, но и съ кѣмъ бы то ни было играть въ преферансъ соціалисту недопустимо. Это пошлость! Это значитъ—опускаться до уровня обывателей. Колонія должна единогласно выразить Иванову порицаніе“.—„Позвольте! Какимъ же образомъ вліять на обывательскій міръ, если съ нимъ не сближаться? Чтобы поднять этихъ людей, надо поневолѣ къ нимъ нѣсколько нагнуться. Кое съ чѣмъ тутъ приходится на время примириться. Преферансъ...“—„А! примиреніе! компромиссъ! Только-что попалъ человѣкъ въ ссылку, и уже „примиреніе“... Вотъ „внутренняя политика“. На ея вопросахъ люди ссорятся, объявляютъ другъ другу „неговореніе“, дѣлятся на партіи... Тоска.

Засасывающая тина этихъ крохотныхъ интересиковъ, конечно, не могла поглотить Поливанова сполна. Иначе, проживъ годъ-другой въ такой атмосферѣ, онъ вернулся бы измельчавшимъ, пришибленнымъ, утратившимъ всякую способность отличать міровое отъ кружкового, — что съ иными и бываетъ. По живости своей натуры онъ, однако, не могъ, да, пожалуй, и не считалъ себя въ правѣ держаться въ сторонѣ отъ кружковой жизни своей колоніи; во всѣхъ

столкновеніяхъ съ мѣстной администраціей онъ принималъ самое горячее участіе и благодаря этому за время своей ссылки былъ еще два раза высылаемъ: изъ Кадникова въ Вельскъ, оттуда—въ Никольскъ (или, можетъ быть,—въ Никольскъ, и оттуда въ Вельскъ, не скажу навѣрно). Кромѣ того, онъ поддерживалъ обширную переписку съ товарищами, попавшими въ другія мѣстности. Въ то время ссылка въ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерніяхъ составляла одинъ цѣльный пластъ: почти сплошь студенчество съ общими идеями, настроеніями и непремѣнно хоть съ какими-нибудь общими знакомыми на волѣ. Положеніе для большинства было ново, и новички спѣшили установить другъ съ другомъ связь и подѣлиться впечатлѣніями своего новаго бытія. Все это, однако, поглощало лишь малую часть времени и энергіи. Главнымъ спасеніемъ отъ одуряющаго бездѣлья и безсодержательности ссыльной жизни тогда и позже, на сѣверѣ, какъ и въ Сибири, для вырваннаго изъ реальной жизни человѣка являлась книга,—и Поливановъ съ упоеніемъ отдался чтенію; а я уже говорилъ, какъ онъ умѣлъ читать даже на волѣ: погружаясь въ міръ идей съ такой же страстностью, съ какой въ Петербургѣ рвался на улицу.

Этотъ же періодъ полуторагодового пребыванія въ ссылкѣ ознаменовался для Поливанова событіемъ, важнымъ въ его личной жизни: въ одномъ изъ городишекъ Вологодской губерніи находилась, тоже въ ссылкѣ, дѣвушка, съ которой онъ сблизился и отъ которой впослѣдствіи имѣлъ сына. По разнымъ практическимъ соображеніямъ союзъ ихъ оставался негласнымъ, и, получивъ свободу, они жили въ разныхъ городахъ, но по временамъ Поливановъ посѣщалъ свою подругу, выѣзжая для этого на короткое время изъ Саратова... Черезъ двадцать два года послѣ своего осужденія, уцѣлѣвшій въ шлиссельбургской неволѣ, отецъ, вырвавшись на свободу изъ сибирской ссылки, встрѣтилъ своего сына уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ, похожимъ на отца и готовымъ итти съ нимъ рука объ руку въ битвахъ новаго времени...

Саратовецъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ исторіи введенія уставныхъ грамотъ.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

Къ журналу Хорольскаго мирового съѣзда 1-го апрѣля 1862 года приложено слѣдующее любопытное мнѣніе одного изъ посредниковъ:

„Въ журналахъ Хорольскаго мирового съѣзда, выѣзжавшаго для введенія уставной грамоты въ с. Багачку, изложены обстоятельства дѣла и тѣ пониманія крестьянъ, какія ставятъ ихъ противъ уставной грамоты. Если-бъ это было исключительнымъ явленіемъ въ Багачанскомъ сельскомъ обществѣ—обязанность исполнителя была бы только выполнить законъ; но члены мирового съѣзда, не отступая отъ истины, могутъ свидѣтельствовать, что тѣ же затрудненія сопровождаютъ во всѣхъ сельскихъ обществахъ переходъ и даже приготовленія къ уставнымъ грамотамъ. Чтобы противъ совѣсти и долга гражданства не скрывать причину общаго недовольства, члены мирового съѣзда вмѣстѣ съ исполнительностью должны высказать предъ правительствомъ со всею откровенностью и ту правду, которая молча лежитъ на душѣ большинства. Поэтому слѣдуетъ:

Исполняя законъ, уважая его, какъ начало и основаніе общественнаго блага, безотлагательно ввести въ Багачкѣ уставную грамоту въ ея сущности, то-есть уменьшеніи повинностей, соразмѣрно пользованію крестьянами землей; но во имя тѣхъ же закона и общественнаго блага не слѣдуетъ закрывать глаза предъ затрудненіями, соединенными съ выполненіемъ закона, а честно высказать ихъ, вникнувъ въ ихъ причины.

Противорѣчія, высказываемыя крестьянами относительно новаго для нихъ порядка, вездѣ однѣ и тѣ же; въ основаніи всѣхъ лежитъ одно начало: „мы хотимъ быть свободными—говорятъ они; намъ объявлялся въ церквахъ и самими же помѣщиками царскій манифестъ, по которому мы только два года должны оставаться на прежнемъ положеніи; мы волю царскую исполнимъ въ точности, а послѣ что Богъ дастъ. Но посудите сами, сказалъ разумнѣйшій изъ крестьянъ Багачки, говорившій отъ всѣхъ—якъ

бы то я пидлицовався [1]) на девять литъ и самъ себе закрипощалъ - на урочну работу".—„Спасибо Богу,—прибавилъ другой,—что исправники да становые стали рѣже ѣздить; а съ урочной работой опять начнутъ звонить колокольчики становыхъ", потому что опять начнутся взысканія за работу. Когда члены мирового съѣзда объясняли, что эта работа будетъ гораздо легче настоящей, слѣдовательно, отъ работника будетъ вполнѣ зависить точно выполнять ее, крестьяне говорили: „Що то уже за воля, коли гонять на урокъ".

На объясненіе, что свобода не праздность и не произволъ, что всякій совершенно свободный человѣкъ все-таки платитъ за землю, которую нанимаетъ, отвѣтъ былъ прямой: „коли вже намъ придется наймать, то мы наймемъ якъ кому схочется: чи за гроши—за гроши; чи за копу; чи съ снопа станемъ у пана жать", и будетъ каждый работать по своимъ силамъ, не связываясь барщиннымъ урокомъ.

Напрасны были всѣ убѣжденія, что этотъ новый порядокъ есть та же воля царская, которую *они же сами хотятъ въ точности исполнять*; что это положеніе уже цѣлый годъ въ ихъ рукахъ и могли они, читая его, убѣдиться, что по истеченіи года обязательно уже для мирового посредника введеніе новаго порядка, хотя бы и владѣльцы не просили. Мысль крестьянъ та, что они *должны повиноваться только первому Царскому Манифесту, а положеніе написано не царемъ*; *а уроки выдуманы въ губерніи панами.*

Изъ 100 съ лишнимъ уставныхъ грамотъ, представленныхъ въ Хорольскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ только три подписаны крестьянами, какъ добровольная сдѣлка на оброкъ; подписавшіе ихъ и до грамоты были знакомы съ оброчнымъ положеніемъ, но и подача этихъ грамотъ сопровождалась большими затрудненіями. Всѣ остальныя безъ согласія, безъ подписи крестьянъ, которые ждутъ чего-то другого и думаютъ о другомъ.

Чего ждутъ и что будетъ на концѣ этихъ ожиданій, трудно отгадать; но, вникая въ смыслъ того, что ими высказывается, нельзя, не нарушая правды, сказать, что крестьяне въ чемъ-нибудь виновны; ихъ мысль и ихъ слова логичны и еще, во имя той же правды—ихъ надежда логично складывается въ простотѣ сердца, потому что слишкомъ было бы несправедливо требовать, чтобы простой и темный человѣкъ, освобождаясь изъ подъ рабства, больше вѣрилъ положенію для него стѣснительному и не доступному, по его безграмотности, нежели напередъ того заявленному въ церкви короткому слову, которое сказало ему свободу отъ имени царя. Развитіе крестьянина таково, что онъ совершенно теряется въ пониманіи большой

[1]) То-есть лицо свое добровольно отдалъ бы.

книги, во многомъ не понятной и для образованнаго человѣка, которому доступны издаваемые на нее комментаріи [1]).

Между тѣмъ работникъ видитъ, что работа его все-таки сохраняетъ крѣпостной характеръ, а землевладѣлецъ видитъ, что при всемъ желаніи вести работу на основаніи вольнаго труда онъ этого не можетъ. Рождаются недоумѣнія и сокрытыя надежды на будущее. Среди такого положенія дѣла полезнѣе было бы, хоть поздно, но взяться за просмотръ затрудненій настоящаго и ошибокъ прошлаго, чѣмъ вести доброе дѣло насиліемъ, которое оставитъ только недовольство во всѣхъ и каждомъ.

При этомъ не нужно забывать, что враги государственнаго порядка работаютъ усердно; что все, чѣмъ можно пользоваться среди невѣжественной массы, ловится на лету; что всякая частная сплетня, при расположеніи толпы вѣрить ей—получаетъ общій толкъ и общій характеръ. До насъ постоянно доходятъ слухи о разныхъ письмахъ и грамоткахъ; о какомъ-нибудь проѣзжемъ солдатѣ или купцѣ, который привезъ ту или другую новость. Противники государственнаго порядка, поклонники коммунизма подъ видомъ *общины* горячо ведутъ свою пропаганду; молчать ли намъ и не давать имъ отпора свободнымъ голосомъ гражданина? Болѣзненные толки коммунистовъ потеряли бы большую часть своей заманчивости предъ толпами людей несвободныхъ, если-бъ этимъ людямъ законъ далъ всѣ права лично свободныхъ; а теперь, при настроеніи необразованнаго народа къ ожиданіямъ, будто бы обѣщаннымъ ему, теперь эти толки все больше и больше развиваютъ въ немъ недовольство и раздраженіе. Конечно, правительство такъ сильно, что можетъ силой задавить всякую выходку, явно направленную противъ закона; но при размноженіи враговъ государственнаго порядка эти силы будутъ истощаться на поддержаніе его, въ ущербъ положительной государственной дѣятельности; до какихъ поръ станетъ ихъ? Нужно сознаться, что законъ, объявленный дѣйствующимъ годъ тому назадъ, не исполняется каждую минуту на практикѣ, и силъ нѣтъ у мировыхъ учрежденій слѣдить за исполненіемъ его на двойномъ основаніи и свободы, и обязательнаго труда. [2])

Мы крѣпко вѣримъ, что общественное и государственное благо требуетъ, чтобы зорко высматривать, куда идутъ стремленія общества; если

---

[1]) Напримѣръ: до сихъ поръ еще не установилось между помѣщиками однообразное пониманіе, что значитъ *коренной надѣлъ*; или напримѣръ, что значитъ *семейный участокъ* у насъ, когда вообще въ хозяйствахъ нашихъ работникъ получалъ ежегодно участокъ по мѣрѣ работъ своихъ въ трехъ поляхъ, которыя такъ же мѣнялись по усмотрѣнію землевладѣльца! *Прим. автора.*

[2]) Это мнѣніе, высказанное въ засѣданіи 26 марта, оправдалось 1-го апрѣля: правительство въ лицѣ мирового съѣзда оказалось безсильнымъ и отступило предъ криками и угрозами толпы, отвергнувшей принятіе закона 19 февраля 1861 года. *Прим. автора.*

противъ закона и свободы—удалять ихъ; если за нихъ—пусть правительство спѣшитъ имъ навстрѣчу; Государство не боится свободы, потому что оно есть учрежденіе, основанное для охраненія свободы всѣхъ и каждаго. Мы положительно можемъ сказать, что у насъ эти стремленія идутъ къ законной личной свободѣ, и что правительство, удовлетворяя имъ, отстранитъ не только много общественныхъ колебаній, но и много насилій въ будущемъ.

Приложеніе закона къ высказанному—въ рукахъ правительства, которое для избѣжанія ошибокъ и повѣрки буквы съ фактомъ, имѣетъ больше средствъ, чѣмъ каждый изъ насъ; но въ помощь ему, мы можемъ сказать, что *все облегчится даже однимъ расширеніемъ* нѣсколькихъ статей положенія 19 февраля. Пускай только крестьянинъ, который считаетъ себя обязаннымъ и связаннымъ, по собственному желанію своему—по волѣ—можетъ отказаться отъ того, что ему въ тягость или не по его личному характеру. Пускай за помѣщикомъ останется обязанность, если крестьянинъ не отказывается отъ обязательнаго труда, удовлетворить его, чѣмъ слѣдуетъ по положенію; но вмѣстѣ съ тѣмъ стать съ нимъ въ отношенія свободнаго договора. Пускай, если крестьянинъ неграмотенъ и боится дать свое согласіе, отъ него этого не требуютъ, и пока онъ увѣрится въ ошибкѣ своей, не заставляютъ его насильно становиться въ отношенія, которыхъ онъ не хочетъ; иначе всегда останется у него убѣжденіе, что его вовлекаютъ въ какой-то обманъ; а на душѣ всегда останется недовольство съ безнадежностью, залогъ вѣрный не для реформъ, а для возмущеній“.

Мировой Посредникъ 1-го участка Хорольскаго уѣзда.

Кн. П. Цертелевъ.

Въ журналѣ Хорольскаго съѣзда положено было ввести уставную грамоту съ пособіемъ военной силы.

Сообщилъ П. Н. Миллеръ.

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

III. Кавказская колонія-община въ связи съ отношеніемъ къ коопераціямъ и артелямъ.

Продолженіе [1]).

Хлопоты о полученіи на Кавказѣ земли начались съ того, что въ 1871 году Сергѣй Николаевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по тамбовскому кружку агрономомъ Фрейбергомъ, отправились въ Сочинскій отдѣлъ Черноморскаго округа для личнаго осмотра и выбора подходящихъ земельныхъ участковъ. Это было время,—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ въ одной изъ своихъ неоконченныхъ, а потому и не попавшихъ въ печать рукописей,—когда край только что начинали заселять чехи, греки, армяне, а также частныя лица и компаніи изъ русскихъ предпринимателей и помѣщиковъ, покупавшіе у казны землю по 10 р. за десятину или бравшіе ее на особыхъ основаніяхъ. Здѣсь съѣзжались и сходились люди самыхъ разнообразныхъ положеній, самыхъ различныхъ слоевъ населенія. Рядомъ съ предпринимателями, „тутъ не мало было людей, искавшихъ душевнаго успокоенія", людей интеллигентныхъ и даже выдающихся по своему умственному развитію. Здѣсь можно было встрѣтить „и несчастнаго мужа, брошеннаго аристократкой женой, и безроднаго солдата, котораго недружелюбно приняли въ родномъ селѣ, куда онъ пошелъ было послѣ отставки, и настоящаго нигилиста, съ котораго, утрируя черты, рисовалъ Гончаровъ своего Марка Волохова и который, разошедшись во взглядахъ съ Нечаевымъ, ушелъ подальше отъ „грѣха", и идеалиста, скорбѣвшаго о мірѣ и его неправдѣ и искавшаго мирныхъ путей къ человѣческому счастью [2]), и человѣка, у котораго было нѣчто безпокоившее его

---

[1]) См. „Минувшіе Годы", № 1.

[2]) Въ Черноморскомъ округѣ уже тогда были попытки основать интеллигентные поселки и колоніи.

на душѣ, что онъ хотѣлъ забыть, а можетъ быть, и самъ хотѣлъ быть скорѣе забытымъ, и простого богомольца, ушедшаго въ молитву и суровое религіозное подвижничество. Въ какой-нибудь глухой пещерѣ находили только кости такого неизвѣстнаго отшельника, о которомъ раньше никто не зналъ". Людей всѣхъ этихъ типовъ Сергѣй Николаевичъ встрѣчалъ лично, а нѣкоторыхъ даже зналъ совсѣмъ близко. Встрѣчалъ онъ здѣсь, какъ и другіе поселенцы Черноморскаго округа того времени, и много другихъ лицъ въ весьма оригинальномъ положеніи: то французскаго графа, недовольнаго наполеоновскимъ режимомъ, то „турецко-подданнаго Ивана Степановича, котораго всѣ знали, какъ уроженца Орловской губерніи", вынужденнаго, однако, принять турецкое подданство (вѣроятно, въ видахъ огражденія себя отъ преслѣдованій за религіозное сектантство), то настоящаго турка—старика Измаила, который, будучи однимъ изъ самыхъ искусныхъ шкиперовъ, весь свой заработокъ употреблялъ на прокормъ бродячихъ собакъ, ходившихъ за нимъ стаями, то „нѣкогда блестящаго и богатаго артиллерійскаго офицера, которому почему-то не повезло въ жизни, хотя дурного онъ ничего не сдѣлалъ, и отъ котораго въ минуту откровенности можно было узнать, что въ дѣтствѣ онъ пользовался особымъ попеченіемъ извѣстной Орловой (пріятельницы Фотія),—о домашней жизни которой могъ разсказать небезынтересныя вещи,—что потомъ ему пришлось уйти въ Турцію и такъ же, какъ и Ивану Степановичу, пытаться принять турецкое подданство, и т. д."

Весь этотъ людъ, такъ или иначе не помирившійся съ жизнью или, вѣрнѣй, съ существующимъ режимомъ, шелъ сюда „по какому-то инстинкту и, казалось, лучше себя тутъ чувствовалъ, хотя никакихъ благъ не пріобрѣталъ, а сплошь и рядомъ жилъ очень плохо. Такъ раненый звѣрь уходитъ въ лѣсную чащу, гдѣ ему спокойнѣе; такъ закоченѣвшую отъ холода муху тянетъ къ теплу и свѣту"...

По наблюденіямъ Сергѣя Николаевича, да и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, жилось здѣсь человѣку какъ-то иначе, дышалось какъ-то вольнѣе. Обыватель здѣшнихъ мѣстъ могъ быть очень бѣденъ, но бѣдность тутъ „не принижаетъ его, какъ въ большихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ. Потому, вѣроятно, и встрѣчаются на Кавказѣ оборванцы съ гордымъ взглядомъ, съ осанкою и походкою королей. Богатые люди также, несмотря на то, что жизнь неблагоустроена и, что имъ приходится испытывать не мало культурныхъ лишеній, чувствуютъ себя хорошо. Можетъ быть, это потому, что здѣсь мало стѣсненій и слишкомъ много простора, а можетъ быть, таково ужъ свойство самой южной природы—живой и ласковой, то радующей человѣка обиліемъ свѣта, красокъ, жизни, то погружающей его въ тихую грусть и мечтательность". Наряду съ этимъ Сергѣй

Николаевичъ отмѣчалъ, „что здѣсь, благодаря ли малолюдству или какимъ инымъ причинамъ, съ самаго начала выработалась удивительная простота жизни и отношеній, простота, снимающая съ васъ путы разныхъ свѣтскихъ обязанностей, привычекъ, ненужныхъ и стѣснительныхъ приличій, подозрительности, недовѣрія къ людямъ и т. д“. „Я не скажу“,— продолжаетъ онъ,—„чтобы это было проявленіемъ какой-нибудь особенной кавказской доброты и благодушія, нѣтъ, всего вѣроятнѣе, это было просто слѣдствіемъ неустроенности жизни и сиротливости, какую испытывалъ всякій на новомъ мѣстѣ: каждый думалъ не столько о взаимныхъ счетахъ и борьбѣ, которые еще не начались, сколько о выгодахъ общенія и потому какъ-то радовался и шелъ навстрѣчу другому человѣку, кто бы онъ ни былъ, предполагалъ въ немъ сначала хорошее, а не наоборотъ; людей же мало-мальски подходящихъ взглядовъ и характеровъ скоро начинало связывать настоящее расположеніе“.

Эта особенность кавказской жизни была выпуклой, характерной особенностью и самого Сергѣя Николаевича. Пріобрѣлъ ли онъ ее на Кавказѣ или—что вѣроятнѣе—имѣлъ всѣ задатки ея еще съ дѣтства, но, благодаря именно ей, Сергѣй Николаевичъ, несмотря на полную опредѣленность своихъ склонностей и взглядовъ, никогда не былъ узкимъ партійнымъ человѣкомъ, никогда не относился къ людямъ съ партійной исключительностью и всегда видѣлъ въ человѣкѣ хорошія качества и подчеркивалъ ихъ. Люди—говоритъ онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ—встрѣчались здѣсь прежде всего, „какъ люди, и это было очень хорошо. Уже это одно улучшало плохихъ людей“... Обстоятельства и нужда уравнивали ихъ. „Если полковнику случалось иногда постирать себѣ бѣлье, агроному мѣсить и печь хлѣбы, писателю браться за заступъ, то этому никто не удивлялся и никого это не шокировало, потому что каждому приходилось дѣлать нѣчто подобное, въ силу необходимости“.

Съ этой стороны, для идейнаго дѣла, задуманнаго Сергѣемъ Николаевичемъ, Кавказъ представлялъ чрезвычайно удобное, вполнѣ соотвѣтствующее мѣсто. Къ нему какъ-то невольно тянуло всѣхъ побывавшихъ здѣсь. „Въ этомъ отношеніи“—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—„нерѣдко приходилось видѣть просто удивительные примѣры. Рабочіе, напримѣръ, попадавшіе изъ степныхъ, равнинныхъ мѣстъ въ горы или изъ городского многолюдства и веселья въ глушь, лишенную не только развлеченій, но и самыхъ необходимыхъ удобствъ, сразу чувствовали себя нерѣдко плохо и роптали, а если къ этому приходилось еще прихворать лихорадкой, то и начинали бранить Кавказъ и собираться домой или въ другія мѣста. Нѣкоторые и уходили... Но смотришь, проходилъ годъ-другой, и они снова оказывались тутъ“... У Сергѣя Николаевича на глазахъ было въ этомъ

смыслѣ нѣсколько самыхъ разительныхъ примѣровъ, а потому онъ твердо былъ увѣренъ въ возможности прочной колонизаціи Черноморскаго побережья Кавказа.

Правда, правительство вело какъ разъ такую политику, при которой можно было развить спекуляцію землей, а не прочную колонизацію. Оно продавало за безцѣнокъ драгоцѣнныя земли людямъ, которые завѣдомо не могли удержаться на хозяйствѣ и только ждали случая перепродать ихъ. Но эта политика была такъ завѣдомо нелѣпа, невыгодна ни для правительства, ни для дѣйствительно хозяйственнаго населенія, что нельзя было не надѣяться на ея измѣненіе. Сергѣй Николаевичъ очень разсчитывалъ на это, очень добивался упорядоченія и развитія переселенія сюда крестьянъ, которые, встрѣтивъ здѣсь примѣры такихъ организацій, какъ задуманная имъ колонія-община, и сами могли бы устроиться по иному, на иныхъ началахъ и основаніяхъ. Подавая начальнику Черноморскаго округа докладную записку объ ошибкахъ, допущенныхъ въ правительственномъ планѣ колонизаціи края, Сергѣй Николаевичъ убѣдительно доказывалъ, что хозяйственную жизнь въ немъ могутъ развить не частные землевладѣльцы-капиталисты, а только крестьяне и крестьяне. Слѣдуетъ сознаться—писалъ онъ въ этой запискѣ,—что „ни въ одномъ изъ частныхъ имѣній округа, которыя мнѣ приходилось видѣть, нѣтъ такого количества скота, воздѣланныхъ полей и вообще слѣдовъ экономическаго прогресса, какъ около деревень поселянъ, далеко не располагавшихъ такими капиталами, какъ частныя лица“. По убѣжденію Сергѣя Николаевича, „надежда на то, что землевладѣльцы все сдѣлаютъ здѣсь при настоящихъ условіяхъ своими капиталами—весьма сомнительна“. Охотниковъ затрачивать огромныя средства, необходимыя для здѣшняго хозяйства, съ гадательными надеждами на полученіе доходовъ, разумѣется, найдется у насъ очень и очень немного. Поэтому г.г. землевладѣльцевъ-капиталистовъ нужно оставить въ покоѣ и обратить все вниманіе на переселеніе въ край крестьянъ, пребываніе которыхъ въ немъ совершенно необходимо, какъ для правительства, такъ и для осѣвшихъ уже здѣсь частныхъ лицъ. Переселеніе желательно организовать при обоюдномъ участіи и землевладѣльцевъ, и администраціи и производить „какъ на земли, принадлежащія первымъ, такъ равно и на тѣ свободныя казенныя земли, которыя еще остались въ округѣ и имѣютъ отойти въ казну отъ частныхъ лицъ по разнымъ обстоятельствамъ. Надѣлъ крестьянъ изъ земель, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, долженъ производиться на основаніяхъ выкупа, причемъ [желательно, чтобы оцѣнка земель не превышала той, по которой ихъ продавала казна, и чтобы платежъ денегъ былъ также разсроченъ. Водвореніе переселенцевъ на земляхъ казенныхъ можетъ производиться... или на основаніи дѣйствовавшихъ

до сихъ поръ узаконеній о поселянахъ или же также на основаніяхъ выкупа, причемъ желательно, чтобы земли, лежащія во второй полосѣ округа, оцѣнивались дешевле и отводились въ большемъ количествѣ противъ первой полосы, какъ земли менѣе удобныя". Затѣмъ, по отношенію къ частно-владѣльческимъ землямъ, отводимымъ крестьянамъ, необходимо установить порядокъ выкупа, опредѣлить нормы наименьшаго надѣла и т. п. Сергѣй Николаевичъ зналъ, что о разрѣшеніи переселенія крестьянъ на земли частныхъ владѣльцевъ хлопочутъ сами владѣльцы, но онъ справедливо опасался эксплоатаціи крестьянъ послѣдними и потому настаивалъ на регулированіи этого переселенія закономъ. Съ проведеніемъ его могло не встрѣтиться препятствій и къ переселенію сюда тамбовскихъ крестьянъ, о чемъ онъ давно мечталъ и въ чемъ ему препятствовала администрація Тамбовской губерніи.

Для поселенія крестьянъ, очевидно, нуженъ былъ большой участокъ земли на Кавказѣ. Исходя изъ этого, Сергѣй Николаевичъ и Фрейбергъ, осмотрѣвши много такихъ участковъ, остановились на одномъ, кажется, наибольшемъ, расположенномъ въ Сочинскомъ отдѣлѣ Черноморскаго округа (нынѣ губерніи), верстахъ въ 18-ти по морю южнѣе посада Туапсе. Для пріобрѣтенія его и для полученія денежныхъ средствъ на устройство хозяйства и веденіе его было организовано товарищество, въ которое вошли, съ одной стороны, состоятельные люди—„москвичи", какъ ихъ называли въ товариществѣ,—а съ другой, тѣ, которые должны были составлять въ немъ рабочую силу. Первая группа организовалась изъ родственниковъ почтенныхъ дѣятельницъ тамбовскаго кружка О. А. Олениной и сестры ея Е. А. Филомофитской. Въ нее входили А. Н., А. А. и В. А. Нѣмчиновы и нѣкто П. А. Евреиновъ. Вторую группу составили Сергѣй Николаевичъ, зять его и другъ И. М. Мальневъ, В. П. Оленинъ, Фрейбергъ, а нѣсколько позже А. Н. Ладыгинъ и другіе. Фрейбергъ, примыкая ко второй группѣ, былъ въ то же время представителемъ „москвичей" и ихъ довѣреннымъ. Онъ былъ наиболѣе свободнымъ человѣкомъ, и при томъ агрономомъ, а потому на него пала обязанность ѣхать на участокъ, жить тамъ и вести дѣло до времени окончательнаго переселенія туда всѣхъ тѣхъ участниковъ, которые имѣли это въ виду. По товарищескому договору, весь участокъ, какъ предполагалось тогда въ 1000 десятинъ земли, распредѣлялся такъ, что на долю „московской" группы приходилось 0,6 всей площади, а на долю группы Сергѣя Николаевича остальные 0,4 площади. Москвичи обязывались уплачивать Фрейбергу за веденіе дѣла, въ сущности—на прожитіе, по 1 рублю съ десятины, расходы же по веденію хозяйства должны были погашаться въ пропорціональныхъ, по расчету на десятины, доляхъ всѣми участниками товарищества.

Здѣсь необходимо коснуться нѣкоторыхъ формальныхъ подробностей отвода участка и его границъ, такъ какъ тѣмъ и другимъ пришлось сыграть рѣшающую роль въ судьбѣ колоніи-общины.

Земельный участокъ былъ предназначенъ Сергѣю Николаевичу съ товарищами и отведенъ имъ въ натурѣ для немедленнаго начала хозяйства и устройства жилья. Обычно на право пріобрѣтенія такихъ участковъ писались особые договоры съ правительствомъ, по которымъ пріобрѣтатели обязывались уплачивать въ назначенные сроки положенныя деньги за землю въ казну, и имъ предоставлялось право приступать къ хозяйству до окончательнаго отмежеванія и выкупа земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе договоры писались не сразу при отводѣ участка, а черезъ нѣкоторое время. Такъ именно было и съ Сергѣемъ Николаевичемъ: договора при передачѣ ему участка составлено не было. Участки отводились по заранѣе составленнымъ планамъ, на основаніи сдѣланныхъ съемокъ и подсчетовъ. Но такъ какъ это были лишь предварительные съемки, въ которыхъ могли вкрасться ошибки, то въ договорахъ обычно писалось, что отводится столько-то десятинъ земли—„болѣе или менѣе того“, „сколько окажется“ въ указанныхъ границахъ при окончательномъ отмежеваніи. Само собой разумѣется, что такія оговорки предусматривали только небольшія ошибки, въ нѣсколько десятинъ, пожалуй, даже въ нѣсколько десятковъ ихъ, такъ какъ предварительныя съемки были довольно точны и составлялись землемѣрами-спеціалистами.

Границы участка, отведеннаго Сергѣю Николаевичу съ товарищами, были указаны вполнѣ опредѣленно: отъ моря по водораздѣлу рѣченокъ Неожиданной и Ушаковки по невысокимъ, но острымъ и крутымъ хребтамъ, затѣмъ по межѣ съ однимъ частнымъ владѣніемъ и, обогнувъ верховья рѣки Неожиданной, опять по направленію къ морю по вершинѣ одного изъ хребтовъ горныхъ отроговъ. Здѣсь граница проходила по холмистой мѣстности и включала во владѣнія товарищества едва ли не единственный во всемъ участкѣ кусокъ хорошей, удобной для усадебной осѣдлости, земли, ради котораго послѣ осмотра Сергѣй Николаевичъ съ Фрейбергомъ и согласились взять весь участокъ. Въ этой части отведенная имъ земля граничила съ прекраснымъ казеннымъ участкомъ въ триста съ чѣмъ-то десятинъ, имѣвшимъ огромную береговую полосу. На этотъ завидный во всѣхъ отношеніяхъ участокъ было много претендентовъ, но его очень берегли въ министерствѣ, а затѣмъ, года черезъ два-три, предоставили нѣкоему г. С.

Въ такихъ границахъ и при такихъ условіяхъ вступили во владѣніе участками Сергѣй Николаевичъ съ товарищами. Дѣло имъ предстояло огромное, а затрудненій было столько, что и перечислить трудно.

Прежде всего пришлось отказаться отъ мысли переселить сюда, по крайней мѣрѣ, въ ближайшіе годы крестьянъ изъ Тамбовской губерніи, такъ какъ администрація послѣдней рѣшительно не допускала этого. Участники колоніи-общины далеко не всѣ разсчитывали поселиться въ ней и работать, или, по крайней мѣрѣ, имѣли въ виду сдѣлать это позже, когда колонія приметъ болѣе или менѣе благоустроенный видъ, а жизнь въ ней и порядки такъ или иначе наладятся. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, самая важная и наиболѣе трудная работа предстояла именно въ началѣ существованія колоніи. Дѣло началъ И. Г. Фрейбергъ, затѣмъ, несмотря на всѣ трудности, его лично повелъ Сергѣй Николаевичъ, къ которому присоединились нѣсколько позже Ладыгинъ и нѣкоторые другіе идейные люди. Но размѣры дѣла были такъ грандіозны, что нечего было и думать обойтись силами этихъ лицъ, особенно на первыхъ порахъ, когда только для того, чтобы кое-какъ устроиться, необходимо было преодолѣть неисчислимыя затрудненія. Мѣстныхъ рабочихъ не было, и приходилось довольствоваться совершенно случайными. Пароходы при хорошей погодѣ заходили въ Туапсе одинъ разъ въ недѣлю, а при плохой проходили мимо. Чтобы изъ внутренней Россіи добраться до имѣнія, нужно было, прибывъ по желѣзной дорогѣ въ Ростовъ н/Д., ѣхать дальше на маленькомъ пароходѣ до Керчи, оттуда, послѣ нѣсколькихъ иногда дней ожиданія, выѣзжать на рейдъ и тамъ уже пересаживаться на плохенькій морской пароходикъ. На немъ и ѣхали до Туапсе, и если волна позволяла не утонуть, то съ него бросались въ лодки (фелюги), на которыхъ и слѣдовали до берега, часто выбрасываясь на него и нерѣдко падая въ воду. Изъ Туапсе на участокъ отправлялись берегомъ, чаще всего пѣшкомъ, если, разумѣется, это позволяло состояніе шести рѣкъ, по пути впадавшихъ въ море. Наименьшая изъ этихъ рѣкъ—Неожиданная, находившаяся уже въ самомъ участкѣ, разливалась во время дождей до такой степени, что совершенно прерывала сообщеніе одной части имѣнія съ другой. Разливы этихъ рѣкъ, случающіеся чуть ли не послѣ каждаго дождя, причиняли массу всякихъ бѣдъ: топили лошадей, скотъ, а иногда и людей. Сколько разъ первымъ піонерамъ края приходилось переправляться черезъ эти рѣки, рискуя жизнью, сколько разъ во время неожиданно сорвавшагося ливня сидѣли они у моря на камняхъ между двумя бушующими рѣками, не имѣя возможности переправиться ни на ту, ни на другую сторону—этого и не сосчитать! Былъ случай, когда Сергѣй Николаевичъ спасся, что называется, чудомъ. При переправѣ какъ-то черезъ рѣку Туапсинку верхомъ, онъ вмѣстѣ съ лошадью былъ снесенъ теченіемъ далеко внизъ. Лошадь утонула, а Сергѣя Николаевича спасла кавказская бурка, образовавшая на немъ нѣчто въ родѣ водолазнаго колокола. Но этимъ не ограничивались „прелести“ жизни черноморскихъ піонеровъ.

Нужно было видѣть ту борьбу съ природой, которую вели они, чтобы понять, какъ великъ былъ ихъ трудъ, какъ тяжела жизнь. Заросли множества колючихъ растеній—ежевики (ажины), такъ называемаго, въ просторѣчьи „держи дерева" или „чертъ-дерева", бучинника, дикой груши, кизила и другихъ кустарниковъ представляли собою сплошныя непроницаемыя стѣны. На огромныхъ пространствахъ перепутывались между собой корни, стволы и вѣтви и образовывали такую непроходимую чащу буйной растительности, что передъ ней безсильно опускались руки лучшихъ работниковъ. Запутывавшихся въ этихъ зарослях лошадей и коровъ приходилось буквально вырубать топорами, расцарапывая руки такъ, что изъ нихъ сочилась кровь. Платье рвалось въ клочки, а обувь горѣла, какъ въ огнѣ. Приходилось носить изъ свѣже-снятой съ дикаго кабана кожи особые постолы, вонючіе, липкіе, мокрые. Ежедневно ночью, а очень часто и днемъ, хуторъ нашихъ колонистовъ осаждали шакалы, дикіе коты, появлялись кабаны, рыси, медвѣди, а иногда жаловалъ и барсъ. Но все это еще ничего, пока человѣкъ здоровъ. Между тѣмъ изъ колонистовъ рѣдко кто избѣгъ ужасныхъ кавказскихъ лихорадокъ. У самого Сергѣя Николаевича были такіе приступы этой болѣзни, что онъ по полтора сутокъ, какъ трупъ, лежалъ безъ памяти.

Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и домашнія животныя. Очень часто коровы и волы, пригнанные сюда изъ другихъ не лихорадочныхъ мѣстъ получали здѣсь маллярію и въ большинствѣ случаевъ гибли отъ нея. Выдерживали приступы этой болѣзни только самые сильные экземпляры, успѣвшіе уже нѣсколько акклиматизироваться въ Черноморьѣ.

Матеріалы, необходимые для построекъ и хозяйства, а также и предметы потребленія добывались съ трудомъ и за огромныя цѣны. Сергѣй Николаевичъ сообщалъ въ „Отечествен. Запискахъ", что за бѣлую муку имъ приходилось платить по 2 р. 80 к. и по 3 р. 20 к. за пудъ, за пшеничную—размолъ—1 р. 80 к. и 2 р. 40 к., за картофель 60—80 к., за сѣно же даже до одного рубля за пудъ. „Къ этому"—писалъ онъ—„присоединялась еще дороговизна и другихъ необходимыхъ предметовъ, если только можно было еще достать ихъ на мѣстѣ; не только плуги и другой инвентарь приходилось выписывать изъ Москвы, Одессы, но мы знаемъ, что выписывались изъ Одессы даже гвозди" [1]).

Въ такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ пришлось работать здѣсь Сергѣю Николаевичу и его немногимъ идейнымъ товарищамъ. И тѣмъ не менѣе, онъ не отказался отъ этой работы. При всѣхъ огромныхъ затрудненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на Кавказѣ, здѣсь было одно исключительно

---

[1]) „Отечествен. Записки". 1878 г. № 3.

важное, по сравненіи съ внутренней Россіей, преимущество: здѣсь можно было устроиться болѣе или менѣе по своему желанію, соотвѣтственно съ своими идеалами. Здѣсь не было установившихся шаблоновъ въ отношеніяхъ между собой мѣстныхъ жителей вообще, а землевладѣльцевъ въ частности и традицій въ области помѣщичьяго времяпрепровожденія. Систематическій и усиленный физическій трудъ „барина", постоянное общеніе его съ рабочими, жизнь вмѣстѣ съ ними, пища съ одного общаго котла и т. п. способны были вызвать гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи цѣлую бурю въ мѣстномъ дворянскомъ болотѣ, нескончаемые доносы и обвиненіе въ неблагонадежности. Здѣсь же, на Черноморскомъ побережьѣ, если все это и не было дѣломъ заурядным, то во всякомъ случаѣ было знакомо многимъ и никого не шокировало. Здѣсь понимали, что каждый можетъ устраиваться, какъ ему было лучше, „сподручнѣе". Поэтому здѣсь можно было разсчитывать не только осуществить для себя новую форму хозяйственной организаціи, но, при удачѣ, распространить ее и на другихъ мѣстныхъ обывателей, при полной почти увѣренности, что ни сосѣди, ни начальство не будутъ мѣшать въ этомъ и во всякомъ случаѣ не усмотрятъ въ такихъ организаціяхъ потрясенія государственныхъ основъ. Эта особенность жизни на Черноморскомъ побережьѣ была такъ важна и такъ необходима, что Сергѣй Николаевичъ и его идейные товарищи, всѣ уже такъ или иначе знакомые съ полицейскимъ гнетомъ во внутренней Россіи, охотно мирились ради нея со многими трудностями жизни піонеровъ въ новомъ краю. Для такихъ сильныхъ натуръ, какъ Сергѣй Николаевичъ, Ладыгинъ и др., эти трудности были даже до нѣкоторой степени завлекательны. Онѣ давали возможность, что называется, попробовать свои силы, перевоспитать себя къ новой жизни, воплотить теорію въ практику и нести на своихъ плечахъ высокій моральный подвигъ ради счастья народа, человѣчества.

Задача, стоявшая передъ нашими колонистами, распадалась на двѣ части. Прежде всего нужно было подготовить самое поселеніе: расчистить и привести въ пригодное для болѣе или менѣе правильнаго хозяйства состояніе земельный участокъ, соорудить необходимыя постройки, обзавестись живымъ и мертвымъ инвентаремъ и попутно готовить самыхъ дѣятелей колоніи-общины. А затѣмъ, когда эта подготовительная стадія будетъ пройдена,—наладить и жизнь самой колоніи-общины такъ, чтобы въ ней возможно полно осуществились высшія начала народнической общественности, чтобы общинныя, артельныя и трудовыя тенденціи русскаго народа нашли здѣсь разностороннее приложеніе и примѣненіе.

Для осуществленія первой части этой задачи предназначался Фрейбергъ. Сначала онъ энергично принялся за дѣло, но очень скоро обстоя-

тельства для него измѣнились: онъ надолго отлучался въ Поти и въ Тифлисъ и оставался тамъ продолжительное время. Между тѣмъ, на участкѣ требовалась болѣе или менѣе постоянная работа. И. М. Мальневъ въ это время служилъ по удѣльному вѣдомству, В. К. Оленинъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, А. Н. Ладыгинъ усердно работалъ надъ электрическимъ освѣщеніемъ. Другіе были не менѣе заняты. Постоянной работы не имѣлъ только главный иниціаторъ дѣла—Сергѣй Николаевичъ, который, какъ въ виду такихъ обстоятельствъ, такъ и слѣдуя своему влеченію, и принялъ на себя главную заботу по устройству колоніи.

Серьезно, добросовѣстно и любовно принялся онъ за новое дѣло. Прежде всего здѣсь, на Черноморскомъ побережьѣ, осуществилъ онъ вполнѣ свою идею о примѣненіи физическаго труда, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ это требовалось самой его же теоріей.

Вообще физическій трудъ былъ для него не только результатомъ теоретической мысли, но и страстно любимымъ дѣломъ, пожалуй, потребностью его мускулистаго сильнаго организма. По разсказамъ его близкихъ, стоило ему только попасть въ провинцію, будь то Кавказъ или Сибирь, какъ онъ тотчасъ же начиналъ возиться съ какой-нибудь ручной работой, поправлять мебель, постройки, превращать пустыри въ огороды, сады и цвѣтники. Во время ссылки въ Сибирь онъ имѣлъ унавоженный и разработанный его же руками большой огородъ съ хорошими и рѣдкими тамъ овощами. Во дворѣ его былъ разбитъ большой цвѣтникъ, а домъ былъ буквально заполненъ цвѣтами и растеніями, изъ которыхъ плющъ густо покрывалъ стѣны комнатъ. При этомъ онъ и недурно столярничалъ, и хорошо косилъ, и ходилъ за скотомъ и лошадью. Никогда, кажется, не бывалъ онъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ наработавшись вволю, умывшись и смѣнивъ бѣлье, приходилъ онъ домой и садился за чай. Живя въ Петербургѣ и уставъ отъ рукописей, корректуръ и всякой кропотливой редакторской работы, онъ не разъ говорилъ: „вотъ если бы мнѣ здѣсь верстачокъ поставить, я знаю, что чувствовалъ бы себя много лучше“.

Интересный разговоръ былъ у него однажды по поводу этой любви его къ работѣ съ однимъ изъ сибирскихъ поселенцевъ, работавшимъ у него во дворѣ.

— Скажи, пожалуйста, Сергѣй Николаевичъ—спросилъ онъ его— изъ какихъ ты будешь: изъ купцовъ, мѣщанъ, или изъ духовнаго званія?

— Я тамбовскій дворянинъ,—отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Тээкъ...—протянулъ рабочій—дворянинъ, значитъ. Чудно мнѣ только, какъ же это ты все самъ работаешь и въ работѣ все понимаешь. Сапоги тебѣ вычистить—не моги, за лошадью самъ ходишь, и колишь, и строгаешь, и все по домашности дѣлаешь. Какой же ты баринъ? Вотъ у

насъ Д. А. (одинъ изъ ссыльныхъ товарищей)—такъ тотъ ужъ истинно, что баринъ: ничего онъ не знаетъ, ничего сдѣлать не понимаетъ...

При такой склонности къ физической работѣ, которая была у него всю жизнь, онъ отдался ей на Черноморскомъ участкѣ съ полнымъ самоотверженіемъ. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера онъ работалъ не покладая рукъ, не только наравнѣ со всѣми рабочими, но и впереди ихъ. Особо избранныхъ работъ для него не было: онъ и корчевалъ пни, и рубилъ деревья, и косилъ, и пахалъ, и плотничалъ, и столярничалъ и т. д. Обладая большой физической силой, онъ воспиталъ въ себѣ и ту выносливость въ физическомъ трудѣ, на которую способенъ только русскій человѣкъ. Несмотря на то, что на участкѣ работало нерѣдко по 20 и больше человѣкъ, съ увѣренностью можно сказать, что этотъ дикій и пустынный уголокъ Черноморскаго побережья ожилъ, принялъ, если и не вполнѣ благоустроенный видъ, то во всякомъ случаѣ видъ жилого мѣста, дѣятельнаго хозяйства, прежде всего, благодаря трудамъ Сергѣя Николаевича. Онъ лично сдѣлалъ болѣе 1500 прищепъ плодовыхъ деревьевъ и насадилъ цѣлую плантацію миндалей и персиковъ, которые позже, во время войны, почти сплошь были вырублены казаками.

Когда въ концѣ концовъ усадьба была устроена, въ ней находились: законченный постройкой домъ, отдѣльно отъ него кухня, сарай, конюшня, птичникъ; затѣмъ, была выкорчевана часть лѣса, былъ заведенъ большой огородъ, садъ, виноградникъ, пчельникъ и, наконецъ, начались посѣвы. Какого это стоило труда, можно судить потому, что подобная же постановка хозяйства всего на 50 десятинахъ обходилась тогда на Черноморскомъ берегу частнымъ владѣльцамъ въ 20—30 тыс. руб. [1]) У нашихъ колонистовъ денегъ было немного, а потому недостатокъ ихъ пополнялся прежде всего и больше всего трудомъ ихъ идейныхъ руководителей. Что же касается собственно Сергѣя Николаевича, то можно утверждать, что на всемъ участкѣ не было ни одного крупнаго дѣла, къ которому онъ не приложилъ бы въ значительной мѣрѣ своего труда.

Работая, какъ простой рабочій, онъ и жилъ какъ рабочій—въ общемъ съ ними помѣщеніи, питаясь отъ общаго для всѣхъ стола. Пуританизмъ его доходилъ до того, что даже во время болѣзни, когда его трепала жестокая кавказская лихорадка, онъ не позволялъ себѣ пользоваться какими-либо особыми удобствами или особой пищей и ѣлъ обычно то, что ѣли остальные рабочіе. Общая для всѣхъ стряпка, называвшаяся хозяйкою и охотно пользовавшаяся правами хозяйки, не имѣла времени, да, повидимому,

---

[1]) См. тамъ же, статья „Кавказскій берегъ Чернаго моря“ стр. 47.

и желанія готовить что-нибудь спеціально для него. И Сергѣй Николаевичъ безропотно подчинялся этому.

О работѣ Фрейберга и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ колоніи, со времени переселенія въ нее Сергѣя Николаевича, свѣдѣній почти не сохранилось. Но говоря о Сергѣѣ Николаевичѣ, нельзя не упомянуть также и о А. Н. Ладыгинѣ, хотя и примкнувшемъ къ колоніи нѣсколько позже, но не мало поработавшемъ для нея. Благодаря особой оригинальности своей одаренной натуры, онъ легко и, повидимому, безъ какихъ-либо усилій приспособлялся къ совершенно новымъ условіямъ, совершенно противуположнымъ старымъ. Совсѣмъ не думая, что приноситъ какія-то жертвы, онъ отказался въ одинъ прекрасный день отъ выгоднаго положенія изобрѣтателя въ области электрическаго освѣщенія и переѣхалъ въ Черноморскую колонію. Его жизнь была полна такими приключеніями. Изъ моднаго тогда отеля „Викторія“ съ роскошной обстановкой А. Н. Ладыгинъ вдругъ переѣзжалъ въ мансардъ на Васильевскомъ островѣ и начиналъ ходить на патронный заводъ, чтобы отливать грунтовую воду ведрами за 60 коп. поденной платы, нисколько, повидимому, не огорчаясь и не рисуясь этимъ. На Кавказъ онъ поѣхалъ съ полными чемоданами и въ І-мъ классѣ, а приступивъ тамъ къ дѣлу, онъ все это забросилъ, надѣлъ старую матроску, сколотилъ кое-какъ изъ досокъ балаганъ на берегу моря и поселился здѣсь, бодрый, довольный и жизнерадостный. Здѣсь онъ занялся главнымъ образомъ рыболовствомъ: купилъ двѣ фелюги (лодки), снасти, сѣти, бочки и проч., заготовилъ соль и организовалъ для самаго промысла артель. Какъ и Сергѣй Николаевичъ, онъ ѣлъ то, что ѣла артель, спалъ тамъ, гдѣ спала и она; на ловлю, уборку сѣтей, посуды и на всѣ другія работы онъ шелъ впереди всѣхъ и возвращался послѣднимъ. Къ сожалѣнію, ему, какъ и всѣмъ другимъ пробовавшимъ заняться здѣсь рыбной ловлей, эта послѣдняя не далась въ руки. Не то, чтобы условія были неудачны— нѣтъ, они достигали иногда ста пудовъ заразъ, а просто условія неблагопріятствовали промыслу. Не было льда для сохраненія рыбы, не было и другихъ приспособленій, обычныхъ въ болѣе культурныхъ мѣстахъ. А главное: не было сбыта и при рѣдкихъ посѣщеніяхъ Туапсе пароходами (небольше одного раза въ недѣлю) не было возможности отправлять рыбу въ торговые центры.

Вмѣсто І-го класса на обратномъ пути съ Кавказа А. Н. Ладыгинъ свыше 1000 верстъ прошелъ съ рабочими пѣшкомъ за единственной при партіи подводой и вернулся въ Петербургъ такимъ же веселымъ и бодрымъ, какъ и прежде.

Ладыгинъ замѣнялъ Сергѣя Николаевича и въ то время, когда послѣдній уѣзжалъ изъ колоніи „въ отхожій промыселъ“ въ Петербургъ, гдѣ

у него сложились уже прочныя литературныя связи въ „Отечествен. Зап.". Хозяйство въ колоніи налаживалось, и дѣло складывалось, вслѣдствіе чего отъѣзды „въ отхожій промыселъ", особенно при такомъ замѣстителѣ, какъ Ладыгинъ, были возможны.

Въ данныхъ о колоніи остается не вполнѣ выясненнымъ вопросъ объ организаціи въ ней стороннихъ, т. е. не принадлежавшихъ къ учредителямъ, рабочихъ. Извѣстно, что они были до нѣкоторой степени наемными, т. е. получали условленную плату, которой вели даже особый счетъ на стѣнахъ дома. Но извѣстно также, что Сергѣй Николаевичъ не мирился съ такой организаціей, и что имъ предпринимались попытки къ устройству артели. Тѣмъ не менѣе, въ какой именно формѣ вылились эти попытки, какая и какъ организовалась артель—установить это теперь невозможно. Во всякомъ случаѣ, не только предполагалось, что рабочіе сдѣлаются участниками предпріятія, войдутъ въ него равноправными членами и образуютъ, вмѣстѣ съ интеллигентными сочленами, одну общину-артель, въ которой осуществятся высшіе принципы русскаго трудового начала, но къ этому были сдѣланы практическіе шаги, и рабочіе были поставлены въ совершенно новыя условія и подготовлялись, особенно молодые изъ нихъ, къ полному осуществленію новой жизни.

Въ это именно время, когда, казалось, многолѣтніе тяжелые труды должны были успѣшно завершиться полнымъ расцвѣтомъ новаго дѣла, случилось событіе, которое, даже при условіи россійской административной неурядицы, было неожиданнымъ и необычнымъ. О событіи этомъ Сергѣй Николаевичъ извѣстилъ своихъ членовъ товарищей, проживавшихъ въ Петербургѣ, въ краткомъ спѣшно писанномъ письмѣ. „За нѣсколько дней до моего пріѣзда"—писалъ онъ, возвратившись на участокъ послѣ кратковременнаго отсутствія, въ теченіе котораго дѣла въ колоніи велъ Ладыгинъ—„здѣсь былъ землемѣръ съ г-омъ С. для отмежеванія его участка [1]) и отрѣзалъ въ пользу послѣдняго всю нашу усадьбу, т. е. домъ, всѣ постройки, садъ, огороды и проч.". Межа прошла не по хребту, какъ указывалось при отводѣ участка, „а по нижнему его склону, точно нарочно обходя все отрѣзанное, а затѣмъ уже вышла на хребетъ". Новый владѣлецъ С. „осаждаетъ насъ письмами и полуофиціальными требованіями черезъ попечителей, чтобы мы отдали ему всѣ постройки за 250 р., а въ противномъ случаѣ" грозитъ все снести. „Возбуждаетъ также вопросъ о порубкѣ лѣса для постройки".

При такихъ условіяхъ, создавшихся совершенно неожиданно, нужно

[1]) Того самаго прекраснаго участка въ триста слишкомъ дес., на который, какъ упомянуто выше, было много претендентовъ и который, наконецъ, былъ отведенъ казной г-ну С.

было какъ можно скорѣе ѣхать въ Новороссійскъ и хлопотать тамъ о выясненіи дѣла, предварительно обмѣривъ, по соглашенію съ г. С., оба участка. Но у г. С., повидимому, начиналась уже та нервная болѣзнь, отъ которой онъ впослѣдствіи и умеръ; онъ былъ въ сильно возбужденномъ состояніи, и переговоры съ нимъ ни къ чему не приводили. Въ то же время стояла отвратительная мартовская погода, на морѣ свирѣпствовали бури, и сообщеніе съ Новороссійскомъ было прервано. Несмотря на это, Сергѣй Николаевичъ поѣхалъ туда, но добиться толку въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ такъ-таки и не удалось. Дѣло было, очевидно, погублено.

Но даже въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда рушились плоды многолѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ и по истинѣ геройскихъ усилій, Сергѣй Николаевичъ не унывалъ, не падалъ духомъ и не оставлялъ мысли о колоніи-общинѣ. Въ письмахъ къ сочленамъ товарищества онъ рекомендуетъ продать всю оставшуюся землю или часть ея продать, „хоть по 15 р. (за десятину) или даже дешевле“ и купить другую. „Здѣсь же неподалеку“—пишетъ онъ—продается земля, „которая будетъ лучше нашей и будетъ совершенно чистою землею“. Нужно спѣшить съ продажей и устраиваться какъ-нибудь иначе, „потому что время уходитъ, тянешь какую-то глупѣйшую канитель и ничего не дѣлаешь“... Мнѣ—добавляетъ Сергѣй Николаевичъ—„все больше и больше становится невыносимымъ находиться на перепутьи“.

Между тѣмъ, дѣла съ участкомъ затягивались и благопріятнаго исхода, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, не предвидѣлось. Порѣшили поэтому покончить съ г. С. Онъ согласился дать 400 р. за все, что было сдѣлано, за очистку мѣста, за постройки, за все то, что стоило многихъ, многихъ тысячъ и еще большихъ трудовъ. На этомъ и кончили, а позже продали и землю, при содѣйствіи Гл. Ив. Успенскаго, К. М. Сибирякову. Продали дешево, даже чрезвычайно дешево, но тогда стояли такія именно цѣны и взять больше не было возможности, тѣмъ болѣе, что война съ Турціей внесла новыя разрушенія въ хозяйствѣ. Печальную и нелегкую обязанность ликвидировать дѣло взялъ на себя братъ Сергѣя Николаевича—Александръ Николаевичъ. Несмотря на всѣ чрезвычайныя затрудненія, на разгромъ хозяйства за время войны, ему удалось выплатить московскимъ членамъ товарищества не менѣе какъ по 70 к. за рубль. Сергѣй же Николаевичъ, Ладыгинъ и Мальневъ потеряли почти все.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда производилось уже окончательное отмежеваніе казенныхъ участковъ, перешедшихъ въ частную собственность, выяснилось, что отмежеваніе г-ну С. усадьбы, принадлежавшей Сергѣю Николаевичу съ товарищами, было сдѣлано дѣйствительно неправильно. У

одного сосѣда земли оказалось 340 десятинъ, вмѣсто 200, а у г. С., кажется, 500 десятинъ, вмѣсто трехсотъ съ чѣмъ-то. Наслѣдникамъ его пришлось доплачивать приблизительно за 170 излишне находившихся въ ихъ владѣніи десятинъ. Въ участкѣ же Сергѣя Николаевича съ товарищами оказалось только 625 дес., вмѣсто 1000, и казна возвратила ему взносы его за ненашедшіеся у него 375 дес. Кто, въ какой мѣрѣ и въ чемъ именно виноватъ въ этой своеобразной ошибкѣ межеванія, разорившей товарищество и погубившей одинъ изъ интереснѣйшихъ соціальныхъ опытовъ, до сихъ поръ остается невыясненнымъ.

Новое поселеніе, о которомъ заговаривалъ уже Сергѣй Николаевичъ въ письмахъ вслѣдъ за катастрофой въ колоніи, не состоялось, хотя онъ и купилъ, между прочимъ, въ этихъ цѣляхъ небольшой участокъ земли въ 48 десятинъ. Война съ Турціей, возстаніе горцевъ, крахи хозяйствъ и промышленности исключали въ это время возможность мирной культурной работы. Мѣстное начальство настаивало на выѣздѣ русскаго населенія, и живописный, богатый дарами южной природы, берегъ Чернаго моря опять надолго заглохъ и запустѣлъ.

Однако, о С. Н. Кривенко здѣсь не забыли. Какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ и мѣстахъ, онъ игралъ здѣсь, даже помимо своего желанія, крупную, выдающуюся, центральную роль, и память немъ пережила его. Живя на Кавказѣ, онъ не замкнулся въ самомъ себѣ, въ своихъ дѣлахъ, въ своемъ кружкѣ. Его правдивая, любвеобильная и чистая натура постоянно реагировало на все окружавшее и невольно привлекала къ себѣ, съ одной стороны, всѣ живыя силы края, а съ другой, все слабое, нуждавшееся въ поддержкѣ и защитѣ. Съ одной стороны, къ нему шла интеллигенція, а съ другой—народная масса. Несмоня на то, что жизнь загнала въ семидесятыхъ годахъ на Черноморскій берегъ немало крупныхъ и оригинальныхъ людей, немногіе изъ нихъ заняли тамъ такое положеніе, какъ Сергѣй Николаевичъ. Въ немъ было что-то такое, что тянуло и привлекало къ нему всѣхъ, въ комъ не угасла еще искра Божія. Къ нему льнули и доктора, и фельдшера, и учителя и торговцы, и культурщики, и всякаго рода живые люди. Всѣхъ ихъ онъ умѣлъ втянуть въ общественные интересы и сгруппировать у общественныхъ дѣлъ. Но особенно трогательно было отношеніе къ нему простого люда. Рабочіе никогда не видѣли въ немъ хозяина, никогда не стремились прижать или обмануть его. Напротивъ того, относясь къ нему просто и откровенно, но въ то же время любовно, по-братски, они точно берегли его, какъ нѣчто стоящее выше окружающаго и заслуживающее особаго уваженія.

— Сергѣй Николаевичъ—нерѣдко говорили они окружавшимъ его— особенный человѣкъ, думается, что другихъ такихъ и на свѣтѣ нѣтъ.

Исключительно хорошія отношенія установились у него съ мѣстными черкесами. Хотя большинство тѣхъ изъ нихъ, которыхъ зналъ онъ лично, сошло уже теперь съ жизненной сцены, тѣмъ не менѣе, память о Сергѣѣ Николаевичѣ живетъ и среди ихъ дѣтей. Въ этомъ онъ имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ самые послѣдніе годы, когда пріѣхалъ въ Туапсе уже нося въ себѣ смертельный недугъ. Но были встрѣчи и съ стариками. Какъ то гуляя у моря въ послѣднюю передъ смертью зиму, Сергѣй Николаевичъ встрѣтилъ почтеннаго въ чалмѣ (значитъ, посѣтившаго Мекку) старика-черкеса, который вдругъ радостно бросился къ нему и сталъ цѣловать его руку. Сергѣй Николаевичъ страшно сконфузился и разволновался. Оказалось, что это одинъ изъ тѣхъ стариковъ, которые знали и высоко цѣнили его еще въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ много помогалъ имъ совѣтомъ, заступничествомъ у начальства, продуктами и деньгами. Его любили черкесы уже и тогда, а позже, во время войны и жестокаго разоренія черкесскихъ ауловъ нашими войсками, когда Сергѣй Николаевичъ давалъ пріютъ, поилъ и кормилъ женщинъ и дѣтей, толпами бѣжавшихъ отъ своихъ разоренныхъ пепелищъ на берегъ, — черкесы готовы были молиться на него. Тогда въ Туапсинскомъ округѣ впервые была сказана фраза—„безъ Кривенка черкесы пропадай“,—которую и теперь можно слышать у черкесовъ этихъ мѣстъ. Прежде его чтили отцы, теперь чтутъ дѣти. Они рыдали у его гроба и издалека приходили къ осиротѣвшей семьѣ выразить ей свою глубокую печаль и искреннее соболѣзнованіе.

Возвращаясь опять къ колоніи-общинѣ, нужно признать, что приведенными о ней данными, къ сожалѣнію, не устанавливается ея значеніе, какъ соціальнаго опыта, и ея роль въ дѣлѣ распространенія и насажденія артельныхъ и кооперативныхъ началъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Для этого нѣтъ достаточно полныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ практически осуществлены были въ ней эти начала. Пополнить ихъ теперь же невозможно, но для установленія общаго характера того, что было предпринято въ этомъ отношеніи Сергѣемъ Николаевичемъ, интересно ознакомиться съ его взглядами на артели и кооперацію, изложенными имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, именно во время его кавказскихъ опытовъ.

Кооперативнымъ движеніемъ во всемъ его объемѣ Сергѣй Николаевичъ интересовался еще со школьной скамьи. Спеціально же за изученіе попытокъ насадить въ Россіи кредитныя кооперацiи Шульце-Деличевскаго типа, т. е. ссудо-сберегательныя товарищества, онъ взялся нѣсколько позже. Учрежденіямъ этого рода онъ посвятилъ двѣ статьи, подъ заглавіемъ „Нашъ народный кредитъ“, полныя значенія и глубокаго интереса до нашихъ дней. Первая изъ этихъ статей была помѣщена въ № 7-мъ „Отечествен. Запис.“ за 1874 г. Въ ней подробно разсмотрѣнъ и обслѣдованъ первый „Отчетъ

комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах", и обстоятельно выяснены фальшь и раздутость неумѣренных восторгов составителей отчета, по поводу якобы чрезвычайных успѣхов этих товариществ. Во второй статьѣ, вошедшей в № 11-й „Отечествен. Зап." того-же года, разсматриваются уже принципіальныя основы этих учрежденій.

Хорошо знакомый с ученіем, по которому в ассоціаціях усматривалось одно из средств борьбы с капитализмом, Сергѣй Николаевич, как противник послѣдняго, с особым вниманіем отнесся к ссудо-сберегательным товариществам, горячо пропагандируемых именно, как средство концентрировать капитал мелких работников для борьбы с предпринимательским капиталом. Он, прежде всего, не вѣрил в успѣшность такой борьбы. Чтобы быть в состояніи конкурировать с предпринимательским капиталом и крупной промышленностью и в то же время успѣшно развиваться, ассоціаціи—по мнѣнію Сергѣя Николаевича—

„должны сами организовать свои предпріятія в больших размѣрах, должны сами направить свою дѣятельность на большую промышленность, что невозможно достигнуть путем пресловутаго принципа Selbsthülfe, путем сбереженій из заработной платы, которая держится в рабочем классѣ на minimum'ѣ средств существованія. Невозможно этого достигнуть, вспомогая ассоціаціи и кредитом, основанным на том же принципѣ, потому что такой кредит всегда будет слаб и недостаточен"... [1]).

Точно также и крестьяне, чтобы открыть ссудо-сберегательныя товарищества, основанныя на принципѣ самопомощи, должны имѣть деньги, — не могут же банки „питаться вѣтром, подобно эзоповой собакѣ",—а денег-то у крестьян и нѣт. „Большинство крестьян так бѣдно, что не может даже дѣлать членских взносов". Поэтому они привлекают к себѣ только сравнительно зажиточных крестьян и рабочих, и слѣдовательно, доступны „далеко не всѣм и каждому, как об этом вѣщали міру народные дѣятели", в родѣ князя А. И. Васильчикова, а только очень немногим. Для большинства же населенія кредит путем ссудо-сберегательных товариществ совершенно недоступен. В Германіи, в свою очередь, Шульце-Деличевскіе народные банки „служат только имущим и отвертываются от неимущих, вслѣдствіе чего первые поднимаются еще выше, а послѣдніе опускаются еще ниже". То же наблюдается и в Англіи. Поэтому „надежда залечить ссудо-сберегательными товариществами язву пролетаріата, свирѣпствующую в Западной Европѣ и угрожающую Россіи", должна быть отнесена к числу самых неоснователь-

[1]) „Отеч. Зап." 1874 г. № 11-й, стр. 14.

противъ нищеты", но вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаетъ ея полезнаго и даже важнаго значенія. „У кооперативныхъ обществъ"—говоритъ онъ—

„есть очень крупные недостатки, которые собственно и внушаютъ къ нимъ недовѣріе, но недостатки эти не исключаютъ все-таки и многихъ хорошихъ сторонъ и не составляютъ такихъ глубокихъ, органическихъ пороковъ, которые не могли бы быть уничтожены, и уничтоженіе которыхъ влекло бы за собою уничтоженіе самаго начала этихъ обществъ. Не надо вмѣстѣ съ Муро, Верономъ, Пфейферомъ, Д'Андримономъ и другими экономистами боготворить кооперативныя ассоціаціи и увлекаться ими до слѣпоты, до того, чтобы не видѣть ихъ дурныхъ сторонъ; но не надо точно также впадать и въ противуположную крайность и не видѣть изъ-за ихъ недостатковъ ихъ хорошихъ сторонъ. Гораздо лучше употребить всѣ зависящія отъ насъ усилія для того, чтобы парализировать ихъ дурныя стороны и развить хорошія" [1]).

Что же касается собственно потребительныхъ обществъ, то недостатковъ у нихъ меньше, чѣмъ въ другихъ ассоціаціяхъ вообще и въ кредитныхъ обществахъ въ особенности. Многія нападки на потребительныя общества объясняются, какъ полагаетъ Сергѣй Николаевичъ, „неудачнымъ ихъ примѣненіемъ у насъ и поверхностнымъ отношеніемъ къ вопросу". Между тѣмъ, у нихъ есть крупныя достоинства, которыми необходимо пользоваться.

Основное изъ такихъ достоинствъ Сергѣй Николаевичъ выясняетъ, сравнивая потребительныя общества съ акціонерными вообще. Экономическія и юридическія условія тѣхъ и другихъ совершенно различны, „и смѣшивать ихъ значитъ дѣлать грубую ошибку. Въ акціонерномъ обществѣ, чѣмъ акціонеръ имѣетъ больше акцій, тѣмъ больше получаетъ и выгодъ; въ потребительномъ же обществѣ главнымъ агентомъ, главнымъ дѣятелемъ, создающимъ успѣхъ общества, является не капиталистъ, а потребитель, и потому прибыли дѣлятся пропорціонально потребленію, т. е. больше получаетъ выгоды тотъ, кто больше забиралъ въ обществѣ товаровъ". Сближая потребителя съ производителемъ — продолжаетъ Сергѣй Николаевичъ— „потребительное общество не ограничивается только такимъ пониженіемъ цѣнъ на товары, при которомъ торговый барышъ низводится до minimum'a, не ограничивается только опредѣленіемъ процента на капиталъ, оно въ принципѣ совсѣмъ устраняетъ всякіе проценты за посредничество, а слѣдовательно, становится противникомъ капитала, занятаго въ торговлѣ; тогда какъ акціонерное общество только о процентахъ на свой капиталъ и заботится" [2]), стараясь извлечь ихъ изъ рукъ не акціонеровъ, изъ внѣшняго

---

[1]) Сборникъ матер. объ артеляхъ въ Россіи. Потребител. товарищества. Изд. Спб. Отдѣленія Ком. о сел. ссудо-сберегат. и пром. товар. Вып. 3-й. Спб. 1875 г., стр. 23.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

не кому-либо другому принадлежалъ весь ростъ народной же производительности, и чтобы такимъ образомъ современныя выгоды капитализма были уничтожены.

Отъ изученія ссудо-сберегательныхъ товариществъ и вопросовъ мелкаго кредита вообще Сергѣй Николаевичъ перешелъ къ потребительнымъ обществамъ. Первыя двѣ статьи его объ этихъ обществахъ появились въ „Отеч. Запискахъ“, подъ общимъ заглавіемъ „Кооперація на русской почвѣ“, раньше, чѣмъ онъ имѣлъ возможность познакомиться съ матеріалами, собранными объ этихъ обществахъ С.-Петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Отдѣленіе это разослало потребительнымъ обществамъ свои вопросные пункты о положеніи этихъ обществъ весной 1872 г. Отвѣты на нихъ поступали очень туго, и въ концѣ концовъ изъ 80 существовавшихъ тогда обществъ отвѣтило только 9. Составить по этимъ отвѣтамъ картину дѣла не представлялось возможнымъ. Поэтому Отдѣленіе осенью 1873 г. рѣшилось добыть необходимыя для него свѣдѣнія путемъ выборокъ всѣхъ свѣдѣній о потребительныхъ обществахъ изъ повременныхъ изданій. Первая же статья Сергѣя Николаевича объ этихъ обществахъ была сдана имъ въ „Отечест. Зап.“ въ маѣ 1873 г., передъ отъѣздомъ его на Кавказъ. Работа Отдѣленія по собиранію выборокъ изъ газетъ и журналовъ была закончена только „въ теченіе 1874 года“, когда обѣ статьи Сергѣя Николаевича не только были написаны, но и появились уже въ свѣтъ.

Это были первыя въ Россіи статьи, серьезно, съ научной обоснованностью трактовавшія вопросъ по даннымъ русскихъ обществъ. Онѣ были замѣчены, и С.-Петербургскому Отдѣленію комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ ничего не оставалось другого, какъ просить молодого автора ихъ—С. Н. Кривенко принять на себя разработку собранныхъ Отдѣленіемъ матеріаловъ для третьяго выпуска издаваемаго имъ „Сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи“. Съ этой просьбой обратился къ нему князь А. И. Васильчиковъ, и Сергѣй Николаевичъ принялъ предложеніе, но при условіи, что ему будетъ принадлежать общее руководство работой и редактированіе ея. Первые 5—7 отчетовъ потребительныхъ обществъ для сборника были разработаны братомъ Сергѣя Николаевича—Александромъ Николаевичемъ, а остальные отчеты, въ виду отъѣзда послѣдняго, разрабатывались нѣкоторыми другими лицами. Общее освѣщеніе отчетовъ въ предисловіи къ „Сборнику“ написалъ Сергѣй Николаевичъ, причемъ статьи его, помѣщенныя въ „Отеч. Зап.“, вошли въ нѣкоторыхъ частяхъ и въ это предисловіе.

Въ немъ Сергѣй Николаевичъ хотя и высказывается отрицательно объ иллюзіяхъ Муро, считавшаго кооперацію „радикальнымъ средствомъ

особо. Конечно, никто не мѣшаетъ и потребительному обществу устраивать производительное, пусть только при этомъ послѣднее имѣетъ особые уставы, особую организацію и въ выгодахъ ея принимаютъ участіе одни только участвующіе въ ней работники; пусть только сліяніе производителей съ потребителями происходитъ на почвѣ производительнаго общества, на почвѣ труда, а не потребленія". Въ будущемъ условія, быть можетъ, измѣнятся, но въ настоящей нашей дѣйствительности производительному обществу невыгодно поставлять свои произведенія потребительному обществу, ему гораздо выгоднѣе имѣть дѣло непосредственно съ потребителями посторонними, т. е. минуя всякое посредничество, доставлять товаръ прямо на рынокъ, гдѣ заплатятъ за него дороже, чѣмъ платятъ потребительныя общества, стремящіяся покупать товары возможно дешевле". Потребительному обществу, для достиженія своихъ цѣлей, „надо вѣдь доставлять своимъ членамъ сбереженія, тогда какъ постороннему потребителю все равно, кому ни платить за товаръ, купцу или самому производителю".

Главный смыслъ и значеніе потребительныхъ обществъ Сергѣй Николаевичъ видитъ въ разрушеніи ими капиталистическаго строя современной торговли и, слѣдовательно, въ борьбѣ ихъ съ капиталомъ. „Назначеніе кооперативныхъ ассоціацій"—говоритъ онъ—„есть борьба съ капиталомъ всѣми средствами" [1]). При этомъ условіи, онъ не могъ не сознавать, что и сами потребительныя общества въ современной дѣйствительности не могутъ избѣжать вполнѣ вліянія капитала. Отмѣчая поэтому принципъ распредѣленія прибылей въ такихъ обществахъ по размѣрамъ потребленія, онъ указываетъ, что и при осуществленіи этого принципа „больше выгоды получитъ все-таки человѣкъ богатый, какъ человѣкъ больше потребляющій". Противъ этого недостатка только и можетъ служить всестороннее развитіе коопераціи и прежде всего развитіе производительныхъ обществъ. Иначе значеніе кооперативнаго движенія вообще значительно бы сузилось, и польза его была бы односторонней и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сомнительной. И въ самомъ дѣлѣ—говоритъ онъ:

„предположимъ на минуту, что человѣчество увлекается одними только потребительными обществами, не заботясь объ устройствѣ другихъ, и что потребительныя общества охватываютъ собою весь міръ, дѣлаются полными властителями всѣхъ рынковъ и устраняютъ на нихъ всякое постороннее посредничество. Прямымъ слѣдствіемъ этого будетъ, конечно, удешевленіе жизни, удешевленіе средствъ существованія; весь тотъ барышъ, который прежде получался торговцами, будетъ оставаться въ рукахъ самихъ потребителей. Но удешевленіе жизни неминуемо вызываетъ пониженіе заработной платы. Это за-

[1]) „Отеч Зап". 1874 г. № 3, стр. 54.

конъ, который признаютъ экономисты всѣхъ странъ, всѣхъ лагерей и всѣхъ оттѣнковъ. Цѣна труда, слѣдовательно, падетъ, и вся выгода, которая получалась отъ устраненія торговаго посредничества въ пользу обществъ, будетъ уже переходить въ руки хозяевъ, у которыхъ работаютъ работники, будетъ переходить до тѣхъ поръ, пока трудъ не начнетъ опять получать minimum'а жизненныхъ издержекъ. Таковы могутъ быть послѣдствія односторонняго развитія однихъ только потребительныхъ обществъ" [1]).

Разумѣется, картина эта нѣсколько сгущена въ своихъ краскахъ. Сергѣй Николаевичъ оговариваетъ это и напоминаетъ, что даже при такомъ одностороннемъ развитіи потребительныхъ обществъ польза отъ устраненія ими торговаго посредничества будетъ значительна: „люди, занятые въ торговлѣ, перейдутъ въ промышленность и перенесутъ туда свои способности, прозиводство возрастетъ, продукты станутъ дешевле". Но все же одностороннее развитіе потребительныхъ обществъ не дастъ тѣхъ результатовъ, которые можно было бы ожидать при одновременномъ развитіи съ ними другихъ ассоціацій.

Устраивая послѣднія, нужно имѣть въ виду, что предназначаются онѣ для массы бѣднаго населенія, а не для богатыхъ классовъ. Это нужно не только въ цѣляхъ поднятія благосостоянія массы, въ цѣляхъ широкой демократизаціи и соціализаціи производства и потребленія, но и въ цѣляхъ успѣха самой техники ассоціаціи. Замѣчательно—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—„что почти всѣ лучшія заграничныя товарищества обязаны своими громадными успѣхами бѣдному человѣчеству; даже самая идея коопераціи родилась и окрѣпла въ его средѣ. Эти люди обладаютъ всѣми необходимыми качествами хорошихъ потребителей: дорожа каждымъ трудовымъ грошомъ и больше, чѣмъ кто-либо, страдая отъ злоупотребленія рынка, они съ радостью вступили бы въ общество, которое избавляетъ ихъ отъ эксплоатаціи лавочниковъ, удешевляетъ ихъ жизнь и даетъ возможность составить еще нѣкоторый капиталъ, и безъ всякаго сомнѣнія, понесли бы въ общество всѣ свои копейки" [2]).

Эта мысль повторяется теперь всѣми изслѣдователями вопроса, и, напр., Г. Давидъ, статья котораго „Соціализмъ и кооперативное движеніе" была переведена на русскій языкъ съ рукописи только въ декабрѣ 1906 г., говоритъ, что „бельгійскіе потребительные кооперативные союзы являются, въ большинствѣ случаевъ, ясно выраженными классовыми организаціями рабочихъ. Принадлежность къ нимъ ставится въ зависимость отъ принадлежности къ соціалистической партіи".

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ и т. д., стр. 14 и 15.
[2]) Отеч. Зап. 1874 г. № 3, стр. 52.

Трезво и вдумчиво относясь къ западно-европейскимъ кооперацiямъ „на русской почвѣ", Сергѣй Николаевичъ послѣдовательно отмѣчалъ и ихъ идейные недостатки и практическiя ошибки при ихъ осуществленiи въ Россiи. Съ тѣмъ же критическимъ отношенiемъ подошелъ онъ и къ русскимъ артелямъ въ статьѣ своей „Русскiя народныя артели", помѣщенной въ № 1-мъ „Отеч. Зап." за 1874 г. Эта статья его имѣетъ особый интересъ для выясненiя и истиннаго отношенiя его къ кооперацiямъ и всего его цѣльнаго мiровоззрѣнiя.

Понятiе объ артели—говоритъ Сергѣй Николаевичъ въ этой статьѣ—одни ученые совершенно отожествляютъ съ западной ассоцiацiей, а другiе разсматриваютъ, какъ „нѣчто совершенно особенное". Разнорѣчiе это объясняется, по его мнѣнiю, чрезвычайнымъ разнообразiемъ формъ русскихъ артелей.

„Нашъ народъ называетъ артелью и простыхъ рабочихъ поденщиковъ, часто нанятыхъ поровнь однимъ хозяиномъ и связанныхъ между собою только совмѣстностью труда, и лицъ, добровольно соединившихся въ общество для самостоятельнаго преслѣдованiя одной общей экономической цѣли и выработавшихъ ясную и опредѣленную организацiю совмѣстнаго сотрудничества и рацiональной совмѣстной жизни. Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ *артель можетъ быть отожествленiемъ западной ассоцiацiи и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря большому развитiю принциповъ равноправiя и круговой поруки, болѣе совершеннымъ видомъ ея*, въ другомъ—будетъ смахивать на цеховыя учрежденiя, въ третьемъ—будетъ выражать собою простое собранiе людей только для совмѣстнаго процесса труда и т. д. Русскiй человѣкъ любитъ жить обществомъ и дѣйствовать „сообща", „за единъ человѣкъ", „голова въ голову", и называетъ артелью всякое соединенiе людей съ общею цѣлью" [1]).

Симпатiи Сергѣя Николаевича вполнѣ на сторонѣ этой жизни обществомъ, на сторонѣ артели вообще и особенно тѣхъ формъ ея, которыя онъ считаетъ выше западной ассоцiацiи. „Основное понятiе артели"—говоритъ онъ дальше,—„какъ это можно видѣть изъ первыхъ свѣдѣнiй объ артеляхъ, непремѣнно предполагало равенство членовъ и круговую поруку", т. е. то именно, что и возвышало ее надъ ассоцiацiями. Распространенiе такихъ артелей въ древней Россiи было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Съ водворенiемъ же крѣпостного права, артели „какъ бы исчезаютъ: дѣятельность крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, ограничивалась земледѣлiемъ въ пользу помѣщиковъ; помѣщики же заводили своихъ плотниковъ, кузнецовъ, слесарей и проч. и не дозволяли крестьянамъ самостоятельно зани-

---

[1]) „Отеч. Зап." 1874 г. № 1-й, стр. 3 и 4.

маться промыслами. Тамъ, гдѣ крѣпостное право оказывало меньше вліянія, артели сохранились бо́льше".

Разсматривая дальше данныя, приведенныя въ I-мъ вып. „Сборн. мат. объ артел. въ Россіи", изданномъ С.-Петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудосберегат. и пром. товарищ., Сергѣй Николаевичъ отмѣчаетъ и другія вліянія, разрушавшія высшія начала русскихъ артелей. Важнѣйшее значеніе среди нихъ получилъ капиталъ. Въ сѣверныхъ артеляхъ, составлявшихся для охоты за моржами, сначала всѣ участники вносили въ предпріятіе и трудъ и капиталъ поровну, а потому и „раздѣлъ добычи былъ основанъ на принципѣ полнаго равенства". Но въ концѣ XVII вѣка, наряду съ такими артелями, поражавшими изслѣдователей „своею стройностью и законченностью", стали встрѣчаться и другія—съ предпринимателемъ-капиталистомъ во главѣ. Однимъ изъ первыхъ предпринимателей былъ архіепископъ холмогорскій и важскій—Аѳанасій, отправлявшій артели на Новую Землю „ради поживленія архіерейскаго дому на покупку церковныхъ потребствъ". Затѣмъ, ватаги и артели были боярскія, другихъ духовныхъ лицъ и вообще богатыхъ людей. Въ такихъ артеляхъ прибыль дѣлилась уже неравномѣрно: на капиталъ приходилась львиная часть, а на промышленниковъ остатки. При Елизаветѣ Петровнѣ сѣверные морскіе промыслы были отданы въ монополію, а промышленники-артельщики вынуждены были перейти въ разрядъ едва ли не простыхъ наемныхъ рабочихъ.

Къ счастью, артельныя начала не погибли совсѣмъ въ народѣ. Изслѣдованія указываютъ, что и теперь они возникаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Сергѣй Николаевичъ описываетъ такія вновь возникающія артели старателей на Уралѣ, нижнетуринскія артели Гороблагодатскаго округа и др. Для пробужденія артельныхъ организацій—говоритъ онъ—иногда требуется самый незначительный толчекъ, самая ничтожная поддержка. Въ иныхъ случаяхъ бываетъ достаточно хорошаго урожая, въ другихъ—возможности купить неводъ, въ третьихъ—достаточно „кликнуть кличъ", и артели возникаютъ, какъ организаціи, хорошо знакомыя и привычныя народу. И если бы не препятствія, которыя постоянно ставятъ артелямъ, то онѣ давно покрыли бы страну. А препятствій этихъ очень и очень много. Мѣшаетъ возникновенію артелей

„крайняя бѣдность крестьянъ и недостатокъ свободы дѣйствій. Когда не на что купить невода и орудій производства, когда безъ паспорта нельзя отлучиться даже въ другую деревню, когда мало земли и другой занять нельзя, то, понятное дѣло, артелямъ составляться трудно. Не менѣе этихъ причинъ мѣшаютъ артелямъ и необезпеченность ихъ въ юридическомъ отношеніи: хотя наше законодательство и допускаетъ

артели и круговую поруку,... тѣмъ не менѣе артели часто не могутъ составляться единственно потому, что недостаточно обезпечены въ легальномъ отношеніи... Какъ крѣпостное право, такъ и другія не менѣе вредныя вліянія, въ родѣ монополіи... и подчиненія артелей начальству, значительно повліяли на артельную организацію: подъ этими вліяніями исказились лучшія артельныя понятія—равенство и круговая порука,... подъ этими вліяніями явились въ артеляхъ хозяева и подрядчики, а капиталъ сталъ пользоваться особыми правами и преимуществами, подъ этими вліяніями вкралось въ артель развращеніе—многія артели стали нанимать работниковъ и поденщиковъ.

А между тѣмъ артели были особенно цѣнны, по мнѣнію Сергѣя Николаевича, своимъ высокимъ моральнымъ значеніемъ. Артельщики очень часто обязывались вести себя другъ съ другомъ „ласково, дружелюбно и честно“, „возможно больше заботиться объ общемъ интересѣ“, все добытое „вносить въ артель, ничего не скрывая въ свою пользу“. Правила эти, всеобщія въ сѣверныхъ артеляхъ, нерѣдко переходили даже къ распространеннымъ въ старину союзамъ артелей, къ, такъ называемымъ, котлянамъ, ромшамъ, бурсамъ и др. Въ этихъ союзахъ, сильныхъ не только экономической, но и моральной связью, подготовлялся новый строй, пока не былъ подавленъ капиталомъ и безвластіемъ. „Если бы—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—наша промышленность была организована на артельныхъ началахъ, то навѣрное можно сказать, что быстро достигла бы громаднаго развитія и не нуждалась бы, конечно, въ покровительственномъ тарифѣ“ [1]).

Сергѣй Николаевичъ никогда не былъ узкимъ „самобытникомъ“. Высоко цѣня свое народное и самобытное, предпочитая высоко развитую русскую артель западно-европейской ассоціаціи, онъ, однако, не только не отрицалъ послѣдней, но настойчиво рекомендовалъ примѣненіе ея во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ соотвѣтствующія народныя артельныя формы не могли быть примѣнены или по ихъ примитивности, или по ихъ необслѣдованности, или даже по отсутствію соотвѣтствующихъ формъ. Но свое народное, отражавшее въ себѣ высшую идею, высшую мораль, онъ предпочиталъ и занимался своимъ народнымъ чаще и охотнѣе.

Въ организаціи Черноморской колоніи-общины онъ надѣялся прежде всего осуществить русскія артельныя начала и несомнѣнно сдѣлалъ въ этомъ отношеніи серьезные практическіе шаги. Съ полнымъ заселеніемъ колоніи предстояла и общинная организація земельнаго хозяйства, но практически дѣло до этого не дошло, вслѣдствіе разгрома колоніи передъ такимъ именно ея заселеніемъ. Объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть, такъ какъ, помимо нравственнаго удовлетворенія самого народника-строи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.

теля, болѣе всесторонній опытъ колоніи-общины несомнѣнно имѣлъ бы важныя послѣдствія и для успѣха идеи созидательнаго народничества. Эта послѣдняя такъ опредѣленно вытекала изъ преобладавшихъ въ то время народно-соціалистическихъ ученій, искавшихъ въ своихъ практическихъ програмахъ революціонныхъ путей и терпѣвшихъ на нихъ неудачи, что при успѣхѣ въ жизни, на предпринятомъ Сергѣемъ Николаевичемъ опытѣ, она, если и не измѣнила бы революціоннаго характера движенія, то во всякомъ случаѣ удержала бы немало силъ на творческой созидательной работѣ и на практическомъ, опытномъ уясненіи народно-соціалистическихъ идеаловъ. Тогда, быть можетъ, и современное освободительное движеніе имѣло бы иную поддержку, иную опору въ народныхъ массахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ дѣятеляхъ, тѣхъ „сознательныхъ центрахъ“, которые готовили народники-строители семидесятыхъ годовъ.

М. Слобожанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Интересный документъ.

Въ Туринскихъ рудникахъ, на Уралѣ въ Пермской губерніи, Верхотурскаго уѣзда, у запертыхъ желѣзныхъ дверей одного изъ помѣщеній въ Старомъ Гостиномъ Дворѣ, съ незапамятныхъ временъ стоялъ часовой. По какому случаю онъ былъ поставленъ никто не зналъ, а изъ года въ годъ онъ ставился и что-то караулилъ.

Предполагали, что въ этомъ помѣщеніи сложены архивные документы.

Въ апрѣлѣ 1907 года, когда перестраивали Гостиный Дворъ, вскрыли помѣщеніе и тамъ на полкахъ нашли дѣла до 1802 года (до сихъ поръ не разобраны), а въ углу сложенными 2000 шпицрутеновъ и кучу аллебардъ.

Для чего стоялъ цѣлое столѣтіе часовой—неизвѣстно. Вѣроятно, караулилъ шпицрутены.

По поводу этой находки навели справки въ Музеѣ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, одномъ изъ лучшихъ музеевъ въ Россіи по количеству и цѣнности собранныхъ предметовъ.

Въ Музеѣ въ числѣ предметовъ, относящихся къ жизни старыхъ заводовъ Урала, имѣется пучекъ „розогъ", а въ библіотекѣ—обширной и цѣнной—между бумагами нашли любопытный документъ, хотя и позднѣйшей эпохи, но происхожденіе его, вѣроятно, современно шпицрутенамъ. Документъ этотъ,—копія департаментскаго циркуляра, тѣхъ блаженныхъ временъ, когда чиновники заботливо вымѣривали даже розги, заботясь о добромъ поведеніи и благонамѣреніи гражданъ Россійской Имперіи.

Приводимъ его цѣликомъ:

Копія.

27 Ноября 1873 года

Наставленіе о заготовленіи и употребленіи розогъ, коими должны быть наказываемы преступники, на основаніи судебныхъ приговоровъ.

1) Розги для наказанія преступниковъ, должны состоять изъ тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длиною $1^1/_4$ арш., а числомъ отъ 10 до 15,

такъ, чтобы общій объемъ ихъ въ нижнемъ концѣ послѣ соединенія въ пучекъ имѣлъ $1^3/_4$ вершка.

2) Прутьи сіи должны быть перевязаны въ трехъ мѣстахъ тонкою бичевкою, такъ, чтобы разстояніе отъ нижняго конца до послѣдней верхней перевязки составляло 6 вершковъ.

3) Тонкія отросли прутьевъ, идущія къ верхнему концу пучка, отъ третьей бичевки, не срѣзываются, а оставляются въ натуральномъ ихъ видѣ, лишь безъ листьевъ.

4) Послѣ 10 ударовъ розги признаются негодными къ дальнѣйшему употребленію и должны быть замѣняемы другими.

5) Розги надлежитъ имѣть не изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ, а изъ прутьевъ нѣсколько уже лежалыхъ, но отнюдь не сухихъ; на сей конецъ заготовляемыя единовременно розги стараться хранить въ сыромъ мѣстѣ, дабы онѣ имѣли надлежащую тягость и гибкость.

6) Тамъ, гдѣ нѣтъ березовыхъ прутьевъ, выписывать оные изъ другихъ мѣстъ.

Подлинное подписалъ: Директоръ *Оржевскій*; свѣрилъ за Начальника Отдѣленія *К. Поповъ*.

Сообщилъ **Н. А. Глущукъ**.

Воспоминанія [1]).

ГЛАВА II.

Мой отецъ: его военная служба.—Вліяніе на его развитіе заграничныхъ походовъ, жизни въ Варшавѣ и любви къ чтенію.—Жизнь моихъ родителей въ уѣздномъ городѣ.—Няня и ея значеніе въ нашей семьѣ.—Холера 1848 г.—Появленіе чужого ребенка.—Смерть отца.—Разореніе семьи и ея несчастія.—Окончательный переѣздъ въ деревню. „Чортовъ мостъ" и дорожныя приключенія.

Когда моя мать, Александра Степановна Гонецкая, въ 1828 г. вышла замужъ, ей было 16 лѣтъ, а мой отецъ, Николай Григорьевичъ Цевловскій, былъ болѣе, чѣмъ вдвое старше ея,—ему шелъ 38-й годъ.

Члены моей семьи — мать, няня, мои старшіе братья и сестры вспоминали покойнаго отца не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и съ горячею любовью, вторая же моя сестра Саша (во время смерти отца она была еще подросткомъ) чуть не умерла отъ горя, лишившись его. Это благоговѣніе передъ памятью отца крайне удивляло многихъ нашихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе сосѣдей по имѣнію, такъ какъ фактъ разоренія отцомъ своего семейства былъ у всѣхъ на лицо. Изъ всей нашей семьи только самый младшій ея членъ, то есть я одна, долго скептически относилась къ восторгамъ, съ которыми у насъ говорили о покойномъ отцѣ. Это происходило отчасти отъ того, что послѣ смерти отца я осталась 4-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ, совсѣмъ его не помнила и лишь смутно представляла себѣ даже его внѣшній обликъ, а отчасти и потому, что когда я стала доискиваться причинъ культа его памяти, я была еще очень молодой дѣвушкой. Я только что тогда кончила свое образованіе въ Петербургѣ и, послѣ долгой разлуки съ семьей, пріѣхала домой. Это было въ освободительную эпоху 60-хъ годовъ, когда молодежь особенно критически относилась къ людямъ крѣпостническаго періода. Съ юнымъ жаромъ и задоромъ, вся по-

---

[1]) См. „Минувшіе годы". Февраль.

груженная въ стремленія и идеи этой кратковременной, но лучезарной эпохи, не зная еще ни жизни, ни людей, не получивъ достаточно солиднаго образованія, а, слѣдовательно, и не имѣя возможности выработать настоящей исторической перспективы, я недовѣрчиво спрашивала и себя, и другихъ: гдѣ и какъ могъ отецъ пріобрѣсти и сохранить лучшіе идеалы своего времени, какъ это особенно настойчиво утверждала моя любимая сестра Саша. Вѣдь онъ съ ранней юности до женитьбы былъ военнымъ, военная же среда того времени едва ли могла этому содѣйствовать? Я высказывала даже увѣренность (рѣдко кто въ молодости лишенъ самонадѣянности), что жизнь въ полку должна была наталкивать отца лишь на кутежи и попойки или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его свѣтскимъ человѣкомъ, чему могли содѣйствовать его представительная наружность (это было видно по его дагеротипу), и независимыя прекрасныя средства за все то время, пока онъ былъ холостымъ. Но болѣе всего мой скептическій взглядъ на отца поддерживался тѣмъ, что онъ владѣлъ крѣпостными: въ освободительную эпоху мы, молодежь, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣли на всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ рабствомъ и лишь по волѣ правительства порвавшихъ съ нимъ. Истинно идейный и гуманный человѣкъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ освободить крестьянъ по собственной инипіативѣ, а не по приказанію правительства.

Какъ-то однажды сестра Саша попросила меня разобрать съ нею старый сундукъ, наполненный книгами, оставшимися послѣ отца и испещренными на поляхъ его замѣчаніями, нѣсколькими тетрадями и рукописями, исписанными его рукою. Когда я перечитала все, что оказалось у меня подъ руками, я могла задавать относительно отца уже болѣе опредѣленные вопросы своимъ близкимъ. Собранныя мною свѣдѣнія вполнѣ совпадали съ тѣмъ, что я нашла въ его набросках и разсужденіяхъ по поводу того или другого явленія жизни, а также и съ его служебнымъ формуляромъ, сохранившимся у меня до настоящей минуты.

Мой отецъ былъ православный, какъ и его отецъ, но его мать была католичка и истая полька. Овдовѣвъ уже въ ранней молодости и имѣя хорошія средства, она вложила всю душу въ воспитаніе трехъ своихъ сыновей: Максима (прозваннаго Максомъ), Андрея и младшаго Николая (моего отца). Подъ ея бдительнымъ надзоромъ съ ними занимались гувернеры-иностранцы. Оба старшіе сына не обнаруживали любви къ занятіямъ, и она отдала ихъ въ корпусъ, младшаго же, своего любимца Николая, она оставила дома и дала ему блестящее, по понятіямъ того времени, первоначальное образованіе, для чего на первомъ планѣ требовалось тогда усвоеніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ. Сама же лично она болѣе всего старалась привить ему страстную любовь ко всему польскому и къ чтенію книгъ. Она вполнѣ достигла своей цѣли.

Мой отецъ, родившійся въ 1790 г., лишился матери, когда ему было 14 лѣтъ, послѣ чего онъ вступилъ юнкеромъ въ петербургскій уланскій полкъ; лишь черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры и несъ военную службу почти до самой женитьбы. Хотя его служебный формуляръ испещренъ упоминаніями о походахъ и войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ въ продолженіе всей своей 24-лѣтней военной карьеры, но это не мѣшало ему много читать и тратить не мало денегъ на покупку лучшихъ произведеній польской, французской и русской литературъ. Его разсужденія и замѣтки, которыя мнѣ удалось прочесть на русскомъ и французскомъ языкахъ (большая ихъ часть была набросана имъ на польскомъ языкѣ, котораго я не знала), вполнѣ убѣдили меня въ томъ, что онъ не только усвоилъ лучшія идеи французскихъ энциклопедистовъ XVIII и писателей XIX вв., въ родѣ Мицкевича (который, судя по восторженнымъ отзывамъ отца, оказывался его любимымъ поэтомъ), но что онъ былъ и страстнымъ поклонникомъ гуманныхъ идей, и по своему образованію стоялъ цѣлою головою выше того общества, среди котораго вращался. Въ его отзывахъ о только что прочитанныхъ имъ книгахъ меня поражали не только его вдумчивость, но для того времени даже оригинальность мыслей, живость впечатлѣній и наблюдательность, которыя особенно сказывались въ его разсужденіяхъ по поводу общественныхъ и политическихъ явленій западно-европейской жизни, а нерѣдко остроумное сопоставленіе ихъ съ фактами изъ русской дѣйствительности. Его широкій кругозоръ и живой интересъ къ общественнымъ вопросамъ, были не только результатомъ чтенія серьезныхъ сочиненій, но и слѣдствіемъ его преисполненной разнообразія военной службы, которая, на протяженіи почти четверти вѣка, то и дѣло бросала его то въ одну, то въ другую европейскую страну. Онъ посѣтилъ не только Турцію и Молдавію, но и Пруссію, Саксонію, Австрію, Францію, два раза въ продолженіе нѣкотораго времени жилъ въ Парижѣ и еще гораздо больше времени провелъ въ Польшѣ.

Мой отецъ начинаетъ участвовать въ походахъ и битвахъ съ ранней молодости. Уже въ 1805 г., т. е. 15 ти-лѣтнимъ юношей, онъ былъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ въ Моравіи, а черезъ два года—въ двухъ сраженіяхъ: при Прейсишъ-Эйлау и при Фридландѣ. Съ 1809 по 1811 г. включительно онъ участвовалъ въ кампаніи противъ турокъ и находился при осадѣ Браилова, Шумлы, Рущука и при взятіи въ плѣнъ войскъ турецкаго визиря. Въ 1812 г. его полкъ преслѣдовалъ полчища Наполеона при ихъ отступленіи, а затѣмъ совершилъ походъ черезъ Пруссію въ Саксонію и участвовалъ въ знаменитой четырехдневной битвѣ при Лейпцигѣ противъ Наполеона; въ 1814 г., послѣ нѣсколькихъ сраженій съ французами, онъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, вступилъ въ Парижъ, гдѣ и пережилъ низложеніе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ на правахъ конституціонныхъ монарховъ. Обратный походъ отецъ совершилъ черезъ Гер-

манію въ Польшу, но вслѣдствіе того, что въ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и появился во Франціи, онъ долженъ былъ снова совершить походъ съ русскими войсками черезъ Германію въ Парижъ. Во время обратнаго похода отцу пришлось побывать въ Варшавѣ въ то время, когда уже были объявлены сначала основы польской конституціи, а затѣмъ подписана и самая конституція царства Польскаго. Но и послѣ этого, раньше, чѣмъ выйти въ отставку, онъ жилъ въ Варшавѣ около двухъ лѣтъ.

Особенное значеніе въ его умственномъ развитіи, безъ сомнѣнія, сыграли походы 1814 и 1815 годовъ, а также позднѣйшая жизнь въ Варшавѣ: на его глазахъ, съ одной стороны, совершилось обращеніе наполеоновской Франціи въ государство конституціонное, съ другой—развитіе конституціонной жизни въ Царствѣ Польскомъ.

Прекрасно владѣя польскимъ и французскимъ языками, мой отецъ былъ принятъ въ средніе кружки польскаго общества, гдѣ онъ встрѣчалъ писателей, художниковъ и вообще, какъ показываютъ его замѣтки, велъ знакомство не только съ весьма образованными мужчинами, но и съ женщинами высоко развитыми въ умственномъ отношеніи, попадавшимися тогда среди полекъ. Его наброски и разсужденія за этотъ періодъ его жизни показываютъ, съ какимъ живымъ интересомъ онъ относился къ общественнымъ вопросамъ и политикѣ.

Въ то время, когда жизнь въ Россіи была въ полномъ застоѣ, поляки Царства Польскаго имѣли уже конституцію. Хотя она была неудовлетворительна во многихъ отношеніяхъ, но все же польское общество было оживлено выборами въ сеймъ и разговорами о нихъ.

«Въ польскомъ обществѣ», говорится у отца въ одномъ изъ его набросковъ, «постоянно обсуждаютъ рѣчь имп. Александра, сказанную имъ при открытіи сейма въ 1818 г., а также рѣчи депутатовъ въ сеймахъ, ведутъ политическіе и философскіе споры, а у насъ можно слышать развѣ, какъ Никифоръ Сидоровичъ подкузмилъ своего пріятеля при продажѣ ему коня, либо какъ помѣщикъ именитаго рода, знатный своими связями и богатыми маетностями растлѣваетъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ, либо какъ нѣкій почтенный мужъ, отецъ многочисленнаго семейства, дабы оттягать поемный лужокъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ позоритъ родную сестру, возводя одну клевету срамнѣе другой. И уже во всѣхъ гостиныхъ непрестанно раздаются розсказни о томъ, какъ такой-то помѣщикъ за проступокъ одного крестьянина выдралъ всѣхъ мужиковъ и бабъ своего фольварка отъ старика-дѣда до 5-ти-лѣтней внучки. Почтенные гости внимаютъ сему не съ омерзеніемъ, а съ веселіемъ дѣтской души, съ апробаціей, точно имъ повѣствуютъ о подвигахъ древнихъ героевъ».

Сильное вліяніе оказалъ на моего отца и варшавскій театръ.

Нужно помнить, что онъ былъ въ то время для поляковъ не только любимымъ развлеченіемъ, но и искусствомъ, имѣющимъ громадное образовательное значеніе, однимъ изъ наиполезнѣйшихъ средствъ для ихъ служенія страстно любимой отчизнѣ. Варшавскій театръ былъ лучше обставленъ и поставленъ, чѣмъ русскій столичный театръ, и имѣлъ огромное вліяніе на всю жизнь моего отца. Будучи женатымъ и имѣя большую семью, онъ всегда проводилъ мысль, что изъ всѣхъ просвѣтительныхъ вліяній наибольшее имѣетъ театръ, какъ первѣйшее средство для воспитанія въ молодежи благородныхъ чувствъ. Эта мысль, всецѣло овладѣвшая имъ, заставила его впослѣдствіи, несмотря на свои скромныя матеріальныя средства, устроить свой собственный театръ. Хотя онъ не построилъ для него особаго зданія, и представленія происходили въ квартирѣ, занимаемой его семьей, хотя все было устроено такъ просто, какъ теперь на домашнихъ дѣтскихъ спектакляхъ, и артистами являлись прежде всего собственныя дѣти и крѣпостные, но все же этотъ театръ въ концѣ концовъ помогъ окончательному разоренію моего отца.

Театральная обстановка и доспѣхи нашихъ доморощенныхъ артистовъ (изъ 11-ти человѣкъ крѣпостныхъ, исключительно предназначенныхъ для театра, 6 человѣкъ были актерами, а 5 музыкантами) оказывались крайне незамысловатыми. Короны были склеены изъ золоченой бумаги и украшены фольгою и цвѣтными бусами; шпаги, латы, сабли и т. п. сдѣланы изъ папки и дерева, раскрашены или обклеены разноцвѣтной бумагой; туалеты артистокъ смастерены изъ самой дешевой матеріи съ бумажными блестками,—однимъ словомъ, все было приготовлено домашнимъ способомъ, руками моихъ сестеръ и горничныхъ.

Если бы кто-нибудь теперь взглянулъ на всѣ эти театральныя принадлежности, то навѣрно бы подумалъ, что такимъ театромъ могли забавляться лишь дѣти въ небогатой семьѣ, никто бы не повѣрилъ, что образованный, серьезный человѣкъ могъ отдавать ему всѣ свои силы душевныя и матеріальныя. Конечно, причиною полнаго разоренія моей семьи былъ не только театръ, а вообще безпечность отца, который жилъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ позволяли ему его скромныя средства, но сильно помогали этому и наши театральныя представленія. Особенно обременительны были пріемы гостей, съѣзжавшихся на нихъ иногда издалека, и не только съ членами своей семьи, но и съ своими гувернантками, горничными и лакеями,—всѣхъ ихъ приходилось угощать ужинами, а нѣкоторыхъ содержать съ лошадьми и челядью въ продолженіе нѣсколькихъ дней. И то еще хорошо, что не всѣ оставались гостить: театральныя представленія были устроены въ уѣздномъ городѣ (гдѣ тогда жили мои родители), и на нихъ являлись не только городскіе знакомые, но и знакомыя помѣщичьи семьи, живущія въ своихъ деревенскихъ помѣстьяхъ. Гости, пріѣхавшіе издалека—за верстъ 30, 40—не

могли пуститься ночью въ обратный путь при тогдашнихъ ужасающихъ дорогахъ. Да и чего имъ было торопиться? Спѣшной, обязательной работы у помѣщиковъ не бывало. Разъ пріѣхали изъ своего захолустья, нужно воспользоваться случаемъ! На другой день послѣ спектакля одни изъ гостей садились за карты, другіе предпринимали увеселительное катанье куда-нибудь за городъ или отправлялись на охоту за нѣсколько верстъ, а вечеромъ молодежь устраивала танцы, игры и пѣніе.

Несмотря на то, что моя мать послѣ смерти своего мужа осталась въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, она свято чтила его память и вспоминала о немъ не иначе, какъ съ трогательнымъ благоговѣніемъ.

Когда кто-то изъ близкихъ однажды при насъ, уже взрослыхъ ея дѣтяхъ, выразилъ ей свое удивленіе, какъ она, при большой семьѣ, могла допускать жизнь не по средствамъ, вотъ какъ она оправдывала себя и мужа, вотъ что поразсказала она по этому поводу:

«Послѣ нашего брака Николай Григорьевичъ точно обозначилъ роли въ хозяйствѣ каждаго изъ насъ: я должна была заботиться о дѣтяхъ, завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ, скотнымъ дворомъ, прислугою, а въ его распоряженія относительно крѣпостныхъ и сельскаго хозяйства я не имѣла права вмѣшиваться. Я была очень молода, довѣряла ему во всемъ, думала, что онъ лучше меня знаетъ, какъ это должно быть, а потому и не обращала вниманія на остальное. Конечно, съ годами я все болѣе сознавала, что, при нашей громадной семьѣ, слѣдовало бы жить поскромнѣе, не вводить у себя такихъ затѣй, какъ театръ... Но вѣдь мужъ устроилъ его не для своей забавы, а для пользы дѣтей. Ему самому ничего не нужно было: ему хотѣлось только, чтобы его дѣти, какъ пчелы, жужжали вокругъ него, чтобы ихъ интересы были чище и выше интересовъ окружающей среды... Подумайте только, что мы видѣли въ то время кругомъ! Безшабашный разгулъ, грязь, развратъ, взяточничество, истязанія крестьянъ, отчаянный картежъ!.. Совсѣмъ другое было у насъ. Бывало, мужъ только что прибѣжитъ изъ должности, сейчасъ начинаетъ учить дѣтей, или устраиваетъ репетицію, а то сидитъ и переводитъ Мольера для своего театра, много переводилъ съ польскаго, ставилъ пьесы Фонвизина и Грибоѣдова. Многіе помѣщики нашего уѣзда впервые изъ представленій нашего театра познакомились съ произведеніями русскихъ писателей, даже съ комедіею «Горе отъ ума».

«Никогда, ни въ одной семьѣ не встрѣчала я человѣка, который бы такъ страстно любилъ своихъ дѣтей, какъ вашъ отецъ: онъ всю свою жизнь готовъ былъ отдать на то, чтобы сдѣлать васъ людьми болѣе просвѣщенными и гуманными. Онъ то и дѣло открывалъ какія-нибудь способности то у одного, то у другого изъ васъ и находилъ, что нѣтъ больше преступленія, какъ зарыть въ землю талантъ, не постараться развить его. Узнаетъ

бывало, что кто-нибудь изъ знакомыхъ хорошо рисуетъ, и попроситъ его обучать дочь или сына, да при этомъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, дѣлаетъ ли его ребенокъ успѣхи. Вторая дочурка наша, покойница Манюня, любила въ саду копаться... Онъ пріискалъ ей хорошаго садовника, который ее садоводству обучилъ. И какія она стала разводить георгины, штокъ-розы, гіацинты, научилась прививать фруктовыя деревья, сажать и сѣять всевозможные цвѣты, ухаживать за ними! На вечеринкѣ увидитъ барышню, которая хорошо протанцуетъ характерный танецъ, онъ сейчасъ же подсядетъ къ ней и попроситъ показать ее его той или другой своей дочкѣ».

«Во время нашихъ театральныхъ спектаклей въ антрактахъ (вѣдь онъ самъ всему училъ актеровъ и всѣмъ распоряжался) мужъ выйдетъ къ публикѣ, посадитъ къ себѣ на плечи Петюню (забавный былъ мальчишечка) и заставитъ его говорить съ жестами какое-нибудь стихотвореніе или басенку. А послѣ окончанія спектакля дочери должны были протанцовать качучу или выйти къ публикѣ въ русскихъ нарядахъ. Вотъ и явятся онѣ, мои доченьки, въ сарафанахъ, кокошникахъ или въ дѣвичьихъ повязкахъ со множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ, падающихъ на спину вмѣстѣ съ косой, съ нитками разноцвѣтныхъ бусъ на шеѣ, и отхватываютъ весело-превесело русскую съ своими братьями, которые тоже одѣты въ кумачевыя рубахи и черные плисовые штаны. А послѣ разудалой русской мужъ прикажетъ оркестру играть «По улицѣ мостовой», и старшія дочки наши, помахивая бѣлыми платочками, плывутъ, какъ лебедушки.

«Счастливыя, счастливыя», крикомъ кричатъ постороннія барышни моимъ дочерямъ! «Какъ вамъ хорошо, весело живется при такомъ отцѣ!»

«Но эти представленія вызывали и зависть: завидовали тому, что къ намъ всѣ стремились, что у насъ было такъ весело, какъ нигдѣ. Иная барыня, бывало, вся изстрадается, что ни я, ни мои дочери не обращаемъ вниманія на пересуды, и ужъ какъ-нибудь ввернетъ мнѣ: «А какъ васъ Анна Павловна осуждаетъ за вашъ театръ! Говоритъ, что при такомъ небольшомъ имѣніи, какое у васъ, это должно быть крайне разорительно!..» А я, бывало, сейчасъ и перебью ее просьбою передать этой самой Аннѣ Павловнѣ, что я больше ее на свои спектакли не позову. И какъ этого боялись! Послѣ нѣсколькихъ сплетней, переданныхъ мнѣ, уже никто ни гу-гу... Сама знала я, что эта затѣя не по нашему карману, но настоять на томъ, чтобы мужъ уничтожилъ ее, не могла... Какъ сравню, бывало, свою семью съ другими, подумаю, какая у меня семейная жизнь и какая у другихъ, какіе разговоры ведутъ мои дѣти и какіе у нихъ интересы,—и скажу себѣ: нѣтъ, трогать нельзя, а то, пожалуй, изломаешь и все хорошее.

«Особенно укрѣплялась я въ этой мысли потому, что видѣла любовь дѣтей къ отцу... Бывало кто-нибудь изъ моихъ дѣвочекъ во время вечера отойдетъ въ сторонку и надуетъ губы...

«Чего еще тебѣ не хватаетъ?» спрошу ее. «Мамашечка, попросите папу, что бы онъ со мной потанцовалъ,—а то онъ со всѣми уже по два раза прошелся, а со мной только разъ». Имъ ничего не нужно было, только бы отецъ былъ съ ними, и Николай Григорьевичъ безъ нихъ нигдѣ не бывалъ, никуда не ходилъ... Что же, думаю, бывало, если, по холодности характера, я сама не могу внушить дѣтямъ горячей любви, пусть любятъ отца, — онъ болѣе меня достоинъ этого...

«По чистой совѣсти могу сказать: хотя послѣ смерти мужа я и осталась безъ всякихъ средствъ, пожалуй что и по его винѣ, но если я могла вынести всевозможныя лишенія, страшную тяготу, если я сумѣла поставить хозяйство такъ, что у меня есть теперь кусокъ хлѣба, — всѣмъ этимъ я исключительно обязана ему.

«Вы, современное поколѣніе,—люди безъ предразсудковъ, а ко мнѣ многіе изъ нихъ крѣпко прицѣпились, — вы будете смѣяться, если я скажу вамъ, что я до сихъ поръ глубоко вѣрю въ то, что мой мужъ и теперь все видитъ, все знаетъ, что со мною происходитъ, поддерживаетъ меня въ тяжелыя минуты, даетъ мнѣ совѣты и за гробомъ... Да и подумайте сами,—если бы этого не было, могла ли бы я вынести то, что мнѣ пришлось вынести? Скажу больше: если бы мнѣ приходилось снова начинать жизнь и уже сознательно выбирать себѣ мужа, я бы вышла замужъ только за него, даже если бы знала, что впереди меня ждутъ тяжкія лишенія изъ-за его легкомыслія!

«Вы, молодежь, презираете насъ за то, что мы владѣли крѣпостными, но, если бы вы хорошенько знали моего мужа, вы сдѣлали бы для него исключеніе... Служилъ онъ уѣзднымъ судьею, жалованье получалъ маленькое-премаленькое... Другіе-то во много разъ увеличивали его, а иной такъ и просто наживался... Вѣдь тѣ времена были такія, что съ живого и съ мертваго драли и деньгами, и натурой... А онъ и взятками брезговалъ, и добровольныхъ приношеній не допускалъ. По своему образованію онъ тоже стоялъ выше другихъ: въ подлинникѣ лучшихъ писателей и мыслителей читалъ...»

– Какъ же это случилось, — спросилъ одинъ изъ моихъ братьевъ,—что отецъ, человѣкъ образованный, сумѣвшій въ такое жестокое время, въ самый разгаръ крѣпостничества, сохранить свѣтлый умъ и гуманное отношеніе къ окружающимъ, не додумался до того, что крѣпостное право—самое позорное безправіе, самая жестокая несправедливость?

«Ужъ не знаю, право, какъ тебѣ это объяснить!.. Можетъ быть, онъ и думалъ, да молчалъ потому, что ничего не могъ сдѣлать: вѣдь онъ же зналъ, что его громадной семьѣ безъ крестьянъ нечѣмъ будетъ жить!.. А можетъ быть, онъ въ разсужденія объ этомъ не хотѣлъ вступать со мною,—я далеко не всѣ мысли его тогда понимала и раздѣляла. Признаюсь,—иное мнѣ казалось просто сумасбродствомъ съ его стороны. Не терплю

хвастать да выказывать себя лучше, чѣмъ я есть, а потому откровенно сознаюсь вамъ, дѣтушки, очень часто огорчала я его: многія его мысли благородныя я поняла гораздо позже, а коечто даже только теперь, когда вы повыросли, изъ вашихъ разговоровъ и споровъ... Теперь я иногда даже сама себѣ удивляюсь, какъ это тогда, въ крѣпостное время, мнѣ насчетъ многаго не приходили въ голову самыя элементарныя мысли. Въ примѣръ приведу хотя вотъ что: вѣдь здоровѣе меня трудно было найти другую женщину. Я неизмѣнно пользовалась такимъ прекраснымъ здоровьемъ, что у меня за всю мою жизнь никогда даже голова не болѣла... Хотя при мужѣ мы жили открыто, но я и въ то время не любила модничать: слишкомъ была большая семья, чтобы думать о своихъ нарядахъ, а между тѣмъ своихъ дѣтей грудью не кормила, брала для всѣхъ васъ кормилицъ изъ крѣпостныхъ. А почему? Кругомъ всѣ такъ дѣлали, и я поступала, какъ другіе. Меня теперь самое поражаетъ, что я не могла додуматься до такой пустой и немудрящей вещи. А вѣдь я не была ни умственно убогою, ни нравственною идіоткою! Доподлинно справедливы слова, что человѣкъ—продуктъ своего времени.

«Что же касается вашего отца, то скажу, что хотя онъ и не освободилъ своихъ крестьянъ, но никогда не злоупотреблялъ своимъ помѣщичьимъ правомъ. О вопіющихъ жестокостяхъ помѣщиковъ относительно крестьянъ онъ то и дѣло подавалъ жалобы и предводителю дворянства, и въ разныя учрежденія, старался устроить въ своемъ имѣніи такъ, чтобы въ каждой крестьянской семьѣ была и лошадь, и корова, и чтобы крестьянину оставалось время для обработки его крестьянской земли. Правда, не всегда выходило такъ, какъ онъ этого желалъ,—временами сильно бѣдствовали наши крестьяне, но нужно помнить и то, какая у насъ жалкая земля, какъ часты у насъ недороды, да и его не хочу обѣлять—плохой онъ былъ хозяинъ, тратилъ изъ хозяйства больше, чѣмъ оно могло выдержать, но что онъ заботился о своихъ подданныхъ, относился къ нимъ болѣе человѣчно, чѣмъ кто бы то ни было въ нашей округѣ, въ этомъ завѣряю васъ, какъ передъ Богомъ».

По разсказамъ людей, близко знавшихъ моего отца, это былъ человѣкъ веселый, живой, въ высшей степени мягкій; особенно бросалась въ глаза каждому, кто видѣлъ его въ семьѣ, его страстная любовь къ своимъ дѣтямъ. Если онъ невзначай заставалъ матушку въ ту минуту, когда она кому-нибудь изъ нихъ давала трепку или тумака, то онъ начиналъ дрожать, видимо чувствуя органическое отвращеніе къ подобному педагогическому воздѣйствію. Онъ приходилъ въ отчаяніе, какъ отъ того, что его нѣжно любимая жена прибѣгаетъ къ такой грубой расправѣ, такъ и за своихъ дѣтей, которыхъ онъ обожалъ. Вслѣдствіе этого матушка остерегалась при немъ прибѣгать къ своему обычному способу воспитанія, но въ его отсутствіе она рѣдко могла удержаться отъ своей привычки.

Если отецъ не былъ на службѣ, онъ занимался съ дѣтьми или поднималъ съ ними возню, которою самъ увлекался, какъ ребенокъ. Матушка, выведенная изъ терпѣнія шумомъ и визгомъ, выскакивала тогда изъ своей комнаты, гдѣ она занималась счетами или хозяйственными распоряженіями, и расталкивала въ разныя стороны дѣтей и расшалившагося мужа. Чтобы задобрить ее, отецъ цѣловалъ ея ручки или хваталъ ее за талію и начиналъ бѣшено вальсировать. И матушка моментально смягчалась.

Отецъ съ матушкой, несмотря на діаметрально противоположные вкусы и характеры, относились другъ къ другу съ полнымъ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью. Но это не исключало маленькихъ домашнихъ сценъ и ссоръ, происходившихъ въ большинствѣ случаевъ изъ-за воспитанія дѣтей. Матушка и серьезно, и въ шутку укоряла отца за баловство дѣтей, за то, что онъ не умѣетъ соблюдать съ ними отцовскаго авторитета, а отцу не нравилась ея холодность въ обращеніи съ ними. Матушка оправдывалась тѣмъ, что женщина, которая, какъ она, носитъ каждый годъ ребенка подъ сердцемъ, не можетъ быть страстною матерью.

Однако, изъ слышаннаго мною объ отцѣ я не все находила прекраснымъ и въ его воспитаніи. Будучи для своего времени человѣкомъ передовымъ и сознавая весь вредъ предразсудковъ, господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ, онъ всѣми силами старался искоренять ихъ въ своихъ дѣтяхъ. Онъ строго запрещалъ стращать ихъ мертвецами, оборотнями, вообще говорить имъ что бы то ни было, несообразное съ здравымъ смысломъ. Къ числу предразсудковъ онъ относилъ боязнь темной комнаты и грома,—страхъ передъ тѣмъ и другимъ онъ старался уничтожать несвойственными его мягкой натурѣ суровыми мѣрами, отъ которыхъ самъ страдалъ и которыя иной разъ приносили его дѣтямъ не менѣе вреда, чѣмъ самые предразсудки. Одна изъ моихъ сестеръ, 10—11-ти лѣтняя дѣвочка, особенно болѣзненно относилась къ грому и грозѣ. Когда небо заволакивалось свинцовыми тучами, она бросалась въ постель и накидывала на голову, что попадало подъ руку. Но отецъ насильно тянулъ ее на дворъ: дѣвочка билась у него въ рукахъ, кричала, плакала... У отца при этомъ текли слезы изъ глазъ, онъ нѣжно укутывалъ ее въ платокъ, но крѣпко держалъ и оставлялъ подъ открытымъ небомъ. Однажды онъ вытащилъ ее во время сильной грозы. Сестра умоляла пустить ее въ комнаты, кричала, тряслась, вдругъ упала на землю, и съ ней сдѣлался припадокъ, въ родѣ падучей. Отецъ былъ въ отчаяніи, но въ первый же разъ, когда снова разразилась гроза, опять началъ уговаривать ее и тащить съ собой, пока этой педагогической мѣрѣ не положила конецъ матушка. Ея здравый смыслъ восторжествовалъ: она вырвала у мужа трепещущую дѣвочку и рѣзко накричала, что она ни за что болѣе не позволитъ ему сводить съ ума своихъ дѣтей.

Мой отецъ старался и въ своей женѣ развить любовь къ

серьезному чтенію и ко всему польскому. Хотя матушка, за множествомъ домашнихъ обязанностей, не часто располагала свободнымъ временемъ, но она все-таки выучилась этому языку, что давало возможность отцу читать ей вслухъ польскія книги. Мало того, онъ самъ училъ старшихъ дѣтей по-польски и разговаривалъ съ ними не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Но какъ только умеръ отецъ, всѣ въ домѣ стали говорить исключительно по-русски. Мои братья и сестры, не имѣя практики въ польскомъ языкѣ, начали постепенно его забывать; я же, оставшись послѣ смерти отца маленькимъ ребенкомъ, когда у насъ воцарился исключительно русскій языкъ, не запомнила отъ ранняго дѣтства ни одного польскаго слова.

Послѣ брака мои родители лишь нѣсколько лѣтъ прожили въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи Погорѣломъ, а затѣмъ переселились въ П... уѣздный городъ С—ской губ., переѣзжая въ деревню только на лѣтнее время. И такъ моя семья большую часть года проводила въ городѣ для того, какъ говорилъ матери покойный отецъ, «чтобы не погрязнуть въ захолустныхъ дебряхъ, среди людей звѣринаго образа».

Но едва ли такой жалкій уѣздный городишко, какъ П..., былъ въ то время болѣе приспособленъ для жизни культурнаго человѣка, чѣмъ наше захолустное помѣстье. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, я думаю, что къ переселенію въ городъ отца побудило прежде всего желаніе увеличить средства своей многочисленной семьи—онъ получилъ въ немъ мѣсто уѣзднаго судьи, а затѣмъ желаніе устроить собственный театръ, что, конечно, удобнѣе было осуществить въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Окончательному рѣшенію переселиться въ городъ содѣйствовало болѣе всего то, что моему отцу неожиданно представился случай купить въ городѣ П.... большой деревянный домъ со службами, надлежащими пристройками и хорошимъ садомъ чуть не задаромъ, а именно за 700 руб. ассигнаціями.

Семья наша увеличивалась съ каждымъ годомъ. Довольно сказать, что матушка, проживъ съ отцомъ 20 лѣтъ (отъ 1828 до 1848 г.) имѣла по ея *собственному счету* 16 человѣкъ дѣтей. Я указываю на ея *собственный счетъ* потому, что онъ не согласовался со счетомъ сосѣдей. У матушки была какая-то болѣзненная ненависть къ точному опредѣленію количества своихъ дѣтей. Однажды она сказала при сосѣдкѣ-помѣщицѣ что-то въ такомъ родѣ: «когда у женщины было такъ много дѣтей, какъ у меня»... Собесѣдница перебила ее словами: «Да, порядочная была у васъ семья! Вы-то считаете, что у васъ было 16 дѣтокъ, а всѣ кругомъ говорятъ, что ихъ у васъ было 19: вы ни выкидышечковъ, ни мертворожденненькихъ въ счетъ не берете»...

Матушка, крайне вспыльчивая по натурѣ, вышла изъ себя при этихъ словахъ и наговорила большихъ рѣзкостей сосѣдкѣ, которая не переставала подзадоривать ее словами: «Чего же стыдиться этого? Господи, Боже мой! Вѣдь это же благодать!

Отъ воли Божіей... Къ тому же у васъ всѣ они законнорожденные»...

Однако, если остановиться и на матушкиной статистикѣ, т. е. на томъ, что у нея было 16 человѣкъ дѣтей, то въ 1848 г., т. е. передъ холерою, ихъ оставалось уже 12, такъ какъ четверо изъ нихъ умерли еще до этого злосчастнаго года: двое изъ умершихъ были моложе меня, такъ что я уже передъ смертью отца была самою младшею въ семьѣ.

Въ жизни моего семейства няня играла выдающуюся роль. Мы, дѣти, крѣпко были привязаны къ ней, а я и моя сестра Саша любили ее даже больше матери. Вотъ потому-то я и считаю необходимымъ объяснить, какъ она у насъ появилась. Всѣ служащіе у насъ люди были нашими крѣпостными, кромѣ няни, которая была изъ мѣщанскаго сословія, слѣдовательно, могла свободно располагать собою. Но въ то время, какъ у низшаго, такъ и у высшаго класса русскаго общества, понятія были чисто крѣпостническія, рабскія. Няня до глубины души оскорблялась каждый разъ, когда кто-нибудь изъ домашнихъ напоминалъ ей о томъ, что она человѣкъ свободный. Она считала себя настоящей рабой моихъ родителей и всего моего семейства.

— Нянюшечка, — кричалъ иногда кто-нибудь изъ моихъ братьевъ, чтобы посердить ее.—Ты не наша крѣпостная! Если ты убѣжишь отъ насъ, становой не будетъ тебя разыскивать...

— Что я тебѣ сдѣлала, Заринька (Захаръ),—отвѣчала она съ горечью.—Чѣмъ не угодила, что ты меня такъ обижаешь?

Но тутъ со всѣхъ сторонъ поднимались возмущенные голоса дѣтей. «Зарька! Какъ ты смѣешь обижать няню!» И всѣ мы, какъ по мановенію волшебнаго жезла, бросались къ ней со словами: «Няня наша, наша собственная! Она не смѣетъ уйти отъ насъ!»

— Конечно не смѣю! — отвѣчала она, уже совершенно успокоенная.

Вотъ какъ эта совершенно свободная женщина сдѣлалась нашею, по ея мнѣнію, неотъемлемою собственностью. Родители няни были зажиточными мѣщанами. Ея отецъ держалъ постоялый дворъ, и вся его семья, состоявшая изъ жены и дочери Маши (впослѣдствіи нашей няни), должна была работать, не покладая рукъ. Онъ былъ человѣкъ крутого нрава и за ничтожную оплошность жестоко расправлялся съ женою и дочерью.

Маша и въ дѣтствѣ не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, а когда мать ея внезапно умерла, это такъ потрясло дѣвочку, которой въ то время было четырнадцать лѣтъ, что она захворала послѣ похоронъ, а когда встала съ постели, очень долго не могла вполнѣ оправиться. Отецъ нанялъ на время работницу, но скоро объявилъ дочери, что ей уже время работать, а такъ какъ она взрослая, то и можетъ все дѣлать сама. Но Маша плохо справлялась съ хозяйствомъ, за что тяжелая рука отца обрушивалась на нее съ такой силою, что нерѣдко оставляла кровавый

слѣдъ. Такъ прожила она съ полгода послѣ смерти матери, какъ вдругъ узнала, что отецъ ея собирается жениться во второй разъ, да еще на сварливой бабѣ. Тогда Маша рѣшила, что положеніе ея въ домѣ при мачехѣ еще ухудшится и задумала бѣжать раньше, чѣмъ отецъ женится. Случай помогъ этому.

Какъ-то весною она вышла изъ дому и сѣла на заваленку. Мимо нея прошли нищіе и недалеко отъ ея дома сдѣлали привалъ. Ихъ пѣніе и разсказы такъ прельстили дѣвочку, что она открыла свою тайну одной изъ нищенокъ, которая и пригласила ее странствовать вмѣстѣ съ ними, питаться подаяніемъ, «прославляя имя Господне и вымаливая у Всевышняго прощеніе людямъ ихъ грѣховъ». Это предложеніе понравилось дѣвочкѣ, и она сдѣлалась нищенкою.

Но бродячая жизнь въ холодъ и непогоду, ночевки на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ очень скоро подорвали ея здоровье. Къ ея все большему недомоганію и къ жестокимъ лишеніямъ, которыя ей пришлось выносить, присоединилось еще отвращеніе къ нищимъ, съ которыми столкнула ее судьба. Приближаясь къ деревнѣ, они обыкновенно ловко загоняли въ сторонку куръ съ цыплятами и утокъ и сворачивали имъ головы, вытаскивали узелокъ у спящаго на дорогѣ человѣка, вообще оказывались опасными товарищами.

До города Владимира, куда нищіе направлялись, оставалось уже нѣсколько верстъ, когда они замѣтили деревенскую избу, а на изгороди, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, развѣшанное бѣлье. Старшій въ этой компаніи нищій рѣшилъ тутъ сдѣлать привалъ, а Машѣ приказалъ осторожно стащить все съ изгороди. Дѣвочка стала умолять его не давать ей этого порученія, но при этихъ словахъ нищій уже поднялъ свою клюку, чтобы ее ударить, какъ вдругъ издали раздался стукъ колесъ и звонъ колокольчиковъ, и онъ успѣлъ только толкнуть ее изо всей силы и грозно закричать ей, что онъ убьетъ ее, если она попадется ему на дорогѣ.

Долго пришлось Машѣ бродить по городу, не получая подаянія. Мой отецъ, который по своимъ дѣламъ находился въ это время во Владимирѣ, случайно натолкнулся на дѣвочку, упавшую безъ чувствъ отъ голода, утомленія и слабости, свезъ ее въ больницу, узналъ отъ нея всю ея исторію, пришелъ ее навѣстить и, когда она оправилась, далъ ей денегъ и отправилъ съ письмомъ къ своему знакомому, управлявшему поблизости фабрикою. Но, прежде чѣмъ разстаться съ дѣвочкою, мой отецъ далъ ей адресъ своего помѣстья и сказалъ ей, что, если она черезъ годъ-другой забредетъ туда, онъ непремѣнно устроитъ ее.

Плохое здоровье Маши не дало ей возможности долго прожить на фабрикѣ. Поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, она отправилась искать мѣста, но, прежде чѣмъ найти его, ей долго пришлось перебиваться поденной работой, то и дѣло впадая въ жестокую нищету. Наконецъ, она нашла мѣсто няни во Влади-

мирѣ, въ домѣ богатаго купца Сидорова, гдѣ ее полюбили не только дѣти и хозяйка, но и жестокосердый хозяинъ, у котораго до нея никто не уживался. Она прожила у нихъ болѣе пяти лѣтъ, могла бы прожить и всю жизнь, такъ какъ Сидоровы ни за что не хотѣли разстаться съ нею. Но, испытавъ участіе, которое выказалъ ей мой отецъ, Маша рѣшила, что она обязана всю свою жизнь, всѣ свои силы отдать на служеніе ему. И это стремленіе во что бы то ни стало отыскать моего отца уже никогда не покидало ее. Если она не явилась раньше къ нему, то только потому, что ей не съ чѣмъ было двинуться въ дальній путь. Прежде, чѣмъ окончательно уйти отъ Сидоровыхъ, она объявила имъ, что желаетъ оставить ихъ, но тѣ всячески задерживали ее. Вотъ какъ она передавала это намъ сама: «Вы, дѣтушки, часто спрашиваете, отчего я такая дряхлая да старая, а мамашечка ваша однихъ со мною лѣтъ, а выглядитъ куда моложе меня... А отъ того, сердечные мои, что жизнь моя, почитай съ самыхъ ребячьихъ лѣтъ, больно тяжкая была. А какъ я убѣжала изъ родительскаго дома, такъ у меня сразу и вся молодость пропала!... Проживу годъ,—точно десять лѣтъ прошло, изъ лица на десять лѣтъ постарѣю... Отъ горькаго ли одиночества, отъ жизни ли моей скитальческой, только все, что людей въ молодости радуетъ, у меня точно огнемъ выжгло: ни о нарядахъ я не помышляла, ни о женихахъ на умѣ у меня не было... Втемяшилась въ меня одна думка: къ благодѣтелю моему,—къ вашему батюшкѣ добраться, въ ноги ему броситься, послужить ему за доброту его ко мнѣ, что меня злосчастную изъ грязи вытянулъ. И ничего другого въ головѣ у меня не было. Какъ только моимъ господамъ, купцамъ Сидоровымъ, надоѣло меня улещать еще маленько пожить у нихъ, такъ я черезъ недѣльки двѣ ужъ и у васъ объявилась. Мамашенькѣ-то вашей я ровесницей пришлась: ей было о ту пору, какъ и мнѣ, 23 года. Сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, а я и тогда немногимъ моложе выглядѣла: старая-престарая, точно черносливина сморщенная, а мамашенька-то ваша, что маковъ цвѣтъ, цвѣла: бѣлая, румяная, полная, на видъ еще моложе своихъ лѣтъ. У нея уже пятеро дѣтокъ было, да все крошки-погодки,—вотъ я и стала ихъ няньчить. Такъ съ тѣхъ поръ и живу у васъ, дастъ Богъ, у васъ и кости сложу“.

Всю любовь, всю преданность своего добраго сердца, няня отдала нашей семьѣ. У нея не было своей жизни: ея радость и горе были исключительно связаны съ нашей жизнью. За то только, что отецъ когда-то свезъ ее въ больницу, навѣстилъ ее во время болѣзни, далъ нѣсколько рублей на то, чтобы она могла перемѣнить нищенскія лохмотья на обычную деревенскую одежду, душа этой молоденькой дѣвушки преисполнилась къ нему безграничной благодарностью, благоговѣніемъ, доходившимъ до поклоненія. Она дала слово Богу отдать свою жизнь на служеніе моему отцу и его близкимъ и, несмотря на всѣ преврат-

ности судьбы, сдержала свое слово. Дѣтей своего «благодѣтеля», какъ называла она отца, она любила, какъ можетъ только любить страстно любящая мать. Несмотря на безконечную массу дѣла въ домѣ, она не только съ утра до ночи зорко слѣдила за нами, но и по нѣскольку разъ ночью подходила къ каждому изъ насъ, закрывала того, кто разметался на постели, внимательно осматривала, крестила. Во время ѣды она тщательно слѣдила за наиболѣе болтливыми, чтобы они не остались голодными. Она совсѣмъ отбивалась отъ ѣды и сна, когда заболѣвалъ кто-нибудь изъ насъ, но если больной начиналъ поправляться, она, еще изнуренная уходомъ и безсонными ночами, отъ радости не знала, что дѣлать: показывала выздоравливающему всякіе фокусы, разсказывала сказки и приключенія изъ своей жизни, пѣла, даже плясала.

Мать считала няню своей главной помощницею и всегда говорила, что безъ нея она ни за что не могла бы справиться со своей огромной семьей и со своимъ сложнымъ хозяйствомъ. Что же касается того времени, когда она осталась одна послѣ смерти мужа, она признавалась, что безъ няни совсѣмъ бы пропала. Мои братья и сестры, поступавшіе въ учебныя заведенія, обыкновенно писали ей письма, которыя были для нея предметомъ восторга и культа, ея гордостью и величайшимъ счастьемъ. Она, какъ святыню, бережно складывала ихъ въ шкатулку и въ свободное время перечитывала ихъ, но чаще намъ поручала это. Хотя она умѣла читать (постоялый дворъ, который держалъ ея отецъ, требовалъ нѣкоторой грамотности, что и заставило ея отца обучить ее читать и кое-какъ писать, еще болѣе подучилась она и отъ своихъ питомцевъ), но она любила наслаждаться чтеніемъ писемъ въ обществѣ дѣтей, оставшихся дома. Читаетъ ей, бывало, сестра то одно, то другое письмо чуть не въ сотый разъ, она набожно крестится, при нѣжныхъ же эпитетахъ въ родѣ слѣдующихъ: «дорогая, золотая, брилліантовая, любимая нянюшечка» и т. п., проливаетъ потоки слезъ. При этомъ она обыкновенно приговаривала: «ахъ, голубчикъ мой дорогой, да развѣ я это заслужила?»

Для насъ, дѣтей, она положительно была ангеломъ-хранителемъ, и мы всѣ обожали ее. Матушка была съ нами скорѣе сурова, чѣмъ нѣжна, няня же обращалась съ нами удивительно ласково, употребляя всѣ усилія, чтобы предупреждать вспышки матушкинаго гнѣва. Но въ тѣ крѣпостническія времена ни одно чувство не выражалось по-человѣчески: господа и рабы, свободные и крѣпостные выражали свои чувства по-холопски, вытравляя и въ дѣтяхъ всѣ зародыши истинно честныхъ и свободныхъ инстинктовъ.

— Нянюшечка,—и при этихъ словахъ моя сестра Саша такъ трясетъ за рукавъ няню, что ея вязальныя спицы разлетаются въ стороны.—Слушай, нянюшечка, я тебѣ на ушко секретъ скажу...

— Ахъ, ты, шалунья! Видишь всѣ спицы на полу.—И няня нагибается ихъ поднять, но сестра предупреждаетъ ее.— Петлю-то въ чулкѣ подними,—говоритъ ей няня наставительно и строго, не давая ей нагибаться за вязальными стицами,—а по полу ёрзать не твое дѣло. Ты—барышня, и такъ себя понимать должна,—значитъ для холопки своей не смѣешь спину гнуть! Вотъ если бы я очень больна была, съ постели не могла подняться, ну, тогда другое дѣло, ты бы, значитъ, милосердіе свое показала. А дѣлать это безъ надобности для тебя должно быть довольно стыдно... Ну, теперь, Шурочка, говори свой секретъ.

— Нянюша! Очень моя славная, дорогая, любимая!... Я тебя люблю больше всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ!... Даже больше мамашеньки!

— Никогда не смѣй этого говорить, Шурочка,—ни при мамашенькѣ, ни безъ нея,—сердито выговаривала она сестрѣ.— Развѣ можно кого-нибудь любить больше матушки родимой? Грѣхъ это, дѣвочка, ухъ, какой грѣхъ!

— Грѣхъ, говоришь? А что же мнѣ дѣлать, нянюша, когда я тебя люблю больше мамашеньки? И отчего же это грѣхъ?

— Ну, Шурочка, ты не малолѣтка!.. Могла бы ужъ понимать, что родную матушку Богъ велитъ больше всѣхъ любить! Да опять же ты настоящаго дворянскаго рода, а я твоя раба, какъ же ты можешь меня къ матушкѣ приравнивать?.. Большой грѣхъ, дидятко, такъ говорить!

— Но если это такой грѣхъ, какъ ты говоришь, такъ скажи нянечка, должна я это на исповѣди сказать?—допытывалась сестра совершенно серьезно.

Няня въ первую минуту, видимо, растерялась, но тотчасъ же нашлась.—Какіе ты пустяки, Шурочка, спрашиваешь! Вѣдь этого нѣтъ, и ты этого вовсе не думаешь! Это только сейчасъ и въ головенку-то твою взбрело! Пустяки это все, и не зачѣмъ этого батюшкѣ на духу сказывать! Нечего его глупостями утруждать! И какъ это у тебя языкъ поворачивается такъ про матушку говорить? Вѣдь она день-деньской съ вами-то бьется! Подумай сама, сколько васъ-то всѣхъ! Она васъ и обшиваетъ, она и по хозяйству, она васъ и наукамъ обучаетъ,—гдѣ-жъ ей время взять, чтобъ еще съ вами забавляться? Мамашенька-то у насъ первая голова во всей округѣ, чай не пристало ей съ вами телелёшиться, сказки сказывать, да глупости всякія нести, какъ я!

Наиболѣе яркое впечатлѣніе изъ моего отдаленнаго дѣтства во время нашей городской жизни оставили у меня дни доставки провизіи изъ деревни.

— Возы, возы пріѣхали!—вдругъ начинали кричать братья и сестры. При этихъ крикахъ мы, дѣтишки, стремглавъ бросались къ окнамъ, и намъ было видно, что узенькая уличка, на которой стоялъ нашъ домъ, вся запружена нашими деревенскими возами. Если была мало-мальски сносная погода, мы второпяхъ

надѣвали наши пальтишки, гурьбой высыпали на улицу и начинали шмыгать между возами, выхватывая узелки и ящики поменьше, чтобы вносить ихъ въ домъ. Для насъ, малышей, это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни, но далеко не безъ шиповъ, и требовала отъ насъ большой выдержки и силы воли. Если во время этой суматохи мы какъ-нибудь неловко подвертывались подъ руку старшимъ или, Боже упаси, роняли какой-нибудь горшокъ, насъ безцеремонно толкали и колотили, чѣмъ попало, и не только матушка, но даже горничныя и лакеи считали эту минуту самою удобною, чтобы сводить съ нами различные счеты. Иная горничная и не рѣшалась дернуть или толкнуть, но умѣла отомстить еще чувствительнѣе: ей стоило только закричать такъ, чтобы услышала матушка.

— Да что вы, барышня, такъ кидаетесь? Чуть съ ногъ не сшибли! Банку бы съ вареньемъ выронила! — И этого было достаточно: матушка, какъ ястребъ, бросалась на оговоренную, и за руку, а то и за уши тащила несчастную въ домъ, вталкивала въ первую попавшуюся комнату и замыкала на ключъ. То же самое было съ тою изъ моихъ сестеръ, которая, не стерпѣвъ обиды, вскрикивала отъ толчка горничной или лакея: не разбирая, въ чемъ дѣло, матушка наказывала ее, какъ и предыдущую. Такіе оговоры во время суматохи горничныхъ и лакеевъ всегда оставались неразслѣдованными потому, что доставка провизіи на нѣсколько дней вносила много работы для всѣхъ служащихъ, и матушка не имѣла времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ какъ о приведеніи въ порядокъ своего деревенскаго добра. Для дѣтей же просидѣть взаперти, въ отдѣльной комнатѣ, въ столь оживленное и любимое время, было величайшимъ несчастьемъ, и каждый изъ насъ готовъ былъ проглотить всякія обиды, лишь бы не быть исключеннымъ изъ всеобщей суматохи. Но этимъ наказаніямъ мы подвергались очень рѣдко: нашъ ангелъ-хранитель—няня, зная настроеніе матушки въ такое время, выбѣгала вмѣстѣ съ нами на улицу, если только это было для нея возможно, и, какъ насѣдка относительно своихъ цыплятъ, зорко наблюдала, чтобы во время охранить насъ отъ толчковъ и пиньковъ старшихъ и чтобы не дать намъ что-нибудь уронить. Но тотъ, кто во время этой суматохи ускользалъ отъ ея бдительнаго надзора и получалъ трепку отъ матушки, молча утиралъ слезы, боясь проронить хотя одинъ звукъ.

Шумно и торжественно вносили крестьяне въ домъ кадки, бочки и боченки съ квашеной капустой, съ солониной, масломъ, творогомъ, сметаной, съ замороженными сливками. Наконецъ, все разставлено по полу во всѣхъ комнатахъ, которыя принимаютъ видъ безпорядочнаго базара самой разнообразной снѣди. Выходныя двери закрываютъ, и начинается распаковка: ящики взламываютъ, узлы и мѣшки развязываютъ, рогожи разрѣзаютъ и оттуда извлекаютъ банки съ вареньемъ, горшки съ маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбою, съ медовыми со-

тами, съ солеными и маринованными грибами и огурцами, вытаскиваютъ мороженныхъ куръ, поросятъ, индѣекъ, гусей и всякую дичину. Затѣмъ постепенно начинаютъ все это сортировать, что относятъ въ погребъ, что въ кладовушки и боковушки, распарываютъ мѣшки съ орѣхами, съ сушеною малиною, земляникою, съ яблоками и всякой всячиной. При этомъ всѣхъ насъ щедро одѣляютъ деревенскими гостинцами,—и мы цѣлый день грыземъ, сосемъ, жуемъ, однимъ словомъ, наслаждаемся.

Если бы наша семья не могла получать изъ деревни провизіи, а также холста и кожъ, если бы крѣпостные не обшивали бы насъ съ ногъ до головы, если бы мы не жили въ деревнѣ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году, мы не могли бы существовать, а тѣмъ болѣе жить на барскую ногу, какъ это было при отцѣ.

Мои личныя воспоминанія дѣлаются нѣсколько болѣе отчетливыми и рельефными съ 1848 г., но и тутъ, вѣроятно, я могла бы вспомнить лишь нѣкоторые выдающіеся факты нашей семейной жизни, да и то безъ всякой логической связи. Но различныя событія этого невыразимо злосчастнаго года, который такимъ роковымъ образомъ отозвался на нашей судьбѣ, такъ часто и съ такими подробностями вспоминали близкіе мнѣ люди—мать, братья, сестры, няня и наша прислуга,—что я уже и сама не знаю, что изъ происшедшаго за это время я запомнила по личнымъ наблюденіямъ, что узнала отъ другихъ.

Раннею весною 1848 года мы часто стали слышать, какъ взрослые разговаривали о томъ, что у насъ на Руси много народа умираетъ отъ холеры. Вслѣдствіе этого мои родители рѣшили переѣхать въ деревню раньше обыкновеннаго. Но вышло наоборотъ: какія-то дѣла задержали ихъ, и мы въ первый разъ встрѣтили пасху въ городѣ. Вдругъ въ концѣ страстной недѣли разнеслась вѣсть о томъ, что холера появилась и въ нашемъ городѣ. Рѣшено было собраться въ деревню послѣ первыхъ дней Пасхи. Между тѣмъ какъ разъ въ это время прислуга то и дѣло вбѣгала въ столовую и сообщала, что въ томъ или другомъ домѣ, недалеко отъ насъ, или у нашихъ знакомыхъ кто-нибудь заболѣлъ или умеръ. Но насъ, дѣтей, это нисколько не заботило: мы были поглощены куличами, пасхами, но болѣе всего разноцвѣтными яйцами, которыя мы весело катали по полу, примостивъ въ уголокъ или къ стѣнѣ свои лубки. На третій день Пасхи, выбѣжавъ съ утра веселою гурьбой въ залу, гдѣ стоялъ столъ, убранный пасхальными явствами, мы усѣлись закусывать.

— Отправляйтесь-ка въ садъ забавляться,—сказала намъ няня, входя.—Сегодня погода чудесная, а мы съ мамашенькой будемъ здѣсь вещи убирать... Въ денька два справимся,—и въ деревню...

Она помогла намъ одѣться, и мы выбѣжали на крыльцо. Но каково же было наше удивленіе, когда мы увидали незнакомую намъ дѣвочку лѣтъ 3—4, одѣтую, какъ одѣвались тогда дѣти средняго помѣщичьяго достатка. Незнакомка, нисколько не

стѣсняясь тѣмъ, что находилась въ чужомъ домѣ, спокойно возила по крыльцу нашу игрушечную телѣжку. Мы сейчасъ же подбѣжали къ ней, стали спрашивать, какъ ее зовутъ, откуда и зачѣмъ она пришла къ намъ. Она отвѣтила, что ее зовутъ Лелею, но на дальнѣйшіе вопросы не обращала ни малѣйшаго вниманія, выхватывая изъ нашихъ рукъ лубки и яйца и бросая все въ телѣжку. Мы, вѣроятно, тоже нашли дальнѣйшіе вопросы излишними, и стали помогать ей тащить нагруженный возъ, затѣмъ всѣ вмѣстѣ побѣжали въ садъ, гдѣ мы съ нею бѣгали, играли и катали яйца, какъ со старой знакомой. Когда насъ позвали къ обѣду, родители наши очень удивились появленію незнакомаго ребенка, а когда отецъ, схвативъ ее на руки, просилъ ее показать, откуда она пришла, она неопредѣленнымъ жестомъ махнула куда-то рукой и нетерпѣливо закричала: «ѣсть хочу, скорѣе ѣсть». Послѣ обѣда няня взяла дѣвочку за руку, чтобы вмѣстѣ съ нею прогуляться мимо домовъ и, можетъ быть, такимъ образомъ узнать, откуда она, но Леля стала плакать и кричать, вырвалась изъ ея рукъ и побѣжала съ нами въ садъ. Тогда матушка отправила горничную справиться по сосѣднимъ домамъ, не ищетъ ли кто своего пропавшаго ребенка. Но поиски оказались напрасными, и Леля осталась у насъ ночевать. На другой день отецъ съ утра отправился въ городъ за тѣми же свѣдѣніями, но, возвратившись домой, высказалъ только предположеніе, что дѣвочка должно быть прибѣжала изъ противоположнаго конца города, изъ одного дома, стоявшаго нѣсколько въ сторонѣ отъ города, такъ съ версту отъ него, и въ которомъ въ нѣсколько дней вымерла вся семья. Онъ говорилъ, что дошелъ до этого дома, но двери его и дворъ оказались заколоченными; полиція обѣщала ему немедленно навести справки и доставить необходимыя свѣдѣнія. При этомъ отецъ подтвердилъ, что въ городѣ за послѣдніе дни заболѣваетъ и умираетъ очень много народу.

Леля играла съ нами и во второй день и мы вмѣстѣ съ ней отправились спать въ дѣтскую, гдѣ съ маленькими дѣтьми спала и наша няня. Вдругъ, уже подъ утро, проснулась Саша и съ крикомъ стала звать няню, которая не откликалась. Этимъ крикомъ она разбудила насъ всѣхъ: когда она зажгла свѣчу, мы увидѣли, что кровать няни не была даже смята. Въ то же время мы услыхали какой-то шумъ, бѣготню и суету въ домѣ. Тогда Саша открыла дверь и громко стала звать няню, которая тотчасъ вбѣжала къ намъ. Но, Боже мой, какой у нея былъ ужасный видъ! Руки тряслись, изъ глазъ текли слезы, она растерянно смотрѣла на насъ, но ничего не говорила. Мы вскочили съ кроватокъ и бросились ее обнимать.

— Нянюшечка, что съ тобой, отчего ты плачешь?

— Папашенька захворалъ, папашенька...—говорила она, рыдая и отчаянно ломая руки.—Молитесь Богу, чтобъ онъ васъ пожалѣлъ, не оставилъ сиротами,—и мы вмѣстѣ съ нею, въ однѣхъ рубашонкахъ, бросились на колѣни и, ошеломленные

внезапною новостью, повторяли за нею то, что она произносила рыдая: «Боже, пожалѣй насъ, Боже, не оставь насъ сиротами».

Но въ эту минуту въ коридорѣ раздался голосъ матери, которая звала няню.

— Ложитесь въ кроватки и лежите смирно,—и съ этими словами няня выбѣжала изъ комнаты. Но Леля сейчасъ же привстала и, закрывъ рученками лицо, начала плакать, все сильнѣе и громче съ каждой минутой. Какъ мы ни уговаривали ее, какъ ни утѣшали, какъ ни разспрашивали, о чемъ она плачетъ, она ничего не отвѣчала, но продолжала рыдать и вздрагивать всѣмъ тѣломъ. Ея рыданія перешли въ крики, раздирающіе душу. Тутъ вбѣжала моя старшая сестра, взрослая молодая дѣвушка, которая тоже не раздѣвалась въ эту ночь, схватила на руки ребенка, помочила ей голову холодной водой, дала ей напиться и стала носить ее на рукахъ по комнатѣ. Можетъ быть, сообщеніе о болѣзни дало толчекъ для пробужденія грустныхъ воспоминаній и въ ея дѣтскомъ мозгу, и она, вѣроятно, только при этомъ вспомнила, что не видитъ своихъ родителей,—она ничего не говорила. Когда же сестра положила ее въ постель и, гладя по головкѣ, нѣсколько минутъ посидѣла у ея кровати, она быстро заснула. Но мы спать не могли: какъ только разсвѣло, сестра приказала намъ вставать и какъ можно тише сидѣть въ комнатѣ, противоположной той, въ которой находился больной отецъ. Черезъ нѣкоторое время сестра ввела къ намъ Лелю: она была очень весела, и ея тяжелое настроеніе послѣ сна совсѣмъ разсѣялось. Да и всѣ мы, малыши, быстро забыли о томъ, что у насъ дѣлалось въ домѣ: мы скоро такъ расшумѣлись и развозились, что къ намъ вбѣжала старшая сестра и рѣзко стала бранить насъ.

Положеніе отца быстро ухудшалось: докторъ приходилъ черезъ каждые 2—3 часа. Когда няня внесла намъ обѣдъ, она была такъ измучена, что не могла даже раскладывать кушаній по тарелкамъ, присѣла на стулъ и попросила кого-то изъ сестеръ сдѣлать это за нее. Нѣсколько успокоившись, она сказала, что отцу теперь гораздо легче, и что онъ крѣпко заснулъ. Заснула и матушка, такъ какъ въ предыдущую ночь никто изъ старшихъ не раздѣвался.

Мы, дѣти, на этотъ разъ легли спать очень рано. Чуть стало свѣтать, какъ Саша опять вскочила съ кровати и стала громко кричать: «Вставайте, вставайте!» Мы быстро приподнялись съ постелей и стали спрашивать у нея, зачѣмъ она насъ разбудила. «Тише... Тише... Слушайте!...» зашикала она на насъ. Мы стали прислушиваться и были поражены еще болѣе ужаснымъ шумомъ и переполохомъ, чѣмъ въ предыдущую ночь: дверями комнатъ хлопали то и дѣло, въ коридорѣ шла ужасающая бѣготня, что-то безпрерывно вносили и выносили, громко звали по имени то одного, то другого изъ служащихъ; съ противоположнаго конца дома доносились крики, рыданія... Но вотъ на минуту все стихло, затѣмъ послышался топотъ многихъ людей

сразу, точно вносившихъ что-то громоздкое. Когда шумъ нѣсколько стихъ, Саша сказала намъ, что она потихоньку посмотритъ, что все это значитъ.

— Я ни за что не останусь безъ тебя!—кричали мы на всѣ лады, вскочили съ кроватей и кинулись къ ней въ полутемнотѣ. Толкая другъ друга, падая и вновь вставая, мы, наконецъ, поприцѣпились, кто за Сашину рубашку, кто за ея руку, и босые, въ однѣхъ рубашкахъ, выбѣжали въ коридоръ. Дверь залы была закрыта, но снизу изъ-подъ нея блестѣла полоска свѣта. Саша распахнула дверь настежъ, мы вошли и остолбенѣли. Посреди комнаты, на столѣ, уже одѣтый, лежалъ усопшій отецъ, окруженный зажженными восковыми свѣчами. Кто-то изъ насъ пронзительно вскрикнулъ, а за нимъ и всѣ остальные.

Трудно повѣрить, что уже болѣе полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, а эта сцена такъ врѣзалась въ моей памяти, что стоитъ передъ моими глазами, точно это было нѣсколько дней тому назадъ! Мы, босые, въ однѣхъ рубашенкахъ, сбились въ кучу около сестры Саши, кричимъ, рыдаемъ. Въ ту же минуту къ намъ вбѣжала няня и, увидавъ насъ, всплеснула руками; стараясь захватить всѣхъ насъ въ свои распростертыя объятія, она стала рыдать вмѣстѣ съ нами, причитая: «Несчастные вы мои... Сиротки... Горемычныя вы крошки! Молитесь Богу!..» И, падая на колѣни, она увлекла и насъ съ собою. «Ахъ ты, Господи, да вѣдь вы въ рубашенкахъ, босые!.. Идите къ себѣ, идите скорѣе!»... спохватилась она и повела насъ къ двери.

Возвращусь немного назадъ и разскажу о послѣднихъ минутахъ жизни отца. Когда, на другой день послѣ болѣзни, у него снова появилась рвота со всѣми другими признаками холеры, они непрерывно продолжались нѣсколько часовъ сряду и съ такой ужасающей силой потрясли весь организмъ больного, что докторъ нашелъ необходимымъ объявить матери о его крайне опасномъ положеніи. Однако, послѣ продолжительныхъ приступовъ болѣзни, наступило успокоеніе: отецъ сразу почувствовалъ себя лучше и пожелалъ уснуть. До самаго вечера онъ спалъ крѣпко и спокойно, какъ здоровый человѣкъ, такъ что у матери явилась надежда, что докторъ ошибся. Отецъ проснулся часовъ въ 10 вечера, объявилъ, что долженъ имѣть серьезный разговоръ съ матушкою и нянею, и что онъ имѣетъ для этого достаточно силы. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя теперь настолько хорошо, что если бы онъ не видѣлъ сна, то подумалъ бы, что болѣзнь его приняла благопріятный оборотъ. Но онъ видѣлъ сонъ, предвѣщающій ему немедленную кончину, слѣдовательно, матушка не должна питать несбыточныхъ надеждъ на его выздоровленіе.

Предсмертный разговоръ отца няня много разъ передавала намъ и всегда кончала его горькими рыданіями, съ гордостью и умиленіемъ прибавляя, что онъ ее благодарилъ за ея любовь и преданность къ нему и его семейству. Затѣмъ онъ просилъ «не

терзать его попами», такъ какъ часы его жизни сочтены, и онъ обязанъ матушкѣ выяснить ея положеніе.

Отецъ былъ человѣкъ въ высшей степени деликатный: будучи невѣрующимъ, онъ никому не говорилъ объ этомъ, кромѣ матери, и особенно скрывалъ это отъ няни, зная ея глубокую религіозность, а потому, вѣроятно, и въ послѣднюю минуту, не желая призывать къ себѣ священниковъ, объяснилъ это недостаткомъ времени. Затѣмъ онъ обратился къ матушкѣ и сталъ благодарить ее за счастье, которое она ему дала въ продолженіе 20 лѣтъ. Въ эту минуту, по словамъ няни, матушка стала рыдать и, осыпая его руки поцѣлуями, умоляла его сказать ей, почему онъ думаетъ о смерти теперь, когда подкрѣпился сномъ, когда прекратились всѣ болѣзненныя явленія. Тогда онъ разсказалъ ей свой пророческій сонъ: онъ, въ видѣ птицы, леталъ по кладбищамъ, посѣтилъ могилы близкихъ ему людей, а когда опустился на могилу своей матери, оттуда раздался ея голосъ: «Не успѣетъ пѣтухъ прокричать трижды, какъ мы уже свидимся съ тобой, мой любимый сынъ! Приготовь свою жену на горе и лишенія, все разскажи ей откровенно и выпроси у нея прощенье». Тутъ уже и матушка не могла болѣе сомнѣваться въ томъ, что ея любимый мужъ уходитъ отъ нея навсегда, и, рыдая, упала передъ нимъ на колѣни.

Нечего удивляться тому, что видѣнный отцомъ сонъ поколебалъ послѣднюю надежду матушки на его выздоровленіе. Если отецъ, человѣкъ весьма образованный для своего времени, вѣрилъ въ сны, то тѣмъ болѣе такая вѣра понятна въ матушкѣ, которая, хотя и была женщиною съ большимъ природнымъ умомъ, но получила лишь институтское воспитаніе.

Отецъ, потрясенный отчаяніемъ матушки, долго не могъ говорить. Но когда ея раздирающія душу вопли стихли, онъ наконецъ, изложилъ то, что считалъ необходимымъ, т. е. раскрылъ передъ нею картину ея настоящаго матеріальнаго положенія. Оно оказалось крайне плохимъ и запутаннымъ: нѣсколько отдѣльныхъ фольварковъ съ наиболѣе плодородною землею, наилучшія части лѣса, нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ,—все пришлось отцу продать, чтобы покрыть долги. Такимъ образомъ, состояніе наше, которое никогда не было значительнымъ, уменьшилось теперь болѣе чѣмъ вдвое. Кромѣ того, послѣ него оставались долги, матушка должна была уплатить ихъ, слѣдовательно, ей и впредь предстояло продавать по частямъ имѣніе, чтобы удовлетворить кредиторовъ. Отецъ объяснилъ, что послѣ этого у матушки останется лишь имѣніе Погорѣлое—усадьба съ 700 десят. земли и, приблизительно, 70—80 душъ крестьянъ. Онъ не забылъ указать матушкѣ и на то, что тяжелое матеріальное положеніе, въ которомъ она очутится, не дастъ ей возможности нанять опытнаго управляющаго: такому необходимо платить изрядное жалованье, а денегъ у нея совсѣмъ не будетъ. Слѣдовательно, съ этихъ поръ всѣмъ хозяйствомъ матушка должна управлять

сама съ помощью старосты изъ крестьянъ. Обращаясь къ нянѣ, отецъ сказалъ, что онъ разсчитываетъ на то, что она будетъ не только ангеломъ-хранителемъ его дѣтей, но и его жены, что она сдѣлается ея первою помощницею. Въ эту предсмертную минуту отецъ вполнѣ ясно сознавалъ, какое тяжкое бремя онъ оставляетъ въ наслѣдство своей семьѣ, но увѣрялъ матушку, что, какъ только она примется за управленіе помѣстьемъ, ея практическій умъ и дѣловитость подскажутъ ей, что дѣлать, и она навѣрно лучше поведетъ хозяйство, чѣмъ онъ, который растратилъ дѣтское достояніе. Его собственныя слова такъ потрясли его, что онъ долго не могъ говорить и, наконецъ, обратился къ матушкѣ съ послѣднею просьбой: «Дай дѣтямъ образованіе, дай даже въ томъ случаѣ, если бы для этого тебѣ пришлось продать все имущество, а другой мой предсмертный завѣтъ—будь милостива къ крестьянамъ, не унижай своего человѣческаго достоинства до экзекуцій и до жестокихъ расправъ съ ними, никому не позволяй обижать ихъ,—пусть среди нихъ изъ-за тебя не раздаются стоны и проклятія!..»

Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе внятно говорилъ отецъ, останавливался, повторялъ сказанное, наконецъ, помолчавъ довольно долго, точно прислушиваясь къ чему-то, онъ вдругъ приподнялъ руку и, блѣднѣя, съ ужасомъ прошепталъ: «Пѣтухъ, пѣтухъ кричитъ!» Няня съ матушкою стояли подлѣ кровати, боясь пошевелиться, а когда онѣ наклонились надъ умирающимъ, онъ уже не дышалъ.

Если бы я писала повѣсть или романъ, я бы остановилась здѣсь, а не описывала бы другихъ ужасовъ и несчастій, послѣдовавшихъ за смертью моего отца, такъ какъ уже одна эта смерть внесла много горя и лишеній въ жизнь моей семьи. Чувство мѣры, такта и художественнаго чутья помѣшали бы мнѣ изобразить тѣ жестокіе удары судьбы, которые, какъ изъ рога изобилія, одинъ за другимъ, безъ всякой пощады, даже почти безъ передышки, посыпались на голову моей матери. Но моя задача не повѣсть писать, а дать правдивое описаніе жизни моей семьи, а потому я не буду и не желаю смягчать жестокой дѣйствительности.

Еще усопшій отецъ лежалъ на столѣ, когда холера уложила въ постель двухъ моихъ старшихъ сестеръ, изъ которыхъ одной было 19, а другой 18 лѣтъ, и ихъ хоронили одну за другою. Затѣмъ въ три послѣдующія недѣли холера унесла еще четырехъ дѣтей изъ нашей семьи. Итакъ, въ продолженіе мѣсяца съ небольшимъ, у насъ было семь покойниковъ. Впослѣдствіи многіе спрашивали матушку, почему послѣ смерти отца она не уѣхала тотчасъ же въ имѣніе: такимъ отъѣздомъ она, вѣроятно, прервала бы жестокую холерную эпидемію. На это, конечно, былъ одинъ отвѣтъ: съ момента болѣзни отца во весь послѣдующій періодъ не было 3—4 дней безъ тяжелыхъ больныхъ, которыхъ немыслимо было везти по тряской деревенской дорогѣ.

Очень вѣроятно, что развитію холеры въ нашемъ домѣ и тому, что она приняла у насъ такой угрожающій характеръ, помогало то, что за дѣтьми въ тѣ времена былъ вообще весьма плохой уходъ, а въ тотъ періодъ времени, который я описываю, въ нашей семьѣ господствовалъ такой невыразимый безпорядокъ, который сдѣлался причиною воровства и еще новаго величайшаго несчастія для матушки, но о томъ и другомъ разскажу нѣсколько ниже.

Старшіе члены моей семьи были совершенно поглощены уходомъ за больными и хлопотами о похоронахъ, а потому на насъ, здоровыхъ дѣтей, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Мы свободно сообщались съ заболѣвавшими, вбѣгали въ ихъ комнаты, входили къ покойникамъ. До чего присмотръ за нами былъ плохъ, видно уже изъ того, что Леля, этотъ вѣстникъ смерти нашей семьи, такъ внезапно появившійся у насъ, такъ же внезапно и навсегда исчезла съ нашего горизонта. Въ послѣдній разъ ее видѣли въ моментъ выноса тѣла покойнаго отца, а затѣмъ у насъ хватились ее только вечеромъ, когда ложились спать. Нужно помнить, что въ эту минуту холерою заболѣли двѣ мои старшія сестры. Вѣроятно, потому-то и объ исчезновеніи Лели дали знать полиціи лишь черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ это было обнаружено. Какія свѣдѣнія были получены по этому поводу, — у насъ, кажется, объ этомъ никто въ домѣ не справлялся. Тяжкія невзгоды и жестокіе сюрпризы, которые судьба преподносила матушкѣ, могутъ служить оправданіемъ ея индифферентизма къ ребенку, такъ неожиданно посланнаго ей судьбою и относительно котораго она должна была бы быть особенно заботливою.

Кратковременная, но мучительная болѣзнь то одного, то другого члена нашей семьи, смерть и похороны одного за другимъ, не только ошеломили всѣхъ домашнихъ своею неожиданностью, но физически и морально истерзали ихъ. За всѣ эти 4—5 недѣль никто въ домѣ не проспалъ, какъ слѣдуетъ, ни одной ночи; матушка и няня еле передвигали ноги отъ усталости и отчаянія, и всѣ служащіе въ домѣ, истомленные хроническими безсонницами, бѣготнею съ утра до вечера и напряженнымъ уходомъ за больными, бродили измученные и сонные до невѣроятности.

До чего матушка была потрясена горемъ и отчаяніемъ, до чего растерянна и убита, видно изъ слѣдующаго эпизода. Только уже послѣ послѣднихъ похоронъ матушка подозвала няню и спросила ее, откуда доставала она деньги на лѣкарство для больныхъ и на похороны. Она только тутъ вспомнила, что въ ея карманѣ, еще передъ началомъ болѣзни мужа, было очень немного денегъ. Няня сказала ей, что послѣ смерти Николая Григорьевича она пришла къ ней просить денегъ, необходимыхъ, чтобъ заказать могилу, купить гробъ и пригласить духовныхъ лицъ. Матушка вытащила изъ кармана кошелекъ съ нѣсколькими де-

сятками рублей и, подавая ей, сказала: «Дѣлай, какъ знаешь, у меня больше рѣшительно ничего нѣтъ!» Послѣ этого никто ничего не могъ добиться отъ матушки, которая временами не могла даже хорошенько сообразить, о чемъ ее спрашиваютъ. Вслѣдствіе этого за всѣми свѣдѣніями и распоряженіями обращались къ нянѣ, которая волею-неволею все взяла въ свои руки.

Хотя нянѣ удалось упросить поставщиковъ отпускать намъ все въ кредитъ до отъѣзда въ деревню, но оказалось такъ много расходовъ, за которые необходимо было платить немедленно, что ей скоро пришлось подумать о займѣ. Она побѣжала было просить въ долгъ у кого-то изъ нашихъ знакомыхъ, но хозяйка дома, въ открытое окно замѣтивъ ея приближеніе, закричала ей на всю улицу, чтобы она не смѣла близко подходить къ ней, такъ какъ всѣ боятся заразы отъ членовъ нашей семьи. «Точно прокаженные какіе-то сдѣлались! Даже на базарѣ сторонятся нашихъ людей»... жаловалась няня. Когда она потеряла надежду занять деньги у знакомыхъ, она рѣшилась отправиться къ священнику и просить его одолжить хотя небольшую сумму, но увѣрена была въ его отказѣ, такъ какъ онъ за свои услуги и безъ того обѣщалъ ждать, пока матушка сама не найдетъ возможнымъ уплатить ему. Но вдругъ, на улицѣ, она неожиданно столкнулась съ сыномъ купца Сидорова, въ домѣ котораго она служила до поступленія къ намъ и няньчила его младшихъ братьевъ и сестеръ. Хотя онъ былъ тогда еще подросткомъ и съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но они тотчасъ узнали другъ друга. Молодой Сидоровъ зазвалъ ее въ лавку своей жены. Няня узнала отъ него, что онъ женился на дочери одного изъ нашихъ городскихъ купцовъ, получилъ за женою лавку въ нашемъ городѣ, куда только что и переѣхалъ. Жилъ онъ пока у родственниковъ жены, но рѣшилъ купить здѣсь домъ для себя. Ему уже говорили о томъ, что матушка будетъ продавать свой домъ, онъ хотѣлъ начать переговоры съ нею по этому поводу, но, въ виду холеры въ нашей семьѣ, его уговорили подождать. Такимъ образомъ, прежде даже, чѣмъ моей матери могла придти мысль о продажѣ собственнаго дома, обыватели города уже рѣшили за нее, что это будетъ ею сдѣлано. Няня подтвердила, что, вѣроятно, это такъ и будетъ, но пока просила его ссудить ей небольшую сумму, увѣривъ его, что, если онъ не сойдется съ матушкою въ цѣнѣ, онъ все-таки сполна получитъ свои деньги, такъ какъ въ такомъ случаѣ на уплату долговъ будетъ что-нибудь продано изъ имѣнья. За честность матушки ему поручились въ лавкахъ, гдѣ мы забирали провизію, и онъ далъ денегъ взаймы, разсчитывая, что матушка изъ-за этого будетъ уступчивѣе при продажѣ ему дома.

Разсказывая все это, няня не упустила случая, чтобы, по своему обыкновенію, не указать на милосердіе Господа Бога, «который все же не оставилъ насъ въ такую тяжелую минуту». Но матушка при этомъ пришла въ такое негодованіе, разрази-

лась такимъ потокомъ богохульствъ и проклятій судьбѣ, что няня, успокаивая ее всѣмъ, чѣмъ только могла, наконецъ, начала стращать ее тѣмъ, что она накличетъ новую бѣду. И причину новаго несчастія, разразившагося надъ моею семьей, притомъ черезъ нѣсколько часовъ, няня, хотя и не высказывала этого въ глаза матушкѣ, очевидно, приписывала ей, какъ тяжко провинившейся передъ Богомъ своими богохульствами и проклятіями.

— Чѣмъ пугать меня такими страстями, поди-ка лучше посни,—вѣдь ты на ногахъ еле держишься!...—сказала матушка совершенно измученной нянѣ, на долю которой напряженной работы за больными, бдѣнія по ночамъ, бѣготни, заботъ и хлопотъ выпадало всегда больше, чѣмъ другимъ.

Шелъ третій или четвертый день послѣ послѣднихъ похоронъ: больныхъ въ домѣ не было, и старшіе рѣшили хорошенько отдохнуть, чтобы немедленно начать укладку для окончательнаго переѣзда въ деревню.

Въ Погорѣлое уже былъ отправленъ верховой, чтобы дать знать крестьянамъ о пріѣздѣ съ телѣгами для перевозки всего нашего городского имущества. Няня, прежде чѣмъ уйти въ свою комнату, распорядилась, чтобы горничная затопила всѣ печи. Несмотря на то, что наступилъ уже Іюнь, въ этотъ день было очень холодно. Горничная получила приказаніе не выходить ни на минуту изъ комнатъ, не бѣгать въ людскую и присматривать за младшими дѣтьми; то же должны были дѣлать и мои старшія сестры. Двое моихъ братьевъ ушли изъ дому, а мы, дѣвочки, усѣлись въ одной комнатѣ. Но мои сестры, Аня 13-ти и Саша 12-ти лѣтъ, которыя оказывались теперь старшими, прилегли на постель и скоро уснули. Тогда я и моя семилѣтняя сестра, Нина, стали бѣгать по незанятымъ комнатамъ. Когда горничная увидала, что матушка и няня спятъ, что заснули и мои старшія сестры, она, несмотря на приказанія, преспокойно ушла въ людскую. Мы съ Ниной надумали дѣлать стирку бѣлья для нашихъ куколъ: достали чашку, налили въ нее воды и принялись за дѣло. Но вотъ Нина объявила, что уже кончила мытье бѣлья и будетъ его сушить. Придерживая руками свои мокрыя тряпочки, она стала сушить ихъ у открытой печки, пылавшей въ ту минуту яркимъ огнемъ. Вдругъ она отчаянно закричала. Когда я подняла голову отъ своей работы, легкое бумажное платье сестры пылало на ней, и она съ пронзительнымъ крикомъ понеслась въ другую комнату. Я побѣжала за ней и упала безъ чувствъ. Въ сознаніе я пришла уже на кровати, какъ мнѣ казалось тогда, отъ страшной боли въ желудкѣ, которая сводила всѣ мои члены. Затѣмъ послѣдовала рвота и появились другіе признаки холеры. Ускорилъ ли появленіе злостной эпидеміи испугъ, или она уже раньше таилась въ моемъ организмѣ и проявилась сама собой, не съѣла ли я чего-нибудь неудобоваримаго въ ту минуту, когда мы съ сестрой оставались

безъ присмотра,—неизвѣстно; только съ этой минуты я сильно занемогла. Отчаянно заболѣвшая Нина лежала въ другой комнатѣ.

По разсказамъ матушки и няни, когда обѣ онѣ, пробужденныя нашими криками, вбѣжали въ залу, мы съ сестрой лежали на полу: одна у одной, другая—у противоположной двери; я была безъ чувства, а Нина захлебывалась отъ рыданій, но была въ сознаніи,—платье на ней продолжало тлѣть, а кое-гдѣ и вспыхивало искорками. Хотя докторъ явился немедленно, но Нина получила такіе тяжелые ожоги, а испугъ такъ потрясъ ея организмъ, что она въ концѣ того же дня уже стала бредить и не приходила въ сознаніе до самой смерти, наступившей черезъ нѣсколько дней.

Послѣ похоронъ Нины, этихъ уже восьмыхъ похоронъ въ нашемъ семействѣ меньше чѣмъ за полтора мѣсяца, я продолжала лежать въ кровати въ крайне опасномъ положеніи.

Не знаю, какъ въ то время лечили отъ холеры въ другихъ домахъ, но нашъ докторъ, между прочимъ, практиковалъ у насъ такой способъ: изъ постели вынимали перины и подушки и больного, обернутаго въ одну простыню, клали на раму кровати, затянутую грубымъ полотномъ. Сверху больного укрывали множествомъ нагрѣтыхъ одѣялъ и перинъ, въ ноги и по бокамъ его клали бутылки съ кипяткомъ, крѣпко закупоренныя и обернутыя въ тряпки, а подъ кроватью, т. е. подъ полотномъ рамы кровати, въ огромномъ мѣдномъ тазу лежалъ раскаленный кирпичъ, который то и дѣло поливали кипящею водою съ уксусомъ. Такимъ образомъ больной вдыхалъ горячій уксусный паръ, который вмѣстѣ съ теплыми покрышками долженъ былъ согрѣвать его холодѣющее тѣло.

Не помню, какъ долго продолжалась моя болѣзнь, забыла и то, мучительны или нѣтъ были мои страданія, но у меня остался въ памяти только вотъ какой моментъ: на меня вдругъ напало какое то оцѣпененіе, такъ что я не могла пошевельнуться, не могла отвѣчать на вопросы няни. Вдругъ я почувствовала, что она растираетъ мнѣ то ноги, то руки, безпрестанно наливаетъ на раскаленный кирпичъ кипятокъ съ уксусомъ, и ея горячія слезы падаютъ мнѣ на лицо. Она умоляетъ меня сказать хотя одно слово, умоляетъ хотя кивнуть головой, если я ее слышу, а я все слышу, что она говоритъ, все вижу, что она дѣлаетъ, но остаюсь неподвижною, нѣмою и равнодушною. Не помню, молчала ли я потому, что немогла исполнить ея просьбы, или не хотѣла этого сдѣлать по упрямству. Тогда она, не отходя отъ меня, громко позвала матушку, которая быстро вошла въ комнату, присѣла къ моей кровати, положила руку на мой лобъ и проговорила: «умираетъ!»

— Боже упаси!—закричала няня въ какомъ-то изступленіи.—Мы ее ототремъ... Какъ же такъ? Непремѣнно ототремъ!... Зовите, зовите доктора, зовите же, матушка-барыня, поскорѣе!

— Ахъ, не кричи ты, пожалуйста!—съ досадой проговорила

матушка и затѣмъ въ какомъ-то раздумьѣ, покачивая головой, нѣсколько разъ повторила: «девятый покойникъ! девятый покойникъ! Что же... Пусть умираетъ! и оставшихся нечѣмъ кормить!»

О, зачѣмъ, зачѣмъ были произнесены слова: «пусть умираетъ!» Зачѣмъ они дошли до моего слуха! Они надолго остались выгравированными въ моемъ мозгу и, какъ раскаленные уголья, жгли мое сердце. Во всѣ моменты не только моей дѣтской, но даже отроческой жизни, какъ только случалась со мной какая-нибудь невзгода, я припоминала ихъ и еще болѣе чувствовала себя несчастною. Эти слова, до глубины значенія которыхъ я такъ долго не могла додуматься, то и дѣло приходили мнѣ на память, окрашивали всѣ обстоятельства моей жизни въ еще болѣе мрачный цвѣтъ, заставляли меня отыскивать индифферентизмъ матери ко мнѣ даже тамъ, гдѣ его не было и слѣда, порождали въ моей душѣ настоящую зависть къ окружавшимъ меня дѣтямъ нашихъ сосѣдей: мнѣ всегда казалось, что каждаго изъ нихъ любятъ больше, чѣмъ меня, и это заставляло меня мучительно страдать. Чѣмъ болѣе я подрастала, тѣмъ чаще съ невыразимою тоскою и болью въ сердцѣ, точно жалуясь кому-то на величайшую несправедливость, на незаслуженное горе, мои уста шептали, помимо моей воли: «моя мать, моя родная мать желаетъ моей смерти! Моя мать, моя родная мать меня не любитъ!» Мое дѣтство вообще роковымъ образомъ сложилось въ высшей степени печально, а эти неосторожныя слова лишь усиливали его горечь, толкали мою дѣтскую фантазію на изобрѣтеніе неимовѣрно нелѣпыхъ исторій, что причинило не только мнѣ, но и моей матери не мало огорченій. Я придала словамъ «пусть умираетъ» несравненно болѣе узкій, жестокій смыслъ относительно меня, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности. И это натурально: я была въ то время слишкомъ мала и совсѣмъ еще не понимала того, что они могутъ вырываться и изъ материнскаго сердца, переполненнаго любовью... Очень возможно, что у матушки эти слова сорвались отъ страха за новую утрату, но я не понимала и не могла понять въ то время этого. Не могла я понять и всей глубины горя, постигшаго мою мать, всего ужаса ея положенія.

Доказательство неосновательности моей обиды я могла бы найти хотя въ томъ, что во время моей болѣзни ко мнѣ постоянно ходилъ докторъ, между тѣмъ въ то время для матушки былъ дорогъ каждый грошъ, что для моего спасенія были приняты всевозможныя мѣры... Но я ни въ ту минуту, ни гораздо позже ничего не хотѣла слышать, ни о чемъ не хотѣла думать, кромѣ тѣхъ роковыхъ словъ, и даже изъ нихъ брала только одну фразу: «пусть умираетъ!», а послѣдующую: «мнѣ ихъ нечѣмъ кормить!» я опускала, не понимая ея значенія, да она и не нужна была мнѣ для моихъ горькихъ размышленій и душевныхъ терзаній, для моихъ гнѣвныхъ чувствъ, для злобныхъ вспышекъ противъ матери, разрывавшихъ на части мое сердце. Своими неосторожными

словами матушка нанесла мнѣ смертельную обиду, которая во времена моего злополучнаго дѣтства нерѣдко не только давила мнѣ грудь, но плодила между нами множество недоразумѣній, которыя проявлялись бы въ еще болѣе безобразной формѣ, если бы безконечно добрая няня не употребляла всевозможныхъ средствъ, чтобы смягчать наши взаимныя отношенія.

Однако, пора возвратиться къ изложенію семейныхъ событій.

Наконецъ, докторъ объявилъ, что моя болѣзнь не представляетъ болѣе опасности для моей жизни, но я была еще очень слаба и не могла ходить: меня выносили въ другую комнату и усаживали на диванъ среди подушекъ. Дѣлали это, вѣроятно, для того, чтобы я не скучала одна, безъ няни: въ домѣ у насъ началась лихорадочная укладка для окончательнаго переѣзда въ деревню.

Когда въ первый разъ меня перенесли въ залу и усадили, меня поразили монотонные звуки, раздававшіеся изъ кабинета покойнаго отца. Няня объяснила мнѣ, что «божественное» читаютъ по «дорогимъ нашимъ покойничкамъ», что на дняхъ будетъ уже 6 недѣль послѣ смерти моей старшей сестры, и что тогда чтица будетъ отпущена. Она сообщила, что у насъ не одна, а двѣ сестры чтицы для того, чтобы смѣнять одна другую: когда одна уставала, спала или обѣдала,—ее замѣняла другая, чтобы чтеніе по усопшимъ продолжалось непрерывно день и ночь. Няня говорила все это отрывочно, такъ какъ постоянно выбѣгала изъ комнаты, чтобы внести для укладки ту или другую вещь. Вдругъ нѣсколько нашихъ слугъ съ крикомъ «воровство! воровство!» вбѣжали въ залу, а за ними то и дѣло входили другіе. Когда матушка, привлеченная шумомъ, вошла къ намъ, они заявили, что, прежде, чѣмъ укладывать вещи, они стали кое-что провѣрять. Оказалось, что раскрадена не только огромная часть серебра и золотыхъ вещей, но не хватало многаго изъ бѣлья и верхней одежды. Наши служащіе высказали подозрѣніе на чтицъ, двухъ молодыхъ дѣвушекъ, дочерей пономаря, приглашенныхъ для чтенія по усопшимъ. Когда въ домѣ поднялась суматоха, одна изъ чтицъ читала, а другая въ это время у насъ же спала въ людской. Люди сами распорядились, чтобы онѣ какъ-нибудь не вышли изъ дому, а няня немедленно отправилась доложить объ этомъ полицмейстеру, который принялъ ее очень ласково и просилъ передать матушкѣ, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ дворяне города и окрестныхъ мѣстностей, если она можетъ ихъ принять, немедленно пріѣдутъ выразить ей соболѣзнованіе о постигшихъ ее великихъ несчастіяхъ, что раньше они не могли этого сдѣлать, чтобы не разносить эпидемію, а что теперь всюду какъ у насъ, такъ и въ городѣ холера прекратилась. Чтобы доказать свою готовность помочь матушкѣ, онъ, пригласивъ съ собою няню и полицейскихъ, отправился въ домъ пономаря. Очень скоро кое-что изъ украденнаго было найдено въ сундукѣ моло-

дыхъ дѣвушекъ, а когда туда же съ полицейскимъ привели и двухъ сестеръ, онѣ немедленно сознались во всемъ и объяснили, что ежедневно уносили что-нибудь изъ нашего добра, но что большую часть украденныхъ вещей онѣ уже сбыли на базарѣ, на который въ то время съѣзжался всякій людъ: и крестьяне, и мелкіе торговцы. Родители дѣвушекъ прибѣжали къ матушкѣ и бросились передъ нею на колѣни, умоляя ее не губить семью. Матушкѣ не было даже смысла преслѣдовать ихъ, такъ какъ украденное въ то время очень рѣдко находилось. Матушка во всемъ обвиняла только себя: отецъ ни во что не вѣрилъ, слѣдовательно, ни для него, ни для усопшихъ ея дѣтей не зачѣмъ было выполнять этого обряда.

Наконецъ, злой рокъ, казалось, утомился вырывать изъ нашей семьи то одну, то другую жертву, и всѣ несчастія на время прекратились. Домъ былъ проданъ купцу Сидорову, и проданъ безъ убытка, т. е. за ту же цѣну, за которую его пріобрѣлъ покойный отецъ. Если бы не деньги, полученныя за него, намъ немыслимо было бы выѣхать изъ города, столько у насъ накопилось долговъ за это время болѣзней и смертей. За уплатою городскихъ долговъ, у матушки оставалось лишь нѣсколько десятковъ рублей, съ которыми она должна была начать новое хозяйство. Укладка вещей продолжалась нѣсколько дней, и при этомъ всѣ были заняты съ утра до поздняго вечера,—приходилось все забирать съ собою, такъ какъ мы навсегда разставались и съ городомъ, и съ нашимъ городскимъ домомъ.

Наше помѣстье Погорѣлое находилось въ 70 верстахъ отъ города, въ которомъ мы проживали. Чтобы перевезти нашихъ лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, горничныхъ, прачекъ, а также насъ самихъ, все наше добро и городскую обстановку, намъ прислано было множество телѣгъ съ лошадьми. Хотя штатъ нашей прислуги, какъ мнѣ говорили, всегда былъ меньше, чѣмъ у другихъ, но, по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ, онъ все-таки былъ чрезвычайно многолюденъ. Лошадей и людей было много прислано и оттого, что дороги въ то время вообще были крайне плохи, вслѣдствіе этого нельзя было слишкомъ тяжело нагружать возы, да и сами по себѣ они были крайне малы. Нужно имѣть въ виду и то, что домашній скотъ въ С . . . ской губ. отличался малорослостью и слабосиліемъ: когда я уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого проѣзжала по захолустьямъ этой губерніи, я принимала коровъ за телятъ, а рабочихъ лошадей за жеребятъ: такой жалкій, захудалый, малорослый домашній скотъ встрѣчала я всюду въ нашихъ краяхъ.

Для путешествія «господской семьи» былъ присланъ изъ деревни дормёзъ, представлявшій нѣчто въ родѣ громаднѣйшей, первобытной кареты: на огромныхъ высокихъ колесахъ стоялъ неуклюжій ящикъ чуть не исполинскихъ размѣровъ. Снаружи онъ былъ обтянутъ побурѣвшею и растрескавшеюся кожею, прибитою къ доскамъ простыми гвоздями, проржавѣвшими отъ времени, а по бокамъ дормёза, или, какъ мы его называли, «Ноева

ковчега», были сдѣланы отверстія. Въ дурную погоду эти отверстія или окна закрывались сукномъ, а въ хорошую погоду тяжелыя суконныя полосы прикрѣплялись надъ отверстіями. Внутри этотъ экипажъ былъ обитъ (конечно, руками доморощенныхъ обойщиковъ изъ крестьянъ) сѣрою матеріею, положенною на вату и простеганною въ пяльцахъ руками крѣпостныхъ дѣвушекъ.

Какихъ только мѣшечковъ, кармашекъ и отдѣленій не было прикрѣплено къ обивкѣ этого экипажа внутри! Въ немъ были устроены карманы для полотенецъ личныхъ и чайныхъ, помѣщенія для бутылокъ съ квасомъ и молокомъ, для кружекъ, для спичечницы, мыльницы, гребешковъ, щетокъ; большіе мѣшки предназначались для провизіи. Несмотря на то, что объемистые бока дормёза были унизаны помѣщеніями для дорожныхъ принадлежностей и провизіи, во всѣхъ углахъ еще стояли ящики съ провизіей, а узелки и мѣшечки съ разнообразнымъ жаркимъ и печеньемъ подвѣшивались къ потолку экипажа. Тамъ, гдѣ дорога была убійственно плоха, этотъ экипажъ встряхивало до основанія, и тогда съ верха и боковъ дормёза срывались съ своихъ мѣстъ бутылки и узлы, и все это летѣло на головы путешественниковъ. Низъ экипажа внутри былъ устланъ сѣномъ, а сверху лежали перины и подушки. Лежать въ этомъ экипажѣ было удобнѣе, чѣмъ сидѣть, такъ какъ даже взрослый мужчина могъ вытянуться въ немъ во всю длину. Но не каждому удавалось вылежать всю дорогу. Когда чувствовалась потребность посидѣть, приходилось изобрѣтать новый порядокъ: узлы, ящички и картонки отодвигались въ сторону, а сидѣнье устраивалось изъ подушекъ и одѣялъ.

Къ невообразимой суматохѣ, господствовавшей въ нашемъ домѣ во время сборовъ въ деревню, присоединились еще хлопоты по заготовкѣ провизіи на дорогу: 70 верстъ до деревни мы должны были сдѣлать въ два дня, но для этого заготовляли цѣлые вороха всякой снѣди, какъ будто предназначенной для прокормленія огромнаго полка, выступавшаго въ походъ. Наканунѣ, уже съ ранняго утра, то поваръ вносилъ въ залу готовые бисквиты въ бумажныхъ коробкахъ, и по комнатамъ проносился запахъ жженой бумаги, то горничная входила съ блюдомъ булочекъ разнообразной формы или съ жареными гусями, курами, цыплятами. А какихъ только пирожковъ не заготовляли для этого случая! Тутъ были и пирожки съ морковью, картофелемъ, фаршемъ, и пирожки, въ которыхъ запекалось по цѣлому маленькому цыпленку.

Несомнѣнно, что въ прежнія времена «господа» ѣли гораздо больше и гораздо чаще, но даже, если и это принять въ разсчетъ, все же непонятно, зачѣмъ все это дѣлалось въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ, особенно въ нашей семьѣ, въ то время, когда въ домѣ былъ такой недостатокъ въ деньгахъ. Матушка разрѣшала этотъ вопросъ очень просто: «всѣ такъ дѣлали», къ тому же, кромѣ ѣды, и дѣлать-то въ прежнее время помѣщи-

камъ нечего было, а главное нужно помнить и то, что птица, масло, сметана и другія деревенскія сбереженія или не имѣли сбыта, или цѣнились такъ дешево, что ихъ не стоило продавать.

Наступилъ и день отъѣзда. Все запаковано и уложено; вся улица передъ нашимъ домомъ запружена подводами съ сидящими уже на нихъ людьми и съ возами нашихъ вещей; дормёзъ у крыльца. Городская квартира совершенно пуста; торопливо ставятъ въ уголъ нарочно принесенный откуда-то столикъ, покрываютъ его чистой салфеткою, въ уголъ прилаживаютъ образъ, прикрѣпляютъ къ нему восковую свѣчу, и няня подводитъ насъ, дѣтей, къ нему со словами: «Помолитесь боженькѣ, помолитесь на дорожку!“ Въ эту минуту вошла матушка, встала сзади насъ и вдругъ со стономъ упала на колѣни.

— Боже! за что же, за что все это? — отчаянно рыдая, вскричала она, ломая руки, затѣмъ быстро поднялась и направилась въ кабинетъ мужа, перешла въ комнату только-что умершихъ дочерей и сыновей, и отовсюду раздавались ея разрывающіе душу не то вопли, не то отчаянные крики, вылетавшіе изъ глубины сердца, возмущеннаго несправедливостью судьбы. Мы, дѣти, прижались къ нянѣ и плакали вмѣстѣ съ нею. Но вотъ безумныя рыданія матушки стихли, она вошла къ намъ съ лицомъ, искаженнымъ душевною мукою, покрытымъ багровыми пятнами, съ глазами, опухшими отъ слезъ и разсѣянно блуждавшими; ея грудь судорожно подымалась отъ внутренняго волненія, и она прислонилась къ стѣнѣ, но вдругъ схватилась рукою за сердце, нечеловѣческій крикъ вырвался изъ ея груди, и она рухнула на полъ безъ чувствъ.

Жгучая, страстная любовь къ матери обожгла мое дѣтское сердце, я хотѣла было броситься къ ней, чтобы цѣловать ея ноги, просить у нея прощенія за то, что еще такъ недавно я не любила ее, ее — такую несчастную, но мои слабыя отъ болѣзни ноги покачнулись, и няня еле подхватила меня. О, отчего я не могла тогда рыдать на груди моей несчастной матери! Эти слезы, можетъ быть, заставили бы меня забыть навсегда тѣ роковыя слова, я скорѣе поняла бы всю глубину ея несчастья, поняла бы, что, будучи еще молодой, здоровой, красивой женщиною 36 лѣтъ, она уже навѣки прощалась со счастьемъ всей своей личной жизни, и моя обида противъ нея скорѣе бы улеглась!.. Но этого не случилось: я была слишкомъ слаба, чтобы подойти къ ней, да и около нея уже суетилось нѣсколько человѣкъ. Откуда-то достали кровать, уложили на нее матушку, давали ей что-то нюхать, обливали ее водою, но не могли привести въ чувство, и няня послала за докторомъ. Но и его старанія оказались такъ же безуспѣшными, и матушка не приходила въ себя. Тогда докторъ отправилъ къ себѣ за кресломъ, усадилъ въ него, съ помощью людей, безчувственную матушку, обнажилъ ея руку и пустилъ ей кровь. Матушка открыла глаза и пришла въ себя. Когда кровопусканіе было окончено и рука забинтована, докторъ

приказалъ положить ее на постель и присѣлъ къ ея кровати. Онъ объявилъ ей, что она не должна предпринимать путешествіе въ деревню ранѣе нѣсколькихъ дней, въ продолженіе которыхъ онъ долженъ слѣдить за ея здоровьемъ, и посовѣтовалъ ей, во избѣжаніе подобныхъ обмороковъ, ежегодно пускать себѣ кровь.

Къ несчастью, матушка послушалась этого совѣта и стала ежегодно пускать себѣ кровь, сначала разъ въ годъ, а потомъ и два. Нужно замѣтить, что она, несмотря на свой 36-лѣтній возрастъ, несмотря на множество рожденныхъ ею дѣтей, неизмѣнно отличалась превосходнымъ здоровьемъ. Она не только никогда не хворала, но каждый разъ даже послѣ родовъ, какъ она намъ сказывала, не лежала въ постели болѣе 2—3-хъ часовъ, и въ тотъ же день продолжала прерванную дѣятельность, т. е. шила для дѣтей или учила кого-нибудь изъ нихъ, однимъ словомъ, дѣлала все то, что и въ обыкновенное время. Этотъ обморокъ случился съ нею въ первый и послѣдній разъ въ жизни, но какъ только она стала прибѣгать къ кровопусканіямъ, она, несмотря на въ высшей степени дѣятельную жизнь въ деревнѣ и большой моціонъ, стала чрезмѣрно толстѣть. Черезъ лѣтъ десять она уже выглядѣла старухою и стала чрезвычайно толстою, такъ что расхаживать по полямъ и лугамъ, какъ дѣлала это въ первые годы своей самостоятельной жизни въ деревнѣ, уже не могла и ѣздила въ карафашкѣ. Когда приближался срокъ кровопусканія, у ней начинались приливы крови къ головѣ, и она чувствовала недомоганіе. Только послѣ многихъ лѣтъ такого способа леченія одинъ докторъ убѣдительно доказалъ ей вредъ для нея кровопусканія, и она, наконецъ, рѣшилась покончить съ нимъ.

Продолжаю прерванный разсказъ. Какъ только докторъ удалился, матушка не позволила распрягать лошадей, а, полежавъ очень недолго, приказала всѣмъ выходить на крыльцо, чтобы отправляться въ дорогу.

Нашъ переѣздъ въ деревню скорѣе походилъ на «великое переселеніе народовъ», чѣмъ на переселеніе семьи въ деревню за 70 верстъ. До 20 телѣгъ, нагруженныхъ нашимъ имуществомъ, были разставлены другъ за другомъ. Послѣднія изъ нихъ были заняты служащими съ привязанными позади городскими коровами. Лошади дормёза были увѣшены бубенцами, а къ дугѣ коренника подвѣсили большой и звонкій колоколъ; три лошади этого экипажа были запряжены къ ряду, тройкой, и ими управлялъ кучеръ; но едвали одна тройка могла бы стащить такую махину, какъ «Ноевъ ковчегъ», а потому въ него были впряжены еще двѣ лошади впереди, и ими управлялъ крестьянинъ, сидѣвшій верхомъ на одной изъ нихъ. Можно себѣ представить, какой раздался шумъ, визгъ, трескъ, звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ, когда всѣ лошади тронулись въ путь.

Низъ нашего первобытнаго экипажа былъ устланъ перинами, подушками и покрытъ одѣялами. Матушка улеглась съ одного края; подлѣ нея положили меня, возлѣ примостилась няня,

а противъ насъ усадили двухъ братьевъ и двухъ сестеръ. Моему старшему брату Андрюшѣ было въ то время 14 лѣтъ,—онъ былъ кадетомъ полоцкаго корпуса и пріѣхалъ домой на лѣтніе каникулы; сестрѣ Аннѣ было 13 лѣтъ, Сашѣ—12, Зарѣ (Захару)—9 лѣтъ, я была самою младшею. Такимъ образомъ у матушки было теперь всего 5-ть человѣкъ дѣтей.

Вначалѣ дорога шла весьма сносная, и мы подвигались довольно быстро. Няня всѣхъ одѣлила орѣхами: братья и сестры щелкали и перегрызали ихъ собственными зубами, выбрасывая шелуху за оконца, открытыя по случаю прекрасной лѣтней погоды. Матушка лежала неподвижно, не произнося ни одного слова и не обращая на окружающихъ никакого вниманія; я тоже лежала покойно около нея на своей перинѣ. Вѣроятно, чтобы вознаградить меня за то, что я не могла грызть орѣховъ—занятіе весьма любимое всѣми нами, няня то и дѣло наклонялась ко мнѣ съ вопросомъ: «не хочешь ли булочки?... А пирожка?» и прежде, чѣмъ получить на это мое согласіе, клала у моего рта какую-нибудь снѣдь со словами: «Попробуй-ка, такъ во рту и таетъ!» Но, замѣтивъ, что я не льщусь ни на пирожки, ни на булки, она стала подкладывать тянушки—неотразимый соблазнъ для всѣхъ насъ-дѣтей и приготовленіемъ которыхъ славился нашъ поваръ. Чтобы избѣжать ея угощеній, я перевернулась на другой бокъ, но, такъ какъ въ эту минуту экипажъ покачнулся, я стукнулась головою о забинтованную руку матушки.

— Возьми ты ее прочь отъ меня,—сказала она нянѣ, которая тотчасъ отодвинула меня и положила подушку стоймя между нами.

Но вотъ кочки и выбоины стали чаще попадаться по дорогѣ, и мы то и дѣло получали толчки. Матушка, только что перенесшая внезапный обморокъ и кровопусканіе, вѣроятно, сильно страдала, такъ какъ у нея отъ времени до времени вырывались тяжелые стоны. Няня, всегда опасавшаяся ея вспышки, все чаще останавливала старшихъ дѣтей, громко разболтавшихся между собой. Но это не подѣйствовало на Андрюшу, который сталъ увѣрять, что тряска экипажа только помогаетъ ему разгрызать орѣхи. Въ эту минуту экипажъ сталъ сотрясаться безъ передышки. Андрюша, желая на дѣлѣ показать справедливость своихъ словъ, вскочилъ съ своего мѣста, продолжая щелкать орѣхи. Вдругъ «Ноевъ ковчегъ» встряхнулся до основанія, Андрюша схватился рукой за тесьму, придерживавшую бутылку съ квасомъ, нечаянно сорвалъ ее съ мѣста, она разбилась, и квасъ выплеснулся на наши ноги. Матушка гнѣвно приподнялась съ своего мѣста, приказала кучеру остановиться и вкатила брату тяжеловѣсную оплеуху со словами: «Болванъ! Разучился благопристойно держать себя въ присутствіи матери! Маршъ на телѣгу съ людьми».

Возвратившись изъ корпуса на каникулы, братъ Андрей старался держать себя уже взрослымъ. Помогало этому то, что, вслѣдствіе смерти старшихъ братьевъ и сестеръ, онъ оказывался

теперь старшимъ членомъ семьи, а можетъ быть, уже такой возрастъ пришелъ, когда подростки любятъ казаться болѣе взрослыми, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, но онъ началъ покрикивать на людей, командовать ими, давать свои приказанія болѣе авторитетно, чѣмъ это дѣлали у насъ взрослые, и тономъ, недопускающимъ возраженій, что такъ ненавидѣла матушка. Очень возможно, что она замѣчала это уже въ городѣ, и ея неудовольствіе на поведеніе сына все расло, но ей было не до того, чтобы каждый разъ рѣзко обрывать его, что было главнымъ правиломъ ея воспитанія. Я только этимъ и могу объяснить матушкину пощечину и изгнаніе на людскую телѣгу 14-лѣтняго юноши,—то и другое даже для нея было слишкомъ безцеремонно и до сихъ поръ не практиковалось въ нашемъ домѣ.

Однако, оплеуха сама по себѣ, какъ много разъ послѣ этого вспоминалъ братъ, еще не была для него особенно оскорбительною, такъ какъ она нанесена была въ присутствіи только членовъ своего семейства: ужаснѣе для него было приказаніе ѣхать въ одной телѣгѣ съ крѣпостными. У кого же въ то время съ раннихъ лѣтъ не было дворянскаго гонора? Братъ много разъ впослѣдствіи вспоминалъ объ этой непріятности, полученной имъ въ дорогѣ, и всегда удивлялся себѣ, что онъ, въ то время заносчивый и задорный, могъ выполнить такое приказаніе. Но матушка была натурой въ высшей степени властной, и едвали возможно было даже и Андрюшѣ, который былъ ея первымъ любимцемъ, не повиноваться ей.

Когда экипажъ, уже безъ брата, пустился въ путь, мы поѣхали рысцой. Однако, кучеръ скоро слѣзъ съ козелъ, подбѣжалъ къ окошечку, около котораго лежала матушка, и просилъ позволенія перемѣнить двухъ уставшихъ лошадей, привязанныхъ сзади къ одной изъ телѣгъ.

Наконецъ, день сталъ склоняться къ вечеру, и мы, чтобы не тратить денегъ за ночлегъ на станціи, остановились при въѣздѣ въ одну деревню и вышли изъ экипажа. Люди вынесли изъ хаты скамейки и столъ, отправились ставить самоваръ, который мы везли съ собой, развязывали провизію и разставляли на столѣ. Когда мы покончили съ чаемъ и закусками, въ виду теплаго вечера, матушка приказала отыскать для братьевъ сѣноволъ для ночлега, а мы всѣ съ матушкою и нянею улеглись въ дормёзѣ. Люди, бывшіе съ нами, устроили между собою смѣну: одни изъ нихъ оберегали лошадей и насъ, другіе спали въ это время, а затѣмъ вставали и дежурили въ свою очередь. Какъ только разсвѣло, насъ разбудили, мы вылѣзли изъ экипажа, началось чаепитіе, и мы снова отправились въ путь. Хотя мы выѣхали очень рано, и всей дороги оставалось верстъ тридцать, но на этотъ разъ предполагалось кормить лошадей въ пути, и насъ ожидалъ знаменитый «Дѣдовъ мостъ», который многіе совершенно правильно называли «Чертовымъ мостомъ». Онъ никогда не былъ мостомъ или былъ имъ въ давно прошедшія вре-

мена, такъ какъ не только въ тотъ періодъ времени, который я описываю, но и черезъ лѣтъ двѣнадцать послѣ этого онъ былъ мало чѣмъ лучше. «Чертовымъ мостомъ» называли извѣстную часть дороги, или, точнѣе сказать, совершенное ея отсутствіе на пространствѣ 3—4 верстъ.

Когда мы рано утромъ тронулись въ путь, справа и слѣва дороги потянулись топкія болотистыя мѣстности, поросшія жалкимъ кустарникомъ; дорога становилась все хуже, и, наконецъ, передъ нами, во всемъ своемъ ужасающемъ величіи, предсталъ «Чертовъ мостъ». Его нельзя было назвать ни мостомъ, ни дорогою, — это просто былъ какой-то непостижимый хаосъ. Иначе трудно опредѣлить эту невыразимую путаницу кое-какъ набросанныхъ и переломанныхъ засохшихъ вѣтвей, щебня, самаго разнообразнаго мусора, камней, всевозможныхъ обрубковъ, дранокъ, палокъ и грязи, грязи безъ конца. Здѣсь и тамъ на этой дорогѣ, называемой «Чертовымъ мостомъ», появлялись то углубленія, то огромныя, топкія лужи, въ которыя проваливались лошади по самое брюхо и вязли колеса экипажа. Здѣсь торчкомъ высовывались оголенные тонкіе стволы обрубленныхъ деревьевъ, тамъ на выдающихся грязныхъ кочкахъ торчали камни, а тутъ же подлѣ зіяла мутная колдобина, блестя на солнцѣ своею зеленоватою грязью. Этотъ хаосъ, эта невообразимая путаница лужъ, трясинъ и гніющихъ древесныхъ массъ образовались потому, что въ этой сырой, топкой и низменной мѣстности никогда не устраивали надлежащей дороги, а подлѣ не было даже канавъ для стока болотной грязи. Когда становой узнавалъ, что тутъ скоро придется проѣзжать архіерею или какому-нибудь важному чиновнику, онъ сгонялъ крестьянъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которымъ принадлежали эти болота, и тогда наскоро чинили «Чертовъ мостъ». Но вся починка состояла въ томъ, что крестьяне привозили къ означенному мѣсту возы хвороста, песку, камней, щебня, наваливали все это по всему пространству и нѣсколько утрамбовывали сваливаемое. И при проѣздѣ важнаго лица эта дорога была очень плоха, но все же лошади не вязли на ней по брюхо, и, хотя съ грѣхомъ пополамъ, тутъ можно было проѣхать. Но черезъ мѣсяцъ - другой послѣ починки, особенно послѣ ливней или зимнихъ оттепелей, «Чертовъ мостъ» принималъ свой обычный видъ. Къ тому же по нашимъ дебрямъ и захолустьямъ важныя лица проѣзжали чрезвычайно рѣдко; чаще это случалось въ зимнее время, когда массы снѣга заметали всѣ ухабы и выбоины, когда замерзали всѣ лужи, — тогда снѣжный покровъ выравнивалъ всю эту адскую мѣстность; только въ такое время года и можно было проѣзжать по «Чертову мосту», не опасаясь вытрясти всѣ внутренности или погубить лошадей и экипажъ.

Прежде чѣмъ нашъ дормёзъ вступилъ въ область «Чертова моста», кучеръ остановилъ лошадей и подошелъ къ окошечку, у котораго лежала матушка. Онъ отрапортовалъ, что лошадь съ первой телѣгою, которую онъ отправилъ впередъ, чтобы испро-

бовать дорогу, уже завязла, что намъ, вѣроятно, долго придется простоять на одномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ долженъ вмѣстѣ съ другими людьми вытаскивать телѣги и поправлять дорогу для проѣзда нашего экипажа. Всѣ бывшіе съ нами люди выскочили изъ телѣгъ, схватили палки и начали вымѣрять ими глубину болотныхъ лужъ и проваловъ, по которымъ предстояло проѣзжать. При этомъ; нѣсколько человѣкъ уже обрубали топорами кустарники и тонкія деревца по бокамъ дороги и наваливали ихъ въ колдобины и лужи; затѣмъ, еще нѣсколько человѣкъ, взявъ длинный брусъ и ставъ съ двухъ сторонъ увязнувшаго воза, запускали его подъ провалившуюся телѣгу, вытаскивая ее изъ грязи, а другіе тащили увязнувшую лошадь. Когда это было окончено, то, прежде чѣмъ тащиться дальше, рѣшено было пустить впередъ всѣ возы, одинъ за другимъ: какъ только одному изъ нихъ приходилось двинуться впередъ по особенно опасному мѣсту, къ нему подбѣгало двое людей и тянули лошадь подъ устцы, направляя ее то вправо, то влѣво. Сами люди все это время оставались въ топкой грязи, безпрестанно проваливаясь по колѣно и даже по поясъ. Такъ какъ передъ нашимъ экипажемъ другъ за другомъ продефилировали до 20 нашихъ возовъ, то все это продолжалось очень долго. Наконецъ, тронулись и мы. И вотъ заскрипѣлъ, завизжалъ и отчаянно застоналъ нашъ «Ноевъ ковчегъ!»... Впереди насъ люди насыпали хворостъ въ углубленіе, такъ какъ предыдущія телѣги при своемъ проѣздѣ уже нѣсколько испортили только что произведенную поправку. Каждую изъ пяти лошадей дормёза держалъ подъ устцы особый человѣкъ, который вытаскивалъ ее при первой попыткѣ увязнуть. А другіе крестьяне, чтобы облегчить тяжесть труда лошадей, схватились за брусья, на которыхъ укрѣпленъ былъ экипажъ, и тащили его впередъ. Общія усилія крестьянъ не остались тщетными, и мы, наконецъ, выпутались изъ перваго затрудненія. Но вся эта «чертова дорога» была убійственная, а такихъ мѣстъ, на которыхъ приходилось набрасывать хворостъ и вытаскивать лошадей, было нѣсколько.

Боже мой! Чего только не было съ «Ноевымъ ковчегомъ» во время этихъ особенно тяжелыхъ переѣздовъ: то онъ вдругъ выкидывалъ удивительное сальто-мортале и при этомъ высокомъ для себя скачкѣ вверхъ онъ трясся, точно живое существо отъ страха передъ чѣмъ-то страшнымъ, то онъ накренялся въ одну сторону, то въ другую, то начиналъ трещать и скрипѣть въ такой степени, что, казалось, мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ разбиты вдребезги. При этомъ мы ударялись о безчисленныя металлическія скрѣпы и гвозди съ внутреннихъ его боковъ. Сильно разбили мы себѣ спины о его брусья сзади, исколотили головы, перебудоражили всѣ внутренности отъ жестокой тряски. Дорожныя вещи, укрѣпленныя по внутренней обивкѣ экипажа, безпрестанно срывались со своихъ мѣстъ и падали на головы сидящихъ.

Наконецъ, адская дорога кончилась: лошади и люди были

измучены до послѣдней степени, а матушка, чтобы дать возможность отдохнуть послѣ этого ада, приказала остановиться у первой деревни, хотя до Погорѣлова намъ оставалось не болѣе 10—12 верстъ.

Мы въѣзжали въ наше помѣстье уже подъ вечеръ. Я совсѣмъ забыла деревню, вѣроятно, потому, что годъ тому назадъ была еще слишкомъ мала, чтобы удерживать что-нибудь въ памяти. Какъ только показались наше огромное, чудное озеро у подножія горы и нашъ, въ то время еще красивый, большой деревенскій домъ, няня приподняла меня съ моего ложа.

— Смотри, смотри, вотъ и наше озеро! А нашъ-то домъ, ишь какъ блеститъ на солнышкѣ,—сущій дворецъ!

Когда меня вынесли изъ дормёза, я встала на ноги и уже больше не ложилась. На крыльцѣ стояли нѣсколько бабъ и крестьянъ съ приношеніями и съ своими ребятами: крестьяне подносили матушкѣ хлѣбъ-соль, бабы—яйца, ихъ дѣти подавали сестрамъ и мнѣ букеты полевыхъ цвѣтовъ, живыхъ зайчиковъ, чуть оперившихся птичекъ.

Матушка, несмотря на свою дѣятельную натуру и на то, что въ первый день пріѣзда у каждой хозяйки много хлопотъ, расхаживала безъ дѣла по комнатамъ, точно въ первый разъ разсматривая ихъ, и слезы градомъ катились по ея щекамъ. Щемило ли ея душу сознаніе, что она впервые, и уже навсегда, вошла въ этотъ домъ одна, безъ мужа, котораго она такъ любила, ужасала ли ее перспектива того, что теперь исключительно на одни ея плечи свалились и тяжесть воспитанія дѣтей, и обязанность привести въ порядокъ совершенно разстроенное хозяйство, это ли или и еще что тревожило ее, но она разсѣянно давала распоряженія и отправилась въ «боковушку»—маленькую комнату дома въ одно окно, а затѣмъ стала звать туда меня и няню. Когда мы вошли, она схватила меня на руки, но я такъ не привыкла къ ея ласкамъ, у меня такъ оторвалось отъ нея сердце изъ-за роковыхъ словъ, что я не закричала только отъ неожиданности. Хотя я не выразила радости отъ того, что она схватила меня на руки, а, напротивъ, силилась соскочить на полъ, но матушка начала осыпать меня поцѣлуями, между тѣмъ какъ неудержимыя слезы падали изъ ея глазъ на мои руки и голову. Она сказала намъ, что предназначаетъ эту комнату для меня съ нянею; такъ какъ я теперь самая младшая въ семьѣ и хворая, то няня и нужна для меня больше, чѣмъ для другихъ, и приказала перенести сюда только наши двѣ кровати. Какъ я была счастлива при мысли, что я буду теперь всегда съ моею милою нянею! Я поняла слова матушки такъ, что она дарила мнѣ няню въ мою полную и неотъемлемую собственность и что няня съ этихъ поръ должна была принадлежать только мнѣ и мнѣ одной.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ размышленій въ Шлиссельбургѣ.

Предлагаемый этюдъ написанъ пять лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургѣ. Подъ нимъ значится точная дата: 16 октября 1902 года.

Лѣтомъ того года В. Н. Фигнеръ, по просьбѣ нѣкоторыхъ товарищей, набросала нѣсколько своихъ воспоминаній. Такъ какъ въ это время мы проводили на воздухѣ цѣлые дни, и такъ какъ мой огородъ былъ смежнымъ съ огородомъ В. Н., и раздѣлявшая насъ рѣшетка забора не мѣшала намъ находиться въ постоянномъ общеніи, то мы условились, что я буду въ огородѣ писать подъ ея диктовку.

И такъ мы начали. Характеризуя движеніе 70-хъ гг. В. Н. выразилась, что оно было политическое, но съ первыхъ же шаговъ „приняло яркую экономическую окраску". Объяснять его происхожденіе не входило въ ея планы. Тѣмъ не менѣе, попутно она удѣлила вниманіе и вліянію литературы, и особенно вліянію заграничной учащейся молодежи.

Это совершенно не вязалось съ моими собственными взглядами на то, что во всякомъ политическомъ движеніи главенствуетъ надо всѣмъ экономическій базисъ. А потому я точно записалъ то, что мнѣ диктовалось, самъ же тѣмъ временемъ обложилъ себя знакомыми мнѣ статистическими справочниками и сталъ строить свою собственную схему происхожденія движенія 70-хъ годовъ.

Въ текстѣ читатель встрѣтитъ кое-гдѣ слѣды того, что я кому-то возражаю. И теперь онъ пойметъ, куда направлялись эти возраженія.

Предавая гласности этотъ этюдъ, написанный въ свое время вовсе не для широкой публики, я самъ прекрасно сознаю всѣ его литературные и тѣмъ болѣе научные недостатки. Еще яснѣе я сознаю и предвижу тѣ возраженія, которыя мнѣ сдѣлаютъ мои идейные противники. Тѣмъ болѣе, что такія возраженія мнѣ уже дѣлались лично еще въ томъ же 1902 году. Досуга у насъ тамъ было много, и пренія на подобныя темы, можно сказать, никогда не прекращались.

Тѣмъ не менѣе я остаюсь при томъ же убѣжденіи и льщу себя надеждой, что будущій историкъ обставитъ ту же мысль болѣе солидно и сдѣлаетъ ее всеобщей и общепризнанной истиной.

Такъ какъ моя статья тогда была слишкомъ перегружена цифрами, то въ интересахъ читателя теперь я выбрасываю все то, что не имѣетъ прямого отношенія къ поставленной въ заголовкѣ задачѣ. Отъ этого статья сократилась на цѣлую треть. Въ остальномъ я по возможности оставляю текстъ безъ перемѣнъ, хотя теперь я могъ бы вооружить себя болѣе богатой аргументаціей.

Изъ области статистики.

(Къ вопросу о происхожденіи движенія 70-хъ годовъ).

„Горячка реформъ заразительна въ революціонныя времена и овладѣваетъ какъ разъ тѣми классами общества, которымъ угрожаетъ гибель ихъ имущества.

(Зола, „Трудъ", стр. 159)

I.

Для уясненія размѣровъ движенія, а отчасти и причинъ, породившихъ ихъ, весьма полезно сдѣлать нѣсколько статистическихъ справокъ. Попутно я думаю отмѣтить въ цифрахъ также ростъ нѣкоторыхъ сторонъ русской соціальной жизни за истекшее тридцатилѣтіе.

„Движеніе 70-хъ гг. приняло яркую экономическую окраску". Иначе и не могло быть въ эпоху, только что произведшую великую экономическую революцію. Крѣпостное *право* пало въ 61 году. Власть помѣщиковъ прекратилась со дня публикаціи манифеста. Крѣпостное же *хозяйство* еще надо было перестроить, а такія вещи не дѣлаются ни въ одинъ день, ни даже въ одинъ годъ. До какой степени медленно исчезаютъ старыя хозяйственныя формы и отношенія, показываетъ, между прочимъ, такой фактъ.

Еще въ 75 г. въ кредитныхъ учрежденіяхъ числилось заложенными около 1 мил. „душъ". Эти души уже 15 лѣтъ были свободными, а давніе владѣльцы ихъ, когда-то заложившіе ихъ въ банкъ, продолжали, какъ ни въ чемъ ни бывало, вносить за нихъ соотвѣтственные проценты.

Послѣ 61 года нужно было не только размежевать владѣнія крестьянина и помѣщика,—нужно было заново устроить все владѣльческое хозяйство на 82 (или 86) м. дес. А громадное большинство помѣщиковъ не имѣло къ тому ни охоты, ни умѣнья. Вотъ почему, несмотря на тотчасъ же объявленныя условія выкупа, громадное большинство предпочло сохранить „временно-обязанныя" отношенія съ крестьянами и только исподволь приступало къ выкупу. Такъ, по истеченіи 5 лѣтъ послѣ реформы, къ вы-

купу приступила едва 1/3 часть бывшихъ крѣпостныхъ, а къ 1871 г. едва половина, и только къ 78 г. на выкупъ перешло ихъ уже 2/3.

Понятно, что такая операція, какъ разверстка владѣній, да еще съ принудительнымъ отчужденіемъ, не могла происходить гладко и все время держала обѣ заинтересованныя стороны въ напряженныхъ или обостренныхъ отношеніяхъ. Понятно, что господами положенія были все-таки бывшіе „господа". А потому, они постарались не въ единичныхъ только, а въ массовыхъ случаяхъ наградить бывшихъ своихъ кормильцевъ землями никуда негодными. Недаромъ же болѣе 10 лѣтъ функціонировалъ спеціально въ виду этого созданный цѣлый институтъ „мировыхъ посредниковъ", не остававшійся, конечно, безъ дѣла. Моя статистика молчитъ о количествѣ „дѣлъ", бывшихъ на разбирательствѣ этого института. Но имѣется характерное указаніе, относящееся уже къ 72—77 гг., что за эти 6 лѣтъ въ 14-ти губ. и въ 49 имѣніяхъ были формѳнные отказы крестьянъ отъ надѣловъ, мотивированные негодностью земли, дороговизной выкупа и черезполосностью владѣній.

Все это время, пока длился переходъ главнаго орудія труда—земли въ руки крестьянъ, на помѣстное сословіе изливался непрерывный золотой дождь, врачевавшій его раны, нанесенныя ему реформой. Это былъ такой *грандіозный наплывъ капиталовъ*, такой осязательный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному (вѣрнѣе—замѣна натуральныхъ доходовъ единовременной денежной выдачей), подобный которому не часто встрѣчается въ исторіи народовъ. По количеству полученная помѣщиками сумма не равнялась, напримѣръ, германской контрибуціи, взятой съ Франціи. Но не нужно забывать, что для страны бѣдной вообще, и бѣдной капиталами въ частности, сумма въ три раза меньшая 5,000 мил. фр. была все еще огромной суммой. Она не могла произвести какого-нибудь переворота въ промышленности только потому, что назначалась прямо въ руки, безусловно неподготовленныя къ производительной дѣятельности, и затѣмъ выдача ея растянулась на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Но въ экономическомъ подъемѣ страны она все же сыграла огромную роль.

Къ 79 году въ руки дворянъ перешло 733 мил. руб. За вычетомъ того, что получили помѣщики 9-ти западныхъ губерній, для коренныхъ русскихъ останутся 573 мил. руб. Здѣсь въ 61 г. считалось 103,158 помѣщиковъ. Но такъ какъ на выкупъ перешло, какъ сказано, только 2/3 крестьянъ, то взявши ту же долю и для помѣщиковъ, можно заключить, что сумму въ 573 мил. руб. получили 68,000 лицъ. Въ среднемъ, это выходитъ только по 8,500 руб. на брата. Но сдѣлаемъ расчетъ болѣе частный.

Такъ какъ эта выкупная сумма (573 м. руб.) дана въ ссуду 5,538,503

крестьянамъ, то каждая крестьянская душа стоила, значитъ, около 103 руб. А по 10-й ревизіи (передъ реформой) почти $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ (3 мил. изъ $10^1/_2$ мил.) были въ рукахъ 1382 владѣльцевъ (по 2,207 душъ на чел.). Если бы всѣ они поспѣшили къ разсматриваемому времени получить выкупныя свидѣтельства, то они составили бы весьма внушительную группу капиталистовъ въ 1382 чел., изъ коихъ каждый получилъ разомъ по 227,000 руб. (103 × 2207). Конечно, всѣ они и получили постольку, но мы не можемъ сказать, одновременно, или нѣтъ. Вторую группу составляли 2421 помѣщикъ, владѣвшихъ каждый по 648 душъ и получившихъ, значитъ, по 66,744 руб. Обѣ эти группы владѣли 4,619 т. душъ (изъ $10^1/_2$ мил.).

Отношенія эти, сказать кстати, пережили крестьянскую реформу и существуютъ навѣрное и понынѣ, только опредѣляются не числомъ душъ, а числомъ десятинъ. Такъ, въ 77—78 гг. у насъ числилось 2,386 чел. (сословіе не обозначено), у коихъ было 37,107 тыс. дес. изъ 91,6 мил. всей владѣльческой земли (не только дворянской). Изъ нихъ 1444 чел. владѣли каждый по 5—10,000 дес., а 944 чел.—по 29,000 дес. на чел. (Въ Англіи только 4 пэра владѣютъ по 30,000 десятинъ; всѣ остальные меньше нашихъ будущихъ пэровъ).

Хотя эти расчеты и распредѣленіе полученныхъ суммъ только приблизительны, но они хорошо иллюстрируютъ ту мысль, какую прекрасную почву для насажденія у насъ капитализма представляла ликвидація крѣпостного права съ надѣломъ земли. Конечно, не всѣ эти деньги попали помѣщикамъ на руки. И напримѣръ, изъ 733 мил. руб. почти 299 мил. руб. пошло въ кредитныя учрежденія на уплату помѣщичьихъ долговъ. Конечно, злые языки прибавляли, что и полученныя на руки деньги были прокучены по заграницамъ. Но первое указываетъ только, что вмѣсто единовременной получки въ 299 мил. руб. помѣщики получили возможность удерживать у себя ежегодно около 18 м. руб., которые они должны были платить въ банкъ въ видѣ % за долги въ 299 мил. руб. Второе же—заграничныя траты—не могутъ подлежать учету. Да при томъ бывали онѣ и прежде, бываютъ и теперь.

Но что нѣкоторая и при томъ значительная доля выкупныхъ суммъ была помѣщена въ промышленныя предпріятія, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. 70-ые годы (начало ихъ), годы революціоннаго подъема, были въ то же время годами небывалаго подъема экономическаго. Тутъ впервые расцвѣла учредительская горячка, встряхнула самые застоявшіеся мозги и показала самымъ заядлымъ домосѣдамъ, какъ легко и скоро при новыхъ порядкахъ можно наживать деньгу, если взяться за дѣло съ умомъ и со „связями“.

Объ этомъ можно судить на основаніи данныхъ объ акціонерныхъ компаніяхъ въ Россіи, которыя я привожу полностью.

Нарицательный капиталъ всѣхъ К^{с}, открывшихся

въ 1799—1854	гг.	=	27,177	т.	руб.
„ 55— 59	„	=	53,240	„	„
„ 60— 64	„	=	18,069	„	„
„ 65— 69	„	=	32,035	„	„
„ 70— 74	„	=	254,161	„	„
„ 75— 79	„	=	138,839	„	„
„ 80— 84	„	=	231,575	„	„
„ 85— 89	„	=	175,360	„	„
„ 90— 94	„	=	236,775	„	„
„ 1895	„	=	129,863	„	„
„ 96	„	=	232,640	„	„
„ 97	„	=	239,324	„	„
въ 9 мѣс. 98	„	=	225,000	„	„

Отсюда безъ всякихъ поясненій видно, что въ годы 70—74 учредительская дѣятельность сразу достигла такихъ размѣровъ, до какихъ не достигала за все послѣдующее 20-тилѣтіе, вплоть до конца 90-хъ годовъ.

Большая часть этихъ капиталовъ ушла на постройку желѣзныхъ дорогъ. Изъ 17,658 верстъ, бывшихъ въ 75 году, 14,092 версты были выстроены въ одно десятилѣтіе 66—75 гг. Стоимость всей этой сѣти = 1,366 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ только 240 мил. руб.

Правда, въ большой энциклопедіи все дѣло представлено въ такомъ видѣ, что вся эта желѣзнодорожная предпріимчивость была раздута правительствомъ, что желѣзныя дороги строились, главнымъ образомъ, на заграничные капиталы, и что акціонерныя компаніи учреждались съ единственной цѣлью заполучить отъ правительства выгодныя концессіи, на которыя оно было необыкновенно щедро. Но здѣсь я не вхожу въ разсмотрѣніе причинъ явленія (оговорюсь только, что такое освѣщеніе дѣла въ энциклопедіи считаю тенденціознымъ), а просто констатирую фактъ усиленной учредительской дѣятельности, направленной, главнымъ образомъ, на желѣзныя дороги. Извѣстно вѣдь, что эта отрасль промышленности до самаго послѣдняго времени остается ареной, на которой „предприниматели“, и при томъ съ громкими именами, входятъ въ интимное соприкосновеніе съ казеннымъ сундукомъ. Не мудрено, что тогда правительство особенно расположено было *потопить политическое недовольство экспропріированнаго сословія въ выгодныхъ денежныхъ аферахъ.*

Другимъ пунктомъ, куда больше всего направлялась въ это время учредительная предпріимчивость, было банковое дѣло.

Въ 64-мъ году открылся первый у насъ акціонерный банкъ коммерческаго кредита:

въ 71 году ихъ было уже 20
„ 73 „ „ „ „ 29
„ 76 „ „ „ „ 36 съ капит. въ 108 м. р.

Обществъ взаимнаго кредита было:

въ 73 г.	46
„ 74 „	73
„ 75 „	84
„ 76 „	91

Первый земельный банкъ открылся въ 64 году, другой въ 66, а въ 71—73 гг. учредилось разомъ 11 акціонерныхъ банковъ и нѣсколько городскихъ кредитныхъ обществъ.

И общества взаимнаго кредита (въ 73 г.), и поземельные банки (въ 78 г.) давали уже по 3 мил. руб. чистой прибыли. Поземельными банками за 14 лѣтъ (64 — 78) было выдано ссудъ 747 мил. руб., изъ коихъ 415 подъ сельскую и 332 подъ городскую недвижимость. Фактъ этотъ показываетъ, какъ велика была жажда въ кредитѣ и какой спросъ на денежный капиталъ существовалъ въ это время.

Третій пунктъ, на который я сошлюсь для характеристики экономическаго подъема 70-хъ гг., это—внѣшняя торговля. Размѣры ея видны изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Въ частности вывозъ хлѣба.
1868	240 м. р.	210	12,2 мил. четв.
69	319 „ „	247	10,2 „ „
70	309 „ „	343	21 „ „
71	345 „ „	352	23 „ „
72	408 „ „	313	15,9 „ „
73	412 „ „	346	20,7 „ „
74	440 „ „	411	26,8 „ „
75	449 „ „	361	22,4 „ „
76	443 „ „	379	25,4 „ „
77 (война)	292 „ „	508	30,5 „ „
78	558 „ „	596	42,2 „ „

Для внѣшней торговли это десятилѣтіе было, можно сказать, совершенно исключительнымъ. Это особенно бросается въ глаза, если сравнить насколько выросла торговля въ слѣдующее затѣмъ 20-тилѣтіе.

Такъ въ 99 г.	ввозъ былъ	594 мил. руб.	вывозъ	601 мил. руб.
„ 900	„	572	„	688 „
„ 902	„	527	„	825 „

т. е. она осталась почти на той же высотѣ, какой тогда достигла. Даже хлѣбный экспортъ въ общемъ увеличился немного.

Всѣхъ хлѣбовъ въ	98 г.	было вывезено	457	мил. п.
„	99	„	344	„
„	900	„	418	„
„	902	„	578	„

т. е. около 40—50 мил. четв.

Очевидно, быстрая постройка жел. дорогъ сдѣлала свое дѣло, т. е. поставила Россію сразу въ связь съ международнымъ рынкомъ и дала ей возможность вдругъ развернуть всѣ свои покупательные рессурсы. Правда, эти цифры до нѣкоторой степени номинальны и для точнаго сравненія нужно бы сдѣлать поправку на курсъ рубля тогда и теперь, да на размѣры таможеннаго обложенія, благодаря которому за ввозъ въ 600 мил. рублей нынѣ населеніе на самомъ дѣлѣ уплачиваетъ 800 мил. руб. Но и безъ такихъ поправокъ эти данныя имѣютъ свое значеніе.

— „Пускай все это такъ,—скажутъ мнѣ,—но какое же отношеніе имѣетъ это къ революціонному движенію?“

И дѣйствительно, историкъ въ родѣ столь популярнаго Сеньобоса, набросаетъ совершенно изолированно очеркъ развитія идей и политическихъ движеній и спокойно замѣтитъ потомъ, что съ этимъ совпали *случайно* такія-то и такія-то явленія въ экономической сферѣ. Я держусь совершенно другого взгляда и думаю, что если происходитъ соціальное броженіе, и мысль фиксируется на экономическихъ вопросахъ, то таковое броженіе и такая фиксація не могутъ быть экспортированы изъ-за границы или навѣяны литературой. Почва для этого должна быть дома, корни должны быть въ нѣдрахъ самой жизни, и эту почву нужно такъ или иначе вскрыть, и эти корни явственно обнаружить.

Когда надъ руководящимъ дотолѣ сословіемъ повисъ во всей своей неприглядной реальности вопросъ: чѣмъ жить? и какъ жить? когда цѣлое десятилѣтіе тянулось своеобразное перераспредѣленіе благъ: одни получали землю и выражали на это свое неудовольствіе, а другіе брали деньги и тоже этимъ довольны не были; когда пущены были въ оборотъ всѣ денежные и умственные рессурсы для реорганизаціи хозяйства и отысканія новыхъ источниковъ скорѣйшаго обогащенія; когда масса лицъ руководящаго сословія, имѣвшаго дотолѣ постоянную и прочную ренту, была выбита изъ колеи и помышляла только объ одномъ — какъ бы обезпечить свое существованіе;—мудрено было бы, чтобы молодежь оставалась совершенно пассивной къ этому, или увлекалась при этомъ метафизическими вопросами, какъ одно время при Бѣлинскомъ. Что она рѣшила вопросъ о жизни по своему, что пути ея не только не совпадали, но шли въ явный разрѣзъ съ путями, на которые становились отцы,—въ этомъ ничего нѣтъ

удивительнаго: на то она и была молодежью, а этотъ возрастъ, какъ извѣстно, характеризуется отвращеніемъ ко всякому своекорыстію и грубой наживѣ. *Важно, что она была взбудоражена и охвачена соціальными интересами.* Ее захватывала (въ массѣ) не литература, не заграничныя соціальныя идеи: въ той же Швейцаріи одновременно съ русской молодежью вояжировали десятки тысячъ англійскихъ туристовъ разнаго возраста, совершенно не замѣчавшихъ ни тѣхъ идей, ни тѣхъ волненій, которыя заражали русскую молодежь, принесшую воспріимчивость къ заразѣ изъ дому. Ее захватывала своя родная жизнь, которая перемалывала только-что совершившуюся экономическую революцію и была богата общимъ недовольствомъ, экономическимъ и политическимъ.

Радикальная реформа сельскаго хозяйства не могла удовлетворить всѣхъ, даже болѣе—удовлетворяла только немногихъ. Роптали крестьяне, наполовину „фиксировавшіе“ свои угодья, наполовину только-что приступавшіе къ этой фиксаціи, которая не сулила имъ въ будущемъ „привычнаго простора. И ропотъ этотъ широкой волной разливался по Руси, только-что сдѣлавшейся проѣзжей: по новымъ дорогамъ тронулись всѣ рабочіе, ставшіе вдругъ свободными и лишними на урѣзанныхъ надѣлахъ, тронулись въ поискахъ за вольной копейкой, на которую новый денежный строй жизни предъявлялъ усиленный спросъ. Роптали помѣщики, особенно мелкопомѣстные (имѣвшихъ менѣе 21 души было 41,216), бросая насиженныя усадьбы и пускаясь въ бурныя волны житейскаго моря, обыкновенно въ столицы, гдѣ находили, что всѣ видныя мѣста давно уже заняты ихъ болѣе счастливыми собратьями. Тѣ осѣли здѣсь еще до реформы поближе къ руководящимъ сферамъ и придворнымъ милостямъ, которыя обѣщались (по словамъ князя Васильчикова) обиженнымъ сановитымъ лицамъ еще въ моментъ реформы; въ этихъ сферахъ долго и упорно (по словамъ того же свидѣтеля) держалась мысль, что „все, что сдѣлано, можетъ быть и передѣлано“. Но и ропщущіе, и довольные, всѣ были выбиты изъ привычной колеи жизни и искали новыхъ условій, новаго строя жизни, новыхъ жизненныхъ укладовъ — въ самомъ обыденномъ матеріальномъ смыслѣ.

Въ результатѣ такихъ исканій со стороны массы лицъ какъ съ рабочими руками, такъ и со свободными капиталами, нежданно свалившимися съ неба, и долженъ былъ получиться, съ одной стороны, тотъ экономическій эффектъ, который я показалъ выше въ цифрахъ, а съ другой—соотвѣтственный этому подъемъ идей, настроеній и волненій, словомъ, подъемъ „духа“, вмѣстѣ съ расцвѣтомъ соціальнаго творчества и соціальныхъ фантазій.

Нужды нѣтъ, что эти идеи и волненія на первыхъ порахъ, повиди-

кому, не были злободневными, и кружились не возлѣ наличныхъ и ближайшихъ экономическихъ нуждъ или реальныхъ правительственныхъ преградъ всякаго рода, а возлѣ „государственности и анархіи“, „служенія народу“ и прочихъ идеальныхъ темъ. Всегда вѣдь такъ бываетъ, что познаніе дѣйствительности приходитъ гораздо позже, чѣмъ иллюзіи и фантазіи. А въ революціонныя времена реальные интересы почему-то непремѣнно проходятъ сквозь какія-нибудь отвлеченныя формулы, будь то Contrat social, или Евангеліе, или другая наиболѣе растяжимая доктрина, въ которую, благодаря ея общности, такъ легко всякій неподготовленный умъ можетъ уложить любое содержаніе. И точно также *дѣятелямъ этихъ временъ всегда кажется, что они дѣлаютъ не то, что на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ*. Революціонное время есть время дѣйствія, а не познанія, время бурь и страстей, а не спокойнаго наблюденія окружающей жизни. Задача историка — показать, откуда взялись революціонныя дѣйствія, страсти и настроенія, а не революціонныя идеи. Идеи могутъ быть взяты напрокатъ, могутъ быть заимствованы, могутъ быть чужими, могутъ передаваться по завѣщанію изъ столѣтія въ столѣтіе. А настроеніе можетъ быть только свое, должно родиться въ родной почвѣ и развиться въ условіяхъ окружающей жизни. Идеи всегда будутъ, разъ для нихъ есть почва и родилось настроеніе. Взятыя же сами по себѣ изъ постороннихъ источниковъ, онѣ не создадутъ ни настроеній, ни дѣйствій, и замрутъ къ огорченію и разочарованію своихъ адептовъ, какъ замираетъ звукъ, не нашедшій тысячекратнаго эхо. Это и доказали гонители идей,— которые думали потушить общественное недовольство—запрещеніемъ выражать его словами.

Нужды нѣтъ также, что эти идеи и сопровождавшее ихъ движеніе возникло, повидимому, поздно, а не тотчасъ послѣ 19 февраля. Необходимо было время, пока это голое 19 февраля развернетъ, такъ сказать, во всю ширь свое экономическое содержаніе и наложитъ свою властную руку на оба затронутыя сословія. И не въ теоріи или перспективѣ, а на самомъ нутрѣ покажетъ тому и другому, каковъ это строй жизни, о которомъ они доселѣ читали и слышали въ манифестѣ, уставныхъ грамотахъ, положеніи о крестьянахъ, владѣнныхъ записяхъ и выкупныхъ актахъ. Все это время жизнь перестраивалась на новыхъ началахъ, созидая новые соціальные уклады и новые источники существованія, и воспитывая новое, мыслящее уже поколѣніе въ соціально-революціонной атмосферѣ, разлитой повсюду, заражавшей всѣхъ и сознаваемой немногими.

Однако, обратимся снова къ статистикѣ.

Развитіе экономическихъ сношеній съ другими государствами сдѣлало болѣе частыми поѣздки за границу. Понятно, что чѣмъ шире общій между-

народный обмѣнъ, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе происходитъ обмѣнъ идей, понятій, вкусовъ и потребностей. Размѣры этого движенія видны изъ таблицы:

Годы.	Русскихъ уѣзжало за границу.	Возвращалось.	Иностранц. пріѣз. въ Россію.
1868	102 тыс.	98 тыс.	350 тыс.
69	137 „	156 „	287 „
70	168 „	147 „	397 „
71	144 „	119 „	382 „
72	199 „	189 „	514 „
73	236 „	204 „	586 „
74	286 „	252 „	568 „
75	329 „	297 „	585 „
76	347 „	303 „	557 „
77	331 „	285 „	560 „
	Увеличеніе въ 3 раза.		въ 1½ раза.

Всего за это 10-лѣтіе съѣздило за границу и вернулось русскихъ 2,050 т. челов. (Конечно, это число нужно сократить, такъ какъ многіе ѣздили неоднократно). За предыдущее же десятилѣтіе (57—68 г.г.) не болѣе 800 т. чел. Но въ это число вошли и пограничные жители, дѣлающіе (легально) кратковременныя поѣздки за границу для заработковъ и проч. Въ настоящее время ихъ считаютъ отдѣльно. Такъ, съѣздило за границу и вернулось русскихъ:

Годы.	По паспортамъ.	По легитимац. билетамъ.	Всего.
1896	128 тыс.	1,238 тыс.	1,366 тыс.
97	133 „	1,385 „	1,518 „
98	136 „	1,672 „	1,808 „
99	142 „	1,875 „	2,017 „
900	195 „	1,885 „	2,080 „

Иностранцевъ къ намъ пріѣхало въ 900 году по паспорту 248 тыс., по легитимац. бил. 1,563 тыс., а всего 1,811 человѣкъ.

Сравнительно съ 75 г. поѣздки русскихъ за границу увеличились въ 11 разъ, число же пріѣзжающихъ къ намъ иностранцевъ только въ $3^1/_2$ раза. Благодаря этому, теперь русскіе чаще ѣздятъ за границу, чѣмъ иностранцы къ намъ; въ 70-ые же годы было наоборотъ. Это, между прочимъ, нужно имѣть въ виду тѣмъ нашимъ націоналистамъ, кто думаетъ и говоритъ о наводненіи Россіи иностранными предпринимателями.

Въ то время, какъ заграничное движеніе содѣйствуетъ международному обмѣну идей, внутреннее движеніе населенія (насколько оно опредѣляется регистраціей желѣзныхъ дорогъ) содѣйствуетъ внутреннему обмѣну идей и, такъ сказать, соціализаціи населенія. Ростъ этого движенія виденъ изъ слѣдующей таблицы, которая не нуждается въ комментаріяхъ. Перевезено пассажировъ:

1866 г.	7,7 мил. чел.	1889 г.	42,8 мил. чел.
67 „	8,9 „	90 „	44,3 „
68 „	10,0 „	91 „	48,1 „
69 „	11,0 „	92 „	49,3 „
70 „	15,3 „	93 „	51,5 „
71 „	18,3 „	94 „	53,6 „
72 „	21,5 „	95 „	58,6 „
73 „	23,5 „	96 „	65,4 „
74 „	26,1 „	97 „	74,7 „
75 „	26,6 „	98 „	83,7 „
		901 „	112,7 „

Любопытно, что продолжительность поѣздки одного пассажира за это время не измѣнилась. Какъ въ 1-й, такъ и во 2-й періодъ она= 100—110 верстамъ.

Болѣе въ слабой степени сплачиванію населенія содѣйствуетъ развитіе почтовыхъ сношеній. Обратно даже, оно можетъ свидѣтельствовать, что населеніе вынуждено разбредаться врозь и поддерживать старыя связи перепиской.

За 32 года число пассажировъ увеличилось въ 10 разъ, число же писемъ только въ 9 разъ.

Посылалось писемъ:

1866 г.	42,6 м. шт.	1892 г.	227 мил. шт.
74 „	61,8 „	93 „	241,9 „
77 „	87,6 „	94 „	255,3 „
82 „	118,7 „	95 „	278,5 „
88 „	170,6 „	96 „	302,6 „
90 „	195,8 „	97 „	340,3 „
91 „	212,5 „	98 „	363,6 „
		99 „	400,3 „

Періодическихъ изданій перевозилось почтой:

1874 г.	38,1 м. шт.	1890 г.	122,5 м. шт.
77 „	76,6 „	95 „	152,7 „
82 „	93,6 „	99 „	203,7 „
88 „	113,7 „		

Всѣхъ почтовыхъ отправленій	92 г. . .	439,9	тыс.
„ „ „	901 „ . .	947,5	„
„ „ „	902 „ . .	1,006,8	„

Какъ и слѣдовало ожидать, ростъ періодическихъ изданій отстаетъ отъ роста писемъ. Но все-таки въ настоящее время одинъ Комаровъ даетъ на почту больше экземпляровъ своего „Свѣта", чѣмъ всѣ газеты и журналы вмѣстѣ взятые въ 74 году. Да Суворинъ около половины того (21 мил. экземпляр.)—Свѣдѣній о числѣ подписчиковъ на нѣкоторые журналы тогда и теперь я не привожу.

II.

Какъ извѣстно, „хожденіе въ народъ" охватило въ видѣ эпидеміи всѣ высшія учебныя заведенія. Чтобы опредѣлить сравнительные размѣры этого движенія, полезно припомнить количество всѣхъ студентовъ, хотя бы университетскихъ. Приводимъ для этого таблицу:

Студентовъ универс. было:				Въ томъ числѣ въ Спб. унив.			
1823 г.	2,965	1882 г.	10,600 [1])	1869 г.	1,070	1898 г.	3,788
48 „	4,566	83 „	12,415	71 „	1,168	99 „	3,612
54 „	3,551	85 „	12,939	72 „	1,413		
64 „	4,323	88 „	13,033	76 „	1,149		
68 „	6,198	90 „	12,495	81 „	1,825		
69 „	5,985	94 „	13,144	82 „	2,165		
72 „	7,251	97 „	16,326	83 „	2,323		
73 „	6,145	98 „	16,582	88 „	1,697		
74 „	5,300	99/900 „	16,520	90 „	1,815		
78/79 „	6,901			91/92 „	2,351		
80 „	8,193			94 „	2,634		

Эта таблица краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о всѣхъ пертурбаціяхъ, которыя случались съ нашими университетами. Она показываетъ также, что, несмотря на всѣ разгромы въ 70-хъ гг., за періодъ 64 — 83 г. (18 лѣтъ) число студентовъ почти утроилось, тогда какъ за слѣдующія 18 лѣтъ (84—1902) оно даже не удвоилось. Если прибавить студентовъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то въ 72 году ихъ было едва 13,000 человѣкъ (7,251+5,236), а въ 99 г. уже не менѣе 30,000 челов.

Изъ этой таблицы также можно заключить, что къ „эпохѣ великихъ реформъ" все николаевское тридцатилѣтіе оставило едва ли 20,000

[1]) Приблизительно, ибо свѣдѣнія были безъ Варшавскаго университета.

лицъ съ университетскимъ образованіемъ на всю Россійскую имперію. Въ настоящее время однихъ врачей считается около 20,000.

Но для насъ интереснѣе всего данныя о среднемъ образованіи, потому что они показываютъ сословный составъ учащихся.

Болѣе полныя свѣдѣнія, дающія возможность прослѣдить его исторически, имѣются только о гимназіяхъ.

Ихъ было:

	Гимназій.	Учащихся.
1809 г	54	5,569
15 „	56	7,682
36 „	68	15,475
45 „	75	19,744
46 „	76	20,668
47 „	77	20,372

Затѣмъ число гимназій остается то же въ теченіе всего слѣдующаго десятилѣтія, число же учениковъ идетъ на умаленіе и въ 53 году= 16,207, а до 20,000 опять доходитъ только въ 57 году. Еще въ 45 году была возвышена плата съ учениковъ „съ цѣлью удержать стремленіе юношей къ образованію въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій“. И затѣмъ высочайше повелѣно „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ“, каковые способы тогдашній министръ Уваровъ и представилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ въ особой запискѣ, и, какъ показываетъ статистика, очевидно осуществилъ.

Эту довольно старую исторію я привелъ сюда съ цѣлью показать, что чисто-сословный составъ учащихся въ нихъ образовался благодаря сознательно проводимой политикѣ правительства. Продолжимъ исторію далѣе.

Годы.	Гимназій.	Учащихся.
1858	81	22,272
61	85	29,913
62	87	27,252 [3])
64	92	30,316
66	101 [1])	31,410
68	110	32,600
70	126	39,071
72	136 [2])	45.971

[1]) Съ 66 года появляются прогимназіи и входятъ въ общій счетъ.
[2]) Въ томъ числѣ 12 гимназій реальныхъ и 36 прогимназій.
[3]) Не взяли ли обратно этихъ почти 2,000 мальчугановъ ихъ родители, лишившіеся съ освобожденіемъ крестьянъ средствъ содержать ихъ?

Годы.	Гимназіи и прогимназіи.	Прогимназіи отдѣльно.	Учащихся въ тѣхъ и другихъ.
1874	—	—	42,176
76	—	—	47,639
78	206	—	53,072
83	233	78	71,357
88	235	68	59,771
91	239	59	61,079
94	235	58	63,429
97	235	58	58,092
99	240	44	77,635

Изъ таблицы мы видимъ, какой крупный скачекъ внизъ дѣлаетъ число учащихся въ царствованіе Александра III.

Очевидно, „кухаркины дѣти", противъ которыхъ началось тогда гоненіе, составляли около 15,000 человѣкъ. И Деляновъ недаромъ заслужилъ „графа", изгнавши ихъ вонъ въ такомъ числѣ. Въ общей сложности, гимназистовъ и реалистовъ будетъ:

Годы.	Человѣкъ.	Годы.	Человѣкъ.
1872	45,971	1888	79,590
76	58,519	94	87,411
78	65,835	97	87,364
83	93,222	99	111,691
85	93,109		

Эти суммы и нужно поставить въ историческую связь съ данными до 1872 года.

Возвращаясь къ сословному составу гимназистовъ, я привожу прямо характерную таблицу:

	1833.	1864.	1869.	1871.	1875 [1]).	1884.	1892.
Дворяне	78%	70	64	60	52,8	49,2	56,2
Городск. сосл. . . .	17%	20	26	28,7	33,6	35,9	31,3
Сельскія	2%	4	5	5,8	6,9	7,9	5,9
Духовн.	2%	3,5	3	4,8	1,4	2	1,9

Въ свою очередь въ реальныхъ училищахъ дворянамъ принадлежало изъ 100 только . . 80 г. 84 г. 92 г.

44 40,7 38 мѣстъ.

Очевидно, Деляновская политика очищенія гимназій отъ неблагородныхъ элементовъ принесла свои плоды. И въ 92 году, какъ видно изъ таблицы, дворяне снова заняли въ гимназіи преобладающее мѣсто. Конечно, это только на короткое время. Затѣмъ для нихъ останутся на-

[1]) По отчетамъ 77 г., городскія сословія преобладали въ низшихъ классахъ, а дворяне—въ высшихъ, что объяснялось тѣмъ, что первыя не считали необходимымъ для своихъ дѣтей полное гимназическое образованіе. Это можетъ быть приложено и къ другимъ годамъ.

долго главнымъ убѣжищемъ военныя училища разныхъ категорій, гдѣ (напримѣръ, въ кадетскихъ корпусахъ) одни потомственные дворяне занимають 63 — 67 мѣстъ изъ 100, а вмѣстѣ съ личными 84 — 89 (въ 94—95 учебн. году). Только въ юнкерскихъ училищахъ число и тѣхъ и другихъ не превышаетъ 60%.

Но меня интересуетъ, главнымъ образомъ, составъ гимназій въ 64—71 г.г., т. е. въ годы, давшіе ту молодежь, которая разнесла сѣмена революціи по русской землѣ. Какъ видимъ, она состояла на ²/₃ изъ дворянъ. И это еще общія цифры для всей Россіи. Если же отбросить Дерптскій и Варшавскій учебные округи, которые меньше всего были причастны къ революціонному броженію и гдѣ въ 71 году % дворянъ былъ только 45 и 48%, то для остальныхъ русскихъ гимназій онъ еще больше возвысится. Въ Московскомъ и С.-П.-Бургскомъ учебномъ округѣ онъ еще въ 71 году = 70%, а въ 64 году долженъ былъ быть близокъ къ 80%.

Къ сожалѣнію, наша статистика сословій въ гимназіяхъ не различаетъ дворянъ потомственныхъ отъ личныхъ и служащихъ, такъ что мы лишены возможности опредѣлить точнѣе размѣры первой группы. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что потомственные, т. е. дѣти помѣщиковъ, образовали наиболѣе крупную сословную группу изъ всѣхъ другихъ въ гимназіи. Такой составъ учащихся былъ очень благопріятенъ для того, чтобы соціально-политическіе вопросы, висѣвшіе въ воздухѣ, нашли здѣсь благопріятную почву для своего развитія: вѣдь для доброй половины этой молодежи чуялось здѣсь что-то родное и знакомое. Этой-то половинѣ по всей справедливости и нужно приписать роль *вдохновителя* и иниціатора движенія. Что эта молодежь потомъ преслѣдовала не дворянскіе классовые интересы (напротивъ, относилась къ нимъ совершенно отрицательно), и что къ ней примыкали безъ разбора всякіе разночинцы, это ничего не говоритъ противъ того, что иниціатива движенія принадлежитъ именно ей. Вездѣ и всюду къ народнымъ движеніямъ примыкаютъ самые разнородные элементы, недовольные существующимъ порядкомъ и ищущіе лучшаго будущаго, но они *примыкаютъ только къ готовому*. Создать же что-нибудь вновь можетъ только сплоченное ядро, сплоченное не организаціей, которая является уже потомъ, а единствомъ происхожденія или рода жизни и, значитъ, единствомъ чувствъ, настроеній, симпатій и антипатій и вообще—предрасположеній.

Эта молодежь, у которой первые проблески сознательности на 7-мъ году ея жизни совпали со вздохами ихъ родителей и горькими жалобами на порядки, или съ негодованіемъ на попраніе ихъ священныхъ владѣльческихъ правъ (вѣдь крѣпостниковъ дворянъ было тогда громадное большинство), эта молодежь, можно сказать, всосала интересъ къ соціальнымъ

явленіямъ съ молокомъ матери. Ни для кого не были тайной дворянскія желанія—получить новую политическую власть взамѣнъ утраченной 19-го февраля. Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что болѣе умные изъ дворянъ мечтали объ этой власти не исключительно только для своего сословія, а—какъ бываетъ часто—отожествляли свои интересы съ интересами всего русскаго народа. Эти желанія высказывались въ частныхъ кружкахъ и бесѣдахъ все время, пока длилась выработка крестьянской реформы. И тотчасъ же вышли на улицу въ видѣ революціонныхъ листковъ, какъ только крестьяне получили волю, а дворяне, взамѣнъ утраченныхъ правъ—ничего.

Но иное дѣло, конечно, высказывать желаніе, иное—добиваться ихъ осуществленія. Отцы все-таки были людьми опытными, т. е. понимали, что простымъ требованіемъ ничего не получишь, а силой взять они не въ состояніи. Дѣти же, зараженныя тѣми же желаніями еще въ безсознательномъ возрастѣ, въ силу своего возраста не могли считаться съ дѣйствительностью, а руководились исключительно своими чаяніями. Эта „безсознательность“ держалась такъ долго, что, уже будучи юношами и печатая о „свободной федераціи свободныхъ общинъ“, они наивно думали, что этимъ прямого вызова правительству они не дѣлаютъ.

Къ этому времени „меньшій братъ“ не только успѣлъ войти во вкусъ полученной имъ „воли“, но и выразить громогласно свое полное недовольство полученнымъ удѣломъ. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были повинны „отцы“, и при томъ настолько повинны, что во многихъ случаяхъ дѣло походило на простое ограбленіе, то понятно, дѣти не могли не внести сюда серьезной идеалистической поправки. Выйдя изъ среды сословія революціонизированнаго реформой, они не могли въ сознательномъ возрастѣ остаться глухими и къ интересамъ простого народа: недаромъ же они были вскормлены крѣпостнымъ хлѣбомъ и вынянчены крѣпостными няньками. Даже болѣе: я бы сказалъ, что стремленіе въ народъ было тогда неизбѣжнымъ, разъ люди отъ простыхъ желаній переходятъ къ дѣлу. Соціальныя блага берутся съ бою, а чтобы выйти на бой, нужно организовать силу, способную на это. Эта попытка и была сдѣлана хожденіемъ въ народъ. Насколько она была планомѣрна и цѣлесообразна—это другой вопросъ. Массовыя явленія, совершающіяся стихійно, никогда не подчиняются никакимъ маршрутамъ. И какъ только оказалось, что отъ народа нельзя ожидать активной поддержки, боевая организація приняла совсѣмъ другое направленіе...

Все это, конечно, мало соотвѣтствуетъ тому, что писалось на знамени и говорилось промежъ себя. Но историки давно уже научились оцѣнивать истинный характеръ историческихъ явленій независимо отъ словъ,

сопровождавшихъ ихъ. Недаромъ же такая оцѣнка устанавливается только послѣ того, какъ большинство очевидцевъ событій смолкнетъ навѣки. Если бы дѣятели великой французской революціи дожили до того времени, когда историки опредѣлили характеръ ея, они бы съ негодованіемъ отвергли такое опредѣленіе и сослались бы на свои знамена и свои идеальныя цѣли, а также и на то, что среда ихъ состояла отнюдь не изъ одной буржуазіи.

— „Помилуйте,—вскричали бы они,—какая тамъ буржуазія, когда у насъ даже аббаты играли активную роль. А вотъ вамъ еще имена маркизовъ и графовъ“!

Но умный историкъ осторожно проходитъ мимо именъ и учитываетъ только соціальныя категоріи.

III.

Посмотримъ, что стоитъ дворянство (въ американскомъ смыслѣ слова), какъ землевладѣльческій классъ, въ настоящее время. Каковъ его экономическій, а значитъ, и политическій вѣсъ?

До реформы дворянамъ принадлежало 10½ мил. душъ. Доходность имѣній тогда зависѣла почти исключительно отъ количества крѣпостныхъ и, по Васильчикову, какъ общее правило, опредѣлялось въ 10 рублей съ души. Большинство помѣщиковъ (55 тыс. изъ 103) владѣло отъ 20 до 500 душъ и, значитъ, имѣло доходъ отъ 200 руб. до 5,000. Десятина воздѣлываемой земли (судя по оцѣнкамъ ея при выкупѣ) давала немного менѣе 2½ руб. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ доходы помѣщика повышались на счетъ другихъ источниковъ (кромѣ земледѣльческаго труда), каковы: продажа лѣса, эксплоатація нѣдръ, рыбныхъ ловель и пр. Но такъ какъ и этотъ доходъ обусловливался въ концѣ концовъ величиной затрачиваемаго труда (т. е. количествомъ крѣпостныхъ рукъ), то опредѣленіе нормы дохода числомъ душъ болѣе близко къ дѣйствительности. Земли же незаселенныя совсѣмъ не считались цѣнностью, и еще въ 51 г. Уставъ о Земскихъ повинностяхъ выдѣлялъ ихъ и оставлялъ свободными отъ налоговъ. Въ среднемъ, значитъ, для всего сословія чистый доходъ едва превышалъ 100 мил. руб.

Велики или малы были такіе доходы сами по себѣ, но они обладали однимъ существеннымъ недостаткомъ — неспособностью къ увеличенію. Производительность подневольнаго труда всегда ничтожна и не можетъ быть повышена никакими мѣрами. А значитъ, ростъ дохода отъ имѣнія всецѣло обусловливается ростомъ населенія, т. е. размноженіемъ крѣпостныхъ. Какъ бы они ни плодились, но удвоеніе ихъ числа едва ли могло совершиться ранѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, а, слѣдовательно, каждый владѣ-

лецъ могъ разсчитывать на увеличеніе своего дохода вдвое только въ 50 лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ число крѣпостныхъ въ 30-ые и 50-ые г.г. не только не увеличивалось, но даже уменьшалось: по 8-ой ревизіи (36 г.) ихъ было 10,7 мил., а по 10-ой (58 г.)—10,5 мил. душъ. Вѣроятно, зависѣло это больше отъ сдачи въ солдаты (во 2-ой половинѣ 40-выхъ г.г подъ ружьемъ состояло болѣе 1 мил. нижнихъ чиновъ), чѣмъ отъ добровольнаго освобожденія нѣкоторыми помѣщиками, число коихъ считали единицами. Впрочемъ, такихъ вольноотпущенниковъ въ 50' г. было 223 тыс. чел.

Сравнительно съ тѣмъ, какъ растутъ доходы теперь, такое экономическое царство представляется намъ полнымъ застоемъ. Конечно, этому вполнѣ соотвѣтствовалъ мертвый застой во всей психической сферѣ. Ни одна мало-мальски порывистая натура не могла мириться съ этой неподвижностью, но не могла и выскочить изъ рамокъ ея. И всякая умная голова должна была понимать, что всѣ ея мечты о расширеніи хозяйственныхъ операцій натыкаются на крѣпостныя узы, какъ на неодолимую преграду, и что страна можетъ развернуть свои производительныя силы, только разорвавши ихъ.

Поэтому, дальновидному помѣщику не трудно было сообразить, что разрушивши царство такого застоя, можно только выиграть въ экономическомъ отношеніи. И если бы дѣло шло только о выпускѣ крестьянъ на волю безъ земли,—операція прошла бы весьма гладко и къ общему удовольствію помѣщиковъ. Выкупъ же для нихъ былъ наиболѣе больнымъ мѣстомъ, и не потому только, что отнималъ у нихъ распаханныя уже земли, а главное потому, что грозилъ имъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни, если бы на оставшуюся у нихъ землю не нашлось рабочихъ рукъ. На самомъ дѣлѣ страхи оказались преувеличенными и, убытки были не такъ велики, какъ они вздыхали. Конечно, этому помогло то, что въ моментъ реформы, потерявши надежду удержать за собой всѣ земли, дворяне успѣли добиться того, чтобы удержать ихъ какъ можно больше, а крестьянамъ выдѣлить minimum, необходимый для ихъ существованія. Часть этихъ убытковъ могла быть возмѣщена сейчасъ же. Если бы владѣлецъ 2207 душъ, получившій 227,000 выкупныхъ, внесъ всю полученную сумму въ государственный банкъ, то при 5% только онъ получилъ бы оттуда 11.300 руб. въ годъ. Слѣдовательно, половину своего прежняго дохода онъ могъ вернуть въ тотъ же годъ безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Но стоило ему найти помѣщеніе своему капиталу съ дивидендомъ въ 10%, и онъ уже ровно ничего не терялъ. Такое помѣщеніе не тотчасъ же, но вскорѣ и нашлось, какъ объ этомъ говорилось вначалѣ.

Но этого мало. Крестьянамъ были выдѣлены не всѣ земли, находив-

шіяся у нихъ въ обработкѣ до реформы, а со значительными урѣзками. Ясно было, что этого имъ мало уже въ настоящую минуту, а черезъ 10 лѣтъ, съ увеличеніемъ населенія на 15% ихъ спросъ на землю поднимется на столько же. Ясно было, значитъ, что земли, оставшіяся за помѣщиками и бывшія при крѣпостномъ правѣ бездоходными (п. ч. онѣ не воздѣлывались), очень скоро не только получатъ цѣнность и будутъ давать ренту, но и рента эта въ состояніи будетъ покрыть всѣ понесенныя потери. Практика и показала, что уже въ 70-хъ годахъ аренда непомѣрно возвысилась, и на голыя помѣщичьи земли открылся огромный спросъ. Уже въ 72 г. Де-Ливронъ писалъ: „крестьяне жадно покупаютъ землю и часто платятъ за нее весьма дорого". Значитъ, все дѣло было только въ томъ, чтобы переждать какое-нибудь десятилѣтіе, и потери (взятыя въ цѣломъ) будутъ вознаграждены, даже при полномъ отсутствіи предпріимчивости самихъ владѣльцевъ. Не прошло, далѣе, и 30 лѣтъ, какъ цѣнность земель почти утроилась (въ 99 г. средняя цѣна десятины, купленной черезъ крестьянскій банкъ = *78* руб.), а, значитъ, соотвѣтственно возросла и рента. Выходитъ, что помѣстное сословіе, у котораго въ перспективѣ было удвоеніе земельнаго дохода только въ 50 лѣтъ, почти утроило его уже въ тридцать лѣтъ, и это благодаря реформѣ съ надѣломъ земли, вызвавшей въ свое время „плачъ и скрежетъ зубовный".

Въ настоящее время, чѣмъ больше дорожаетъ земля, (независимо отъ ея доходности), тѣмъ больше соблазновъ для владѣльца не-хозяина отказаться отъ нея совсѣмъ. Если его имѣніе не находитъ арендаторовъ, а собственное хозяйничанье, какъ всегда, даетъ ему какихъ-нибудь 2—3 рубля съ десятины, то не лучше ли за эту десятину получить 78 руб. и положить ихъ въ банкъ, дающій 5% и, значитъ, получать за бывшую десятину по 3 руб. 90 коп. А тѣмъ болѣе, если это не банкъ, а „вѣрное предпріятіе" съ перспективой до 40% дивиденда. Мы и видимъ теперь постоянно, что въ числѣ учредителей почти каждой акціонерной компаніи фигурируетъ и дворянинъ такой-то. Даже проще: имѣніе можно заложить въ дворянскомъ банкѣ, а полученную сумму цѣликомъ помѣстить въ акція. Банкъ требуетъ ежегоднаго платежа 6%, а самая плохенькая акція даетъ 7%. Разность въ 1% будетъ чистымъ барышомъ владѣльца, который сумѣлъ и имѣніе сохранить, и капиталистомъ стать.

Что именно такія операціи практикуются часто, объ этомъ можно судить по отчетамъ дворянскаго банка, въ которыхъ преобладаютъ ссуды подъ крупныя имѣнія. И, напримѣръ, въ 99 г. средній размѣръ ссуды (изъ всѣхъ 1900 ссудъ) = 28,800 руб. Въ 91 г. изъ 1931 лицъ, взявшихъ ссуды, 102 лица получили выше 100,000 руб. каждый, изъ нихъ 6 человѣкъ выше 500,000 руб. На долю этихъ 102 лицъ изъ всѣхъ выдан-

ныхъ въ этомъ году 56 мил. руб. досталось въ среднемъ около 22 мил. руб. (39%).

Если бы мы приняли этотъ годъ за норму (о другихъ годахъ у меня нѣтъ такихъ отчетовъ), то оказалось бы, что къ 98 году изъ всѣхъ 22,275 кліентовъ банка, получившихъ 711 мил. руб. 1172 лица получили въ общей сложности 277 мил. руб., каждый свыше 100,000 руб. Весьма сомнительно, чтобы такіе куши разомъ брали съ цѣлью пускать ихъ въ трубу, а не давать болѣе выгодное помѣщеніе. Въ Россіи стонъ стоялъ бы отъ оргій и кутежей, если бы такъ было въ дѣйствительности.

Общее количество земель, оставшихся теперь у дворянъ, можно опредѣлить въ 65 мил. дес. Послѣ реформы у нихъ оставалось 86 мил.; въ 92 г. считалось только 73 мил., но за одинъ 93 г. они утратили почти 1 мил. дес. (продали 2,091 тыс. дес., купили 1,104 тыс. дес., разность = 987 тыс. д.). Если такъ продолжалось и далѣе, то теперь должно оставаться не болѣе 65 мил. дес.

До реформы у помѣщиковъ было 120 мил. дес. Примемъ, что всѣ онѣ стоили по 30 руб. (хотя это невѣрно, ибо такъ оцѣнены были только культурныя земли, которыхъ было меньше $^1/_3$). Тогда все имущество помѣстнаго сословія, вся его экономическая мощь выразится въ размѣрѣ *3600 мил. руб.* Можно смѣло сказать, что не больше этого. Въ настоящее время, при цѣнѣ даже 70 руб. за десятину, всѣ 65 мил. дес., оставшихся у дворянъ, будутъ стоить *4,550 мил. руб.* И этотъ расчетъ менѣе преувеличенъ, потому что теперь сельскохозяйственная площадь у нихъ = $^1/_2$, а не $^1/_3$, какъ было тогда.

По Мюльгаллю, цѣнность всего сбора со всей сельскохозяйственной площади нынѣ у насъ не превышаетъ 3,000 мил. руб., вмѣстѣ съ соломой. Изъ нихъ около 1,200 мил. отъ зерновыхъ хлѣбовъ. Сельскохозяйственная площадь теперь опредѣляется въ 180 мил. дес., изъ коихъ около 110 мил. подъ пашней. Въ среднемъ приходится, значитъ, по $16^1/_2$ руб. валового дохода съ десятины (считая и паръ). Такъ какъ у частныхъ владѣльцевъ сельскохозяйственная площадь = $^1/_2$ всѣхъ ихъ владѣній (другая $^1/_2$—лѣсъ и неудобная земля), то доходность дворянскихъ земель мы опредѣлимъ помноживъ $16^1/_2$ руб. $\times$ $32^1/_2$ мил. (половина 65), а это дастъ всего *536 валового дохода.* Вотъ всѣ обороты дворянскаго землевладѣнія. Сколько тутъ чистаго дохода, судить не берусь, да это для насъ и не такъ важно. Съ этой суммой ежегодно дворяне выступаютъ теперь на экономическую арену и, какъ землевладѣльческій классъ, вѣсятъ на современномъ рынкѣ ровно столько, не болѣе. Какова эта величина по сравненію съ другими, фигурирующими на томъ же рынкѣ въ качествѣ „цѣнностей“, мы увидимъ ниже, а пока постараемся опредѣлить сравнительное

значеніе дворянскаго хозяйства передъ реформой въ экономической жизни всей страны.

Цѣнность дворянскихъ земель тогда я уже указывалъ. Производительность всей тогдашней культурной площади Тенгоборскій опредѣлялъ въ 52 году въ 1,658 мил. руб. Эта площадь тогда = 90 мил. дес., изъ коихъ обрабатывалось крѣпостными около 35 мил. дес. Значитъ, на долю помѣщиковъ изъ всей суммы въ 1658 мил. руб. приходилось *около 643 мил. руб.* Сама по себѣ эта цифра немного больше той, которую я выше опредѣлилъ для нынѣшняго времени. Но относительное значеніе ея тогда и теперь—совершенно измѣнилось.

Я разсматриваю экономическую роль дворянства исключительно, какъ землевладѣльческаго класса. И тогда, и особенно теперь, оно входило въ предпріятія, ничего или почти ничего общаго съ землевладѣніемъ не имѣющія, и опредѣлить эту долю его хозяйственной дѣятельности въ цифрахъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности.

Но вся тогдашняя промышленность, сравнительно съ земледѣльческимъ производствомъ была совсѣмъ ничтожна. Такъ, въ 50 году вся „индустрія“ цѣликомъ оцѣнивалась въ 480 мил. руб., считая здѣсь даже все домашнее ткачество для собственнаго потребленія. Производство же чисто фабрично-заводское опредѣлялось въ 51 г. *въ 160 мил. руб.*

Что же касается торговли, то она тогда исключительно имѣла дѣло съ продуктами и почти вовсе не знала бумажныхъ цѣнностей, роль коихъ въ нашей экономической жизни впервые сказывается въ 70-хъ гг., а процвѣтаніе ихъ относится уже къ текущимъ днямъ. Всю же совокупность продуктовъ, поступавшихъ на рынокъ, Тенгоборгскій оцѣнивалъ въ 880 мил. руб., изъ коихъ 380 мил.— продукты земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ и ископаемыми), а 500 мил.—продукты индустріи. Прибавивъ къ этому „интересы“ торговли, онъ опредѣлялъ всѣ торговые обороты въ 1260 мил. руб. Капиталы же, помѣщенные въ торговлю, въ 485 мил. руб. Полагая, что торговый капиталъ даетъ 10% прибыли, Тенгоборгскій заключалъ, что весь торговый классъ получалъ *48 мил. руб.* Теперь съ него идетъ налоговъ въ казну не менѣе этого, хотя выдѣлить это изъ общей суммы промысловаго налога невозможно.

Еще мизернѣе значеніе торговаго класса представится намъ, если мы сравнимъ число лицъ занимавшихся торговлей:

		1-ой гильдіи	2-ой	3-ей	Всего
Купцы	38 — 40 г.г.	917	1,871	33,516	36,304
	50 — 52 „	924	2,391	42,327	45,645
Крестьяне	38 — 40 г.г.	4	20	3,154	5,408
	50 — 52 „	4	25	4,395	7,215

Въ 50—52 г.г. занималась торговлей въ Россіи (безъ Польши) всего *52—53 тыс. лицъ*, ровно вполовину меньше, чѣмъ было тогда помѣщиковъ.

Вывозъ за границу, какъ и подобаетъ, составлялъ едва $^1/_{10}$ часть всего внутренняго торговаго оборота, и до Крымской войны переваливъ за 100 мил. руб. только 4 раза по вывозу и 2 по ввозу.

Обокъ съ такой торговлей и такой промышленностью дворянство со своимъ валовымъ оборотомъ почти въ 650 мил. руб. и чистымъ доходомъ въ 100 мил. руб. должно было быть звѣздой первой величины на нашемъ тогдашнемъ экономическомъ небосклонѣ. Затѣмъ эта звѣзда постепенно стала меркнуть, и не потому, что реформа разорила его въ корень, а потому, что кругомъ него засіяли новыя звѣзды, земельное богатство, какъ источникъ дохода, отступило на второй планъ и дало мѣсто такимъ головокружительнымъ перспективамъ въ этой области, на которыя всякій николаевскій крѣпостникъ промѣнялъ бы свои прерогативы, если бы показать ему это воочію.

Чтобы дополнить экономическую картину того времени, нужно указать еще на размѣры всего государственнаго хозяйства, кредитныхъ и фондовыхъ операцій.

Государственные расходы только передъ самой Крымской войной достигли 250 мил. руб., причемъ $^2/_3$ ихъ поглощались войскомъ и процентами по долгамъ. Въ 42 г. они = 192 мил. руб., въ 37 г. = 150 мил.

Потребности въ кредитѣ покрывались казенными кредитными учрежденіями (коммерческій банкъ, сохранныя, ссудныя казны). Правда, были уже городскіе общественные банки, и къ 60 г. ихъ считалось 19 (теперь ихъ 241), но операціи ихъ были весьма незначительны. Да и всѣ вообще потребности въ кредитѣ были невелики, если онѣ удовлетворялись 2—3 кредитными учрежденіями на всю Имперію. Къ 59 г., когда появился на свѣтъ Государственный Банкъ, числилось по вкладамъ въ нихъ 725 мил. руб. и по ссудамъ около 500 мил. руб. А эти послѣднія почти всѣ безъ исключенія были взяты помѣщиками подъ залогъ $5^1/_2$ мил. душъ.

Такимъ образомъ и всѣ бумажныя цѣнности, обращавшіяся тогда, могутъ быть исчислены, если мы къ этимъ 725 мил. (банковые билеты) прибавимъ около 27 мил. руб. акцій, и, наконецъ, нѣкоторую долю государственныхъ бумагъ. Всѣхъ внутреннихъ займовъ въ 57 году считалось 198,9 мил. руб. Если этотъ перечень и не полонъ, то все-таки смѣло можно утверждать, что количество цѣнныхъ бумагъ тогда не превышало 1,000 мил. р.

Въ настоящее время количество этихъ цѣнностей по крайней мѣрѣ *удесятерилось*, хотя подвести имъ точные итоги, конечно, невозможно. Нѣкоторымъ довольно точнымъ показателемъ количества бумажныхъ цѣнностей служитъ %-ный сборъ съ этихъ бумагъ. Сборъ этотъ по росписи 901 г. опре-

дѣленъ въ 17,316 тыс. руб., и такъ какъ онъ взимается въ количествѣ 5% съ дохода, то значитъ чистый доходъ отъ бумагъ нужно опредѣлить *въ 340 мил. руб.* Полагая, что эти 340 мил. руб. есть 4% доходъ (по крайней мѣрѣ большинство этихъ бумагъ не выше), мы получимъ сумму капитала, который даетъ его, въ *8,500 мил. руб.* Но этимъ сборомъ обложены далеко не всѣ % бумаги.

Прибавивши сюда около 2,000 мил. руб. векселей (о нихъ—ниже), да около 1,500 мил. руб. денежныхъ знаковъ, мы получимъ приблизительное понятіе о всей суммѣ движимаго капитала, оперирующаго теперь на рынкѣ. Неудивительно, что Государственный Банкъ нынче такъ развернулъ свои операціи, что въ 99 году его обороты выразились въ 97,665 мил. руб. Его обороты въ 60 г. = только 1,816 мил. руб., изъ коихъ 1,015 мил. были торговые, а остальные—казенные. Къ 77 году обороты его достигали уже 24,360 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ 1,175 мил. руб.

Въ частности, о развитіи денежнаго оборота и спроса на капиталъ могутъ свидѣтельствовать двѣ статьи банковыхъ операцій—учетъ векселей и вклады на текущій счетъ. Въ 60—64 г.г. за 5 лѣтъ было учтено векселей на 341 мил. руб. (по 68 м. въ годъ). Въ 99 году всю сумму учтенныхъ векселей, замѣняющихъ часто въ торговыхъ дѣлахъ деньги и цѣнныя бумаги, нужно опредѣлить не менѣе какъ въ 2,000 мил. руб. Вкладовъ на текущій счетъ въ 60-хъ г.г. стояло въ пассивѣ Государ. Банка отъ 18—41 мил. руб. въ годъ. Въ 900 году ихъ было во всѣхъ банкахъ около 1,000 мил. руб.

Всѣ эти разнородные бумажные капиталы оперируютъ, очевидно, не возлѣ пустого мѣста и не иначе, какъ для наживы. Съ одной стороны, они свидѣтельствуютъ о большомъ количествѣ лицъ, имѣющихъ свободныя денежныя средства и помѣщающихъ ихъ въ процентныя бумаги. Съ другой, они говорятъ о большомъ числѣ доходныхъ предпріятій, нуждающихся въ этихъ свободныхъ средствахъ, и удовлетворяющихъ эту нужду, благодаря широко раскинутой банковой дѣятельности.

Къ исчисленію этихъ доходныхъ предпріятій мы сейчасъ и приступимъ.

Данныя о торговопромышленныхъ предпріятіяхъ относятся еще къ 95 году, и на нихъ, между прочимъ, основывала свои расчеты коммиссія, выработавшая новый законъ о промысловомъ налогѣ (при участіи, конечно, самой заинтересованной стороны). Число предпріятій и ихъ доходность видна изъ таблицы:

Годы.	Гильдійскія предпріятія.	Не гильд. предпр.	Прибыль первыхъ.	Приб. вторыхъ.	Въ частн. прибыль.		
					1-ой гильдіи.	2-ой гильдіи.	Мелочныхъ торгов.
85	123,205	нѣтъ	183 м. р.	—	—	—	—
89	142,981	250,624	218 „ „	61,8	—	—	—
95	159,177	293,006	316 „ „	94,2	109,9	206,6	102,2
98	156,911	291,034	493		—	—	—

Здѣсь перечислены только платившія налогъ. Вмѣстѣ же съ неплатившими въ 95 г. числилось:

Гильдійскихъ предпріятій	167,382	всего 487,675.
Негильдійскихъ „	320,293	

Какая часть изъ нихъ принадлежитъ собственно промышленнымъ предпріятіямъ, а какая—торговымъ, изъ таблицы не видно. Но судя по даннымъ 87 года, первыхъ должно быть не болѣе 48,000.

Сверхъ того, акціонерныхъ предпріятій паевыхъ, кредитныхъ и пр., дающихъ отчетность, платившихъ налогъ, было:

85 годъ	802,	ихъ прибыль=	70,236	т. руб.
95 „	1136,	„ „	138,335	„ „
98 „	1395,	„ „	179,000	„ „

Какъ и въ первой таблицѣ, эта прибыль не всѣхъ предпріятій, а только платившихъ налогъ.

Все фабрично-заводское производство (вмѣстѣ съ добычей ископаемыхъ) =

въ 87 году	1,334	милл. рубл.
„ 97 „	2,839	„ „

Такъ какъ въ 87 году есть данныя о 10,077 предпріятіяхъ съ производствомъ въ 591,000 т. рубл., гдѣ ихъ прибыль исчислена въ 4.6% отъ всего ихъ производства, то, взявши ту же норму и за 97 годъ, мы опредѣлимъ чистую прибыль всего промышленнаго производства въ 130 мил. руб. Изъ нихъ, вѣроятно, около 60 мил. руб. принадлежитъ промышленнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Обороты собственно торговли въ 98 г. опредѣлялись въ 9.903 мил. руб. Болѣе крупныя отрасли ея слѣдующ.:

Банкирское дѣло, операціи съ деньгами и % бумагами	4,017	м. р.
Торговое посредничество	1,001	„ „
Мануфактур., галантер. и суровск. тов.	923	„ „
Хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ	880	„ „
Колоніальн. и бакалейн. тов.	612	и пр.

Сводя вмѣстѣ доходы капитализма, мы имѣемъ въ 98 году *672 мил. предпринимательской прибыли,* изъ коихъ около 130 мил. руб.—отъ промышленнаго капитала и около 540 мил. руб.—отъ торговаго. Такъ какъ на 901 годъ промысловый налогъ по росписи исчисленъ въ 62,7 мил. руб., то полагая даже, что онъ составлялъ уже 7% съ прибыли, мы должны принять всю предпринимательскую прибыль этого года уже *въ 890 мил. руб.*

Сюда не входитъ еще прибыль предпріятій, не обложенныхъ налогомъ, и прибыль отъ % бумагъ, исчисленная ранѣе (340 мил. руб.).

Выходитъ, что торговый капиталъ съ 52 года увеличилъ свои барыши разъ въ 12-ть. Числа лицъ, ведущихъ торговлю, къ сожалѣнію, мы не можемъ точно опредѣлить. Общее же число хозяевъ у всѣхъ 487,000 предпріятій нужно принять *не менѣе 400,000 чел.* Къ этому можно прибавить 278 тыс. приказчиковъ, ведущихъ то же дѣло болѣе или менѣе самостоятельно. (Примѣч. 1908 г. Насколько недооцѣнены были эти величины, видно изъ того, что по переписи 1897 г. лицъ, ведшихъ самостоятельную торговлю въ однѣхъ 50 губ., было 985 т. муж. и 244 т. женщ.).

Наконецъ, остается совершенно неизвѣстнымъ число лицъ, которыя раздуванивають промежъ себя акціонерную прибыль въ 179 мил. руб. Есть ли это тѣ же предприниматели, которые уже выше перечислены, увеличивающіе свои доли изъ этого источника, или новый наростающій классъ лицъ „свободныхъ профессій" съ представителями нашей администраціи во главѣ, или, наконецъ, эта прибыль растекается въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества вплоть до держателей по 1-ой только акціи—объ этомъ можно строить однѣ догадки. Во всякомъ случаѣ, число лицъ, наживающихся отсюда, должно быть очень значительнымъ. Если бы ихъ было только 10,000, то они получали бы по 18,000 руб. каждый. Навѣрное ихъ больше.

Всѣ эти представители крупнаго капитала (купцы 1-ой гильдіи съ среднимъ доходомъ въ 20,000 руб.) и крупной земельной собственности (по 15,000 дес.) въ общей сложности должны дать не менѣе 10,000 лицъ. Это весьма замѣтный зачатокъ будущей русской плутократіи и готовый уже контингентъ для образованія *обѣихъ палатъ русскаго парламента.*

IV.

Резюмирую свои мысли.

Исходной точкой я взялъ брошенное мимоходомъ изреченіе Зола, котораго, кажется, еще никто не упрекалъ въ „марксизмѣ“. Такой опытный наблюдатель и знатокъ жизни имущественныхъ классовъ хорошо знаетъ, что главную пружину всякихъ реформъ нужно искать въ имущественныхъ интересахъ. У всѣхъ народовъ отъ политическаго переворота (не дворцоваго, конечно) первые выигрывали наиболѣе богатые классы. Они первые (и часто только они одни!) пожинали плоды переворота и ухитрялись тотчасъ же занять мѣста ближайшія къ кормилу правленія.“

Это всѣ признаютъ. Но что обратно, они же такъ или иначе и подготовляютъ переворотъ, столь имъ выгодный и желательный, объ этомъ почему-то спорятъ, хотя изъ перваго неизбѣжно вытекаетъ и второе. Они создаютъ общественное мнѣніе, они задаютъ тонъ жизни, они держатъ въ своихъ рукахъ издательство и печать, у нихъ на жалованьи интеллигенція или же сами они и составляютъ то, что называется „интеллигенціей“. Словомъ, они вездѣ въ жизни имѣютъ значеніе и вѣсъ, и благодаря этому, многочисленными видимыми и невидимыми путями проводятъ въ сознаніе широкихъ круговъ общества отрицательное отношеніе къ существующему политическому строю и дѣлаютъ участниками своихъ разрушительныхъ тенденцій массу самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Изъ этой разнообразной массы люди, обладающіе большей импульсивностью, большимъ самоотверженіемъ, или просто избыткомъ энергіи, не находящей приложенія, порываются скорѣе и дальше всѣхъ впередъ и становятся главарями движенія.

Нѣтъ надобности, чтобы цѣли были выдвинуты ясно и пути къ перевороту начертаны рѣшительно и опредѣленно. Напротивъ, послѣдніе нужно еще отыскать, а нѣкоторая туманность и отвлеченность съ идеалистической окраской весьма благопріятствуютъ привлеченію адептовъ. И самые горячіе изъ нихъ не есть еще самые разсудительные и дальновидные.

Къ тому же необходимость проводить идеи въ легальной и поднадзорной печати заставляетъ не высказывать всего и высказывать не такъ, какъ нужно. Самые же горячіе всегда и вездѣ высказываются больше всѣхъ. И тѣмъ больше страстности и одушевленія, чѣмъ строже надзоръ за печатью, тѣмъ меньше шансовъ уложить словесный потокъ въ то же русло, по которому пошло движеніе, повинуясь начальнымъ импульсамъ. А потому легковѣрные историки, судящіе по словамъ современниковъ, до сихъ поръ представляютъ историческія событія въ превратномъ видѣ. И

только недавно принялись за серьезный пересмотръ всего этого багажа съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ „двигательныхъ пружинъ“.

Выходя изъ этихъ общихъ идей и зная, что въ эпоху реформъ дворянство было единственнымъ сильнымъ имущественнымъ классомъ, и что имущественные интересы его были поколеблены освобожденіемъ крестьянъ, я вывожу все остальное: оно-то и было вдохновителемъ революціоннаго движенія. Движеніе это имѣло чисто политическія цѣли, но приняло на первыхъ порахъ исключительно экономическую окраску подъ впечатлѣніемъ переживаемаго экономическаго переворота и въ силу тѣхъ естественныхъ *несовпаденій идеологіи съ фактами дѣйствительности*, которыя такъ обычны въ эпохи общественнаго возбужденія.

Прошло десятилѣтіе. Дворянство скоро почувствовало, что его потери не такъ велики, какъ казалось ранѣе. Наиболѣе вліятельная часть его успѣла съ избыткомъ вознаградить себя за эти потери на счетъ „концессій“, а остальная масса—на счетъ усилившагося спроса на землю со стороны бывшихъ крѣпостныхъ. Къ тому же времени заканчивается процедура выкупа, и неопредѣленность положенія для обѣихъ сторонъ прекращается. Наконецъ, новый авансъ правительства въ видѣ дворянскаго земельнаго банка далъ возможность извернуться и приспособиться къ новому строю жизни и самымъ отставшимъ изъ дворянъ. [1])

Изсякло у него возбужденіе, вызванное реформой, остылъ пылъ негодованія и раздраженія на правительство, прекратилось одновременно съ этимъ и движеніе. Прекратилось оно не потому, что выловлены были всѣ наличные элементы, бывшіе въ организаціи. Только прокуроры думаютъ, что они этимъ уловленіемъ что-то прекращаютъ.

Если бы движеніе получало прежніе импульсы, если бы корни его не засохли, на мѣсто погибшей организаціи явилась бы вторая, а на мѣсто второй—3-ья, и т. д. И въ такихъ случаяхъ никакое разочарованіе, никакой „опытъ“ предшественниковъ не имѣетъ ни малѣйшей силы. Когда дебатировалось „хожденіе въ народъ“, и когда революціонное настроеніе крестьянъ считали доказаннымъ исторіей, въ этой исторіи искали и находили только примѣры, благопріятствующіе общему самообольщенію, а отнюдь не тѣ, которые могли бы расхолаживать его, хотя такихъ примѣровъ въ исторіи и больше.

Такъ и всегда: аргументація въ соціальныхъ дебатахъ со ссылкой на исторію идетъ на буксирѣ у настроенія, а не создаетъ самаго настроенія. Въ эпохи подъема „духа“ безсильны трезвенные голоса. Если же

[1]) Банкъ былъ открытъ въ 85 г. по ходатайству орловскаго дворянства отъ 83 года, на которомъ Александръ III написалъ: „дѣйствительно, пора, наконецъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы помочь дворянству“.

доводы благоразумія и расчета начинаютъ имѣть вѣсъ, это значитъ, что воодушевленіе потухаетъ само по себѣ и отъ другихъ причинъ, а не отъ уроковъ недавняго прошлаго.

Минуло еще 10 лѣтъ. Поѣздки за границу вообще увеличились противъ прежняго въ 10 разъ. Число учащейся за границей молодежи—во столько же. Удесятерилось навѣрное и знакомство съ политическою жизнью Запада. Соціалъ-демократія въ Германіи выросла до такихъ размѣровъ, о которыхъ, можетъ быть, не мечтали при Лассалѣ. А идеи заграничнаго соціализма, увы, не вдохновляютъ удесятеренное число русской молодежи на подвиги въ цѣляхъ совершенія „переворота“. Происходитъ шатаніе мысли и разбродъ идейной обосновки дѣятельности,—какъ разъ параллельный колебанію и неустановленности классовыхъ интересовъ. Дворяне сошли съ главной сцены, но перевоплощаются въ новыя соціальныя формы. Промышленники еще не доросли до размѣровъ первенствующаго класса, а купцы утучнѣли еще больше и, пользуясь благопріятной „конъюнктурой“, не успѣваютъ загребать барыши. Продолжается еще процессъ накопленія капитала, и какъ бы ни были велики его обороты, онъ еще остается въ фазѣ торговаго капитала, чувствуя, что здѣсь ему выгоднѣе, и только частію обращается къ производству.

Во всякомъ случаѣ, новое увлеченіе соціальными вопросами (послѣ застоя 80-хъ г.г.) какъ разъ „совпало“ съ новымъ подъемомъ учредительской дѣятельности и расцвѣтомъ экономической предпріимчивости. Въ этомъ совпаденіи, какъ я уже упоминалъ, нужно видѣть причинную зависимость. Но что послѣдуетъ тотчасъ за этимъ увлеченіемъ, т. е. въ настоящую минуту, я предсказывать не берусь: и побольше насъ были пророки, да не могли предначертать ближайшаго хода событій.

Считаю, однако, вѣроятнымъ, что дворянство, какъ земельный классъ, будетъ все больше и больше клониться въ сторону консерватизма, подчиняя себѣ народъ и сознавая, что его эксплоататорскіе интересы, основанные на безправіи народа, тѣсно связаны съ неприкосновенностью самодержавія. Наиболѣе прогрессивные элементы его, не мирясь съ такими тенденціями будутъ уходить изъ деревни и увеличивать собою предпринимательскій классъ, куда они внесутъ присущую имъ интеллигентность и не потухавшую никогда жажду власти и потребность въ расширеніи правъ. Такимъ образомъ здѣсь они могутъ послужить ферментомъ, изъ котораго разовьется сознательная потребность въ свободѣ и во всемъ классѣ капиталистовъ.

Тѣмъ временемъ Витте, поднявшій, какъ кажется, обложеніе ихъ до 9 % съ прибыли, не остановится, конечно, на этомъ и не разъ дастъ имъ доказательство того, что ихъ прибыли наилучше будутъ гарантированы тогда, когда они сами станутъ у власти.

Настало ли теперь это время? Десять лѣтъ раньше или 10 лѣтъ позже—для такого огромнаго государства, какъ Россія,—мигъ одинъ. Но рано ли, поздно ли отсюда будетъ данъ толчокъ. И, быть можетъ, первый серьезный кризисъ съ массою банкротствъ вложитъ въ уста нашихъ капиталистовъ весьма зажигательныя рѣчи и дѣйственное сочувствіе ко всѣмъ, кто будетъ громче повторять эти рѣчи и примѣнять ихъ къ дѣлу...

Для тѣхъ, кто захотѣлъ бы провѣрять фактическій матеріалъ, привожу списокъ источниковъ, съ которыми я справлялся (кромѣ собственныхъ статистическихъ выписокъ, нахватанныхъ отовсюду)

Тенгоборгскій. О производительныхъ силахъ Россіи (на франц.), I—III т.
Де-Ливронъ. Статистика Россіи.
Статистическій сборникъ за 1882 г.
» » » 1883 г.
Васильчиковъ. О землевладѣніи, I—II т.
Iear book за 97 годъ.
Гюбнеръ. Статистическія таблицы (на нѣмец.).
Календарь Суворина (10 или 11 томовъ).
Научный словарь Филиппова.
Энциклопедія—нѣсколько томовъ.
„Вѣстникъ Финансовъ“ за 98 годъ.

* * *

Послѣсловіе.

Январь 1908 г.

Какъ ни покажется теперь, post factum, наивной эта попытка предсказывать въ 1902 г. исходный толчокъ для переворота, я просилъ бы читателя не дѣлать скороспѣлыхъ выводовъ. Происшедшая революція далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. И какъ ни внушительно было выступленіе на авансцену „самодержавнаго“ пролетаріата, историкъ не долженъ забывать, что строить баррикады и устилать улицы своими трупами—было всегда исконной „привилегіей“ 4-го сословія всѣхъ народовъ. Этотъ *наружный* фактъ еще ничего не говоритъ о *внутреннихъ* пружинахъ. И когда рѣчь идетъ о революціонныхъ организаціяхъ, дальновидные люди никогда не забываютъ, что ни богатство духа, ни избытокъ героизма въ нихъ не могутъ сдѣлать ихъ дѣятельными, если изсякли питавшіе ихъ *денежные* рессурсы, и если остыло широкое сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ слоевъ.

М. Новорусскій.

Библіографія.

Т. Соколовская. *Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія.* (XVIII и первая четверть XIX стол.). Изданіе Н. Глаголева, Спб., ц. 80 коп.

Заглавіе этой книги чрезвычайно интересное и многообѣщающее для всякаго, кто интересуется исторіей общественнаго движенія въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и первой четверти XIX в.в., къ сожалѣнію, не соотвѣтствуетъ содержанію. Г-жа Соколовская, избравшая предметомъ своихъ изысканій масонство въ Россіи, работала въ цѣломъ рядѣ архивовъ, въ столицахъ и въ провинціи, въ казенныхъ и въ частныхъ, ознакомилась съ матеріалами, которые были неизвѣстны историкамъ русскаго масонства (Пыпину, Лонгинову, Ешевскому и др.); часть ея трудовъ печаталась уже въ видѣ отдѣльныхъ статей въ „Русской Старинѣ", „Русскомъ Архивѣ", въ кронштадтскомъ журналѣ „Море" и т. п. Такимъ образомъ, можно признать, что г жѣ Соколовской русское масонство должно быть извѣстно лучше, чѣмъ многимъ другимъ историкамъ общественнаго движенія. Естественно также, что, раскрывая книгу г-жи Соколовской, читатель ищетъ въ ней отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ, возникающихъ у него при мысли о масонствѣ. Читатель желаетъ, во-первыхъ, знать, что такое было масонство, въ чемъ заключалась сущность этого общественнаго движенія; во-вторыхъ, каковы были причины возникновенія и развитія этого движенія; въ-третьихъ, въ чемъ заключались характерныя черты русскаго масонства, что внесло русское общество специфически своего, новаго въ установившуюся схему общеевропейскаго масонства; въ-четвертыхъ, каковы характерныя черты русскаго масонства во второй половинѣ XVIII-го вѣка, и чѣмъ отличается отъ него масонство первой четверти XIX-го вѣка; въ-пятыхъ, какую роль сыграло масонство въ исторіи русскаго общественнаго движенія и каковы были причины его гибели. Такимъ образомъ, читатель ставитъ вопросы: „что такое было масонство въ Россіи и каковы были причины его возникновенія, развитія и исчезновенія?" Заглавіе книги, увы, только обѣщаетъ дать отвѣты на эти вопросы, но ихъ не даетъ.

Правда, г-жа Соколовская оговаривается, что она „намѣренно" исключила изъ своей работы и не разсмотрѣла: „исторію масонскихъ системъ и отдѣльныхъ ложъ; подробности ритуала, мистической и филан-

тронической дѣятельности, масонскихъ законоположеній, внутренней жизни ложъ и т. п." Мы не упрекнемъ ее въ этихъ исключеніяхъ; перечисленныя области ученія и жизни масонства требуютъ спеціальнаго изслѣдованія и не имѣютъ ближайшаго отношенія къ темѣ разсматриваемой нами книги. Но мы должны сказать, что г-жа Соколовская почти ничѣмъ не отвѣтила на поставленные выше вопросы. Въ самомъ дѣлѣ: излагая основы ученія *русскихъ* масоновъ, г-жа Соколовская цитируетъ также произведенія нѣмецкихъ масоновъ, особенно нѣмецкія пѣснопѣнія. Для насъ вовсе не убѣдительно заявленіе автора, что многія ложи „работали" въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ, авторъ смѣшиваетъ воедино масоновъ XVIII и XIX вв., тогда какъ между ними, какъ это понимаетъ и самъ авторъ, разница весьма и весьма значительная. Такимъ образомъ, читателю остается неизвѣстно, въ чемъ же эта, признаваемая авторомъ въ принципѣ, но не проводимая на практикѣ, разница. Мало того, въ XVIII и въ XIX в.в. въ средѣ масонства есть нѣсколько теченій, довольно таки разнообразныхъ. Авторъ и не пытается установить основныя черты этихъ теченій. Не указываетъ авторъ и на то, что именно восприняло русское общество съ Запада, и что привнесло своего въ масонское ученіе. Въ предисловіи авторъ оговаривается, что будетъ пытаться соблюсти „возможно полную объективность". Оказывается на дѣлѣ, что это обозначаетъ полное отсутствіе критическаго отношенія къ масонству, полное отсутствіе философскаго объясненія русскаго масонства. „Объективность" ведетъ къ тому, что авторъ, знакомясь со словами („хорошими словами") масоновъ, приходитъ въ чрезвычайный восторгъ отъ этого „ученія всемірнаго братства, равенства, солидарности", идеализируетъ масоновъ, отводитъ имъ видное мѣсто въ подготовкѣ освободительнаго движенія XIX-го вѣка [1]). Автору кажется, что масоны явились проповѣдниками въ Россіи идеи равенства, но самъ же онъ приводитъ противоположные примѣры. Такъ, не было случая, чтобы въ масоны былъ принятъ *не*-христіанинъ, а по увѣренію г-жи Соколовской для масоновъ „нѣтъ разницы между іудеемъ и грекомъ" и т. д. (с. 66). Масоны говорили о вредѣ и преступности войны, о необходимости смягченія „излишнихъ" жестокостей; г-жа Соколовская, забывая, что все это было только на словахъ, въ теоріи, закрываетъ глаза на кровожадные призывы Поздѣева и не менѣе кровавую практику масона Репнина при усмиреніи крестьянскихъ волненій (при Павлѣ I). Нужно признать, что въ крестьянскомъ вопросѣ масоны указывали иногда на тяжелое положеніе крестьянства, но никогда не ставили вопроса о необходимости отмѣнить крѣпостное право. Наоборотъ, изъ среды масоновъ вышли ярые панегиристы крѣпостничества. Максимумъ того, на что рѣшались масоны—это призывы, обращенные къ помѣщику, бросить городъ, жить въ деревнѣ, облегчить тяжкое положеніе своего живого инвентаря, стать „милостивымъ, благодѣтельнымъ христіаниномъ-господиномъ" (!!). Но этого мало! По увѣренію г-жи Соколовской, не кто иной, а именно масоны „клали первый камень въ литературу о рабочемъ вопросѣ" (!), ибо авторъ статьи въ „Другѣ Юношества"

---

[1]) Для Италіи это, пожалуй, и правильно, но не для Россіи.

(1809 г., февр.) слезливо воззвалъ къ капиталистамъ: „фабрикантъ и заводчикъ! не жадничай къ излишнему прибытку и собранію золота и серебра и не имѣй пустого тщеславія величаться отъ крови другихъ нажитымъ имѣніемъ, а вмѣсто того будь умѣренъ въ своихъ издержкахъ, освидѣтельствуй тяжкія работы для тебя на фабрикахъ и заводахъ трудящихся и вмѣсто кровопійца сдѣлайся для нихъ благодѣтелемъ не обременяй ихъ выше мѣры (!) работою, приказывай повѣреннымъ своимъ и приказчикамъ не быть звѣрями, а знать человѣчество (!), удвой, утрой и, смотря по нуждамъ, обстоятельствамъ и дороговизнѣ времени еще болѣе, умножь окладъ и жалованье ихъ. Помогай имъ всячески и не слѣдуй тиранамъ хозяевамъ, которые покупаютъ для работниковъ своихъ хлѣбъ и продаютъ имъ изъ барышей, платя притомъ за работу деньги очень малыя"... Восхищеннымъ взорамъ г-жи Соколовской рисуется въ этомъ пустомъ морализированіи цѣлая программа разрѣшенія рабочаго вопроса. Не было въ русскомъ масонствѣ и равенства между самими масонами за порогомъ ложи. Въ политическомъ отношеніи русское масонство было вполнѣ на сторонѣ установившагося порядка; максимумъ либерализма масонскаго—это секретно освѣдомлять власть о существующихъ злоупотребленіяхъ. Вопреки мнѣнію г-жи Соколовской, масонство не только не подготовило почву для развитія республиканскихъ и конституціонныхъ идей, не только не было предтечей декабристовъ, но, наоборотъ, оно было движеніемъ реакціоннымъ. Декабристы только тогда стали активными политическими борцами, когда распростились съ масонствомъ. Вообще, въ книгѣ г-жи Соколовской читатель найдетъ *много* матеріала, но разбираться въ немъ, часто опровергая выводы автора, читателю придется собственными силами. „Объективность" же автора (на самомъ дѣлѣ необузданная идеализація авторомъ масонства) только внесетъ путаницу въ головы мало подготовленныхъ читателей.

С. Сватиковъ.

Итоги Лондонскаго Съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Сборникъ статей **Д. Л—о, Н. Ленина, Вячеслава, М. Новоселова, Лядова, Г. Зиновьева.** *СПБ. 1907 г. Ц. 40 к. 134 стр.*

Ф. Данъ. *Соціалдемократія въ резолюціяхъ Лондонскаго съѣзда. (Мысли и замѣтки) Изд. „Гудокъ". СПБ. 1907 г. Ц. 50 к. стр.* 106.

Г. В. Плехановъ. *Мы и они. Изд. „Гудокъ". СПБ. 1907 г. Ц. 40 к. стр. 64.*

Череванинъ. *Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. Съ приложеніемъ принятыхъ резолюцій и ихъ проектовъ. Изд. „Борьба". СПБ. 1907 г. Ц. 60 к. стр. 102.*

Лондонскій съѣздъ, являющійся своего рода Одиссеей нашей отечественной с-демократіи и въ подлинномъ и въ переносномъ смыслѣ этого слова, оставилъ послѣ себя цѣлую литературу газетныхъ и журнальныхъ статей и брошюръ. Ему удѣляли вниманіе и друзья и враги, но больше всего, конечно, сами с-демократы. Выше приведенныя четыре брошюры какъ разъ принадлежатъ перу самихъ участниковъ съѣзда.

Первая изъ нихъ, являясь коллективнымъ трудомъ литераторовъ

большевизма, отражаетъ взгляды побѣдившаго на съѣздѣ теченія; три же остальныя принадлежатъ меньшевикамъ.

Прагматической исторіи самого съѣзда читатель, однако, не найдетъ ни въ одной изъ этихъ работъ, такъ какъ главное вниманіе ихъ авторовъ обращено на обоснованіе своихъ собственныхъ позицій и критику положеній противоположнаго теченія. Нѣкоторое вниманіе самому съѣзду, его организаціи, составу и т. п. удѣляетъ Череванинъ, но это лишь бѣглыя замѣтки, по которымъ трудно возстановить дѣйствительную картину. Вопросу о составѣ съѣзда посвящена также отдѣльная статья М. Лядова и въ большевистскомъ сборникѣ „Итоги"... Цифры, приводимыя въ ней, представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ показатель тѣхъ условій, въ которыхъ приходится дѣйствовать въ Россіи с-демократіи, но тенденція автора, использовать даже эти цифры для торжества фракціонной догмы, не выдерживаетъ серьезной критики. Все же остальное содержаніе брошюръ посвящено пресловутымъ разногласіямъ, изъ трясины которыхъ партія не можетъ вылѣзти со времени второго съѣзда.

За истекшій періодъ эти разногласія успѣли довольно рельефно опредѣлиться не только въ главномъ, но и въ деталяхъ, и Лондонскій съѣздъ, бывшій, въ сущности, первымъ всероссійскимъ съѣздомъ партіи, можетъ служить, дѣйствительно, удобнымъ моментомъ, чтобы подвести итогъ пережитому и этимъ создать основу для ликвидаціи фракціонныхъ распрей.

Что же въ этомъ отношеніи даютъ перечисленныя брошюры? Изъ нихъ на первое мѣсто приходится поставить работу Г. В. Плеханова. Въ ней приведены его рѣчи на съѣздѣ, и имъ предпослано вступленіе, въ которомъ авторъ ярко и выпукло вскрываетъ основныя ошибки большевизма. Частныхъ разногласій онъ почти не касается, оперируя главнымъ образомъ съ методомъ мышленія и построенія большевиками своей тактики. Установивъ затѣмъ общность ихъ воззрѣній со взглядами Бланки и Бакунина, авторъ видитъ ихъ коренную ошибку въ томъ, что „они считаютъ *уже достигнутой* народомъ ту ступень революціоннаго сознанія, на которую его еще *надо поднять* съ помощью его собственнаго политическаго опыта". И этотъ выводъ—не голая фраза; онъ продиктованъ не политическимъ задоромъ, но добытъ авторомъ въ результатѣ тщательнаго анализа позицій противника по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, обсуждавшимся на Лондонскомъ съѣздѣ. Въ каждой резолюціи большевиковъ Г. В. Плехановъ умѣло вскрываетъ все ту же утопическую предпосылку, которая роднитъ ихъ съ послѣдователями Бакунина; ею же онъ объясняетъ и ихъ вѣру въ магическую силу громкихъ словъ.

Такого серьезнаго анализа „итоговъ" Лондонскаго съѣзда читатель не найдетъ ни въ одной изъ остальныхъ работъ. Въ нихъ преимущественное вниманіе обращается на обоснованіе собственной тактики обоихъ теченій; взаимная же полемика, не проникая вглубь, скользитъ больше по поверхности разногласій, касается частностей, размѣнивается часто на мелочи, а въ итогѣ даетъ очень мало не только для взаимнаго уразумѣнія, но и просто для уясненія вопроса.

Для читателя, не посвященнаго во всѣ тонкости великаго спора между большевиками и меньшевиками, разобраться во всѣхъ деталяхъ и взаимно исключающихъ другъ друга положеніяхъ весьма затруднительно. Даже по болѣе существеннымъ вопросамъ онъ принужденъ будетъ не разъ становиться въ тупикъ. Размѣры нашей рецензіи не позволяютъ намъ иллюстрировать это положеніе примѣрами, которыхъ мы могли бы привести немало.

Переходя теперь къ отдѣльнымъ вопросамъ, мы отмѣтимъ лишь самое существенное. Самый жаркій бой на съѣздѣ шелъ по вопросамъ объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, къ Государственной Думѣ; имъ же отведено преимущественное вниманіе и въ разбираемыхъ нами брошюрахъ. Въ работѣ Ф. Дана читатель найдетъ достаточно полное обоснованіе тактической линіи меньшинства; критика противоположной тактики у этого автора также болѣе серьезна, чѣмъ у Череванина. Данъ чувствуетъ себя въ борьбѣ съ большевизмомъ вполнѣ въ родной стихіи; онъ не даетъ противнику укрыться подъ защиту „фразы", преслѣдуетъ его по пятамъ, уличаетъ въ противорѣчіяхъ... Мѣстами онъ даже подходитъ къ тому же самому выводу, который, какъ мы уже указывали, Плехановъ считаетъ центромъ тяжести, напр., когда говоритъ о „потустороннемъ характерѣ" большевистской тактики, которая отвлекается отъ міра реальности, (стр. 57) или когда разбираетъ большевистскій проектъ резолюціи о рабочемъ съѣздѣ (стр. 90); но онъ не концентрируетъ на этихъ выводахъ своего вниманія, а просто роняетъ ихъ мимоходомъ, какъ бы не замѣчая ихъ внутренней важности. Но что безусловно цѣнно въ работѣ Дана, такъ это, съ одной стороны, его критика оправданія бойкота, а съ другой стороны—умѣлое констатированіе внутренняго разложенія большевистской теоріи. Статьи Ленина и Вячеслава, посвященныя этимъ же вопросамъ въ „Итогахъ...", хотя и блещутъ не меньшимъ полемическимъ задоромъ, но по существу не даютъ ничего новаго. Аргументація Ленина противъ меньшевистской тактики построена по обычному у этого автора типу—путемъ историческихъ датъ доказать оппортунизмъ противника и собственную вѣрность революціоннымъ завѣтамъ. Она лишь характерна, какъ типичный образчикъ революціонной метафизики съ ея окаменѣлыми понятіями.

Вопросъ о рабочемъ съѣздѣ разбирается только у Череванина и Дана. Хотя оба автора и принадлежатъ къ одному направленію, но подходятъ къ этому вопросу нѣсколько разно. Череванинъ болѣе остороженъ и болѣе бережно относится къ цѣнности нынѣшней партійной организаціи, тогда какъ Ф. Данъ не видитъ вреда и въ болѣе коренной ломкѣ организаціонныхъ формъ партіи, если этого требуетъ потребность массового движенія. У него же недурна характеристика позиціи большевиковъ по этому вопросу, заключающейся въ стремленіи отстоять узко-цеховые интересы профессіональнаго революціонизма. Небольшую рѣчь по этому же вопросу читатель найдетъ и у Г. В. Плеханова.

Наконецъ, обсужденіе отчетовъ Ц. К. и с-дем. думской фракціи затронуто у Череванина, въ статьяхъ Д. Л—о и Вячеслава, и ему же посвящена блестящая рѣчь Плеханова (стр. 29—50).

Таково содержаніе всѣхъ четырехъ брошюръ; дополняя одна дру-

гую, онѣ дадутъ читателю достаточный матеріалъ для сужденій о томъ,—что далъ партіи Лондонскій съѣздъ: былъ ли онъ шагомъ впередъ, какъ говоритъ побѣдившее на съѣздѣ теченіе, или это только „шагъ на мѣстѣ“, какъ его характеризуетъ Ф. Данъ?...

А. Ельницкій.

Szymon Askenazy, Rosya-Polska 1815—1830. Lwów 1907.

Wl. M. Kozlowski, Autonomia Królestwa Polskiego (1815—1832), Warszawa 1907 г.

Названныя книги изслѣдуютъ главные моменты политической и соціальной жизни Герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго до 1831 года. Большинство данныхъ, приведенныхъ авторами, намъ хорошо извѣстны изъ трудовъ Skarbek'a, Księstwo Warszawskie i Królestwo Polskie od początku swego do rewolucyi listopadowej (3 г.), и A. Rembowsk'аго, Z życia Konstytucyjnego w Księstwe Warszawskiem, Warszawa 1905, но тѣмъ не менѣе научное значеніе трудовъ г.г. Аскенази и Козловскаго несомнѣнно, ибо названные авторы оригинально освѣщаютъ нѣкоторые факты на основаніи новыхъ, добытыхъ ими архивныхъ документовъ. Это особенно относится къ книгѣ профессора Аскенази, появившейся сначала на англійскомъ языкѣ въ коллективномъ изданіи Cambridge Modern History. Имѣя въ виду англійскую публику и считаясь съ характеромъ изданія, авторъ придалъ своему труду форму справочной книги, знакомящей просто, но исторически вполнѣ вѣрно и точно съ главными фактами политической жизни Россіи и Польши отъ 1815—1830 г. О Россіи въ книгѣ говорится всего на 60 страницахъ, и поэтому тамъ помѣщены лишь самыя необходимыя свѣдѣнія. Остальная часть книги (110 страницъ) посвящена обзору политическихъ, общественныхъ и административныхъ учрежденій Царства Польскаго и сосѣднихъ съ ними областей Россіи, Австріи и Пруссіи, принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой. Несмотря на сжатость изложенія, авторъ даетъ очень яркую картину политической дѣятельности сеймовъ, печальной памяти дѣятельности Новосильцева, возникновенія тайныхъ обществъ и отношенія Александра и Николая I къ конституціонному Царству Польскому. Всю эпоху авторъ раздѣляетъ на три періода: конституціонный (1815—1820), реакціонный (1820—1825) и періодъ „кризиса“ или, какъ намъ кажется, его лучше было бы назвать,—періодъ подготовленія къ возстанію (1825—1830). Можно не согласиться съ раздѣленіемъ указаннаго промежутка времени на пятилѣтніе періоды, такъ какъ историческое развитіе наврядъ ли удобно дѣлить на рѣзко отличающіяся между собой эпохи, но въ общемъ теченія, господствовавшія во всѣхъ этихъ періодахъ, отмѣчены авторомъ съ достаточною полнотой и ясностью. Живо выступаетъ личность вел. кн. Константина Павловича, мало популярнаго и враждебно относящагося къ конституціонному режиму въ началѣ своей дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ, но затѣмъ настолько съ нимъ свыкшагося, что онъ сильно противился передачѣ разслѣдованія дѣятельности обнаружившихся въ 1826 польскихъ тайныхъ обществъ слѣдственной комиссіи, учрежденной по дѣлу декабристовъ. Въ то время, какъ

судъ надъ декабристами былъ горькой насмѣшкой надъ самыми примитивными требованіями справедливости, сеймовый судъ Царства Польскаго, назначенный для разбора дѣла о польскихъ тайныхъ обществахъ, поступилъ закономѣрно и справедливо по отношенію къ подсудимымъ, дозволяя имъ защищаться (стр. 111 и сл.). Въ обзорѣ губерній, принадлежавшихъ прежде Польшѣ, авторъ отмѣчаетъ, что до 1820 г. когда Александръ I думалъ о присоединеніи литовскихъ губерній къ Царству Польскому, администрація состояла преимущественно изъ поляковъ, тогда какъ послѣ 1820 года, когда Александръ оставилъ эту идею и думалъ о раздѣленіи Россіи на большія области, согласно положеніямъ Новосильцевскаго проекта конституціи [1]), началась постепенная руссификація литовскихъ губерній. Говоря о положеніи поляковъ въ Галиціи, Аскенази подчеркиваетъ зарожденіе еще въ 20 годахъ польско-русинскаго вопроса, принявшаго въ наше время такую обостренную форму. Самое цѣнное въ книгѣ проф. Аскенази—это приложенія, въ которыхъ приводятся новые документы преимущественно изъ архива Государственнаго Совѣта. Важнымъ документомъ является Essai d'introduction pour la Charte (1820), это проектъ манифеста по поводу Новосильцевской конституціи, опубликованной проф. Шиманомъ (La Charte constitutionnelle de·l'Empire de Rasie, Berlin 1903). Документъ начинается чрезвычайно характерными словами: „La Charte constitutionnelle qi'l nous plait de donner à Nos bien aimés et fidèles sujets, *n'apporte point d'innovation, ni de changement dans l'Etat*". Затѣмъ идетъ краткое изложеніе главныхъ положеній конституціонной хартіи Новосильцева. Для освѣщенія польскаго вопроса, горячо обсуждавшагося на Вѣнскомъ конгрессѣ, проф. Аскенази приводитъ Supplément à la Réponse au Memorandum anglais (du 30 octobre 1814), написанный княземъ Чарторыйскимъ (это дополненіе къ возраженію на извѣстную записку лорда Кестльри (Castlereag) по польскому вопросу), и записку барона Штейна, въ которой этотъ выдающійся государственный дѣятель выступаетъ противъ учрежденія автономнаго Царства Польскаго и введенія въ немъ конституціи. Первое, по мнѣнію барона Штейна, создало бы границу, всегда угрожающую Австріи и Пруссіи, а второе было бы немыслимо совмѣстить съ существующимъ монархическимъ строемъ въ Россіи. Штейнъ полагалъ, что было бы полезно ввести въ губерніяхъ, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, лишь d'Etats provinciaux, дабы дать возможность полякамъ участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи. Эти взгляды Штейна охарактеризовалъ весьма вѣрно близкій его сподвижникъ въ 1813—1815 г.г., Н. И. Тургеневъ, въ La Russie et les Russes (I, 59—60) [2]).

Книга проф. Аскенази описываетъ историческое развитіе Царства Польскаго отъ 1815—1830 г. въ хронологическомъ порядкѣ. Въ изслѣдованіи Козловскаго, „Автономія Царства Польскаго", мы находимъ систематическій разборъ конституціи 3 мая 1791 г., конституціи Гер-

[1]) См. въ приложеніяхъ къ кн. Аскинази интересную по этому поводу записку Новосильцева.

[2]) См. мою книгу, Die Universität Zöttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland in ersten Viertel des 1907. Berlin, 1907, стр. 68.

цогства Варшавскаго и конституціи Царства Польскаго, ихъ оцѣнку современниками и исторіею, и проведеніе этихъ конституціонныхъ началъ въ жизнь. Краткое, но исчерпывающее содержаніе своей книги Козловскій опубликовалъ въ „Русской Мысли" за 1906 г. (кн. 4 и 5). Въ книгѣ, вышедшей годомъ позже, авторъ существенно пополнилъ и развилъ статьи, появившіяся въ журналѣ. Новыми въ ней являются глава I „О конституціи 1791 г. и революціи 1794 г." и глава VI, „Оцѣнка конституціи 1815 г. современниками и послѣдующими поколѣніями; вліяніе ея за предѣлами Царства". Конституція 1815 г. повліяла на проектъ Новосильцева 1819 г., а многія статьи греческой конституціи 1827 г. дословно изъ нея взяты. На основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ американскихъ архивахъ, Козловскій утверждаетъ, что Александръ I въ юности восхищался учрежденіями американской республики, и обѣщаетъ скоро опубликовать соотвѣтствующую переписку Александра съ Джефферзономъ. Предполагаемое въ проектѣ Новосильцева раздѣленіе Россіи на большія области, пользующіяся извѣстной самостоятельностью, является такимъ образомъ желаніемъ учредить въ Россіи штаты на подобіе американскихъ. Въ приложеніяхъ къ своей книгѣ Козловскій разбираетъ литературу, касающуюся легенды о Наполеонѣ, какъ о реставраторѣ исторической Польши (I), сравниваетъ конституціи герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго съ прежнимъ политическимъ строемъ Польши и съ современными имъ французскими конституціями (II и III), и, наконецъ, разсматриваетъ интересный вопросъ: „Что сдѣлало Герцогство и Царство для крестьянъ?" (IV). Четвертая статья конституціи Герцогства Варшавскаго гласила, что всѣ граждане страны равны передъ закономъ. Дальнѣйшія попытки и обѣщанія правительства обезпечить матеріальное состояніе крестьянъ оставались безуспѣшными. Не помогла и записка популярнаго борца за независимую Польшу, генерала Костюшки, представленная имъ кн. Чарторыйскому; въ запискѣ этой подчеркивается, что одной личной свободы крестьянъ недостаточно, и необходимо озаботиться объ ихъ матеріальномъ положеніи и о надѣленіи ихъ землей. Но ни Герцогство Варшавское, ни Царство Польское не предприняли существенныхъ аграрныхъ реформъ. Они и еврейское населеніе лишили гражданскихъ и политическихъ правъ, что подчеркивается авторами разбираемыхъ книгъ.

М. Вишницеръ.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. „Собраніе сочиненій". Единственное разрѣшенное вдовою автора изданіе. *Часть IV*: *„Андрей Кожуховъ"*. Переводъ съ англійскаго *Ф. М. Степнякъ* подъ редакціей и съ предисловіемъ *П. А. Кропоткина*. Со статьей *Георга Брандеса* и фототипическимъ портретомъ Степняка. XVI+6 ненумер.+306 стр. Цѣна 1 р.— *Часть V*: *„Эскизы и силуэты"*. Съ 3-мя фототипіями. 204+8 ненумер. стр. Цѣна 1 р. Спб. 1908. (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей *С. А. Венгерова*. №№ 66—70 и 76—80).

Мнѣ приходилось уже въ свое время въ другомъ мѣстѣ (см. „Былое" 1907 г., №№ 2 и 9) говорить о первыхъ трехъ томахъ сочиненій

С. М. Кравчинскаго-Степняка. Теперь вышли въ свѣтъ 4-й и 5-й томы. Весь 4-й томъ занимаетъ романъ въ 3-хъ частяхъ „Андрей Кожуховъ", переведенный со 2-го англ. изданія г-жей Степнякъ подъ редакціей П. А. Кропоткина. Этотъ романъ, несомнѣнно, лучшее изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Степняка. Вполнѣ справедливо говоритъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ „Сергѣй Степнякъ", предпосланной этому роману, что „эта книга—не только совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ. Она содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой тонкій и проницательный анализъ, какого не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентную русскую молодежь въ тотъ періодъ, при Александрѣ II, когда нигилизмъ (т. е. революціонное движеніе—*Д. С.*) достигъ полнаго своего расцвѣта и когда смѣлыя выступленія молодежи, къ несчастію, не принесшія непосредственной пользы, совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью" (стр. VIII). Точно также правъ Брандесъ, указывая, что въ этомъ романѣ есть много автобіографическихъ, характерныхъ для Степняка чертъ. На то же самое указываетъ и П. А. Кропоткинъ въ спеціально-написанномъ для настоящаго изданія предисловіи (датированномъ августомъ 1907 г.). Отмѣчая рядъ сценъ и положеній въ началѣ романа, носящихъ явно автобіографическій отпечатокъ, Кропоткинъ говоритъ далѣе (стр. XII—XIII): „Автобіографическій элементъ составляетъ сущность романа и въ дальнѣйшемъ его развитіи, хотя сами событія, заставляющія Андрея переживать тѣ или другія чувства (особенно въ третьей части) взяты не изъ личной жизни автора. Здѣсь поэтическому творчеству отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ въ началѣ романа, и оттого его третья часть составляетъ, въ литературномъ отношеніи, лучшую его часть. Эпизодическій характеръ первыхъ двухъ частей исчезаетъ; тутъ уже чувствуется творчество поэта, и оттого вся третья часть—помимо своего трагическаго содержанія—читается съ захватывающимъ интересомъ".

Въ 5-й томъ сочиненій Степняка вошло 6 небольшихъ разсказовъ, очерковъ и характеристикъ: „Ольга Любатовичъ", „№ 39", „Жизнь въ городишкѣ", „Степанъ Халтуринъ", „Волшебнику" и „Гарибальди". Кромѣ послѣдняго очерка, пять остальныхъ очерковъ и разсказовъ являются совершенной новинкой для русской публики и на русскомъ языкѣ появляются еще впервые, такъ какъ часть изъ этихъ очерковъ недавно только найдена въ оставшихся послѣ Степняка бумагахъ, а часть была написана и напечатана по-англійски. Въ настоящемъ изданіи они являются въ переводѣ Ф. М. Степнякъ (вдовы автора) и М. О. Розова.

Изъ этихъ очерковъ очень удачными вышли характеристики Ольги Любатовичъ и Степана Халтурина. Небольшой очеркъ „№ 39" интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ очень живо обрисованы нравственныя муки и страданія молодой дѣвушки, за ничто томящейся въ одиночной кельѣ дома предварит. заключенія; но этотъ очеркъ—только набросокъ, небольшой эскизъ, лишь кратко намѣчающій характеръ молодой узницы. Разсказъ „Жизнь въ городишкѣ"—очень интересное въ бытовомъ отношеніи описаніе горькаго и злосчастнаго житья-бытья политическихъ

административныхъ ссыльныхъ, заброшенныхъ въ одинъ изъ городковъ Архангельской губ., на прибрежье полярнаго моря. Этотъ разсказъ исполненъ глубокой жизненной правды. Это скажетъ всякій, кому случалось побывать въ административной ссылкѣ на сѣверѣ Россіи, въ особенности въ эпоху семидесятыхъ годовъ....

Д. П. Сильчевскій.